

М. В. Шкаровский,
священник Илья Соловьев

ЦЕРКОВЬ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИЗМА

**М. В. Шкаровский,
священник Илья Соловьев**

ЦЕРКОВЬ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИЗМА

*(Митрополит Сергей (Воскресенский)
и Экзархат Московской Патриархии
в Прибалтике. 1941–1944 гг.)*

ИЗДАНИЕ
Общества любителей церковной истории

Москва
2013

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Книга 50

(серия основана в 1991 г.)

Главный редактор серии:
кандидат исторических наук, кандидат богословия
священник **Илья СОЛОВЬЕВ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ТОМА:

профессор Эрих БРИНЕР
(Институт «Вера во втором мире», Швейцария)

протоиерей Сергей ИЛЬИН
(Берлинская епархия Русской Православной Церкви
Московского Патриархата)

кандидат исторических наук Модест Алексеевич КОЛЕРОВ

Наталья Александровна КРИВОШЕЕВА
(Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва)

профессор протоиерей Георгий МИТРОФАНОВ
(Санкт-Петербургская Духовная академия и семинария)

кандидат исторических наук Александр Игоревич МРАМОРНОВ
(Общецерковная аспирантура и докторантура
имени свв. Кирилла и Мефодия)

доктор исторических наук Александр Юрьевич ПОЛУНОВ
(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

профессор Дмитрий Владимирович ПОСПЕЛОВСКИЙ
(Университет Западного Онтарио, Канада)

доктор исторических наук, профессор Сергей Львович ФИРСОВ
(Санкт-Петербургский государственный университет им. Д. И. Менделеева)

кандидат искусствоведения, доцент, протоиерей Валентин ЧАПЛИН
(Общество любителей церковной истории, Москва)

профессор Дмитрий Михайлович ШАХОВСКОЙ
(Свято-Сергиевский Православный Богословский институт, Париж)

профессор Гюнтер ШУЛЬЦ
(Евангелический богословский факультет Мюнстерского университета,
Германия)

«Работая в Патриархии, мы сравнивали свое положение с положением кур в садке, из которого повар выхватывает свою очередную жертву — одну сегодня, другую завтра, но не всех сразу. Мы прекрасно сознавали, что большевики терпят существование Патриархии только ради собственных выгод, преимущественно пропагандных, и что нам приходится быть почти бессильными зрителями постепенного удушения Церкви большевиками. Но ради Церкви мы все же мирились со своим унижительным положением, веря в ее конечную непобедимость и стараясь посылно сохранить ее до лучших времен, до крушения большевизма. (...) Упускать этой возможности мы не хотели, потому что видели в ней определенную практическую ценность, отказываться от которой Церкви, по нашему суждению, не следовало.

Я и теперь думаю, что мы в этом отношении не ошибались. Но все наши усилия, страдания и унижения окажутся, конечно, напрасными, если безбожный большевизм не падет. С его падением связаны все надежды православных русских людей. Верю, что Господь этих надежд наших не посрамит».

Митрополит Сергей (Воскресенский)

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В годы Второй мировой войны на занятых немцами прибалтийских территориях Советского Союза произошли такие церковно-общественные события, значение которых для последующей церковной жизни России трудно переоценить. Речь идет о создании Миссии Экзархата Московской Патриархии для возрождения церковной жизни на освобожденных от коммунистической власти землях. Эта Миссия, получившая в истории название «Псковской», в кратчайшие сроки, данные ей Провидением, сумела достичь столь значительных успехов, что с ними никак не могло сравниться начатое Сталиным в Москве «директивное возрождение Православной Церкви в СССР», Да и самая перемена

политики Сталина в отношении Православной Церкви в 1943 году во многом явилась результатом деятельности церковных организаций на в оккупированных нацистами областях.

Во главе всего Экзархата Московской Патриархии в Прибалтике оказался митрополит Сергей (Воскресенский), сумевший наладить здесь церковную жизнь на строгих канонических основаниях. Митрополит Сергей, ранее неоднократно шедший на компромисс с безбожными властями в Советском Союзе, оказавшись на какое-то время в относительной недосыгаемости для большевиков, не просто возрождал церковную жизнь, но и во всеуслышание заявил о том величайшем зле, которое представляет большевизм для всего цивилизованного мира. Он засвидетельствовал также, что Русская Православная Церковь в подъяремной России остается внутренне свободной от большевистского режима, что все надежды ее иерархов и клира связаны с падением коммунистической диктатуры.

Митрополит Сергей был с той частью русского народа, которая приняла попытку освободиться от большевистского ига и одновременно с этим отстаивать независимость Родины от внешнего врага. Митрополит понимал, что целью нацистов было не создание сильной и независимой России, но превращение русского народа в рабов. Он понимал также, что сошедшиеся в смертельной схватке гитлеровский нацизм и интернациональный коммунизм по самой своей сути противны Христианству, а потому обе эти силы будут стремиться в конечном счете удушить Церковь. Он не мог не осознавать, что для Гитлера не нужна была никакая Россия, а для Сталина была нужна лишь Россия коммунистическая, и потому оба тирана будут стремиться разорить русское освободительное движение. Осознавая все это, митрополит Сергей предпринял все зависящие от него меры для оглашения правды о преследованиях Церкви в СССР и призвал к решительной борьбе, направленной на сокрушение большевизма. В этом состоит его величайшая заслуга как русского патриота, и как православного христианина.

Благодаря этой книге читатель сможет, может быть в первый раз, услышать голос митрополита Сергея (Воскресенского) и узнать о его жизни и трагической судьбе. Пожелаем же успехов авторам книги и ее читателям. Будем надеяться, что все еще имеющееся в нашем обществе предубеждение в отношении церковных людей, потрудившихся ради возрождения церковной жизни на оккупированных территориях, будет постепенно рассеиваться, «яко исчезает дым от лица огня».

Введение

Вторую мировую войну нередко называют «неизвестной войной». Действительно, несмотря на то, что за более чем 60 лет, минувших со дня победы нашего народа в этой войне, о ней написано немало, многие исторические сюжеты военной истории освещены предвзято и пристрастно, в угоду известному идеологическому направлению. Еще больше остается умолчаний и «белых пятен» и это опять-таки несмотря на то, что в наши дни ежегодно выходит большое количество научной литературы, посвященной этой войне.

Среди тем, мало изученных историками или являющихся предметом острых дискуссий, остается неоднозначная деятельность митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского), экзарха Латвии и Эстонии в период немецкой оккупации прибалтийских территорий. Важнейшим направлением этой деятельности стало создание Псковской православной духовной миссии, представлявшей собой исключительное явление периода оккупации. Это была единственная духовная миссия на всей временно захваченной немцами территории СССР, более того, это была единственная подобная организация Московской Патриархии в СССР за весь советский период ее существования, и плоды деятельности миссии в виде сотен открытых храмов, возрожденных приходов, рукоположенных священников были наглядно видны еще несколько десятилетий после окончания войны. Уникальность Псковской миссии состояла, в частности, в том, что ее руководство открыто выступало против преступного большевистского режима, установившегося в России. При этом Псковская миссия с канонической точки зрения являлась частью Московской Патриархии.

Поэтому название нашего труда представляется нам вполне оправданным. Надо также отметить, что история миссии оказалась сложной, противоречивой и по-своему трагичной.

До сих пор не опубликован основательный научно-исторический труд, специально посвященный судьбе митрополита Сергия (Воскресенского), хотя к этой теме в том или ином аспекте исследователи обращались неоднократно. В советское время специально деятельности Псковской миссии, Прибалтийского экзархата Московской Патриархии и лично экзарха в 1941–1944 гг. были посвящены две небольшие книжки З. Балевица и брошюра Я. Веверса. Обе они далеки от объективности, но если Я. Веверс видит в Псковской миссии лишь агентуру фашистской разведки, то З. Балевиц все же более правдив, хотя также ставит своей главной задачей «разоблачение» православного духовенства, сотрудничавшего с фашистским режимом. При этом он указывает на противоречивость политики митрополита Сергия (Воскресенского) и на его отнюдь не прогерманские симпатии¹. Обе эти работы не случайно вышли в Прибалтике. В РСФСР написание подобных трудов в то время не приветствовалось властью. В архивах сохранились документы, свидетельствующие о том, что когда в конце 1960-х годов один из российских писателей предложил написать книгу о Псковской миссии и деятельности экзарха, из Комитета государственной безопасности и от партийных органов на это предложение последовала негативная реакция.

О Псковской миссии и о ее деятелях в советское время неизменно писалось и говорилось в русле антицерковной направленности, причем целый ряд авторов допускал в своих сочинениях грубые ошибки. Даже отдельные акции миссионеров, направленные на помощь раненым, военнопленным и беженцам, организация церковных приютов и т. д. оценивались советскими авторами критически и вменялись духовенству в «вину» как «антисоветская деятельность»².

¹ Балевиц З. В. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944). Рига, 1967; Веверс Я. Я. Православная духовная миссия — агентура фашистской разведки. Рига, 1973.

² Назовем здесь следующие работы: Геродник Г. Правда о Псково-Печерском монастыре. М., 1963; Лисавцев Э. И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1971; Колотилова С. И. и др. Псков. Очерки по истории. Л., 1971. Подробный обзор советской литературы, затрагивающей деятельность Миссии, содержится в книге: Обозный К. П. История Псковской Православной Миссии. 1941–1944. М., 2008. С. 10–14.

За рубежом еще до начала 1990-х годов вышел в свет ряд общих трудов по истории Русской Православной Церкви, Великой Отечественной войны или отдельных статей, где частично освещалась деятельность митрополита Сергия (Воскресенского) и Псковской миссии. В этой литературе выделяются труды В. И. Алексеева и Т. Г. Ставру. Они единственные попытались в своей книге дать целостную картину церковной жизни во всех оккупированных областях и республиках Советского Союза, уделяя значительное внимание Прибалтике и Северо-Западу России. Более поздний журнальный вариант их работы хотя и имеет меньший объем, но дополнен новыми материалами¹. Кроме того, следует назвать работы Х. Файерсайда, А. Даллина, Е. Тройлиба, В. Кале и др.² Библиографический обзор литературы, вышедшей о Псковской миссии, был составлен одним из ее участников — Р. В. Полчаниновым к 60-летию Миссии для специального юбилейного выпуска журнала «Православная жизнь»³.

В российской историографии последнего десятилетия экзарху Сергию и Псковской миссии также уделялось внимание в нескольких общих трудах: А. А. Корнилова, протоиерея Владислава Цыпина, М. В. Шкаровского, Н. А. Ломагина, Б. Н. Ковалева, В. Н. Якунина, профессора Д. В. Поспеловского⁴. При этом для указанных авторов

¹ Alexeev W., Stavrou T. The Great Revial. The Russian church under German occuration. Minneapolis, 1976; Алексеев В. И., Ставру Т. Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. Москва—Нью-Йорк—Париж. 1980. № 11. С. 91–118, № 12. С. 108–126, 1981. № 13. С. 75–97, № 14. С. 118–154, № 15. С. 85–100, № 16. С. 91–121, № 17. С. 97–114, № 18. С. 105–125.

² Fireside H. Icon and Swastica: The Russian Orthodox Church under Nazi and Soviet Control. Cambridge, Mass. 1971; Dallin A. Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958; Treulieb E. Metropolitan Sergij von Riga und die «Orthodoxe Mission in Pleskau», in: Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde, Band 8, Göttingen 1965. S. 55–66; Kahle W. Die Orthodoxie im baltischen Raum, in: Kirche im Osten. Band 21/22, 1978/1979. S. 78–107.

³ См.: Полчанинов Р. В. Библиография сведений[,] опубликованных о Псковской миссии // Православная Русь. №1 (612), Джорданвилль, 2001. С. 20–34.

⁴ Корнилов А. А. Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.). Нижний Новгород, 2000; Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви 1917–1997 гг. М., 1997; Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002; Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. В 2 кн. СПб.; М., 2002; Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.).

характерны различные, порой прямо противоположные подходы в оценке тех или иных сторон деятельности митрополита и Миссии, не изжита полностью и тенденциозность, характерная для работ советских историков.

Архипастырские труды митрополита Сергия (Воскресенского) как экзарха Латвии и Эстонии в самых общих чертах рассмотрены в работе покойного патриарха Алексия (Ридигера) «Православие в Эстонии»¹. Здесь же дается оценка и самой Псковской миссии, деятельность которой, по словам автора, принесла «благодатные результаты», весьма важные для послевоенного восстановления жизни Русской Православной Церкви. «С благодарностью в сердце, — пишет патриарх, — мы вспоминаем самоотверженное служение тружеников миссии, к нашей глубокой скорби, для большинства их ревностные труды во славу Божию завершились трагическими репрессиями, обрушившимися на них»². Работа патриарха Алексия лишь фрагментарно освещает тему немецкой оккупации Эстонии, что нельзя сказать о других сюжетах, затронутых в его книге. Для сравнения укажем, что из 704 страниц монографии лишь 19 посвящены военному периоду (в том числе 3 страницы митрополиту Сергию Воскресенскому), тогда как деятельности самого автора монографии на Таллиннской кафедре посвящено более 40 страниц. Это тем более досадно оттого, что автор на протяжении многих лет имел возможность общаться с живыми свидетелями и даже участниками Псковской миссии, а также и теми, кто лично знал митрополита Сергия (Воскресенского). Вдвойне досадно и то, что после падения коммунистического режима автору можно было написать о миссии, лично об экзархе Сергии гораздо более открыто, чем в то время, когда он готовил свою диссертацию.

Обширный справочный материал мартирологического характера о духовенстве, служившем в Прибалтийском экзархате и на оккупированной территории Северо-Запада России содержится в сборнике

Новгород, 2001; Якунин В. Н. За Веру и Отечество. Самара, 1995; *Его же*. Русская Православная Церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001; Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.

¹ Алексий (Ридигер), Патриарх Московский и всея Руси. Православие в Эстонии. М., 1999.

² Алексий (Ридигер), Патриарх Московский и всея Руси. Указ. соч. С. 413.

священника (ныне протоиерея) Андрея Голикова и С. Фомина «Кровью убеленные»¹. В этом собрании в большей степени, чем в других работах, освящена и личность самого экзарха. Кроме того, один из авторов книги (протоиерей Андрей Голиков) выступал с особым докладом, посвященным деятельности митрополита Сергия (Воскресенского) на научной конференции в Москве, и это выступление было опубликовано².

Много новых сведений о деятельности Псковской миссии и отчасти митрополита Сергия (Воскресенского) имеется в статьях О. Ю. Васильевой, А. Н. Лещинского, К. П. Обозного, А. К. Галкина и А. А. Бовкало³. Наконец, следует упомянуть вышедший в 2002 г. сдвоенный выпуск № 26–27 журнала «Санкт-Петербургские епархиальные ведомости», целиком посвященный истории Псковской духовной миссии, в связи с 60-летием со дня ее учреждения. Необходимо сказать и о том, что в 2010 г. в научно-богословском и церковно-общественном журнале Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата «Церковь и время» была опубликована статья авторов настоящей книги, посвященная рассмотрению вопроса об убийстве митрополита Сергия (Воскресенского)⁴.

---

¹ *Голиков Андрей, священник, Фомин С.* Кровью убеленные. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955). Мартиролог православных священнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1952 гг. М., 1999.

² *Голиков Андрей, священник.* Феномен митрополита Сергия (Воскресенского) и исполненное им дело в Прибалтике // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2001 г. М., 2002. С. 223–228.

³ *Обозный К. П.* Псковская Православная миссия в 1941–1944 гг. (миссионерский аспект деятельности) // Православная община. 2000. № 1(55). С. 69–87, № 2(56). С. 74–101; *Галкин А. К., Бовкало А. А.* Новгородская епархия в годы оккупации (1941–1943) // София (Новгород). 1995. № 2(14). С. 4–5; *Их же.* Псковская Духовная миссия и монастыри на Северо-Западе России // Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Ежегодная Богословская конференция 1997 г. М., 1997. С. 107–112; *Галкин А. К.* Похвала и утверждение Старой Руссы // София. 1997. № 3. С. 6–8. *Васильева О. Ю.* Жребий митрополита Сергия (Воскресенского) // Наука и религия. 1995. № 5. *Лещинский А. Н.* Религиозные объединения и миссии на оккупированной территории // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Материалы круглого стола, посвященные 50-летию Победы, 13 апреля 1995 г. М., 1995.

⁴ *Соловьев Илья, священник; Шкаровский М. В.* Кто совершил злодеяние на пустынной дороге? К вопросу об убийстве митрополита Сергия (Воскресенского) // Церковь и время. № 4 (53). М., 2010. С. 185–207.

Исключительно важное значение для изучения истории Православной Церкви в Прибалтике и на Северо-Западе России в период немецкой оккупации и Псковской миссии, в частности, имеет вышедшая в серии «Материалы по истории Церкви» в 2008 г. обширная монография псковского историка К. П. Обозного «История Псковской Православной Миссии 1941–1944 гг.»¹. Автор поставил своей задачей «реконструировать историю создания Псковской Миссии, уделив при этом внимание ее структуре и составу», «определить степень участия в организации Псковской Миссии клириков Прибалтийского экзархата и лично митрополита Сергия (Воскресенского)» и, наконец, установить, как связывались отношения Московского Патриархата и Миссии, показать основные направления практической работы Миссии, ее благотворительную и социальную деятельность, рассмотреть отношение к Миссии со стороны германских властей и советских партизан.

Особое внимание в книге К. П. Обозного уделено изучению основных принципов церковного управления и церковной дисциплины в Прибалтийском экзархате и Миссии. При этом автор приходит к заключению, что руководитель экзархата митрополит Сергей (Воскресенский) в своей деятельности проявил открытое стремление к «уже-сточению дисциплинарных требований и усугублению принципа централизации церковной власти»². Как верно отмечает К. П. Обозный, на приходском уровне жизни соборное начало было практически отменено. Подобное отступление от принципов соборности, установленных Московским Собором 1917–1918 годов, было допущено митрополитом Сергием (Страгородским) и в самой Московской Патриархии. По нашему мнению, именно это явление, а также допущение произвола и административного насилия, создание на этой основе определенной «церковно-административной системы», а не зависимость митрополита Сергия (Страгородского) от властей и соглашение с ними (выразившееся, в частности, в знаменитой декларации 1927 года), следует именовать «сергианством». При этом Патриарший Местоблюститель объяснял свой подход «чрезвычайностью положения», в котором пребывала в те годы Русская Церковь. Вслед за ним экзарх Сергей (Воскресенский) объяснял усиление «церковно-административного

¹ См. рецензию на эту книгу: *Соловьев Илья, священник. Православная Миссия в условиях оккупации // Церковно-исторический вестник. № 15. М., 2008. С. 150 — 154.*

² *Обозный К. П. История... С. 338.*

начала» военным временем, т.е. теми же «чрезвычайными обстоятельствами», которые имел в виду и митрополит Сергей (Страгородский).

Важно заметить, что в приложении к своей книге К. П. Обозный поместил целый ряд важных и интересных документальных материалов, характеризующих деятельность Псковской миссии.

Обращаясь к источникам нашей работы, укажем на то важное значение для изучения церковной ситуации в Прибалтике и на Северо-Западе России в годы Великой Отечественной войны, каковое имели воспоминания участников Псковской миссии и свидетельства очевидцев. В настоящее время в различных изданиях, как в России, так и за рубежом опубликовано более десяти таких воспоминаний и дневников: протоиереев Алексея Ионова, Георгия Бенигсена, Георгия Тайлова, Василия Ермакова, архимандритов Кирилла (Начиса) и Алексея (Черная), мирян Р. В. Полчанинова, П. В. Жадана, В. И. Молчанова, Н. Китер, протоиерея Николая Трубецкого и др. Среди мемуарной литературы имеются воспоминания, непосредственно посвященные митрополиту Сергию (Воскресенскому)¹.

Еще одним опубликованным источником являются печатные издания, выходившие в годы войны на оккупированной территории Ленинградской области и в Прибалтике: газеты «За Родину» (Псков), «Псковский вестник», «Лужский вестник», «За Родину» (Дно), журнал Псковской миссии «Православный христианин», богослужебные календари, печатный (машинописный) сборник Распоряжения и Сообщения Высокопреосвященнейшего Сергия, Митрополита Литовского и Виленского, экзарха Латвии и Эстонии» и т. д. Часть этих изданий имеется в архивах Санкт-Петербурга и Риги.

При написании настоящей работы авторы использовали документы, вошедшие в изданный в 2009 году в серии «Материалы по истории Церкви» сборник «Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»² Эта книга разделена на три тематические части (документы Церкви, документы, иллюстрирующие политику Советской власти в отношении Церкви, и, наконец, документы, характеризующие политику германских властей в отношении

---

¹ Герич А. В. Из воспоминаний о митрополите Литовском и Виленском, экзархе Латвии и Эстонии Сергии (Воскресенском) // Церковь и время. № 2(35) 2006. С. 237–249.

² Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» // сост. Васильева О. Ю., Кудрявцев И. И., Лыкова Л. А. М., 2009.

религиозных организаций на оккупированных территориях). Сборник составлен на основании материалов, предоставленных центральными и региональными архивами России и некоторых стран бывшего СССР. В нем помещены, в частности, заявление архимандрита Филиппа (Морозова) по делу об убийстве митрополита Сергия (Воскресенского) в Чрезвычайную комиссию по расследованию немецких зверств, а также заключение второго управления НКГБ СССР о результатах проверки по делу об убийстве митрополита Сергия (Воскресенского). Среди опубликованных в сборнике материалов имеются и документы Псковской миссии.

Кроме названной выше книги, в работе использовались также документы, вошедшие в сборник «Политика Третьего Рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935 — 1945 годов», составленный М. В. Шкаровским и также опубликованный в серии «Материалы по истории Церкви» в 2003 году.

Основной источниковой базой при подготовке книги послужили архивные документы и прежде всего материалы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). В работе использованы документы фондов уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР по Ленинградской области, Леноблисполкома и райисполкомов города, до 1944 года имевших в своем составе органы, регулировавшие деятельность религиозных объединений.

Ряд интересных материалов хранится в фонде Ленинградского областного комитета КПСС Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.).

Важный источник настоящей работы представляют документы областного Управления НКВД в архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб. ЛО), содержащие сведения о репрессиях священнослужителей на бывших оккупированных территориях после их освобождения.

Очень содержательными и информативными являются архивно-следственные дела руководителей Псковской Миссии: отцов Кирилла Зайца, Николая Жунды и др., а также группы насельников Псково-Печерского монастыря, в том числе настоятеля игумена Павла (Горшкова) в Архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской

Федерации по Псковской области. Кроме того, М. В. Шкаровским были просмотрены дела ряда священников, хранящиеся в Архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новгородской области.

Ценнейшим и мало использовавшимся ранее источником являются фонды Архива Санкт-Петербургской епархии, открытого для исследователей, в отличие от аналогичного архива Московской Патриархии, находящегося в Москве. В нем хранятся личные дела священников, служивших на оккупированной части епархии, документы приходов, а также переписка Ленинградского митрополита Алексия (Симанского) 1944–1945 годов с духовенством освобожденной от немцев территории области. Ряд важных в свете избранной темы документов был найден в московских архивохранилищах: в Российском государственном военном архиве (РГВА), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

Значительный комплекс материалов по истории германской религиозной политики и церковной жизни на оккупированной территории Ленинградской области и Прибалтики имеется в четырех немецких архивах. Здесь прежде всего следует выделить Федеральный архив в Берлине (Bundesarchiv Berlin — далее: ВА), где хранятся фонды Рейхсминистерства занятых восточных территорий, Главного управления имперской безопасности, Рейхсминистерства церковных дел, Рейхскомиссариата «Остланд» и др.

Представление о политике германской военной администрации на оккупированной территории СССР дают документы Федерального военного архива во Фрейбурге (Bundesarchiv–Militärarchiv Freiburg — далее: ВА-МА). Ценная коллекция материалов основных германских ведомств времен Второй мировой войны собрана в Архиве Института современной истории в Мюнхене (Institut für Zeitgeschichte München — далее: IfZ). Именно там, в частности, удалось познакомиться с сообщениями экзарха Прибалтики митрополита Сергия в Рейхскомиссариат «Остланд» о партизанском движении в Ленинградской области.

При подготовке книги также использовались документы Политического архива Министерства иностранных дел Германии в Бонне (Politisches Archiv des Auswärtigen Amts Bonn — далее: АА) и Центрального государственного архива в столице Болгарии Софии (Централен държавен архив — София).

Среди архивных материалов, использованных в настоящей работе, следует назвать документы о деятельности митрополита Сергия (Воскресенского), хранящиеся в Латвийском государственном историческом архиве. Копии некоторых из этих документов авторам любезно предоставил протоиерей Андрей Голиков. Большое значение для характеристики положения в Прибалтийском экзархате имеет, в частности, выпускавшийся экзархатом в машинописном виде сборник «Распоряжения и сообщения Высокопреосвященнейшего Сергия, Митрополита Литовского и Виленского, Экзарха Латвии и Эстонии», уже упоминавшийся нами.

Значительную часть книги составляет публикация подборки документов митрополита Сергия (Воскресенского) из указанных российских, германских, латвийского и болгарского архивов. Почти все документы ранее не публиковались, в нашей книге они выстроены в хронологическом порядке. Немецкие документы переведены на русский язык М. В. Шкаровским, им же, совместно с редактором «Санкт-Петербургских епархиальных ведомостей» И. В. Поповым, составлены публикуемые в приложении биографии архиереев Прибалтийского экзархата, священно-церковнослужителей Псковской православной духовной миссии и список храмов, действовавших на оккупированной территории Северо-Запада России.

Часть документов и фотоматериалов для настоящего издания была предоставлена протоиереем Сергием Гарклавсом, бывшим в свое время иподиаконом митрополита Сергия и эмигрировавшим вместе со своей семьей за границу. В настоящее время о. Сергий проживает в США и служит в юрисдикции Американской Автокефальной Церкви. В 2005 году протоиерей Сергий передал в Россию чудотворную икону Тихвинской Божией Матери, вывезенную в свое время из России епископом Иоанном (Гарклавсом), спасавшим сей святой образ от поругания большевиками.

Первоначальный вариант документального приложения был опубликован в упоминавшемся выпуске журнала «Санкт-Петербургские епархиальные ведомости»¹, однако он был существенно уточнен и дополнен, в частности добавлено более 100 новых биографий священнослужителей Псковской миссии.

---

¹ Синодик Псковской Миссии / сост. И. В. Попов, М. В. Шкаровский // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. № 26–27. С. 8–45; Приходы Псковской Миссии / сост. И. В. Попов, М. В. Шкаровский // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. № 26–27. С. 53–62.

Авторы выражают глубокую благодарность за оказанную помощь петербургским церковным историкам А. А. Бовкало, А. К. Галкину, И. В. Попову, хранителю архива Санкт-Петербургской епархии О. И. Ходаковской и заведующей отделом публикации и научного использования документов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга Н. Ю. Черепениной, протоиерею Сергию Гарклавсу, его сыну протоиерею Александру Гарклавсу и протоиерею Андрею Голикову за рецензирование настоящей книги и предоставление авторам ценных архивных материалов.

1

**ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ПРИБАЛТИКЕ ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА ДО НАЧАЛА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
ПРИБЫТИЕ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ (ВОСКРЕСЕНСКОГО)
В РИГУ НА ЛИТОВСКУЮ КАФЕДРУ**

Положение Православной Церкви в разных регионах Советского Союза, оккупированных в начальный период Великой Отечественной войны, имело немало общих черт, однако отличалось и определенным своеобразием. По-своему уникальной являлась ситуация в Прибалтике и на Северо-Западе России. Это был единственный регион, где сохранился и даже вырос Экзархат Московской Патриархии, во главе которого в начале 1940-х годов был поставлен митрополит Сергей (Воскресенский).

После октябрьского переворота, в результате гражданской войны ряд епархий Православной Российской Церкви оказался не только вне связи с новообразованным патриаршим центром, но и вне пределов Советского государства. Таким образом, не оправдались надежды некоторых членов Всероссийского Собора 1917–1918 годов на то, что установление в России патриаршества предохранит Российскую Церковь от дробления и расколов. В 1917 году от России отошла Финляндия¹, а с 1918 — Литва, Латвия и Эстония. С образованием Польского государства в новых границах к нему были отторгнуты части Западной Белоруссии и Украины. По Рижскому мирному договору в марте 1921 года в пределах Польши оказались Варшавская, Холмская, Гродненская, часть Минской, Литовской и Волынской епархий.

---

¹ 11 февраля 1921 года Святейший патриарх Тихон и Всероссийский Синод даровал Финляндской Церкви широкую автономию, однако власти страны продолжали добиваться автокефалии своей Церкви, каковая и была вскоре провозглашена без согласия кириархальной Российской Церкви, т. е. с нарушением церковных канонов.

С захватом в начале 1918 года румынскими войсками Бессарабии Румынская Церковь в одностороннем порядке распространила свою власть над территорией Кишиневской епархии. Эта неканоническая юрисдикция Румынской Церкви над Кишиневом продолжалась вплоть до 1940 года¹.

Под прямым давлением польского правительства два иерарха Российской Православной Церкви (архиепископ Минский Георгий (Ярошевский) и Волынский Дионисий (Валединский)) фактически стали проводниками польской политики, направленной на отторжение местных православных приходов от Матери-Церкви. В конечном счете правительство Польши, исходя из своих амбициозных политических и националистических соображений, желало ликвидировать местную Православную Церковь. Однако для начала националисты стремились ее полонизировать, для чего добивались ее самостоятельности (автокефалии) от Российской Церкви всеми возможными средствами, в том числе и неканоническими способами.

27 сентября 1921 года Всероссийский патриарх Тихон (Беллавин) и Всероссийский Синод предоставили польским епархиям широкую автономию, но этот акт не удовлетворил польское правительство. После убийства архимандритом Смарагдом (Латышенковым) в феврале 1923 года архиепископа Георгия (Ярошевского) пришедший к власти в Польской Церкви архиепископ Дионисий (Валединский) стал добиваться автокефалии с удвоенной энергией, пытаясь заручиться поддержкой Константинопольского патриарха. В нарушение канонов тогдашний Вселенский патриарх Мелетий IV (Метаксакис) возвел архиепископа Дионисия в сан митрополита Варшавского и всея Польши, а в сентябре 1925 года патриарх Василий III даровал Польской Церкви неканоническую автокефалию. Епископы, не одобрявшие курса пресвященного Дионисия (Валединского), подвергались преследованию гражданской власти и были высланы из пределов Польши².

Такая позиция Вселенского патриарха, считавшего, что в его юрисдикции должны находиться все православные приходы и епархии, не входящие в границы государств, имеющих свою собственную Поместную

---

¹ См. подробнее: *Скурат К. Е.* История Поместных Православных Церквей. Т. 1. М., 1994.

² См. подробнее: *Свитич А.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // в книге: Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. М., 1997.

Православную Церковь, проявилась и в Прибалтике, где, как и в Польше, новообразованные националистические правительства стали добиваться независимости местных Православных епархий от Москвы. Конечной целью этой акции было если и не уничтожение, то основательный подрыв позиций Православной Церкви на этих территориях.

21 марта 1919 года состоялся первый Собор *Эстонской* Православной Церкви, который занялся упорядочением церковной жизни в новой политической обстановке. Собор этот проходил в условиях, когда Эстонская епархия вдовствовала: в ночь с 13 на 14 января 1919 года большевики зверски убили предстоятеля Эстонской епархии епископа Ревельского Платона (Кульбуша). Кроме того, границы епархии были несколько расширены, так как по договору от 2 февраля 1920 года между РСФСР и Эстонией к последней отходила часть исконно русских земель на Псковщине, включая известный Псково-Печерский монастырь.

10 мая 1920 года Священный Синод и Высший Церковный Совет Православной Российской Церкви обсудили положение части бывшей Псковской епархии и Ревельского викариатства в связи с их отторжением под власть новообразованного Эстонского государства. В принятом по этому поводу постановлении за № 183 Эстонская Православная Церковь была признана автономной «впредь до решения вопроса об автокефалии ее Всероссийским Церковным Собором»¹. Однако, как и в случае с автономией в Польше и в Финляндии, правительство Эстонии не удовлетворилось этим решением и продолжало искать способ отторжения Эстонской Православной Церкви от Москвы.

В октябре 1920 года епископом Ревельским и Эстонским был избран священник Преображенского храма в Пярну Александр Паулус, вскоре постриженный в монашество с сохранением прежнего имени. 5 декабря архимандрит Александр был хиротонисан во епископа Ревельского и Эстонского и по благословению патриарха Тихона был удостоен сана архиепископа. Управление Эстонской Церковью было возложено на особый орган — Синод, в состав которого вошли епископы, клирики и миряне.

23 сентября 1922 года Собор Эстонской Церкви, безусловно под нажимом эстонского правительства, отличавшегося крайним национализмом и нетерпимостью, принял решение об обращении к патриарху Меле-

¹ *Алексий (Ридигер), Патриарх Московский и всея Руси. Указ. соч. С. 376.*

тию IV с прошением о принятии Эстонской автономной Церкви в юрисдикцию Константинопольского Патриархата и даровании ей автокефалии. Вскоре такое же решение приняла и Финляндская Церковь, находящаяся в сходных с Эстонской политических условиях. 6 июня 1923 года томосом Вселенского патриарха в Константинопольскую юрисдикцию была принята Финляндская Церковь, а 7 июля 1923 года патриарх Мелетий вручил архиепископу Таллинскому Александру (Паулусу) томос о принятии Эстонской Церкви в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, правда, на правах автономии, а не автокефалии. В конце 1923 года архиепископ Александр (Паулус) был возведен Константинопольским патриархом в сан митрополита Таллинского.

При сходных с Эстонией обстоятельствах 21 июня 1921 года патриарх Тихон и Всероссийский Синод предоставили право автономии православной Церкви в *Латвии*. Новообразованное националистическое правительство Латвии не разрешило въезд в страну назначенным патриархом Тихоном на Рижскую кафедру иерархам — митрополиту Серафиму (Чичагову), а затем и архиепископу Геннадию (Туберозову). В конечном счете Рижскую и Латвийскую кафедру занял архиепископ Иоанн (Поммер), латыш по национальности¹. Имея ясное каноническое сознание, преосвященный Иоанн вплоть до своей насильственной смерти, последовавшей в ночь на 12 октября 1934 года на архиерейской даче на Киш-Озере, сохранял верность Московской Патриархии, хотя и не афишировал ее.

26 ноября 1934 года Синод Латвийской Церкви поставил на повестку дня вопрос о новом руководителе церковного управления в Литве. Выступивший с докладом на эту тему ректор Рижской духовной семинарии протоиерей Иоанн Янсон предложил обратиться к Московскому Патриархату для того, чтобы избрать главу Церкви каноническим путем. При этом докладчик сослался на мнение самого покойного архиепископа Иоанна (Поммера). Однако часть духовенства, опасаясь, что правительство впредь не будет представлять «непослушной» Церкви денежных пособий, предложило обратиться за помощью к Константинопольскому патриарху. Синод Латвийской Церкви не был свободен в своих действиях, так как авторитарный режим Карлиса Ульманиса создал в стране обстановку религиозной неволи, хотя фор-

¹ См. о нем подробнее: *Келер Л.* Никем не сломленный. Жизнь и мученическая кончина архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). М., 1999.

мально за религиозные взгляды никого не ущемляли, а правительство даже демонстрировало свою поддержку религии. Тем не менее, когда Заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) возложил временное управление Латвийской Церковью на митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского), Министерство иностранных дел Латвии не только отказало ему во въезде в страну, но и «рекомендовало» Латвийскому Синоду не признавать канонических полномочий митрополита Елевферия и вообще запретить священнослужителям из Литвы любую деятельность в Латвии. Так, под прямым давлением государственной власти кандидатура митрополита Елевферия была отклонена.

В августе 1935 года Латвийский Синод обратился к Константинопольскому патриарху с просьбой принять Латвийскую Церковь под свою юрисдикцию. В 1936 году Константинопольский патриарх Вениамин назначил своим представителем на Соборе Латвийской Церкви митрополита Германа (Стренопоулоса) и даровал Латвийской Церкви автономию. 10 марта 1936 года Собор Латвийской Церкви избрал на кафедру архиепископа Рижского и всея Латвии архимандрита Августина (Петерсона).

Латвийская Церковь вошла в юрисдикцию Константинополя, а 29 марта 1936 года в Рижском кафедральном соборе состоялась архиерейская хиротония архимандрита Августина во епископа Рижского и всея Латвии. В тот же день из Константинопольской Патриархии поступило постановление о возведении епископа Августина в сан митрополита.

Уже в первом своем обращении к пастве митрополит Августин провозгласил тезис «о слиянии целей» Православной Церкви и Латвийского националистического государства, а также призвал православных Латвии отдать все свои силы на выполнение заветов «нашего Вождя — Карлиса Ульманиса»¹.

Положение Православной Церкви в *Литве* отличалось от ситуации Эстонии и Латвии. Митрополит Виленский и Литовский, гонимый польскими властями за неприятие незаконной автокефалии, имел

---

¹ См.: Документы по делу митрополита Рижского и всея Латвии Августина (Петерсона) «Латвийской папки» Архива Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей. Вступительная статья, публикация и подготовка текста А. В. Гаврилина // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 5. Рига, 2006. С. 97.

своим местопребыванием тогдашнюю столицу Литвы — г. Каунас и вплоть до своей кончины сохранял верность Матери-Церкви.

Весной и летом 1940 года Прибалтийские республики — Литва, Латвия и Эстония, после занятия их советскими войсками, были включены в состав СССР. «Когда началась вторая мировая война, — вспоминает в своей книге В. К. Штрик-Штрикфельдт, — я с семьей жил в независимой и нейтральной Латвии. Мы скоро увидели, что договоры о нейтралитете и ненападении, заключенные между Сталиным и балтийскими государствами, были аннулированы и сменились нацистско-советским пактом. Берлин отдал три балтийских государства Сталину. Прибалтийские немцы были эвакуированы в Вартегау, и железный занавес опустился над эстонцами, латышами и литовцами... Так Гитлер предал Западную Европу»¹. Но, кроме прибалтийских народностей, на этих территориях исконно проживала значительная часть русскоязычного населения. Здесь проживало 510 тысяч православных верующих, объединенных в 394 прихода (в Латвии 164 общины и 240 тысяч прихожан, в Эстонии 158 приходов (в том числе 134 в Таллинской епархии, 24 в Нарвской) и 210 тысяч прихожан и в Литве — 72 прихода и 60 тысяч прихожан), имелось 6 монастырей. Но только Литовская Церковь, которой в 1924–1940 годах управлял митрополит Елевферий (Богоявленский), как мы уже отмечали, к 1940 году оставалась в юрисдикции Московской Патриархии.

После присоединения прибалтийских территорий к СССР церковная ситуация здесь стала быстро меняться. С одной стороны, над православными Церквями нависла угроза гонения со стороны большевиков, но, вместе с тем, политические условия, породившие схизму Латвийской и Литовской Церквей, отпали. «Верные» Константинополю иерархи и клирики быстро переориентировались на московские власти. В августе 1940 года Синод, а затем и глава Латвийской Церкви митрополит Августин (Петерсон) под давлением значительной части духовенства и мирян, а также в связи с изменившейся политической обстановкой в стране, ходатайствовал о воссоединении с Русской Православной Церковью. Этому решению предшествовали переговоры иерархов Латвийской Церкви — митрополита Августина, епископа Елгавского Иоакова (Карпа) и епископа Ерсикского Александра (Витола) с при-

¹ Штрик-Штрикфельдт В. К. Против Сталина и Гитлера. Франкфурт-на-Майне. 1981. С. 13.

ехавшим из Москвы в конце декабря 1940 года в Прибалтику архиепископом Сергием (Воскресенским). Переговоры продолжились в Москве, где 30 марта 1941 года состоялось воссоединение Латвийской Церкви и трех ее иерархов с Московской Патриархией.

10 ноября 1940 года Синод Эстонской Православной Церкви обратился к Патриаршему местоблюстителю митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому) с прошением о восстановлении автономного бытия своей Церкви в юрисдикции Московской Патриархии, о сохранении существующих границ Эстонской Церкви и о продолжении служения митрополита Таллинского и всей Эстонии Александра (Паулуса) и епископа Нарвского Павла (Дмитровского). 17 января 1941 года эстонский Синод под председательством митрополита Александра повторил свое прошение о принятии его в общение с Московской Патриархией, прося «покрыть любовью грех раскола». Митрополит Александр заявлял, что эстонское духовенство пошло на грех раскола «под давлением бывшего эстонского правительства и только из желания и надежды сохранить православие в Эстонии». 28 февраля 1941 года Эстонская Церковь была воссоединена с Матерью Русской Православной Церковью¹.

28 марта 1941 года митрополит Августин, а 30 марта 1941 года и митрополит Александр в кафедральном Богоявленском соборе Москвы принесли публичное покаяние в грехе раскола и были приняты в евхаристическое общение с Московской Патриархией. Оба владыки с титулами Рижский и Таллинский стали подчиняться экзарху Московской Патриархии². Решение о принятии схизматиков в лоно Российской Церкви третьим чином (т.е. через покаяние) было принято по докладу преосвященного Сергия (Воскресенского). Все священнослужители, рукоположенные в схизме, были приняты в сущем сани.

Первоначально на должность экзарха Московской Патриархии в Прибалтике предполагалось назначить митрополита Елевферия (Богоявленского). Однако в новогоднюю ночь с 31 декабря на 1 января 1941 года митрополит Елевферий скончался. Митрополит Сергей (Воскресенский) прибыл на его похороны, затем возвратился в Москву

¹ *Алексий (Ридигер), Патриарх Московский и всея Руси*. Указ. соч. С. 401–402.

² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 70, 78, 80; *Балевиц З.* Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944). Рига, 1967. С. 19–20; *Прекуп И.* Православие в Эстонии. Таллин, 1998. С. 84.

и уже через три месяца возвратился в Прибалтику в качестве экзарха¹. Интересно заметить, что поездка митрополита Сергия на похороны митрополита Елевферия была предпринята не только ради проводов почившего Виленского иерарха «в путь всея земли», но и «для ознакомления с положением Церкви».

24 февраля 1941 года Указом Московской Патриархии за № 10 митрополит Сергий (Воскресенский) был назначен на Литовскую кафедру с полномочиями экзарха Московской Патриархии и титулом «митрополит Литовский и Виленский». Фактически Патриархия учредила в Прибалтике особую митрополичью область или округ во главе с митрополитом Сергием, имевшим исключительную власть в управлении. Временно на правах викариев в его подчинении находились митрополиты Александр и Августин. Кроме них, в состав Московской Патриархии вошли: в Эстонской епархии — епископ Нарвский Павел (Дмитровский), архиепископ бывший Печерский Николай (Лейсман), состоящий на покое, а в Латвийской епархии епископ Мадонский Александр (Витол) и епископ Митавский Иаков (Карп). Эти иерархи также оказались на правах викариев экзарха-митрополита. Помимо того, в каждой из епархий было предписано учредить *подчиненный экзарху* Епархиальный Совет.

2 апреля 1941 года² сорокачетырехлетний митрополит Сергий прибыл в свою резиденцию в Ригу. Право отлучиться из Москвы он получил лишь на шесть месяцев³. «Отношение к нему, — вспоминает очевидец событий А. В. Герич, — естественно, было настороженным, хотя все видели в нем исключительного служителя Церкви — он замечательно вел службы, быстро навел порядок, и как-то не чувствовалось, что он боялся советской власти. Под его влиянием люди устремились в лоно Церкви. По тому, как он вел себя — вполне независимо, было как-то трудно поверить, что он приехал из Советского Союза, и невольно у многих церковных людей появилась надежда, что раз в Москве может быть такой архиерей, то может быть в Церкви

¹ Герич А. В. Из воспоминаний... // Церковь и время. № 2(35). 2006. С. 237.

² Эту дату приводит сам митрополит Сергий (Воскресенский). См.: Два года жизни православного экзархата в Прибалтике (1941–1943) // Распоряжения и Сообщения Высокопреосвященнейшего Сергия, Митрополита Литовского и Виленского, Экзарха Латвии и Эстонии. № 1. Рига. 1944. С. 3.

³ Там же.

есть и другие подобные священнослужители. Но были и те, кто ему не доверял...»¹.

В это время в Литовской епархии не было викарного архиерея. В епархии состоял тогда лишь ее бывший предстоятель престарелый и больной архиепископ Феодосий (Феодосьев), скончавшийся 20 ноября 1943 года, так что митрополит Сергей принял ее в личное управление.

Вскоре экзарх Сергей посетил Таллин, где вместе с митрополитом Александром (Паулусом) совершил Божественную Литургию в Симеоновском храме. На митрополита Александра было возложено управление Эстонской епархией, причем русскоязычные приходы «по примеру прежних лет были поручены архипастырскому смотрению Преосвященного Павла [Дмитровского], Епископа Нарвского»². Это посещение Таллина митрополитом Сергием было первым и последним за время его экзаршества, так как вскоре началась война.

Приблизительно в это же время под влиянием различных обстоятельств митрополит Августин (Петерсон) заявил о своем уходе в отпуск. По сообщению самого митрополита Сергия (Воскресенского), митрополит Августин, которому предполагалось поручить управление Латвийской епархией, «не пожелал удовлетвориться положением Викарного Архиерея и, намереваясь уйти на покой, подал прошение об увольнении в продолжительный отпуск». При таком положении митрополит Сергей взял управление Латвийской епархией в свои руки, поручив Преосвященному Александру (Витолу), епископу Мадонскому, «архипастырское смотрение за приходами».

¹ Герич А. В. Из воспоминаний... С. 238.

² Распоряжения и Сообщения... С. 3.

2

**БИОГРАФИЯ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ
(ВОСКРЕСЕНСКОГО)**

Митрополит Сергей (в миру Дмитрий Николаевич Воскресенский) в конце 1930-х — начале 1940-х гг. был ближайшим помощником Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского). Будущий экзарх родился 26 октября 1897 года в Москве в семье протоиерея Николая Воскресенского, с ранних лет прислуживал в храме, читал на клиросе. Большое влияние на сына оказала мать — Зоя Дмитриевна Воскресенская. В 1907 году Дмитрий поступил в Московское Духовное училище. Юноша также окончил в родном городе Духовную семинарию и учился в Московской Духовной Академии.

Закрытие в 1918 году академии большевиками прервало обучение Д. Н. Воскресенского на втором курсе и в 1918–1922 годах он работал в гражданских организациях. При этом в 1920 году Дмитрий поступил на историко-филологический факультет Московского государственного университета, но в 1922 году был исключен из него как «чуждый элемент» — сын служителя культа и арестован по обвинению в «антисоветской пропаганде». Некоторое время Д. Н. Воскресенский находился в тюрьме, был приговорен к ссылке.

После освобождения он стал иподиаконом бывшего ректора Московской Духовной Академии архиепископа Феодора (Поздеевского), возглавлявшего тогда Московский Свято-Данилов монастырь. В 1925 году Дмитрий поступил послушником в эту обитель, где под влиянием владыки в том же году принял монашеский постриг с именем Сергей (в честь преподобного Сергия Радонежского) и через несколько месяцев был рукоположен во иеродиакона, а к концу 1925 года

и во иеромонаха. В Свято-Даниловом монастыре отец Сергей делил одну келью с иеромонахом Павлом (Троицким) и был духовным сыном архимандрита Георгия (Лаврова). В силу своих незаурядных администраторских способностей молодой иеромонах часто посылался в различные учреждения защищать монастырские права.

В 1926 году отец Сергей начал работать в канцелярии Заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского). Впоследствии их сотрудничество переросло в многолетнюю дружбу. С 1930 года, после закрытия Свято-Данилова монастыря иеромонах Сергей служил настоятелем собора в г. Орехово-Зуево. В 1931 году отец Сергей стал сотрудником Московской Патриархии по юридическим вопросам церковной жизни и ответственным редактором «Журнала Московской Патриархии» (занимая эту должность до закрытия журнала в 1935 году). В 1932 году он был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем московского храма Воскресения в Сокольниках¹.

По другим данным, приводящимся после убийства митрополита Сергия (Воскресенского) в статье его памяти в официальном органе Прибалтийского экзархата, в 1930 году иеромонах Сергей (Воскресенский) был на три года выслан из Москвы² и, видимо, поэтому до 1932 г. служил в соборе г. Орехово-Зуево.

Вышедший в 1934 году сдвоенный 18/19 номер «Журнала Московской Патриархии» содержал в разделе «Хроника церковной жизни» сообщение, уведомляющее читателей о том, что: «29 октября 1933 года в Храме Воскресения, что в Сокольниках города Москвы, за Божественной литургией Преосвященными митрополитами Горьковским Сергием [Страгородским], бывшим Ленинградским Серафимом (Чичаговым), архиепископом Дмитровским Питиримом [Крыловым], епископами Иоанном [Соколовым] Орехово-Зуевским, Иоанном [Широковым] Волоколамским, Иннокентием [Клодецкий] Каширским рукоположен во епископа Коломенского, викария Московской епархии, настоятель храма Воскресения архимандрит Сергей (Воскресенский). Архимандрит Сергей в течение нескольких лет является сотрудником Московской Патриархии, ведя работу по юридическим вопросам церковной

¹ В 1934 году храм Воскресения в Сокольниках перешел под юрисдикцию т. н. «обновленческого» Синода.

² Памяти Высокопреосвященнейшего экзарха — митрополита Сергия // Православный экзархат Литвы, Латвии и Эстонии. Распоряжения и постановления. №3. Рига. 1944. С. 13.

жизни и одновременно являясь ответственным редактором Журнала Московской Патриархии»¹.

С 10 мая 1934 года Владыка Сергей именовался епископом Бронницким, с февраля 1936 года был епископом Дмитровским, викарием Московской епархии. После вынужденного (по требованию НКВД) роспуска в 1935 году Временного Патриаршего Священного Синода при митрополите Сергии (Страгородском) последний, как Местоблюститель патриаршего престола, управлял Русской Церковью с помощью своего викарного епископа и маленькой канцелярии, состоявшей всего из двух человек. 8 октября 1937 года владыка Сергей (Воскресенский) был возведен в сан архиепископа Дмитровского и назначен управляющим делами Московской Патриархии, при этом он служил настоятелем Преображенского храма в Москве. 2 ноября 1938 г. архиепископ Сергей был награжден правом ношения креста на клобуке.

Осуществляя связь Патриархии с государственными органами власти, архиепископ Сергей имел довольно регулярные и тесные контакты с НКВД, о характере которых существуют разные мнения. Авторам книги представляется, что они имели для владыки характер вынужденных «игр с дьяволом». Преосвященный Сергей, сотрудничая в определенных пределах с советскими репрессивными органами и, очевидно, ненавидя их, стремился «переиграть» и таким образом спасти остаток Патриархии от полного уничтожения (о чем косвенно свидетельствуют некоторые его высказывания в последующий период).

Между тем сами органы госбезопасности считали архиепископа Сергия, как и другого видного архиерея Московского Патриархата, проводившего подобную политику, — архиепископа Николая (Ярушевича), своим «агентом». Так, в информационной записке народного комиссара государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова И. В. Сталину и В. М. Молотову от 29 апреля 1941 г. говорилось: «В целях установления оперативного контроля за деятельностью руководства православной церкви в Прибалтийских республиках и предотвращения попыток использования иностранными разведками и их агентурой церковных организаций для борьбы против советской власти, — НКГБ СССР подготавливает осуществление следующих мероприятий:

1. Через агентуру НКГБ СССР вынести решение Московской патриархии о подчинении ей православных церквей Латвии, Эстонии

¹ Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. М., 2001. С. 210.

и Литвы, для чего использовать имеющиеся заявления от местного руководящего духовенства и верующих. Решением предусмотреть необходимость роспуска епархий в Латвии, Эстонии и Литве и создание вместо них обычных епархий, подконтрольных Московской патриархии.

2. Для управления епархиями Прибалтийских республик решением Московской патриархии назначить в качестве экзарха (управляющего) архиепископа Воскресенского Дмитрия Николаевича (агента НКГБ СССР), воспользовавшись для этого имеющимися в Московской патриархии соответствующими просьбами со стороны местного духовенства».¹

К 1940 году архиепископ Сергей оказался одним из четырех уцелевших в ходе массовых репрессий правящих архиереев (наряду с митрополитом Московским и Коломенским Сергием, митрополитом Ленинградским Алексием (Симанским) и архиепископом Петергофским Николаем (Ярушевичем)). Поэтому ему приходилось выполнять наиболее ответственные поручения Патриаршего местоблюстителя и государственных властей. Незадолго до начала войны, в 1940 году, архиепископ Сергей объехал архиереев присоединенных к СССР епархий Западной Украины и Западной Белоруссии, взяв у них подписку в верности Московской Патриархии и лояльности советской власти, после чего вскоре был направлен в Прибалтику².

Интересные штрихи к портрету митрополита Сергия (Воскресенского) содержатся в книге участника Псковской Миссии протоиерея Николая Трубецкого. Отец Николай впервые встретился с экзархом на квартире одного из рижских священнослужителей, после прибытия митрополита в Ригу. Для всех присутствующих это была первая встреча с иерархом из советской России, «человеком еще молодым, 40–43-х лет, жизнерадостным, простосердечным и во всех отношениях симпатичным. [...] Почти все наше духовенство старого поколения, —

¹ Цит. по: *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 543.

² Журнал Московской Патриархии. 1934. № 18–19. С. 8; *Голиков Андрей, священник, Фомин С.* Кровью убеленные. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955). Мартиролог православных священнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1952 гг. М., 1999. С. 8–31; Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2002. С. 19.

вспоминает о. Николай, — а особенно латыши, относились к экзарху с большим недоверием и подозрением, считая его узурпатором духовной власти, и почти открыто называли его “агентом ГПУ”, “чекистом в рясе”. Небезинтересен такой эпизод моих отношений с экзархом. Расспрашивая меня как-то о Парижском Богословском институте, о моих студенческих годах и т. д., он заинтересовался моей кандидатской работой. Я рассказал, что кандидатскую работу я писал на тему, предложенную профессором В. В. Зеньковским, “Вера и современный атеизм в СССР в их взаимоотношении”. Сущность моей кандидатской работы сводилась к беспристрастному анализу открытой и скрытой борьбы атеизма с верой в СССР и выводу, который можно выразить словами Христа: “Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ее”. Узнав о том, что у меня сохранилась копия моей работы, экзарх попросил меня дать ему ее для прочтения. И вот, на следующий день, он взволнованный явился ко мне и сообщил, что он ее сжег; что мое великое счастье, что у меня не было еще обыска, ибо в противном случае мне и моей семье не избежать бы самой страшной участи!... По его требованию я дал ему клятвенное обещание молчать о том, что этот эпизод происходил между нами... Впоследствии, когда я проходил “врата ада”, — ибо в те жуткие времена этой “улики” (кандидатской работы) могло бы быть достаточно для десяти граммов в затылок! — я убедился в искренности и доброжелательности ко мне экзарха¹.

Прибыв в Ригу, митрополит создал Епархиальное управление Латвийской епархией, в состав которого вошли назначенные им священники, в том числе как председатель — протоиерей Иоанн Янсон и как секретарь — священник Николай Трубецкой. «В функции этого управления, — писал о. Николай Трубецкой, — входили все дела, касающиеся как Рижской епархии, так и экзархата. Вся деятельность Экзархата, Епархиального управления, а также всего духовенства на приходах проходила в атмосфере чрезвычайной настороженности, «страха ради Иудейска», ибо все ясно сознавали реальность обстановки, которую лучше всего можно было бы выразить словами апостола Иоанна: «Не уявися, что будем». Такое же настроение и беспокойство все более и более стал проявлять и сам Экзарх»².

¹ Трубецкой Николай, протоиерей. «Дух уныния не даждь ми...». Письма священника из заключения. М., 2008. С. 16 — 17.

² Там же. С. 16.

Тревога и чувство нарастающего беспокойства не случайно возникли в среде православного духовенства. Все ожидали возможного ареста, и эти опасения имели под собой веские основания.

В июне 1941 года в Ригу стали ежедневно прибывать сотни совершенно новых военного типа грузовиков. Длинными колоннами выстраивались эти машины по обочинам многих улиц города. На товарных речных и железнодорожных путях скапливалось множество пустопорожных товарных эшелонов. «По городу, — вспоминал протоиерей Николай Трубецкой, — ходили самые невероятные, тревожные слухи. Над всеми довлел какой-то необъяснимый страх и предчувствие чего-то, без всякой, казалось бы, реальной почвы, при полном внешнем благополучии. [...] И вот, наконец, все эти загадочные предчувствия чего-то неожиданно разрешились». В ночь с 12 на 13 июня в городе начались аресты «неблагонадежных элементов». Целые семьи увозили на грузовиках вместе с малолетними детьми. Свидетель событий — о. Николай Трубецкой пишет, что в эту ночь среди прочих был арестован диакон Иоанн Гонестов, будто за какую-то связь с белогвардейцами. Больше о. Иоанна в Риге никто не видел, — он был расстрелян в 1942 году.

После описанных событий Рига как-то сразу «притихла и опустела». Но аресты продолжались, и никто не был гарантирован от того, что под покровом ночи за ним не явятся вооруженные люди. Обстановка общего страха и смятения накалилась до предела.

После объявления о начале войны между СССР и Германией, ввиду опасности приближающихся к Риге германских войск, в городе был введен комендантский час. Все функции государственной власти перешли к военным. В силу военного положения вступили в действие законы военного времени. Распоряжения военной администрации поступали одно за другим, за их невыполнение грозил расстрел. Время от времени над городом появлялись немецкие военные самолеты-разведчики. Когда немцы подступали к городу, началось беспорядочное бегство советских служащих, которым приход немцев не сулил ничего хорошего, а также «эвакуация» советских учреждений. Такая «эвакуация» не всегда была добровольной и ей мог подлежать и митрополит Сергей (Воскресенский). Но он по каким-то причинам не ушел с советами, а остался в Риге. Существуют различные версии, объясняющие этот поступок иерарха. Русский эмигрантский историк В. И. Алексеев полагал, что экзарх, вследствие своих антикоммуни-

стических убеждений, накануне вступления немцев в город спрятался в крипте Рижского Христорождественского собора и не был найден там секретарем — приставленным к нему «агентом НКВД», позднее расстрелянным за эту неудачу¹.

По гораздо более аргументированному мнению профессора Д. В. Поспеловского, митрополит Сергей стремился подготовить почву местоблюстителю и Московскому церковному управлению на тот случай, если немцы победят или по крайней мере захватят Москву, чтобы сохранить епископат в новых условиях, а также предотвратить юрисдикционный хаос². Нельзя полностью сбрасывать со счетов и свидетельство Э. И. Лисавцева о том, что экзарх специально был оставлен органами НКВД в Риге, но почти сразу же на долгий период утратил связь с советским подпольем и восстановил ее только в 1943 году³.

Действительно, некоторые священнослужители Русской Православной Церкви, оставшиеся на оккупированной территории, использовались советской разведкой. Среди них был даже епископ. Известно, что миссию разведчика исполнял Преосвященный Василий (Ратмиров)⁴,

¹ *W. Alexeew, Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941–1953, New York. Research Program on the USSR: Mimeographed Series. 1954. № 61. P. 91.*

² *Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 54.*

³ Э. И. Лисавцев — инструктор ЦК КПСС, курировавший религиозные вопросы в СССР в 1965–1980-е гг., написавший несколько книг и статей по истории Русской Православной Церкви и специально изучавший деятельность Прибалтийского экзархата. Устное свидетельство М. В. Шкаровскому в 1993 г.

⁴ *Василий (Ратмиров Василий Михайлович) (1890? — после 1947), «обновленческий» митрополит. Окончил Екатерининское духовное училище (1902) и Ставропольскую духовную семинарию (1908). В автобиографии указывал, что окончил Киевскую духовную академию, но в списках ее выпускников не значился. 17.08.1908 рукоположен в диакона, а 05.10.1909 г. во пресвитера. В 1920 г. принял монашество и возведен в сан архимандрита. Хиротонисан патриархом Тихоном 04.11.1921 г. во епископа Ейского, викария Ставропольской епархии, в мае 1922 г. уклонился в «обновленческий» раскол. В 1927 г. арестован, осужден и отбывал наказание в Соловецком лагере. Освобожден в 1932 г. и назначен епископом Армавирским и Майкопским. В июне 1935 г. направлен на Курскую кафедру и возведен в сан митрополита, был членом «обновленческого» Синода. По воспоминаниям курского духовенства вел себя вызывающе: «бритый в штатском костюме, с папиросой в зубах, под ручку с женой». 21.06.1938 г. назначен управляющим делами первоиерарха митр. Виталия (Введенского). По свидетельству Н. Д. Кузнецова, «вел себя в обновленчестве весьма странно: никогда не служил, не причащался Св. Таин, почти не носил духовного платья. Ведая финансами и хозяйством у Первоиерарха, он позволял себе выпивать с сезонными рабочими и иногда*

бывший в «обновленческом» расколе митрополитом, но потом перешедший в Московскую Патриархию. Вместе с группой разведчиков архиепископ Василий был заброшен на оккупированную территорию, где проводил определенную разведывательную деятельность, выполнял задания Москвы. Об этом пишет в своих воспоминаниях «Остаюсь единственным свидетелем» генерал П. А. Судоплатов. В годы войны он являлся начальником 4-го управления НКВД — НКГБ, руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в тылу противника, координировал работу агентурной сети на территории Германии и ее союзников. Надо заметить, что Судоплатов не был единственным свидетелем описываемых им событий. И в наши дни жив Иван Иванович Михеев — один из тех, кто был заброшен в немецкий тыл вместе с владыкой Василием.

«Уместно отметить и роль разведки НКВД в противодействии сотрудничеству немецких властей с частью деятелей православной церкви на Псковщине и Украине, — пишет в своих мемуарах генерал Судоплатов. — При содействии одного из лидеров в 30-х годах “обновленческой” церкви житомирского епископа Ратмирова и блюстителя патриаршего престола митрополита Сергия нам удалось внедрить наших оперативных работников В. М. Иванова и И. И. Михеева в круги

переругивался с ними. Он очень строго требовал от церквей взносы, следил за этим, чем и ограничивалась его деятельность». («Обновленческий» раскол. Материалы для церковно-канонической и исторической характеристики. М., 2002 С. 541–542). 30.08.1939 г. уволен на покой, после чего отрекся от сана и перешел на светскую работу бухгалтером. В июле 1941 г. принес покаяние и был принят Московской Патриархией в сане епископа, т. к., вероятно, скрыл факт своего отречения от сана, и назначен на Житомирскую кафедру, но к месту назначения не прибыл ввиду оккупации города немцами. 17.07.1941 г. назначен на Калининскую кафедру. Был привлечен советской разведкой для проведения операции «Послушники», суть которой состояла во внедрении на оккупированную территорию под видом церковнослужителей агентов НКВД. (См.: *Воскресенская З.* Под псевдонимом Ирина. М., 1997; *Смирнов В. А.* Операция «Послушники». Советская разведка и Русская Православная Церковь в годы войны // *Независимая газета.* 18.05.2005). В 1942 г. возведен в сан архиепископа. В 1943 г. назначен также и на Смоленскую кафедру с титулом «Калининский и Смоленский». С 04.09.1944 г. — архиепископ Минский и Белорусский. С 12.02.1945 г. — временно Управляющий Литовской и Белостокской епархиями. В марте 1945 г. награжден правом ношения Креста на клобуке. Был уличен в финансовых махинациях и моральной нечистоплотности. 13.08.1947 г. был вызван в Св. Синод для дачи объяснений, но не явился и был уволен на покой. (См. также: *Православная энциклопедия.* Т. 7. М. [2004]. С. 93–94). Дальнейшая судьба его неизвестна.

церковников, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории. При этом Михеев успешно освоился в профессии священнослужителя». От него поступала информация в основном о «патриотическом настрое церковных кругов»¹.

Возможно, и экзарх имел определенные контакты с советской разведкой. Во всяком случае, представляется вероятным, что он остался в Риге с санкции Патриаршего местоблюстителя. Это подтверждается их близкими личными отношениями и обдуманым, энергичным характером действий митрополита Сергия (Воскресенского) в первые месяцы после начала оккупации. Безусловно решение остаться в Риге далось экзарху не без труда. Оно означало полный разрыв связей с проживавшей в Москве горячо любимой матерью, судьба которой также оставалась неясной. Вероятно, по этой причине Владыка плакал во время своего первого богослужения в условиях германской оккупации².

---

¹ Судоплатов П. А. «Остаюсь единственным живым свидетелем...» // Молодая гвардия. 1995. № 5. С. 40.

² Treulieb E. Metropolit Sergij von Riga und die «Orthodoxe Mission in Pleskau». //in: Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde, Band 8, Göttingen 1965. S. 66.

3

ОТНОШЕНИЯ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ (ВОСКРЕСЕНСКОГО) С НЕМЕЦКИМИ ВЛАСТЯМИ В НАЧАЛЕ ОККУПАЦИИ

С самого первого времени немецкой оккупации митрополиту Сергию (Воскресенскому) пришлось столкнуться с серьезными проблемами. Через несколько дней после прихода немцев, — вспоминает А. В. Герич, — по одним сведениям митрополит Августин (Петерсон), [...], а по другим — кто-то из его окружения «донесли до сведения военных властей, что “в монастыре скрывается советский архиерей”. К его покоям был поставлен караул. Что означал этот арест?.. Два священника — один из самых старых, отец Иоанн Янсон, и один из молодых, отец Георгий Бенигсен, отправились к коменданту города Риги полковнику Уллерсбергеру ходатайствовать за владыку. Они объяснили ему, что митрополит Сергей действительно приехал из Москвы, но не вернулся туда, чтобы быть со своей паствой. Полковник Уллерсбергер немедленно поехал к арестованному. Он снял караул, извинился перед владыкой и спросил: “Чем я могу Вам помочь?”, — на что митрополит ответил: “Лично мне ничего не надо, но было бы хорошо, если бы Вы помогли посылать православных священников в те районы, куда будет продвигаться германская армия...”. Тот пообещал и, действительно, помог. Так было положено начало Псковской миссии»¹.

Вскоре после захвата Риги митрополит Августин (Петерсон) объявил прежний латвийский Синод действующим и 20 июля 1941 года направил германским властям просьбу о разрешении восстановить автономию Латвийской Православной Церкви под юрисдикцией

¹ Герич А. В. Из воспоминаний... С. 239.

Константинопольского патриарха и выдворении из Латвии «большевистского ставленника», «агента ЧК» экзарха митрополита Сергия (Воскресенского). Подобным образом события развивались и в Эстонии. 8 июля германские войска вошли в г. Печоры, а уже 17 июля настоятель местного эстонского православного прихода Петр Пякхель издал циркуляр, называя себя в нем благочинным Печорского округа, поставленным новыми гражданскими и военными властями. В циркуляре о. Пякхель требовал от священнослужителей прекратить поминовение экзарха за богослужением и возносить только имя митрополита Таллинского Александра (Паулуса) с титулом митрополита всея Эстонии. После взятия немцами Таллина 28 августа он ездил к митрополиту Александру и узаконил свое благочиние, а позднее был хиротонисан в сан епископа. 14 октября 1941 года митрополит Таллинский Александр также объявил себя «ответственным главой Церкви» и неоднократно доносил немцам на экзарха из Москвы¹.

Как мы уже упоминали, в первый же день оккупации Риги — 1 июля 1941 года митрополит Сергей был арестован, но через четыре дня освобожден по ходатайству духовенства на поруки. Существуют свидетельства, что уже во время этого ареста он не без успеха убеждал германские власти, что для них политически выгоднее примириться с поминовением главы Московской Патриархии, чем содействовать возвращению Латвийской и Эстонской Церквей в юрисдикцию Вселенского патриарха, экзарх которого находился в это время в Лондоне и имел тесные связи с правительством Великобритании. После своего освобождения митрополит Сергей, как экзарх Прибалтики, собрал подчинявшееся ему духовенство Риги в Троице-Сергиевом монастыре и объявил, что остается «послушником митрополита Сергия (Страгородского)»², т. е. Патриаршего Местоблюстителя в Москве. Очевидно, что для такого заявления экзарха была необходима определенная санкция германских властей.

Возможно, что расположение со стороны немцев владыка Сергей получил в том числе и потому, что с самого начала оккупации занял антикоммунистическую позицию. Уже в сообщении оперативной группы «А» полиции безопасности и СД от 11 июля 1941 года говори-

¹ ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 80, 92–93; *Балевиц З.* Указ. соч. С. 22–23.

² *Алексеев В., Ставру Т.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. Москва-Нью-Йорк-Париж. 1981. № 14. С. 131.

лось, что он выразил готовность опубликовать воззвание к верующим России, направленное против коммунизма, и составил его проект¹. Это способствовало тому, что сначала военная, а затем и гражданская германская администрация в Прибалтике не ликвидировали сразу же экзархат Московской Патриархии, а позволили ему временно остаться существовать до окончательного выяснения ситуации.

Избрав «наступательную тактику» в отношениях с ведомствами Третьего рейха, митрополит Сергей придерживался ее и в дальнейшем, предлагая один план своей деятельности за другим. Так, в сводке СД от 27 сентября 1941 года сообщалось, что национально-латвийские круги настаивают на обязательном и срочном отстранении экзарха. А митрополит Сергей со своей стороны день ото дня увеличивает активность и пытается привнести в руководящие германские органы свои далеко идущие планы, касающиеся Православных Церквей Балтийских стран и даже всей России и сводящиеся по всей вероятности «к панславянской идее». При этом СД занималось расследованием прошлой деятельности Сергея и имело серьезные подозрения, что он «состоял на службе большевистских политических органов»².

В архивах сохранился обширный меморандум «Заметки о положении Православной Церкви в Остланде», написанный экзархом 12 ноября 1941 года для германских ведомств с целью доказать, что переход Латвии и Эстонии под церковную власть Константинополя не в их интересах. Митрополит Сергей убеждал сохранить каноническое подчинение Прибалтики Московской Патриархии и заявлял, что она никогда не примирялась с безбожной властью, подчинившись ей только внешне, и поэтому он имеет моральное право призвать русский народ к восстанию. Экзарх призывал не дробить Церковь на части по национальному и территориальному признаку и предупреждал, что всякое вмешательство немцев в церковное управление будет использовано советской пропагандой как доказательство порабощения Церкви оккупационными властями: «С точки зрения церковно-политической было бы правильно положить в основу церковного порядка следующие принципы: 1) Принцип единства. — Было бы странно, если бы в Остланде существовали четыре рядом стоящие Православные Церкви — Белорусская, Литовская, Латвийская и Эстонская. Три

¹ Bundesarchiv Berlin (далее — BA). R 58/214. Bl. 126.

² Там же. R58/217, Bl. 399.

последние уже объединены в экзархате. Стоило бы экзархат связать с белорусскими епископствами в более высокую единицу... 2) Принцип канонической законности. — Чтобы избежать теперь и в будущем неизбежно следующих за схизмой ссор, Православная Церковь в Остланде должна пока оставаться в рамках Российской Патриархии... 3) Принцип автономии... 4) Принцип церковного единоначалия...»¹.

В образованный указом Гитлера от 17 июля 1941 года рейхскомиссариат «Остланд» во главе с Хинрихом Лозе вошли четыре генерал-бецирка² — Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия, и митрополит Сергий неоднократно пытался непосредственно участвовать в жизнедеятельности Белорусской Православной Церкви. Однако все эти попытки были строжайшим образом пресечены немцами. Так, в приказе рейхскомиссара Остланда Х. Лозе генералкомиссариатам о курсе церковной политики от 19 июня 1942 года предписывалось, «чтобы и далее в генерал-бецирке Белоруссия было запрещено действовать Католической Церкви Литвы, особенно архиепископу в Вильно, и Православной Церкви прибалтийских генерал-бецирков, особенно архиепископу в Вильно³ и подчиненным им органам»⁴.

Некоторое время после прихода немцев будущее экзархата оставалось неопределенным. Чиновники центрального аппарата Рейхсминистерства занятых восточных территорий (РМО), исходя из своей концепции максимально возможного раздробления и ослабления Русской Православной Церкви, выступали за его ликвидацию. В начале сентября на целый месяц в Прибалтику лично приехал руководитель группы религиозной политики этого министерства К. Розенфельдер, который посетил Таллин (Ревель), Псков, Ригу, Тарту (Дерпт), Каунас (Ковно), Вильнюс (Вильно) и Псково-Печерский монастырь, где его интересовали древние сокровища, библиотека и архив обители. Розенфельдер встречался с митрополитом Сергием, несколькими православными священниками, а также вел переговоры с офицерами СД, курировавшими религиозные вопросы в Прибалтике. По итогам поездки он написал своему начальству три докладные записки с конкретными предложениями относительно проведения церковной политики в «Остланде».

¹ Алексеев В., Ставру Т. Указ. соч. С. 133–134, 136; ВА. R90/128. Вл. 7592–7612.

² Бецирк (с немецкого) — район.

³ Имеется в виду митрополит Сергий (Воскресенский).

⁴ Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха... С. 232.

Из упомянутых документов видно, что Розенфельдера, рассчитывавшего увидеть на бывшей советской территории воспитанное в атеизме население, неприятно удивила высокая религиозность народа: «Православная церковь ощущает себя больше, чем когда-либо заботящейся о народе. Так же по моим сегодняшним наблюдениям и впечатлениям во время моей поездки в Остланд сформировалось представление, что церковь и христианство на Востоке после исчезновения большевизма переживают новый подъем». Относительно т. н. «карловацкой группы» — Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) руководитель группы религиозной политики считал, что она должна исчезнуть, по возможности путем вхождения в сохранившуюся в России Церковь. Его точка зрения отрицательного отношения к карловчанам совпадала с позицией СД: «Прежде всего, в СД негативно указывают на возможный приход на Восток православного архиерея в Германии — епископа Серафима». Интересен в связи с этим цитируемый отзыв о карловчанах экзарха Сергия: «Он сказал, что примирение противоречий между эмигрантской церковью и церковью митрополита Сергия в Москве является его задачей, и он уже предпринял некоторые шаги в этом направлении»¹.

В упоминавшейся докладной записке от 7 октября Розенфельдер высказал следующие предложения: «1) Осторожность по отношению к эмигрантской церкви. 2) По возможности препятствовать православной церкви в России превратить Московский патриархат в общецерковный центр на Востоке. Поддержка возникновения автокефальных церквей в отдельных рейхскомиссариатах. 3) Представителя Московской церкви в Остланде экзарха Сергия насколько возможно быстро удалить из Остланда, чтобы полностью исключить там влияние русских. СД собирается первоначально выслать экзарха в Ковно. Точка зрения СД состоит в том, чтобы, удалив экзарха от главного места событий в Остланде, не упускать его совсем из поля зрения из-за очень ценной информации, которую от него получают о Московской церкви»².

В вопросе о необходимости полного удаления митрополита Сергия и ликвидации экзархата мнение Розенфельдера, как руководителя группы религиозной политики, отличалось от точки зрения СД.

¹ ВА. R6/178, Вл. 108–109, 104–105.

² Там же. R90/128, Вл. 7541, 7510.

В сделанной в Риге 8 сентября записи переговоров Розенфельдера с оберштурмфюрером СС Либрамом (отвечающим в оперативной команде «Остланд» СД за Православную Церковь) сообщалось мнение последнего о необходимости в какой-нибудь форме оставить Русскую Православную Церковь, «чтобы не создавалось опасного вакуума»¹.

Негативно относились к экзархату и другие чиновники Рейхсминистерства занятых восточных территорий. Например, его представитель при группе армий «Север» 9 декабря 1941 года писал руководителю главного отдела политики министерства Лейббрандту: «Назначенный в советский период в Ригу московскими правителями экзарх Сергей был оставлен на своей должности военной администрацией и также введенным затем гражданским управлением в результате, по-моему, ошибочного мнения, что эту церковь можно было бы использовать в борьбе против большевизма... Эстонцы православного вероисповедания отвергают его [экзарха — *авт.*], как присланного Советами. Они противятся его попыткам распространить свою власть на эстонских представителей этого вероисповедания. В Печорах эта борьба вспыхнула открыто, так как местный бургомистр заменил попа русской национальности. Некоторые восприняли это как признак эстонских национальных стремлений к самостоятельности. Я придерживаюсь другого мнения. Мы скорее должны приветствовать сопротивление эстонцев. По-моему, для нас не может не быть важным то, что с созданием охватывающих обширные территории церковных организаций в дальнейшем возникнет фронт против немцев. Эта опасность существует, если мы допустим или, может быть, даже поддержим церковные организации выше рамок прихода. Тогда через некоторое время мы окажемся перед фактом, что в различных рейхс - или генерал-комиссариатах существуют утвердившиеся церковные организации, которые имеют естественные намерения расширить свою власть, вспоминая о времени, когда православная церковь полностью господствовала во всей частной и общественной жизни народов восточного пространства». При этом представитель Рейхсминистерства занятых восточных территорий полагал, что его точка зрения согласуется с генеральной линией министерства².

¹ Там же. R6/177, Bl. 11–12.

² Institut für Zeitgeschichte München (IfZ), MA 546, Bl. 531–533.

Месяцем раньше — 1 ноября 1941 года сотрудник политического отдела рейхскомиссариата «Остланд» Масков представил рейхскомиссару Лозе крайне тенденциозный доклад «Вторжение Греко-православной церкви в прибалтийское пространство и ее русификаторские устремления в царской России», в котором подчеркивал: «Римско-византийская идея воздействует и сегодня, и Греко-православная церковь также и большевизмом в отдельных случаях рассматривается как господствующая церковь. Из доклада Белорусского национального комитета в Вильно от 11 августа 1941 года следует, что местный православный священник всегда ощущал и сейчас ощущает себя патриотом Москвы и мечтает о господстве Москвы, все равно идет ли речь о царском или большевистском. Даже сегодня он не скрывает в разговорах своих симпатий к большевикам... Экзарха Сергия местные жители при Советах называли “чекистом”. Ему быстро удалось завоевать много сторонников среди православных русских, в основном из низших слоев».

Масков выделял среди православного духовенства Латвии три политических течения: 1. «царистское» — за единую великую Российскую империю; 2. коммунистическое — его представляли митрополит Сергей, рижский протоиерей Н. Македонский и др.; 3. националистическое латышское во главе с митрополитом Августином. Подобная ситуация, по мнению автора доклада, существовала и в других генерал-бецирках Остланда, старообрядцы же тоже казались ему враждебными, так как в период советской власти не были настроены против коммунистов из-за русского национализма¹.

Однако экзарху уже в начале июля удалось установить контакт с командованием группы армий «Север» и сделать предложение направить миссионеров в занятые российские области. В середине августа со стороны соответствующих служб Вермахта было получено разрешение на создание Православной духовной миссии. Важно подчеркнуть, что в целом германская военная администрация проявляла гораздо более терпимый подход к Русской Церкви, чем гражданская.

¹ ВА. R90/128. Bl. 7582–7590.

4

ОРГАНИЗАЦИЯ МИССИОНЕРСКОЙ РАБОТЫ В ЛАТВИИ И НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР. ПСКОВСКАЯ МИССИЯ

Организация миссионерской работы на Северо-Западе России стало главным в деятельности митрополита Сергия в годы войны. Он взял на себя попечение о религиозных нуждах православного населения областей, прилегавших к экзархату, вполне законно, так как митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) оказался в блокированном Ленинграде: «Мы почли долгом своим на время принять эту территорию под свое архипастырское покровительство, — писал в 1942 году экзарх, — чтобы немедленно приступить на ней к восстановлению церковной жизни, и для этой цели направили туда миссионеров из экзархата, духовенство которого большевики, за короткое время своего владычества в прибалтийских странах, не успели полностью уничтожить»¹.

Уже в июле экзарх учредил Внутреннюю православную миссию в Латвии для обслуживания материальных и духовных нужд беженцев, раненых и военнопленных. Ее начальником был назначен заслуженный протоиерей, член Синода Латвийской Православной Церкви с 1923 года, руководитель его миссионерского стола о. Кирилл Зайц. «Об этом замечательном пастыре, — пишет в своих записках А. В. Герич, — надо сказать несколько слов. Дело в том, что при архиепископе Иоанне [Поммере — *авт.*] он был единственным митрофорным протоиереем в Латвийской Православной Церкви. И, тем не менее, владыка Иоанн запретил его в служении, причем, как считали многие

¹ Бовкало А. А., Галкин А. К. Новгородская епархия в годы оккупации // София. 1995. № 2. С. 4.

церковные люди, незаслуженно. Митрополит Сергей снял наложенное на него прещение, а во время своего посещения Пскова в 1943 году возвел его в сан протопресвитера. В 1944 году о. Кирилл был арестован и осужден на 20 лет лишения свободы в лагере. Умер он в 1948 году 79 лет от роду в Карлаге»¹.

В составе Внутренней миссии также трудились отцы Георгий Бенигсен, Роман Берзиньш и ряд других священников, обслуживавших, пока имелась возможность, лагерь военнопленных. Уже через четыре месяца из-за противодействия нацистов эта возможность была утрачена, и Внутренняя миссия в Латвии на два года прекратила свое существование. В дальнейшем многие ее работники активно проявили себя на российской земле.

Окончательное решение о направлении миссионеров в Россию было принято 15 августа в Риге на совещании митрополита Сергея и начальника его канцелярии профессора И. Д. Гримма с представителями германского военного командования, на котором была выработана примерная программа деятельности Миссии и центром ее размещения намечен Псков. В тот же день экзарх подписал указ об учреждении «Православной Миссии в освобожденных областях России» (по-немецки «Die Orthodoxe Mission in den befreiten Gebieten Russlands»). 18 августа в помещении Синода состоялось инструктивное совещание с участием его членов и первых 14 миссионеров, на котором не присутствовали представители немецких властей. После напутственного молебна митрополит обратился к отъезжающим в Россию с прощальной речью, в которой призвал миссионеров к усиленному труду на ниве Божией и поставил задачи восстановления и открытия храмов, крещения населения, содействия росту религиозных чувств, подчеркнув: «Не забывайте, что вы прибыли в страну, где на протяжении более 20 лет религия самым безжалостным образом отравлялась и преследовалась, где народ был напуган, принижен, угнетен и обезличен. Придется не только налаживать церковную жизнь, но и пробуждать народ к новой жизни от долголетней спячки, объясняя и указывая ему преимущества и достоинства новой, открывающейся для него жизни»².

¹ Герич А. В. Из воспоминаний... С. 239.

² Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 44; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Псковской области (АУФСБ Псковской обл.). Ф. арх.-след. дел. Д. А-10676. Т. 1. Л. 58.

По воспоминаниям протоиерея Алексея Ионова, митрополит Сергей предписал целому ряду священников, тем, кто помоложе, отправиться в Псков, без каких бы то ни было предварительных разговоров с ними. «О нашем личном согласии никто не справлялся. Все делалось в рамках церковной дисциплины, церковного послушания. Это первое, что необходимо отметить. К чести нашего духовенства, никто не отказался от участия в Миссии, от церковной работы в тех местах, где годами не звучало слово Божие, не совершались богослужения, где народ молился лишь “про себя”, сокровенно...».

На совещании 18 августа выступал и профессор И. Д. Гримм. Он призывал миссионеров относиться с доверием к немецким властям, которые помогут в работе, и вообще говорил о необходимости популяризации их как защитников религии и Православной Церкви. Согласно показаниям на допросах 23 августа и 6 сентября 1944 года о Кирилла Зайца И. Д. Гримм был поставлен немцами на должность начальника канцелярии экзарха после того, как секретарь митрополита Сергия Дмитрий Иванович, прибывший с Владыкой в 1940 году из Москвы, исчез и «по слухам» был арестован гестапо. По словам о. Кирилла, И. Д. Гримм имел связь с СД и негласно следил за экзархом.

После окончания совещания подъехал автобус, предоставленный немецким командованием, и первые миссионеры с пением молитвы отправились в Псков, куда они прибыли вечером того же дня. Накануне, 17 августа в Рижском кафедральном соборе после воскресного богослужения экзарх обратился с амвона к своей пастве со словами радости о том, что «руководимой им Православной Церкви в Латвии... выпала большая честь — направить первую группу миссионеров... в Россию»¹.

Организуя миссию, Владыка Сергей стремился возродить духовную жизнь там, где она была почти полностью уничтожена большевиками в 1930-е годы. «К началу Великой Отечественной войны на всей территории Псковской области действовали только два храма — в Пскове и в Гдове. Верующие встречали миссионеров с исключительным воодушевлением. Повсеместно открывались новые и, где возможно, восстанавливались сохранившиеся храмы. К исповеди и Святому Причастию приступали тысячи и тысячи людей, крести-

¹ Там же. Л. 30, 36, 58; *Балевиц 3*. Указ. соч. С. 27, 29.

ли детей, создавали катехизические курсы для взрослых, пастырские и богословские курсы, во всех школах преподавали Закон Божий [...] Деятельность Псковской миссии полностью осуществлялась на добровольные пожертвования верующих, но священнослужители жалование не получали. За три года существования миссии было создано до 200 приходов, которые окормлялись 175 пресвитерами. Подготовка священнослужителей для приходов в основном осуществлялась в Рижской духовной семинарии»¹.

Инициатива православного населения и являлась одной из главных причин открытия Псковской Миссии. Об этом вспоминал, например, служивший в годы войны псаломщиком в Миссии архимандрит Кирилл (Начис). «Официально принято считать, что мысль направить на оккупированные немецкими войсками территории православных священников принадлежит митрополиту Сергию (Воскресенскому), который являлся Экзархом всей Прибалтики. Но мне думается, что идею направить православных миссионеров в приходы северо-запада России ему подал сам русский народ. Ведь после отступления Красной Армии сотни тысяч людей были брошены на произвол судьбы. Народ хлынул в еще уцелевшие церкви и храмы. Люди посылали ходяков в Псков с просьбой прислать священников». Эти слова архимандрита Кирилла автор книги о Псковской Миссии К. Обозный дополняет свидетельством протоиерея Георгия Бенигсена, который называет победой отправку миссионеров во Псков. «Ее одержали сотни тысяч русских людей, истосковавшихся по Богу, по Церкви, по благовестию, тех, к кому мы отправляли наших священнослужителей»².

Еще одна причина создания Миссии заключалась в необходимости окормления епархий, временно оказавшихся без правящих архиереев. Сам митрополит Сергей, говоря в августе 1941 года о Миссии и об учрежденном при ней Управлении, отмечал, что эта церковная организация имеет временный характер и будет действовать «до восстановления непосредственной связи с Патриаршей Церковью, когда высшая церковная власть сможет или присоединить эти области к экзархату, или воссоединить с прежними епархиями».

Ввиду военных действий связь экзарха Сергия с архиереями соседних епархий была прервана, и потому включить эту территорию

¹ *Алексий (Ридигер), Патриарх Московский и всея Руси.* Указ. соч. С. 412.

² *Обозный К. П.* История Псковской Православной Миссии. С. 70.

в экзархат митрополит не мог, не имея на то согласия этих правящих епископов. Однако «по существующим каноническим правилам экзарх имел вполне законное право принять области других епархий, временно утративших архиереев, под свое духовное окормление, так как они принадлежат к той же автокефальной церкви, как и он сам»¹. Так как территория, окормляемая Миссией, принадлежала к епархиям, управляемым Ленинградским митрополитом Алексием (Симанским), экзарх указал миссионерам на необходимость неукоснительно возносить за богослужением имя служившего в блокированном городе Ленинграде архиерея. Духовное руководство новообразованными приходами временно принял на себя епископ Нарвский Павел (Дмитровский)².

Возможно, учреждая миссию, митрополит Сергей (наделенный немалым честолюбием) планировал в дальнейшем использовать ее как основу для создания временных органов церковного управления, представлявших Московскую Патриархию во всех оккупированных российских областях с целью создания в них каноничной церковной власти. На одном из допросов в советских органах госбезопасности в 1944 году о. Кирилл Зайц говорил, что, поставив вопрос об учреждении Псковской миссии, экзарх «имел в виду ее деятельность распространить не только на Ленинградскую и Калининскую области», но и на другие российские территории по мере продвижения немцев, и возможные пункты дислокации Миссии в дальнейшем намечались в Ленинграде и Москве³.

В любом случае подобные планы встретили бы резко негативную реакцию оккупационных властей, заинтересованных не в объединении, а в максимальном раздроблении церковных общин на контролируемых ими территориях. Псковскую миссию не допустили не только в центральные российские области, но даже в южные части Псковской, Новгородской и в Калининскую епархии, захваченные войсками группы армий «Центр». Миссия осталась строго ограниченным в территориальном плане явлением, и сам факт ее создания объясняется прежде всего незаурядными дипломатическими способностями митрополита Сергея, сумевшего убедить представителей

¹ *Обозный К.* Псковская Православная Миссия в 1941–1944 гг. Миссионерский аспект деятельности // Православная община. 2000. № 1(55). С. 75.

² *Алексий (Ридигер), Патриарх Московский и всея Руси.* Указ. соч. С. 412.

³ АУФСБ Псковской обл. Ф. Арх.-след. дел. Д. А-10676. Т. 1. Л. 180–184.

командования группы армий «Север» в правильности своих предложений еще до окончательного формирования гражданской администрации рейхскомиссариата «Остланд», поставив ее, таким образом, перед свершившимся фактом.

Оккупационные власти признали руководство деятельностью миссионеров со стороны экзарха, ответственность Миссии, а не какого-нибудь светского административного органа за каноническую проверку и политическую деятельность духовенства, ее полную финансовую самостоятельность. Миссия также была признана как часть Московской Патриархии, а не как автономная церковная структура. Все это являлось важным достижением экзарха в борьбе за независимость Русской Православной Церкви.

С учетом чрезвычайных военных обстоятельств отправка миссионеров была проведена очень быстро, уже через три дня после учреждения Миссии. Митрополит Сергей лично отбирал кандидатуры священнослужителей. Без предварительных разговоров с ними и опросов о личном согласии экзарх «предписал целому ряду священников, тем, кто помоложе, отправиться в Псков» в порядке церковного послушания. «К чести нашего духовенства, — отмечал о. Алексей Ионов, — никто не отказался от участия в Миссии, от церковной работы в тех местах, где годами не звучало слово Божие, не совершались богослужения, где народ молился лишь “про себя”, сокровенно»¹.

Первоначальное ядро Миссии составили активные, хорошо образованные русские священники из Рижской, а позднее из Нарвской епархий, — эмигранты, стремившиеся помочь своей Родине. Следует отметить, что Псковская Миссия оказалась единственной полномасштабной акцией, проведенной силами русской эмиграции в России. Среди первых 14 миссионеров, выехавших 18 августа в Псков, были три воспитанника знаменитого Свято-Сергиевского Богословского института в Париже. Именно указанная миссионерская работа являлась одной из основных причин сохранения экзархата, так как в этом проявило заинтересованность командование группы армий «Север».

Осенью 1941 года состав Миссии пополнился новыми членами. Мы прибыли во Псков к Дмитриевской субботе 1941 года, — вспоминал об этом времени протоиерей Георгий Тайлов, — «...Тогда

¹ *Ионов Алексей, протоиерей. Записки миссионера (Псковская Миссия) // По стопам Христа (Беркли, США). 1954. № 50. С. 12, 29.*

штаб Миссии располагался в части Пскова, именуемой “У пролома”, в квартире протоиерея Николая Колиберского. О. Николай покинул Псков во время гражданской войны и служил в г. Даугавпилс (по-русски — Двинск). Во Пскове у него остался сын — учитель русской литературы, но когда о. Н. Колиберский вернулся во Псков с первой группой миссионеров, прибывшей во Псков вечером 18 августа 1941 г., то он сына не застал. Сын эвакуировался, а о. Николай занял его квартиру, в которой осталась и мебель и библиотека, и вступил в должность временно исполняющего обязанности начальника Миссии. Из местных жителей во Пскове нашлось два священника, которые в советское время где-то служили, но не как священники. Они стали служить в Св.-Троицком соборе, Дмитриевской и Вараламовской церквях»¹.

Особенностью оккупационного режима в Пскове было то, что город и значительная часть области являлись прифронтовыми. Командование этим районом находилось не в руках крупных нацистских деятелей (рейхскомиссаров и проч.), как это было, например, в Белоруссии или на Украине, а в ведении военного управления.

Германскую власть в городе представлял начальник окружной военной полевой комендатуры генерал Гофман, военный комендант Пскова майор Мюллер-Остен и начальник полиции безопасности СД гаупштурмфюрер СС Энгельмайер. В гостинице «Октябрьская» был расположен штаб командования Северного фронта. Псковский гарнизон, рассредоточенный по всему городу, насчитывал около 20 000 солдат и офицеров. На окраинах Пскова были расположены трудовые лагеря и лагеря военнопленных. В военном городке Завеличье в бывших конюшнях содержалось до 100 000 человек, на территории городских ремонтных мастерских около 20 000 человек, на южной окраине города — от 50 до 60 000 военнопленных.

В то же время в городе существовали школы и детские сады, были открыты театры и кино (для русских, не владевших немецким языком, был открыт отдельный кинотеатр), проходили концерты, в том числе известного оперного певца Н. Печковского, проводились футбольные соревнования между местными жителями и германскими военнослужащими. «Немцы стремились установить свой “новый порядок”».

¹ Псковская православная миссия 1941–2001. К 60-летию ее основания // Православная жизнь. № 1(612), январь 2001. С. 5–6.

Однако ремонт дорог, восстановление мостов и линий электропередач, попытка урегулировать рыночные цены и даже земельная реформа, начавшаяся весной 1942 года (упразднение колхозной системы и наделение крестьянских семей земельными участками), — все это делалось прежде всего в интересах немецкой армии»¹.

В конце ноября 1941 г. из-за ухудшения здоровья 69-летний протоиерей Николай Колиберский, некоторое время исполнявший обязанности начальника Псковской Миссии, был вынужден вернуться в Ригу по состоянию здоровья. Его место занял о. Кирилл Зайц, 25 апреля 1943 г. возведенный экзархом в сан протопресвитера с представлением права совершать литургию по архиерейскому чину. В конце ноября 1941 г. о. Кирилл был освобожден от своих прежних обязанностей настоятеля Рижского кафедрального собора и руководителя миссионерского стола при Синоде и назначен начальником Миссии, но приехал в Псков и приступил к своим обязанностям, сменив о. Николая, 1 декабря. По словам о. Кирилла, на новую должность он «пошел с большим желанием и осознанием своего долга». В показаниях на допросах в августе — сентябре 1944 г. о. К. Зайц говорил, что перед отъездом в Псков у него была беседа только с митрополитом Сергием, который дал ему указания о практической работе: «Принять самые энергичные меры в восстановлении и открытии храмов, организовать в них церковные службы, всемерно удовлетворять запросы верующих. Подбирать священников церквей, проверять их, экзаменовывать, а также готовить кадры новых священников». Протопресвитер подчеркнул, что указаний относительно контактов с местными органами немецкой власти он от экзарха не получал, и Владыка предупредил, «что я должен вести работу только по церковным вопросам»².

Уже на первом допросе в августе 1944 г. о. Кирилл не скрывал своих взглядов и сообщил, что его «отношение к советской власти отрицательно-враждебное». Из его показаний того времени видно, что протопресвитер сначала питал некоторые иллюзии в отношении немецких властей, полагая, что они «избавят русский народ от советского строя, большевиков и безбожия» и на «оккупированной территории будут для русского народа созданы лучшие условия жиз-

¹ *Обозный К. П.* История... С. 73.

² АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 1, л. 30, 39–41, 186.

ни». Позднее, когда оккупанты показали свое «истинное лицо», эти иллюзии исчезли. 10 октября 1944 г. о. Кирилл Зайц с возмущением рассказывал следователю, что немцы в последний период оккупации (конец 1943 — первая половина 1944 гг.) сожгли на Талабских островах 800 домов, а в д. Ленева Гора Псковского района заживо сгорели 55 человек, деревня была зажжена со всех сторон, и фашисты никого не выпустили, пытавшихся же бежать расстреливали. Только в окрестностях Пскова, по свидетельству о. Кирилла, немцы взорвали и сожгли 15 храмов, и русские крестьяне (а судя по контексту и сам начальник Миссии) возненавидели их¹.

Отношение же немецкой оккупационной администрации к деятельности миссионеров на территории Ленинградской области с течением времени менялось. Как отмечал новгородский историк Б. Н. Ковалев, «изначально они не получили никакой поддержки ни со стороны немецкой, ни со стороны русской коллаборационистской администрации. Дело дошло до того, что вновь прибывшие священники даже не получили продовольственных карточек»².

Выполняя директивы Берлина, германская военная администрация прямо не содействовала, но и не препятствовала возрождению храмов. В то же время известны неоднократные случаи занятия церковных зданий под казармы и даже — как в селе Выборы в 1943 г. — размещения воинских частей для проживания в действующих храмах. Еще в сентябре 1941 г. вышло распоряжение германского командования, по которому все материальные затраты по содержанию культовых зданий должно было нести местное население. Военная и гражданская администрация в основном ограничилась демонстративной передачей верующим некоторых церковных ценностей. Особенное значение имела передача в 1942 г. в Троицкий собор Пскова чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери.

Эта икона по преданию была написана Евангелистом Лукой и принадлежит к тем трем «основным» иконам, которые являются ровесниками Самой Богородицы. Почитаемая как символ Византийской империи, она, согласно церковному преданию, в 1383 г. исчезла из Константинополя и появилась над водами Ладожского озера. Посетив

¹ Там же, л. 29, 161.

² Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.). Новгород, 2001. С. 439.

затем многие места, икона явилась в небе над горой близ г. Тихвина. На этом месте был возведен храм во имя Успения Божией Матери, а в 1560 г. устроен мужской монастырь. У иконы происходило множество исцелений, а в 1613 г. она защитила жителей Тихвина, укрывшихся в монастыре от шведской армии. В начале ноября 1941 г. германские войска захватили Тихвин, но затем быстро оставили в результате контрнаступления советской армии. Отступая, захватчики разграбили и частично разрушили здание Успенского монастыря, в котором находился краеведческий музей¹.

Первоначально оккупанты, видимо, не собирались передавать чтимый образ православным, но затем решили использовать этот акт в пропагандистских целях. В конце декабря 1941 г. икона была прислана Псковским комендантом в помещение Управления Миссии с указанием, что ее якобы с риском для жизни спасли «из-под рушившихся от большевистских бомб и гранат стен Тихвинского собора» солдаты хозяйственной инспекции группы армий «Север». В честь прибытия чудотворного образа в Псков 1 января 1941 г. был устроен торжественный крестный ход. К зданию Управления Миссии на Застенной ул. прибыли прихожане из всех псковских церквей и затем начался общий крестный ход с иконой в Свято-Троицкий собор. Однако первоначально образ был в кафедральном соборе недолго, вскоре его пришлось вернуть в помещение комендатуры. И лишь 22 марта 1942 г. Тихвинская икона Божией Матери была окончательно передана в ведение Миссии. В этот день крестные ходы из городских церквей сошлись у здания немецкой комендатуры, икону вынес генерал, который после «торжественной речи» с выражением пожелания, «чтобы для измученного русского народа и в области религии наступил расцвет новой жизни» передал образ о. К. Зайцу. В кратком ответном слове протоиерей выразил благодарность «немецкой власти и немецкой армии, которая спасла русскую святыню, которую бы, если б не немцы, большевики уничтожили». Затем икону приняли иподиаконы на специальные носилки и понесли крестным ходом в Троицкий собор (где святыня оставалась до февраля 1944 г.). На Соборной площади была воздвигнута платформа, на ней — аналой, куда водрузили образ. Произнести проповедь было

¹ *Никитин М. Н., Вагин П. И.* Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей. Л., 1943. С. 148–149.

поручено о. Георгию Бенигсену. «С дерзновением, присущим молодости, он говорил о подвиге св. Александра Невского, освободившего Псков и Новгород от иноземного нашествия»¹.

В конце ноября 1942 г. состоялась вторая крупная демонстративная акция. В Пскове экзарху были вручены 1026 старинных напрестольных Евангелий, церковных рукописей XVI–XIX веков. Во время торжественного акта передачи представитель ведомства Розенберга заявил: «Я передаю сегодня спасенные Библии и молитвенники Православной Церкви; она — под защитой германских военных сил — снова может совершать богослужения... Мы ведем одинаковую борьбу! Поэтому разрешите... вручить вам еще одно духовное оружие борьбы, являющейся также и нашей борьбой». Подобные акции были рассчитаны прежде всего на пропагандистский эффект².

Даже в период лояльного отношения оккупационных властей Миссии приходилось в своей работе сталкиваться со значительными препятствиями и стеснениями. А в дальнейшем ситуация еще более осложнилась. Многие германские чиновники были встревожены результатами миссионерской работы: «сплочением русских людей под покровом Церкви, их твердостью, мужеством и верой». На это оккупанты никак не рассчитывали, ведь «Миссия не стала орудием контроля над русскими людьми, но напротив, возвращая их к Церкви, укрепляла и поддерживала в условиях оккупации». Чем успешнее работала Миссия и чем хуже становилось положение немецкой армии, тем более напряженный характер принимали отношения экзарха и Управления Миссии с оккупантами. СД усилило слежку за миссионерами, не брезгуя провокационными актами. В последние месяцы существования Псковской Миссии ее положение особенно осложнилось³.

На протяжении всех двух с половиной лет существования Миссии ее деятельность развивалась постепенно, но неуклонно. Об этом свидетельствуют существующие в различных источниках, хотя и очень

¹ Бернев С. Судьба святыни. Кто и как вывез чудотворную икону Тихвинской Божией Матери из России // Русь Православная. 2001. № 11–12. С. 3; Раевская-Хьюз О. О Псковской Миссии // ЖМП. 2001. № 9. С. 62; АУФСБ Псковской обл., ф. арх. — след. дел, д. А-10676, т. 1, л. 136–137.

² ВА, R 5101/22183, Вл. 80.

³ Обозный К. Псковская Православная Миссия в 1941–1944 гг. (миссионерский аспект деятельности) // Православная община. № 2 (56). С. 88–89.

отрывочные, статистические данные. В марте 1942 г. на территории, окормляемой Миссией, служили 50 священников, в середине апреля — 60, а в августе 77 священников окормляли 200 приходов. В газете «За Родину» от 4 декабря 1942 г. говорилось о 98 священниках и 220 храмах, по сведениям же журнала «Православный христианин» к началу 1943 г. на территории бывшей Псковской и части Петроградской губернии имелись 221 приходская церковь и 84 священника, в том числе 14 миссионеров из Прибалтики. На протяжении 1943 г. количество действующих храмов значительно выросло (например в Псковском районе почти в 4 раза, с 6 до 23) и в прессе, например в «Православной Руси» и Печорской газете «Новое время», появилась информация о 400 приходах. Число же священников к январю 1944 г. по данным историка З. Балевица, достигло 175. По свидетельству же секретаря Управления Миссии А. Перминова, их было 160, а также 25 диаконов и около 150 псаломщиков¹.

Согласно подсчетам, сделанным на основе сотен архивных документов, материалов прессы и нарративных источников, к началу 1944 г. на оккупированной территории Ленинградской области действовало не менее 390 храмов, в том числе 193 в Псковской епархии, 117 в Ленинградской и 82 в западной части Новгородской епархии, а с учетом Печорского края, Принаровья и Пыталовского района всего на Северо-Западе России в период оккупации существовало около 450 действующих храмов. По данным публикуемого в приложении, вероятно, далеко не полного биографического перечня, в северо-западных епархиях (без Ленинграда и оккупированной финнами территории) во второй половине 1941–1944 гг. служили в общей сложности 257 священников и диаконов (из них 27 из Латвии, 13 из Эстонии и 1 из Литвы), 75 монашествующих, 14 послушников, а также 60 псаломщиков (из них 9 — из Латвии) и 13 миссионеров-мирян.

Когда число приходов достигло значительного количества, возникла необходимость создания благочиннических округов. В принципе ведение института благочинных для координации «сношений центра Миссии с подведомственными ей районами и для надзора за работой местного духовенства» предусматривалось уже в циркуляре от 10 февраля 1942 г. Но в феврале были лишь назначены уполномоченные для трех

¹ АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 3, л. 543; *Балевиц*. З. Указ. соч. С. 33, 41; ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 14, л. 27, д. 10, л. 26; *Treulieb E.*, а.а. О., S. 56–57.

наиболее удаленных от Пскова округов: Гатчинского — прот. Николай Шенрок, Ушаковского (прифронтового) — Иоанн Амосов и Новгородского — прот. Василий Николаевский. В июне количество приходов выросло до 150 и их разделили на 10 округов, каждый из которых возглавил благочинный. В дальнейшем эта система претерпевала небольшие преобразования, например, в декабре 1942 г. был упразднен Ушаковский (прифронтовой) округ, в апреле 1943 г. Порховско-Дновский разделен на два, а затем в июне 1943 г. из Порховского округа выделен в качестве самостоятельного Солецкий, и, таким образом, всего в период оккупации существовало 12 округов (6 в Псковской епархии, 4 в Ленинградской и 2 в Новгородской).

Должности благочинных и их заместителей занимали 24 человека: в Гдовском округе с 8 июля 1942 по апрель 1943 гг. — свящ. Иоанн Легкий, в июне 1943 — феврале 1944 гг. — свящ. Алексей Ионов; в Псковском — с июня 1942 по апрель 1943 гг. — прот. Николай Жунда, с апреля по август 1943 г. — прот. Николай Шенрок, с 7 августа 1943 по 19 февраля 1944 гг. — прот. Феодор Михайлов; в Порховско-Дновском — с июня 1942 по 16 марта 1943 гг. — свящ. Василий Рушанов, затем в Дновском — с марта по апрель 1943 г. — свящ. Георгий Сперанский, в апреле — ноябре 1943 г. — свящ. Владимир Толстоухов, в ноябре 1943 — феврале 1944 гг. — прот. Сергей Василевский, а в Порховском — в апреле — августе 1943 г. — свящ. Николай Миронович, в августе — ноябре 1943 г. — свящ. Иаков Начис и с ноября 1943 по февраль 1944 гг. — прот. Павел Студентов; в Островском — с июня 1942 по май 1943 гг. — свящ. А. Ионов, в июне 1943 — январе 1944 гг. — прот. Н. Жунда, в январе — феврале 1944 г. — свящ. Николай Миронович; в Пушкиногорском — в июне — декабре 1942 г. — свящ. В. Толстоухов, в июле 1943 — феврале 1944 гг. — свящ. Георгий Тайлов; в Ушаковском (прифронтовом) — формально с июня по декабрь 1942 г. Иоанн Амосов; в Лужском — в сентябре 1942 — апреле 1943 гг. — прот. Николай Заблоцкий, в мае — августе 1943 г. — свящ. И. Начис, в августе 1943 — 1944 гг. — прот. Михаил Образцов; в Гатчинском — осенью 1942 г. — И. Амосов, затем прот. Николай Быстряков и прот. Федор Забелин; в Сиверском — с июня 1942 по февраль 1944 гг. — прот. Н. Быстряков; в Новгородском — фактически с 25 августа 1941 по 10 ноября 1943 гг. прот. Василий Николаевский; в Солецком — с июня 1943 по январь 1944 гг. — прот. Владимир Бируля. Кроме того, Порховско-Дновский (Порховский) благочинный

имел заместителей: с июня 1942 по июнь 1943 г. по Солецкому району (о. В. Бируля), в январе — марте 1943 г. по Дновскому району (свящ. Г. Сперанский), в марте 1943 — феврале 1944 г. по Волотовскому району (свящ. Михаил Никитин) и в сентябре 1943 — феврале 1944 г. по Пожеревицкому району (прот. Евгений Троицкий). Также с 1 мая по июнь 1943 г. заместителем Псковского и Гдовского благочинных был свящ. Георгий Бенигсен, а заместителем Островского благочинного с декабря 1942 по апрель 1943 гг. — о. В. Толстоухов и с апреля по июнь 1943 г. — о. Г. Тайлов¹.

Благочинные осуществляли непосредственное руководство священнослужителями своего округа. Они могли назначать настоятелей приходов и разрешать служить дальше уже окормлявшему общину по своей инициативе или приглашению прихожан священнику, однако с последующим оформлением в Пскове². В приходской жизни соборное начало было почти совершенно отменено. Циркуляром экзарха Сергия от 16 марта 1942 г. устанавливалась близкая к дореволюционной единоличная форма управления приходом с настоятелем во главе, запрещался созыв общих собраний в приходах. Как совещательный орган мог существовать церковный попечительный совет, но члены его, а также церковные старосты, ревизионные комиссии подбирались всецело по усмотрению настоятеля, в руках которого было сосредоточено руководство не только духовной, но и административно-хозяйственной жизнью прихода³.

По поводу необходимости тщательного отбора назначаемых настоятелей приходов и проверки всех претендентов в священнослужители, было издано несколько распоряжений. Еще в октябре 1941 г. секретарь Управления Миссии о. Г. Бенигсен по указанию экзарха обратился к духовенству с призывом регистрироваться в Миссии и дал указания как проверять и принимать в общение обновленцев, иосифлян и григориан. Другой циркуляр Управления Миссии от 6 февраля 1943 г. за № 67 предписывал: «Согласно распоряжению высокопреосвященнейшего экзарха митрополита Сергия к проверке прав и прошлого

¹ АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 1–3; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 9; *Обозный К.* Псковская Православная Миссия в 1941–1944 гг. (миссионерский аспект деятельности) // Православная община. № 1 (55). С. 80–81.

² ВА, R58/699, Вл. 9.

³ *Балевиц З.* Указ. соч. С. 49.

местных священнослужителей (особенно прибывших из других областей) или оставивших служение при советской власти надлежит относиться с чрезвычайным вниманием. Ни в коем случае не оказывать им преждевременного доверия и отнюдь не торопиться с выдачей им разрешения на священнослужение». Предполагалось, что при обнаружении не известного до той поры священнослужителя надо дать пройти некоторому времени, чтобы открылся его облик и поступили сведения о нем и чтобы, насколько возможно, исследовать правильность сообщаемых им данных о себе. Их он должен был предъявить в виде послужного списка, и лишь тогда давалось назначение, в том числе и временное. Экзарх отмечал, что в условиях войны в «деле проверки местных священнослужителей обнаруживается излишняя доверчивость и недостаточная бдительность». Адресованный настоятелям циркуляр № 694 гласил: «Настоящим доводится до вашего сведения, что экзархом Сергием дано категорическое распоряжение о недопущении служения в храмах, вверенных вам для обслуживания приходов, посторонних священнослужителей, не имеющих на то специального письменного распоряжения, выданного Управлением Православной Миссии»¹.

В первые месяцы оккупации нередко священники назначались на приходы представителями местной немецкой или русской администрации, что являлось вопиющим нарушением канонического права. Так, в рапорте прот. Феодора Забелина Ленинградскому митрополиту от 1 мая 1944 г. говорилось: «О Псковской православной миссии и об экзархе-митрополите Сергии Литовском и Виленском мы узнали только в сентябре 1942 г., и поэтому пастыри, которые имели нужду в санкции своего перевода и определения на священнические места в г. Павловске, обращались к городскому голове г. Павловска. Я лично не имел нужды обращаться к гражданской власти, но видел и читал резолюцию городского головы: “В церковь — назначаю священника N, а в церковь N перевожу священника N, а священника N увольняю в отставку”. Правда, это мелочи, но для будущего историка церковной жизни в период оккупации, как мелкие штрихи на картине, очень характерны»².

¹ Ковалев Б. Н. Указ. соч. С. 445–446; АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 2, л. 293.

² Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 4, п. 11, д. 2.

Управление Миссии энергично боролось с подобным вмешательством гражданской или военной администрации во внутрицерковную жизнь. Когда в 1942 г. Дновское городское управление, идя навстречу желаниям приходского совета, помогло последнему насильственно изъять из близлежащих деревенских церквей недостающие в Дно облачения и церковную утварь, Миссия по этому факту выпустила специальное постановление, в котором говорилось о том, что «при новом порядке роль городского управления в отношении церкви не должна идти дальше материальной помощи. В остальном же церковный приход руководится настоятелем церкви, утвержденным Православной Миссией, совместно с церковным советом. В церковном совете должны быть люди не только истинно преданные религии и церкви, но и знающие свое право и умеющие его защитить, так как в переживаемый момент еще находятся вольнодумцы, воспитанные большевиками, видящие в церкви “народное” достояние»¹.

Стремление Управления Миссии проводить проверку «прав и прошлого» местных священнослужителей прежде всего объясняется появлением большого количества авантюристов, которые в условиях массового стихийного открытия церквей и острой нехватки священников выдавали себя за них. Выходившие в период оккупации газеты регулярно публиковали материалы о разоблачении лжесвященников, которые, порой даже не зная молитв, безбедно жили за счет местного населения. О всех случаях совершения в приходах богослужений и треб «самосвятами», то есть «лицами, не имеющими архиерейского посвящения и, следовательно, права священнодействия» предписывалось сообщать благочинным или в Управление Миссии. Отдельным «самосвятам» все же удалось просуществовать в этом качестве весь период оккупации. Так, бывший чекист и коммунист И. В. Амосов даже был в 1942 г. благочинным Ушаковского и Гатчинского округов до его отстранения от должности о. И. Легким. Амосов в 1910 г. исполнял обязанности псаломщика и поэтому знал последование богослужения, будучи в 1936 г. заместителем начальник Управления милиции г. Ленинграда и области он был арестован и приговорен к 5 годам лагерей. Освободившись в июне 1941 г., Амосов поехал к своей семье в Ленинград и по пути, попав в плен к немцам, выдал себя за священника, в чем ему помогла справка об освобождении из Колымских лагерей.

¹ Ковалев Б. Н. Указ. соч. С. 450.

В дальнейшем авантюрист запятнал себя прямым сотрудничеством с СД, написав доносы на нескольких патриотически настроенных мирян и священников, расстрелянных впоследствии нацистами¹.

Но и помимо «самосвятства» и авантюризма, следствием неоднородности состава священнослужителей Миссии было их различное отношение к служению и пастве. У некоторых священников наблюдался упадок дисциплины, проявление «крайней небрежности... и бессознательного отношения» к совершению дела Божьего. От этого настойчиво предостерегал экзарх Сергей в своем циркулярном обращении к благочинным. О. Иоанн Легкий указывал на то, что порой «народ... стоит выше своих пастырей»².

В феврале 1943 г. о. К. Зайц перевел с латвийского языка изданную Синодом Латвийской Православной Церкви и утвержденную экзархом инструкцию для псаломщиков. И все-таки проблема дисциплины и несоответствия отдельных священнослужителей своему пастырскому, а тем более миссионерскому служению, была актуальна для Миссии. Некоторые миссионеры не выдерживали тяжелых условий жизни и служения на оккупированной территории и возвращались в Прибалтику.

Несмотря на значительные сложности, подавляющее большинство миссионеров честно исполняли свой пастырский долг. Лучшие из них были награждены орденом Миссии. 17 августа 1942 г. таким орденом 1-й степени экзарх наградил «за самоотверженное Апостольское служение и труды по воссозданию истерзанной безбожием души Русского Народа» свящ. И. Легкого³. Орденом также наградили свящ. Г. Тайлова, прот. Н. Жунду и других миссионеров. Митр. Сергей постоянно заботился о Псковской Миссии и различными способами пытался усилить ее. В общей сложности он направил на Северо-Запад России 49 священников, диаконов и псаломщиков, но большего количества относительно небольшой по размерам Прибалтийский экзархат дать не мог. Оказывалась Миссии и некоторая другая помощь: из Риги присылались богослужебные книги, учебники Закона Божия, церковные облачения, продукты. Так, например, в 1942 г. Лютеранское Церковное Управление в Риге пожертвовало Миссии Библии и Евангелия. Книгами помогала так-

¹ АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 1, л. 96, д. А-21132, т. 1, л. 117–118.

² *Балевиц З.* Указ. соч. С. 72, 74.

³ *Прот. Михаил Женочин.* Миссионер протоиерей Иоанн Легкий // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. Вып. 26–27. С. 141.

же Православная Церковь в Генерал-губернаторстве (оккупированной Польше). Но эти контакты, как и связи с Ригой, не были регулярными¹.

Острейшей проблемой всего периода существования Псковской Миссии оставалась нехватка священников. Местных священнослужителей и миссионеров было относительно немного, поэтому Миссия в ускоренном порядке посвящала мирян во диаконы и иереи. На территории собственно Ленинградской епархии миссионеров почти не было, и важными источниками пополнения духовенства служили клирики, освобожденные перед войной или бежавшие из мест заключения. Например, протоиерей Петр Жарков с 1929 до конца 1930-х гг. отбывал заключение на Соловках, затем работал санитаром в Обуховской больнице, жил в Вишере, а с осени 1941 г. стал служить в Любани, Ушаках, Тайцах. В Вырице и Тосненском районе приходы окормляли отбывшие ссылку иеромонахи Лин (Никифоров) и Афиноген (Агапов) и т. д.²

В отдельных случаях экзарх даже восстанавливал в прежнем сане священников, слагавших его в 1930-х гг. Митрополит пошел на такой шаг, исходя из церковной икономии (т. е. снисхождения к человеческим немощам и слабостям в церковно-практических вопросах, не носящих догматического характера) по причине недостатка духовенства. Одним из таких священников был о. Борис Стехновский, публично отрекшийся от сана и работавший перед войной заместителем директора антирелигиозного музея в здании Троицкого собора Пскова. В первые месяцы оккупации он работал художником в мастерской Миссии, затем подал прошение экзарху о восстановлении в сане. Было назначено следствие, которое пришло к выводу, что отречение являлось «внешним, вынужденным», и после публичного покаяния в Риге митр. Сергей восстановил о. Бориса в сане, и он с мая 1943 г. стал служить в храмах Пушкиногорского округа. Подобным образом был восстановлен в сане прот. Владимир Ирадионов, служивший затем в Афанасиевской церкви г. Гдова, и священник Николай Сарапов, назначенный к церкви пог. Кобылье Городище Гдовского округа³. Однако священников все равно не хватало, и весь период оккупации

¹ Раевская-Хьюз О. Указ. соч. С. 60; АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 2, л. 262.

² ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 2–3, 64–65.

³ АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 1, л. 96; Воспоминания о. Георгия Тайлова о его работе в Псковской православной миссии. Рукопись. С. 16–17.

существовала практика «когда один служитель культа обслуживал по 3–4, а иногда и по 5 приходов»¹.

В своем обращении осенью 1942 г. о. К. Зайц писал о возможных путях частичного решения этой острой проблемы: «Чтобы увеличить персонал Миссии, требуется: а) не препятствовать воссоединению Эстонского епископства с экзархатом, б) сделать возможным прием в состав Миссии священников-эмигрантов... в) не чинить препятствий личностям, которых Управление Миссии посылает для совершения рукоположения во священника или обучения в богословских школах в Ригу, Вильно»². Но и в дальнейшем почти все перечисленные препятствия продолжали сохраняться, в частности русским священникам-эмигрантам из европейских стран доступ на территорию Псковской Миссии был категорически запрещен.

Вероятно для того, чтобы ускорить рукоположение достойных кандидатов (их поездки в Ригу были связаны с большими сложностями) митр. Сергей летом 1942 г. решил произвести хиротонию епископа Псковского. В газете «Псковский вестник» был даже назван кандидат — митрофорный протоиерей Николай Шенрок, вдовец. Он до 3 сентября 1941 г. служил в церкви св. Иова на Волковском кладбище Ленинграда, но проживал на ст. Сиверская, где неожиданно для себя оказался на оккупированной территории после захвата станции немцами. О. Николай в феврале — июне 1942 г. являлся уполномоченным Миссии по Гатчинскому округу, затем был вызван к экзарху в Ригу, где получил предложение о хиротонии, но отказался от него. По свидетельству некоторых членов Миссии, протоиерей убоился ответственности, считая себя не готовым, или сделал это по состоянию здоровья. Однако наиболее правдоподобной представляется версия, изложенная в воспоминаниях о. Г. Тайлова: «... митр. Сергей... спросил его: “Мантия готова?” В ответ услышал: “Нет Владыко, еще надо поговорить!” Проблема была в том, что в блокаде находился митрополит Алексей (Симанский), а Псков был тогда городом Ленинградской области (прот. Николай считал себя клириком митр. Алексия). Таким образом, старшим по сану остался в Пскове протоиерей Кирилл Зайц, а его первым заместителем стал о. Николай Шенрок»³.

¹ ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 10, л. 12.

² ВА, R 58/699, Вл. 10.

³ Воспоминания о. Георгия Тайлова о его работе в Псковской православной миссии. С. 10; АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 1, л. 109, д. А-21232, т. 4, л. 27об.

Несмотря на ограниченный численный состав, деятельность Миссии охватывала самые разные сферы деятельности. Сотнями восстанавливались и освещались зачастую полуразрушенные церкви, во вновь открытых храмах начинали звонить колокола, устраивались крестные ходы, возобновлялось религиозное обучение детей. После долгих лет атеистической жизни актуальной задачей было крещение населения. С 1942 г. Миссия смогла развернуть издательскую деятельность, в частности, начала выпускать ежемесячный журнал «Православный христианин», вела катехизические курсы для взрослых. Просветительская (катехизическая) и благотворительная (каритативная) работа являлась особенно важной, и о ней будет подробно рассказано в следующем параграфе.

Все расходы, связанные с этой деятельностью, покрывались в основном добровольными пожертвованиями населения — 10% приходского дохода (около 10 тыс. марок) ежемесячно посылалось в Псков. Уже в октябре 1941 г. Управление Миссии предписало духовенству производить эти отчисления. В августе 1942 г. по указанию экзарха казначей Управления К. Кравченко составил и разослал циркуляр об обязательности 10% сбора с приходских доходов в пользу Миссии, а также о заведении инвентарных книг и приходно-расходной отчетности в приходах. Правда, из-за недостаточной связи Управления с отдельными общинами указанный сбор перечислялся нерегулярно, а некоторые приходы его вообще не делали. Значительный и постоянный доход приносил хозяйственный отдел Миссии, в состав которого входили свечной завод, размещавшийся на первом этаже колокольни Свято-Троицкого собора, иконописная мастерская, с 1942 г. находившаяся в здании на территории Псковского кремля и магазин церковных принадлежностей на главной улице Пскова. Особенно доходным являлся свечной завод, обслуживавший большинство приходов Миссии. Его продукция была гораздо качественней выпускаемой частными предпринимателями. Чистая прибыль отдела составляла 3–5 тыс. марок в месяц и покрывала расходы на выплату жалования служащих и сотрудников Управления Миссии. Священники жалования не получали и существовали на пожертвования прихожан. До половины дохода пересылалось в экзархат, значительная часть из этих сумм шла на содержание Богословских курсов в Вильно. Попытка добиться летом 1942 г. разрешения на открытие Духовной семинарии в Пскове оказалась безуспешной¹.

¹ Там же, д. А-10676, т. 2, л. 292–293; ВА-МА, РН 23/281, Вл. 79.

В приходах не существовало самообложения, и все их доходы состояли из добровольных пожертвований. Необходимо указать также, что, не желая материально обременять доведенное до крайней нужды русское население, экзарх издал 1 мая 1942 г. распоряжение: «Священник, который требует за совершение служебных действий гонорар или установил определенную плату за эту деятельность, подлежит отстранению». В октябре 1942 г. начальник Миссии просил германскую администрацию запретить налогообложение церковных общин и устроенных для пользы Церкви предприятий, но по всей видимости безрезультатно¹.

Деятельность иконописной мастерской имела не столько хозяйственное, сколько просветительское, миссионерское и художественное значение. Возрождение русского иконописного искусства стало одной из задач Миссии. Создателем и первым заведующим мастерской был энергичный и опытный хозяйственник И.И. Ободнев, которого в 1943 г. сменил освобожденный по ходатайству Управления Миссии из лагеря военнопленных художник-реставратор и архитектор Н. Д. Сабуров. Первоначально небольшая иконописная мастерская была устроена в помещении Управления Миссии на Застенной ул., 8. Ее освятил 12 декабря 1941 г. начальник Миссии о. Кирилл Зайц при участии о. Георгия Бенигсена. На тот момент в мастерской работали два иконописца и один столяр. К октябрю 1942 г. заново были написаны иконостасы для церквей: Георгиевской (с. Камно), собора св. Троицы (г. Остров), Покровской (с. Знахлицы), Успенской (Славковичи), Верхолинской (с. Верхолино), Дмитриевской (с. Моложена) и Ильинской (с. Корлы). Осенью 1942 г. иконописная мастерская выполнила крупные заказы на целые иконостасы для Никольской Талабской, Троицкой Больше-Загорской и Никандровской церквей в Палкино, где 4 октября в день св. Николая Пустынножителя было совершено торжественное освящение храма.

Помимо капитальных иконостасных работ, мастерская снабжала многие приходы голгофами, плащаницами и хоругвями. Рост производства требовал увеличения штатов, и в ноябре 1942 г. в мастерской уже работало 14 человек, в том числе опытные мастера своего дела: А. Т. Терентьев, Н. В. Мерзляков. Продукцией мастерской торговал специальный магазин, продавший с декабря 1941 г. по октябрь 1942 г.

¹ ВА, R 58/699, Вл. 10–11.

на 140 тысяч рублей различных предметов церковной утвари и религиозного обихода: крестики, молитвословы, венчики, лампадки, кольца и др. 16 августа 1943 г. газета «За Родину» сообщала, что в продаже имеются прекрасные литографии, присланные из Риги экзархом Сергием. Магазин также продавал журнал «Православный Христианин», молитвословы. Ученики мастерской снабжали магазин изделиями своей работы, среди которых были рамки, коробочки, деревянные ячки, разрисованные в древнерусском или церковном стиле. Оборот магазина неуклонно возрастал. Например, в июле 1943 г. он достиг 45 тысяч рублей¹.

До начала действия Миссии проблему обеспечения предметами христианской веры народ решал самостоятельно, насколько позволяли возможности. О. Алексей Ионов вспоминал, что встречались умельцы, изготавливавшие нательные крестики из советских монет. А поступавшие крестики из только что организованного магазина Миссии освящались сотнями и затем нарасхват раскупались прихожанами. Таким образом, деятельность всех предприятий хозяйственного стола Управления Миссии способствовала восстановлению приходской жизни. Предметы церковного искусства, изготовленные в мастерской, несомненно являлись одним из средств христианского просвещения².

Не только в хозяйственной деятельности Миссия встречала в своей работе значительные препятствия. Множество самых разнообразных запретов со стороны оккупационной администрации приходилось преодолевать в преподавании детям Закона Божия, душепопечении и оказании помощи военнопленным, о чем еще будет рассказано. Сталкивалась Миссия и с другими ограничениями властей. Так, по распоряжению Псковской комендатуры священникам было запрещено устраивать венчания до официальной регистрации брака. Нарушение запрета каралось денежным штрафом до 500 рублей. В ноябре 1942 г. в Рейхскомиссариате «Остланд» была проведена акция по мобилизации металла, в том числе снятию и переплавке части церковных колоколов³.

¹ Корнилов А. А. Преображение России. Нижний Новгород, 2000. С. 64–65.

² Обозный К. Псковская Православная Миссия в 1941–1944 гг. (миссионерский аспект деятельности) // Православная община. № 1 (55). С. 82; Прот. Алексей Ионов. Записки миссионера (Псковская Миссия) // По стопам Христа. Беркли, 1954. № 50. С. 16.

³ IfZ, MA795, Bl. 1262, 1314; VA, R 58/699, Bl. 13.

Особенно много возмущений верующих и духовенства вызвали попытки в декабре 1941 г., следуя директиве из ведомства Розенберга, ввести в некоторых городах (Остров и Струги Красные) вместо принятого в Русской Православной Церкви юлианского григорианский календарь. Местные власти даже грозили священникам Миссии за неподчинение привлечением к ответственности. Видимо, подобные попытки предпринимались и далее, но без всякого успеха. В сообщении полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 г. подчеркивалось: «В религиозных делах нужно считаться с психологией народа. Православный русский гораздо менее страдает, если он в церковный праздник идет на работу с сознанием, что в его отсутствие торжественное богослужение в церкви проводится в соответствии с принятым священным обычаем, чем если он знает, что в его свободные от работы дни этому обычаю не следуют... Политически нежелательные результаты такого настроения очевидны»¹. Не случайно о. К. Зайц в своем упоминавшемся обращении осенью 1942 г. писал: «Чтобы обеспечить канонический порядок церковной жизни в освобожденных русских областях необходимо: а) сохранить каноническую принадлежность православного населения и церковной организации этой территории к Русской Церкви; б) не препятствовать и не изменять цикл богослужений, которые совершают по юлианскому календарю и восточным пасхалиям»².

Священник Г. Тайлов отмечал в своих воспоминаниях, что осенью 1943 г. во время фортификационных работ на реке Великая нацисты, несмотря на его протесты, разрыли могилы священников, погребенных у Печанской церкви. Дом о. Георгия был превращен в казарму, а на противоположном берегу реки сожжены все деревни, так как там иногда появлялись партизаны. Отец Алексей Ионов в декабре 1942 г. с возмущением докладывал Управлению Миссии о том, что немцы в праздничный церковный день в одном из приходов после богослужения ворвались в деревню и разграбили хлеб³.

Отцу Алексею приходилось выдворять из храма немецких солдат, часто приходивших во время богослужения в головных уборах, отстаивать в штабе дивизии право совершать богослужения по юлианскому календарю. Во время отпевания заживо сожженной русской семьи он,

¹ Там же. R 58/225, Вл. 181–183.

² Там же. R 58/699, Вл. 9.

³ Воспоминания о. Георгия Тайлова о его работе в Псковской православной миссии. С. 19; АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 2, л. 298.

обратившись к людям, собравшимся вокруг своего пастыря в горькую минуту, обличал страшные преступления, которые становились нормой в так называемой «Новой Европе». «Если мы будем молчать об этих преступлениях, камни будут вопиять к небу!» — «С такой Европой нам не по пути!» — так закончил о. Алексей свою проповедь «среди слез и рыданий, наполнивших храм». Эти примеры показывают, что миссионеры в подавляющем большинстве были со своим многострадальным народом, а не «курили фимиам, захлебываясь от восторга», добиваясь снисхождения и лояльности у немецких властей¹.

В то же время Псковская Миссия создавалась под эгидой оккупационных властей, и священство ее вынуждено было реагировать на распоряжения германского командования, хотя многие из них фактически саботировались. Миссионеров обязывали в дни начала войны или захвата частями вермахта населенных пунктов устраивать торжественные молебны и крестные ходы, участвовать в вербовке людей на работу в Германию. В частности, в соответствии с циркуляром экзарха Управление Миссии 8 июня распорядилось отметить первую годовщину начала войны проведением 21 июня 1942 г. молебствования о даровании победы германской армии.

А в циркуляре митрополита Сергия от 8 июня 1943 г. в связи с годовщиной проведения «земельной реформы» указывалось: «В день Св. Троицы германское командование объявило торжество передачи земли в полную собственность крестьянства, а посему предлагается Управлению Миссии: 1) Дать циркулярное распоряжение всему подведомственному духовенству... специально в проповедях отметить важность сего мероприятия. 2) В Духов день в Соборе, после Литургии, совершить торжественный молебен с участием всего духовенства г. Пскова, предва-рив молеbstво же приличествующим словом»². Впрочем, 8 марта 1943 г. в Пскове и Луге уже проводились благодарственные богослужения по поводу объявления аграрного указа для занятых территорий.

В выпущенном в то время Управлением Миссии воззвании говорилось: «Канули в вечность годы советского рабства. Никто не переносил этих ужасов долгих и кошмарных так, как перенес их русский кре-

¹ *Обозный К.* Псковская Православная Миссия в 1941–1944 гг. (миссионерский аспект деятельности) // *Православная община.* № 2 (56). С. 89; *Прот. Алексей Ионов.* Указ. соч. № 54. С. 17–19; *Балевиц З.* Указ. соч. С. 43–44.

² *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах // *Вопросы истории.* 1994. № 4. С. 45.

стьянин. Он, бедный и честный труженик родной земли, вражескою рукой был оторван от своего дела, от своего хозяйства, его трудолюбие получило позорное название «кулачества», «вредительства», «саботажа», «разорений», он шел на советскую каторгу работать на своих угнетателей. Сейчас все личные интересы должны быть принесены в жертву великому делу, делу освобождения всего мира от пут сатанинской власти, делу восстановления и возрождения нашей Родины»¹.

По распоряжению о. К. Зайца в начале 1943 г. были собраны и представлены в Управление Миссии сведения о гонениях на Церковь в СССР. Туда же миссионеры передали списки уничтоженных советской властью священников и сведения о молитвенной памяти о них. Всего согласно показаниям на допросах начальника Миссии под давлением немецких властей было выпущено 10 циркуляров (из более чем 1000 данных Управлением Миссии).

Различные германские службы — военные, экономические, разведывательные, рассчитывали на то, что через Миссию они смогут получать значительное количество информации. Так, служащие тыловых подразделений вермахта хотели знать не только обо всех категориях собранной сельскохозяйственной продукции, но и о возможностях русского населения увеличить поставки продовольствия для нужд германской армии. В инструкции по работе с русскими священниками, которая была подготовлена в районе действия группы армий «Север» летом 1942 г., говорилось о том, что русские крестьяне могут лгать соседу, старосте, они с недоверием относятся к немцам, как к пришельцам, но никогда не рискнут обманывать местного священника².

Первые выпущенные по требованию немцев циркуляры Управления Миссии последовали в марте 1942 г. К этому времени, по свидетельству о. К. Зайца, представители Псковского СД неоднократно высказывали ему лично и другим членам Управления свое явное неудовольствие деятельностью Миссии против советской власти. Под давлением СД в начале марта был издан циркуляр с призывом к духовенству выявлять лиц, настроенных против немцев и высказывающих недовольство германскими порядками. Однако практическое значение циркуляра было ничтожным. О. К. Зайц на допросе 10 октября 1944 г. подчеркнул:

¹ ВА-МА, RW 4/v.235, Вл. 88–92; *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. СПб.; М., 2002. Кн. 1. С. 404.

² *Ковалев Б. Н.* Указ. соч. С. 442; АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 1, л. 58.

«Но подобные сведения собрать было и трудно, и опасно и, по существу, нежелательно. А потому большинство священников категорически отказывались исполнять предписание циркуляра». Секретарь и начальник канцелярии Миссии в июне 1942 — апреле 1943 гг. прот. Н. Жунда осенью 1944 г. показывал, что в период его секретарства «никаких сведений о неблагонадежных лицах в канцелярию не поступало», и исключение составлял один Амосов, который и членов Управления Миссии, в частности самого Жунду, считал неблагонадежными и доносил об этом в СД. Негативное отношение к подобным вынужденным распоряжениям самого руководства Миссии хорошо видно из слов о. Н. Жунды о его реакции на обнаружение в бумагах соответствующих циркуляров после назначения на должность секретаря Управления: «Все это на меня произвело угнетающее впечатление, но я утешал себя тем, что я служу в городе, и ко мне эти циркуляры непосредственно не относятся»¹.

Стремясь держать работу Миссии под контролем, оккупационные власти требовали периодических отчетов о деятельности миссионеров и предоставления церковных статистических сведений. По свидетельству о. Н. Жунды, такие отчеты время от времени давались, но они носили «общий характер без указания на действия отдельных лиц». Выполняя требование о предоставлении отчетов, Управление Миссии 4 марта 1942 г. выпустило циркуляр для настоятелей: «Предписуется Вам согласно распоряжений соответствующих учреждений германской власти возможно часто (не реже чем раз в месяц) доставлять в Управление Миссии подробный отчет о положении в Ваших приходах: о настроении населения, о деятельности городских, волостных и сельских учреждений, о школьном деле, о Вашей деятельности приходско-духовной, просветительской и благотворительной»².

Еще в июне 1942 г. Псковское СД стало настаивать на предоставлении Управлением Миссии сведений о партизанах, но встретило фактический отказ. Борьба по этому вопросу продолжалась около года. К осени 1942 г. стало ясно, что выпущенные по требованию оккупантов циркуляры на практике духовенством не выполняются, и германская администрация оказала в этой связи сильный нажим на экзарха Сергия. Владыка в своей беседе с о. К. Зайцем высказал недовольство, и даже, видимо, вынужденно указом от 15 сентября 1942 г. на короткий срок распустил

¹ Там же, л. 100, 194, т. 2, л. 262, 299.

² Там же, т. 1, л. 5, т. 2, л. 299–300.

Управление Миссии. По распоряжению экзарха во второй половине сентября было созвано совещание сотрудников Управления, благочинных и псковских священников, на котором присутствовали 30 человек (в том числе 6 благочинных), «для уточнения деятельности служащих Миссии», в том числе против советской власти. После этого Управление по требованию оккупантов выпустило еще 4–5 воззваний и циркуляров, но эффективность их оказалась столь же небольшой, как и раньше. Так, в ноябре 1942 г. немцы напечатали составленное о. И. Легким воззвание о добровольном вступлении населения в германские рабочие батальоны. Около 200 экземпляров они доставили в канцелярию Миссии для распространения, но подавляющая их часть так и осталась лежать в шкафу кабинета о. К. Зайца. Были также изданы циркуляры о выявлении священников-самозванцев и снимавших сан, ранее репрессированных советской властью, и последним — циркуляр от 9 июля 1943 г. об определении популярности власовского движения. По свидетельству о. К. Зайца, эти циркуляры доводились до сведения благочинных, но те докладывали о выполнении их «очень редко»¹.

Даже миссионеры (например, о. К. Шаховской) или благочинные (о. Сергей Василевский) демонстративно отказывались служить благодарственные молебны и устраивать крестные ходы в годовщины оккупации населенных пунктов или дни рождения Гитлера. Сам начальник Миссии откровенно сторонился всякой политической деятельности и в этом духе (вопреки некоторым упомянутым циркулярам) наставлял и подчиненное ему духовенство. Так, например, священник И. Молчанов на допросе 20 октября 1944 г. показал, что во время его встречи в Любани с о. Кириллом и секретарем экзархата о. Николаем Веглайсом, последний не советовал ему заниматься политикой: «Эту мысль Зайц поддержал полностью, заявив мне, что не дело священника заниматься политикой»².

Если о сочувствии нацистам подавляющего большинства духовенства говорить не приходится, то часть из них после жестоких гонений верующих 1930-х гг. была настроена антисоветски и желала восстановления Великой России без «господства большевиков». Эти священнослужители вполне искренне полагали, что «истинный па-

¹ Там же, т. 1, л. 34, 194, 196, т. 2, л. 290–291об.

² Там же, т. 1, л. 35, 39об; АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх.-след. дел, д. П-88727, л. 210; *Прот. Владимир Попов*. Памяти отца Константина Шаховского // ЖМП. 2001. № 9. С. 69.

триотизм» заключается в изгнании всех поработителей русской земли, к числу которых относили и коммунистов. Так, о. И. Легкий в журнале «Православный христианин» в статье «Церковь в судьбах России» писал: «Отныне верит русский народ, что воскреснет святая Русь, но тогда, когда воскреснет во всей полноте вера в Бога и его святую церковь, и когда будет сброшено безбожное коммунистическое иго». В другой статье журнала, опубликованной в июне 1943 г., говорилось: «Надо разрушить большевизм, — необходимо воздвигнуть такой государственный строй, который бы зиждился на справедливых законах, воплощающих в жизнь волю народа». В одном из своих воззваний Управление Миссии отмечало как насущную задачу содействие «уничтожению и плодов, и корней коммунизма»¹.

В «Пасхальном приветствии» 1943 г. экзарха Сергия также между строк можно прочитать мечту о новой, свободной от власти диктаторов России: «Христос Воскресе! Лобзанием радости о Христе Воскресшем приветствую Вас, верные чада Святой Православной Церкви, волею Божией врученные на время архипастырскому моему смотрению! В Пасху сию Святую, в сей праздников Праздник и Торжество из торжеств да возликуют сердца наша! Да укрепит всех нас победная песнь благовестия о славном Воскресении Христовом! Да умножатся ею силы наши для создания новой, свободной, радостной жизни и да будет эта песнь залогом нашей нерушимой веры в воскресение страждущей Церкви и Отечества нашего! Да возгорятся сердца наши от радостно-победного возглашения: Христос Воскресе! Святими словами да изгонится мрак, да исцелится боль и да соединимся все мы в одной мольбе и в одном труде, в великом подвиге духовного спасения и земного строительства! Победное воскресение Христа Спасителя да подаст нам сил духовных и телесных и да поможет нам оно с любовью и терпением христианским переносить тяжкие, но неизбежные невзгоды военного времени, памятуя о страдании и подвиге тех, кто проливает кровь за нашу свободу!» В другом своем воззвании экзарх подчеркивал, что Церковь не должна становиться орудием политической и классовой борьбы, а вера христианская не может ставиться в зависимость от того или иного режима².

¹ Ломагин Н. А. Указ. соч. Т. 1. С. 402–403; Балевиц З. Указ. соч. С. 45.

² Корнилов А. А. Указ. соч. С. 56; Обозный К. Псковская Православная Миссия в 1941–1944 гг. (миссионерский аспект деятельности) // Православная община. № 2 (56). С. 94.

В целом Миссии не удалось полностью взять под контроль религиозную жизнь на оккупированной части Северо-Запада России. В сообщении полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 г. говорилось, что имеются отдельные местности, где служат священниками люди, не состоящие ни в какой связи с Миссией¹. Уровень церковной дисциплины тоже оставался недостаточно высоким. Пассивная форма протеста против отдельных указаний экзаршей власти стала довольно широко распространенной уже в первые месяцы оккупации. В циркуляре от 17 февраля 1942 г., адресованном благочинным, митр. Сергей отмечал, что духовенство при богослужении не считает необходимым надевать свои духовные знаки отличия, чем проявляет пренебрежение к епархиальной власти, удостоившей их награды, а в циркуляре от 25 сентября 1942 г. указывал, что духовенство отстывает от установленного епархиальной властью порядка поминания светских и духовных властей в положенных местах богослужения и т. д. Всего к концу существования Миссии подписки с обязательством исполнять ее распоряжения, по свидетельству А. Перминова, дали 70–80 священнослужителей (из более чем 200)².

Особенно острые конфликты стали возникать, когда после антифашистского Пасхального 1943 г. послания Ленинградского митрополита Алексия Миссия под давлением немцев была вынуждена запретить возносить его имя. В докладе Владыке псаломщика С. Д. Плещача говорилось: «Примерно в мае месяце 1943 г. гдовское духовенство прекратило поминать на ектениях митрополита Алексия. Почему прекратило, мы не знаем, но прекратило, а иеромонах Лин продолжал поминать. Тогда его вызвали в Гдов, но он не поехал, а поехал я, и мне там дали такой выговор, что приходится теперь вспоминать с удовольствием. После я узнал от протодиакона Ф.И. Юдина, что будто бы были какие-то листовки за подписью Владыки к немецким войскам с призывом прекратить бойню. В это время приехал новый благочинный из Латвии Алексей Ионов, который на литургии не поминал нашего митрополита, а только Сергия. Как только кончилась литургия и когда христиане подходили к кресту — не знаю почему, между иеромонахом Лином и новым благочинным получилась пере-

¹ ВА, R 58/225, Вл. 177.

² АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 3, л. 543; *Балевиц* 3. Указ. соч. С. 64, 72.

кидка и иеромонах Лин уличил его в том, что он находится в Ленинградской епархии, забыв закон о правящих иерархах, за что иеромонах Лин чуть не поплатился приходом, но христиане заступились за него, и дело прекратилось... Во время службы русские священники, которые имели совесть, поминали митрополита Алексия, а потом Сергия, а литовские [прибалтийские] священники поминали только одного Сергия и архиепископа Нарвского Павла... Получился раскол»¹.

Похожее положение было и в других районах области. Так, в докладе митр. Алексию от протоиерея Н. Ломакина, в феврале 1944 г. посетившего Новгород, отмечалось, что в период оккупации «везде за богослужением возносились имена Патриаршего Местоблюстителя, Вашего Высокопреосвященства и литовского епископа», чтобы помешать этому, нацисты даже применяли ложь — «незадолго перед изгнанием из Новгорода немцы распространили слух о смерти Вашего высокопреосвященства»².

Подобная же борьба шла и в отношении поминания Патриаршего Местоблюстителя, а затем Патриарха Сергия (Страгородского). 13 июля 1942 г. после архиерейского совещания в Риге экзарх написал Управлению Миссии помянуть Патриаршего Местоблюстителя (а также митрополита Алексия) без титула. Но большая часть духовенства отказалась это делать, заявив, что «Митрополит Московский есть патриот Русской Православной Церкви. Помолимся Богу за его здоровье»³. Следует отметить, что Управление Миссии само всегда подчеркивало свою принадлежность к Московской Патриархии и внимательно следило за событиями, проходившими в Москве, оценивая каждое из посланий Патриаршего Местоблюстителя. Особенно тщательно разбиралась «Декларация» 1927 г., в которой были провозглашены принципы лояльности Церкви по отношению к государству.

В одном из обращений Управления Миссии, толкующем этот документ, говорилось: «Каждый вдумчивый человек поймет, что радости и неудачи Советского Союза в целом не одно и то же, что радости и неудачи Советского правительства. Всякое правительство, в том числе и Советское, может принимать решения ошибочные, несправедливые, слишком, быть может, суровые, которым Церковь вынуждена

¹ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 2, 4.

² Там же, л. 15.

³ АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 2, л. 291об; Ковалев Б. Н. Указ. соч. С. 468.

будет подчиниться, но которым она не может радоваться. Приписывать митрополиту Сергию намерение признать успехи Советской власти в деле антирелигиозной пропаганды успехами Церкви по крайней мере неостроумно и нечестно. Мы советуем всем, кого смущает послание митрополита Сергия, прежде всего, внимательно прочесть это послание. Мы уверены, что все те, для кого Церковь Христова — “мир и тихая пристань”, а не орудие политической и классовой борьбы, кто осознает серьезность совершившегося в нашей стране, кто верует в десницу Божию, неуклонно ведущую каждый народ к предназначенной ему цели, подпишутся под основными мыслями митрополита Сергия. Ибо разве не пора выполнить завет почившего Святейшего Патриарха Тихона — поставить нашу Церковь в правильное отношение к Советскому правительству и тем дать Церкви возможность законного и мирного существования. Разве мы не должны, оставаясь православными, помнить свой долг быть гражданами Союза “не за страх, а за совесть”, как учил нас апостол Павел, и как поступали древние христиане? Разве не правда, что до сих пор есть церковные деятели, которым кажется, что нельзя порвать с прежним режимом, не порывая с православием, которые вместе с верою приносят в Церковь политику и навлекают подозрение власти на всех церковных деятелей вообще?»¹

После избрания в сентябре 1943 г. митрополита Сергия Патриархом его поминание было запрещено нацистами, но значительная часть духовенства продолжала это делать. Отношение Управления Миссии к избранию Московского Патриарха хорошо видно из показаний на допросе секретаря А. Перминова. По его словам, в конце сентября он был вызван в Псковское СД, где его спросили о позиции Миссии в отношении произошедших в Москве событий. Перминов ответил, что никаких указаний от экзарха Миссия не имеет и утверждать о правильности или неправильности выборов не может. Тогда секретарю Управления было заявлено, что СД и отдел пропаганды решили выпустить карикатуру на «Сергия и членов советского правительства» с подписью «Православная Миссия в освобожденных областях России игнорирует избрание Патриарха Сергия». Однако Перминов на это согласия не дал, заявив, что если Миссия согласится, то этим «будет нарушена каноническая зависимость от Московской Патриархии»,

¹ Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999. С. 97–98.

и, разъяснив, что во время богослужений поминается имя Патриарха. На недоуменный вопрос сотрудника СД: «А почему упоминается Патриарх Московский Сергей, ведь он нам враг», Перминов ответил: «Если Миссия даст указания не помянуть Московского Патриарха, то последующий Вселенский Собор тоже осудит членов Миссии, как еретиков». В СД остались недовольны ответом и попросили прислать кого-нибудь из членов Управления. На новую встречу отправились отцы Г. Бенигсен и В. Толстоухов, но как ни настаивали в СД, добиться согласия на выпуск карикатуры с задуманной подписью не удалось. В итоге эта карикатура вообще не была напечатана¹.

Через несколько месяцев деятельность Миссии закончилась. В ноябре 1943 г. по указанию экзарха ее Управление издало циркуляр для настоятелей приходов о вывозе церковных ценностей в случае объявления эвакуации в Псков. Последнее предписание настоятелям, выпущенное в феврале 1944 г., также указывало им принять от церковных старост кассовую наличность и передать ее вместе с церковными ценностями Управлению Миссии. Правда, из-за сопротивления духовенства и мирян в большинстве приходов это распоряжение выполнено не было².

В первой половине 1944 г. из северо-западных областей России в Прибалтику были эвакуированы (в значительной степени насильно) сотни тысяч людей, а с ними и многие священники. Отец Георгий Бенигсен так вспоминал об этой акции: «Мы уже давно видели надвигающийся крах Германии, но это нас не касалось. Мы отовсюду уходили последними, делая до конца свое дело с неослабевающей упорностью, зная, что наше дело — дело Христовой победы. Уходя, немцы увеличивали масштабы своих безумных зверств. Горели деревни, горели города, и несчастное население, которому и так нечего было выбирать, принудительно гналось перед отступающими в панике немецкими войсками. Мы шли с населением, вновь оставляя родную землю, оставляя жертвы, павших под пулями партизан, агентов Гестапо, или просто решивших не уходить или не успевших уйти»³.

Один из деятелей НТС П. В. Жадан, находившийся в Пскове в период эвакуации, отмечал, что большая часть жителей была выселена из города в феврале-июле 1944 г. в ближайшие села или в беженские

¹ АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 3, л. 594.

² Там же, т. 2, л. 293, 294.

³ *Прот. Георгий Бенигсен. Христос Победитель // Вестник русского христианского движения. 1993. № 168. С. 138.*

лагеря Прибалтики. Не желавшие покидать город арестовывались или даже расстреливались немецкими солдатами, причем аресты нередко сопровождались насилием над женщинами. Другой активист НТС А. С. Казанцев считал, что, угоняя с собой население, немецкие власти пользовались формулой: население — это часть инвентаря на занятой территории, и его, следовательно, как и оборудование заводов, сельскохозяйственные машины и скот, нельзя оставлять врагу¹.

Ввиду полной принудительной эвакуации Пскова и прилегающих районов Православная Миссия прекратила свое существование. Согласно показаниям о. К. Зайца от 24 октября 1944 г. «немцы решили насильно выселить Миссию в Ригу, что было сделано 19 февраля». Накануне — 18 февраля произошел сильный налет на город советской авиации, во время которого погибли почти все бумаги канцелярии, сложенные в вагоны для отправки. На следующий день члены Миссии в составе 69 священнослужителей прибыли на территорию Латвии. В Псковском кафедральном соборе остался только диакон Иоанн Преображенский, но и он позднее был вынужден уехать. В окрестностях города удалось укрыться лишь протоиерею Петру Жаркову, именно он стал служить в псковских храмах после освобождения города 23 июля 1944 г.² Но в других оккупированных районах Северо-Запада России большинство священников все же осталось на своих местах и продолжало служить после прихода советских войск.

---

¹ Корнилов А. А. Указ. соч. С. 66; Жадан П. В. Русская судьба. Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне. Нью-Йорк, 1989. С. 176.

² АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 1, л. 159, т. 2, л. 398.

5

**НАЛАЖИВАНИЕ КАНОНИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
В ПРИБАЛТИКЕ**

Под давлением германского Восточного министерства митрополит Сергей был все же выслан из Риги в Литву. 23 февраля 1942 года рейхскомиссар Лозе отправил митрополиту предписание к 5 марту 1942 года выехать в Вильно (Вильнюс). Одновременно руководство православными приходами в Латвии было передано викарию экзарха епископу Мадонскому Александру (Витолу)¹. Таким образом, экзархат формально не был ликвидирован и митрополит Сергей продолжал негласно возглавлять православную церковную жизнь во всей Прибалтике.

Положение несогласного с экзархом Сергием митрополита Августина в церковных кругах Латвии было весьма шатким. Около 70% латвийских православных верующих составляли русские, и митрополита Августина поддержали только пять небольших сельских приходов. Кроме того, два латышских епископа — преосвященный Мадонский Александр (Витол) и Елгавский Иаков (Карп), бывшие латышами по национальности, сохранили верность экзарху.

Еще 25 октября 1941 года экзарх Сергей осудил действия митрополита Августина и призвал его не раскалывать Церковь. 24 февраля 1942 года экзарх уволил пытавшегося отколоться митрополита Александра за штат, а 15 июня того же года наложил на него церковный запрет.

Нового раскола в Латвии так и не произошло. Церковную ситуацию в этом генерал-бецирке в начале 1942 года хорошо передают сооб-

¹ ВА, R58/221, Вл. 25.

щения оперативных команд полиции безопасности и СД. В одном из них от 2 февраля говорится, что на стороне митрополита Августина стоят только два священника. Большинство представителей духовенства полностью удовлетворено осуществленным экзархом разрешением вопроса о балтийской схизме. Склонность большинства священников к их русским соплеменникам, а также заинтересованное участие подавляющего большинства духовенства в судьбе советских военнопленных очевидны.

В другом сообщении полиции безопасности и СД от 24 апреля 1942 года указывалось: «Благодаря миролюбивым рукам епископа Александра Мадонского состояние внутри православной церкви нормализуется. Лишь незначительное меньшинство сторонников Августина все еще пытается выйти на передний план и при этом во всем поддерживается национально-латвийскими кругами. Большинство русских верующих и также спокойно настроенные латвийские православные круги сегодняшним развитием очень довольны»¹.

Германское Восточное министерство вплоть до лета 1942 года оставалось на своих прежних непримиримых позициях. 13 мая 1942 года его глава — А. Розенберг направил рейхскомиссарам «Остланда» и Украины указ, в котором предписывал «стремиться ограничить религиозные общества границами генерал-бецирка», а внутри него еще делить Церкви по национальному признаку, например, «в Белоруссии будут существовать православные белорусские, православные русские и римско-католические органы управления». Через три дня — 16 мая 1942 года Розенберг уже лично заявил в своей речи перед генерал- и гебитскомиссарами в Риге: «Русская православная церковь была инструментом власти царизма и теперь наша политическая задача состоит в том, чтобы там, где существовала русская церковь, образовать другие церковные формы. В любом случае мы будем препятствовать, чтобы великорусская православная церковь господствовала над всеми народностями... Следовало бы далее обдумать введение латинского шрифта вместо русского. Поэтому также целесообразно, чтобы какая-либо церковь была ограничена областью одного генералкомиссара... Для Эстонии и Латвии также было бы целесообразно иметь собственные национальные церкви»².

¹ ВА. Вл. 393. R58/220. Вл. 279.

² ВА R6/35, Вл. 61,71–72; R6/22. Вл. 103–106.

В аналитической записке ведомства Розенберга, предположительно датированной началом июня 1942 года, такая негативная для немцев оценка роли православия в Прибалтике выражена еще яснее: «Православная церковь путем насилия и хитрости была внедрена царизмом в Эстонию и Латвию и сегодня еще представляет главную опору чужеземного русского влияния. Поэтому с православием следует бороться и в конечном итоге устранить его»¹.

Однако вскоре, под давлением командования вермахта, прибалтийских служб СД и руководства рейхскомиссариата «Остланд» Восточное министерство было вынуждено отложить реализацию своих планов раздробления всех Церквей по территориальному и национальному признакам, а также отказаться от замысла полной ликвидации православия в Прибалтике еще до конца войны.

Первые колебания в германском Восточном министерстве по этому вопросу наметились еще в середине мая 1942 года. 12–16 числа этого месяца сотруднику рейхскомиссариата «Остланд» Маскову в ходе бесед в отделе культурной политики министерства было сообщено, что «религиозные общества могут объединяться только внутри генерал-бецирков. При этом положение Папы, экзарха Сергия, хакана караимов и муфтия мусульман остается неизменным. Они, как и раньше, могут в рамках своей компетенции давать указания локальным церквям или объединениям генерал-бецирков». Конфессиональное расчленение по народностям на оккупированных территориях Восточному министерству все еще представлялось желательным, но политике латышизации православных в Латвии и эстонизации в Эстонии, по мнению министерства, нужно было препятствовать и даже, наоборот, «выводить» эстонцев и латышей из Православной Церкви. Поэтому отстаивавшего идею эстонизации православия митрополита Александра предполагалось по возможности быстрее отправить на покой².

Такие противоречивые указания Восточного министерства не устроили руководство рейхскомиссариата «Остланд». В связи с этим 15 июня 1942 года начальник политического отдела рейхскомиссариата Трампедах послал в министерство телеграмму, в которой с недоумением спрашивал, нужно ли создавать в Литве три отдельные католические церкви (польскую, литовскую, белорусскую) и две пра-

¹ IfZ, MA 246, Bl. 173.

² BA, R90/129, Bl. 7616.

вославные (русскую и белорусскую), а также проводить подобное разделение в других генерал-бецирках. Трампедах писал, что такие образования будут схизмой, и в результате их возникновения и без того напряженное политическое положение в «Остланде» резко осложнится: «Проведение майского указа принуждает нас к разнообразному вмешательству в церковную жизнь и никоим образом не может привести к успеху пропагандистского использования предоставления нами религиозной свободы». Ответная телеграмма РМО гласила, что организационное ограничение религиозных общин рамками генерал-бецирков не следует понимать буквально, и в этом правиле могут быть исключения.

Решающие изменения в позиции Министерства восточных территорий произошли 18 июня 1942 года. В этот день в канцелярии начальника главного отдела политики Г. Лейббрандта состоялось совещание, на котором он заявил, что полное разделение верующих по национальному признаку в Прибалтике не предусматривается. Православная Церковь в Эстонии, Латвии и Литве, являясь русским культурным учреждением, должна оставаться именно таковым. Со временем, как чуждая концепция жизненного пространства, Русская Церковь будет перемещена в планируемый «рейхскомиссариат Москвы». Поэтому необходимо, чтобы руководство этой Церкви имело подчеркнуто русский характер, и таким образом экзархат может остаться существовать, но государственной поддержки экзарху Сергию оказывать не следует. Образование Эстонской и Латвийской Православных Церквей нежелательно. В Белоруссии же, наоборот, следует предохранять Православную Церковь от русского влияния¹. Таким образом, в случае победы Германии православные верующие Прибалтики, прежде всего русские, могли бы быть выселены на восток.

После разъяснения ситуации рейхскомиссар «Остланда» Лозе направила 19 июня подчиненным ему генералкомиссарам циркулярное письмо, в котором писала: «Приказ рейхсминистра занятых восточных территорий от 13 мая 1942 года в принципе предусматривает ограничение всякого религиозного общества рамками генерал-бецирка и народности... Экзархат же православной церкви в прибалтийских генерал-бецирках должен остаться существовать. Православную церковь необходимо считать в прибалтийских генерал-бецирках чужеродной

¹ Алексеев В., Ставру Т. Указ. соч. С. 119–120; ВА, R90/128, Вл. 7520.

организацией. В подходящее время она будет удалена из прибалтийского пространства на восток. Именно для того, чтобы ясно показать прибалтийским народам, что принадлежность к православной церкви находится в противоречии с их включением в европейскую культуру, желательно оставление в этой церкви русского руководителя. Необходимо постепенно, но целеустремленно добиваться, чтобы представители прибалтийских народов выбывали из православной церкви. Это, однако, ни в коем случае не будет достигнуто, если разрешить образование собственных Эстонской и Латвийской православных церквей и их отделение от православных русских... Кроме того, православной церкви в прибалтийских генерал-бецирках следует дать возможность и дальше продолжать отсюда ее пропагандистскую работу на территории группы армий «Север»¹.

Таким образом, временное существование экзархата было официально разрешено немцами, и митрополит Сергей смог вернуться в Ригу. 22 июня Трампедас принял Владыку и известил его, что «несмотря на закон, по которому никакой народ не может использовать церковь для господства над другим народом, экзархату пока разрешено остаться», но государственной поддержки митрополиту оказано не будет, и его деятельность в Белоруссии строго запрещена.

Начальник политического отдела рейхскомиссариата «Остланд» считал, что экзархат вполне может оставаться в юрисдикции Московской Патриархии. 23 июля 1942 года он попытался в своем письме убедить в правильности этой точки зрения и Восточное министерство: «Сейчас экзархат полезен для германской политики в качестве базы Православной миссии на прежнем советском пространстве. Эта миссия проводится экзархатом из соображения целесообразности, так как только на его территории могут быть обеспечены значительный выбор миссионеров, их снаряжение и канонически верное направление. Последнее необходимо, чтобы избежать волнений верующих в прежних советских областях. По каноническим причинам против Московской юрисдикции, которой подчинен экзархат, также нет возражений. Сам факт, что миссионеры экзархата принадлежат к Московской юрисдикции, разрушает у верующих страх, что в отношении этих миссионеров речь идет о посланцах чужой власти [...]. С другой стороны, при формальной связи экзархата с Московской юрисдикцией не су-

¹ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Bonn (AA), Inland I-D, 4758.

ществует опасности нежелательного политического воздействия, так как существующий сейчас фронт делает невозможной всякую связь между Москвой и экзархатом. А позднее, после продвижения фронта местопребывание патриарха окажется в сфере германского управления, и тогда он тем более не сможет действовать в нежелательном для Германии смысле [...]. Напротив, деятельность миссионеров Александра Ревельского, подчиненного юрисдикции Константинополя [...], решительно будет отвергаться старосоветским населением. Поэтому миссионерская работа Александра Ревельского нежелательна». Трампедас также указал, что командующий СД в Остланде разделяет его точку зрения, и чиновники министерства нехотя на время смирились с существующим положением¹.

Вернувшийся в Ригу экзарх в Латвии никакой серьезной оппозиции не встретил, митрополит Августин остался почти в полном одиночестве (при этом германская администрация старалась различными способами удалить 50 тыс. латышей из Православной Церкви). Иначе обстояло дело в Эстонии, где русские приходы составляли лишь 25%. Там уже много месяцев шла открытая и упорная борьба. Еще 14 октября 1941 года митрополит Александр заявил, что он «был признан государственной властью единственным главой Эстонской Церкви», и угрожал привлечением не подчинившихся ему лиц к ответственности. Действительно, митрополита Александра активно поддерживали созданные под эгидой германских властей местные эстонские органы управления, которые развернули целую кампанию угроз и репрессий против русских священников и мирян. Подобными «методами убеждения» эстонцам удалось временно запугать значительную часть духовенства и заставить ее молчать. Только русские приходы и монастырь в Печорском районе смогли в конце 1941 — начале 1942 годов вернуться в состав экзархата Московской Патриархии. Кроме того, о своей верности митрополиту Сергию заявил епископ Нарвский Павел, но его лишили возможности управления почти всеми прежде окормляемыми им приходами. Владыка неоднократно резко протестовал по этому поводу, но ситуация не менялась. Экзарх Сергей тоже, в свою очередь, протестовал против действий митрополита Александра и подал заявление германским органам власти с просьбой не препятствовать воссоединению Эстонского епископства с экзархатом и запретить вме-

¹ ВА, R90/128, Bl. 7557–7561.

шательство в это дело местной эстонской националистической администрации. Но и эти усилия митрополита Сергия (Воскресенского) долгое время оставались безуспешными¹.

Такое положение дел в Эстонии сохранялось до конца лета 1942 года. Правда, 24 июня 1942 года рейхскомиссар «Остланда» направил генералкомиссару в Ревель циркуляр о том, что самостоятельность Эстонской Православной Церкви нежелательна, и просил указать эстонскому «самоуправлению», чтобы оно не вмешивалось в вопросы организационного устройства религиозных организаций. Однако генералкомиссар находился под сильным влиянием эстонских националистов и фактически проигнорировал указание Лозе².

23 июля 1942 года Синод Апостольской Православной Церкви Эстонии постановил, что она остается в юрисдикции Константинопольского патриарха и в границах прежнего эстонского государства. Из 10 священнослужителей, участвовавших в заседании Синода, не было ни одного русского. В докладной записке «Православная церковь в Остланде» от 6 июля 1942 года, написанной руководителем особого штаба X главной рабочей группы «Остланд» оперативного штаба Розенберга В. Холлбергом (Тарту), говорилось, что борьба в Эстонии должна будет, вероятно, в конце концов свестись к разгрому русской части Православной Церкви: «О многом говорит уже то, что ситуацию характеризуют как национальное преследование русских внутри православной церкви руководителем этой церкви. Известие об этом перешагнуло границы Остланда и производит очень нежелательное впечатление на население освобожденных от большевиков областей России»³.

Ободренное совершившимся летом 1942 года возвращением экзарха Сергия в Ригу, русское духовенство Эстонии усилило свое сопротивление давлению эстонских националистов. 19 июня 1942 года большинство священников Печорского благочиния официально вышли из юрисдикции митрополита Александра, который был назван схизматиком. Это решение и просьбу о подчинении епископу Павлу священнослужители передали состоявшемуся 23 июля в Риге архиерейскому совещанию экзархата. Совещание направило митрополиту Александру

¹ ВА, R58/225, Bl. 169–170; IfZ, MA 795, Bl. 1282–1284.

² ВА, R90/128, Bl. 7491–7492.

³ IfZ, MA 795, Bl. 1313–1314, 1333–1336.

письмо с призывом одуматься, признать свою вину и положить конец церковному бесчинию. Одновременно епископу Павлу, вошедшему в непосредственное подчинение экзарха, было поручено окормление всех русских приходов в Эстонии.

Однако привести это постановление в жизнь оказалось очень непростым делом из-за преследований со стороны эстонских националистов. Несколько священников, признавших экзархат Московской Патриархии, были арестованы эстонской политической полицией и посажены в тюрьму. 25 августа 1942 года епископ Павел писал В. Холлбергу: «Моя задача состоит теперь в том, чтобы все существующие в Эстонии русские общины объединить и собрать в Нарвской епархии. Однако эту задачу осуществить нелегко, так как митрополит Александр своими незаконными распоряжениями вторгся в жизнь общин моей епархии и при пособничестве его доверенных лиц порой прибегает к акциям совсем нецерковного характера... Было бы хорошо, если бы мы — русские могли бы устроить епархиальное собрание, в результате чего собрались бы представители всех общин для выяснения всех волнующих нас вопросов. Но едва ли можно надеяться, что органы власти в настоящее время допустят такое собрание»¹.

Оценка действий митрополита Александра, данная Владыкой Павлом, была вполне справедливой. Так, 24 августа 1942 года митрополит обратился к первому ландесдиректору (руководителю подобранного немцами эстонского национального комитета) Х. Мэе с жалобой «на назначенного большевиками экзарха Сергия, который с большевистских времен враждебным образом действия препятствует нормальному развитию и порядку нашей церкви». Кляузный тон этого письма-доноса, переполненного заверениями в преданности III рейху, сильно отличался от спокойного, выдержанного тона процитированного выше письма Нарвского епископа Павла. В итоге преосвященный Павел был вызван в Таллин, где Х. Мэе лично выразил ему свое явное неудовольствие².

В. Холлберг же, наоборот считал, что ситуация в Эстонии складывается не лучшим образом и поддержал епископа Павла. 4–5 сентября 1942 года он отправил в главную рабочую группу «Остланд» и ведомство рейхскомиссара Лозе свои докладные записки, в которых

¹ Там же, МА 795, Bl. 1315–1317.

² Там же, Bl. 1318–1320; ВА, R58/699, Bl. 8.

предлагал разрешить Епархиальное собрание русских священников, правда, без участия мирян. Главное же его предложение сводилось к проведению срочного разделения эстонских и русских приходов. Первые должны были оставаться под руководством митрополита Александра, а вторые управляться епископом Павлом и подчиняться экзарху Сергию. Холлберг подверг резкой критике письмо Таллинского митрополита Александра от 24 августа 1942 года, в частности заметив: «Утверждение, что экзарх митрополит Сергей был назначен в интересах большевиков, является ничем не доказанными нападка-ми и относится к категории доносов, подобных тем, которые неоднократно поступали на экзарха в рейхскомиссариат и были оставлены без внимания»¹.

Предложение В. Холлберга совпало с мнением Х. Лозе. 25 августа и 26 октября 1942 года рейхскомиссар отправил в Ревель инструкции, в которых указывалось, что духовенству и приходам дается свобода выбора — войти ли в Эстонскую епархию митрополита Александра или русскую епископа Павла. Выбор этот должен был происходить без всякого давления, хотя целям германской политики более отвечает регистрация православных приходов в экзархате. Было решено, что митрополиты Александр и Августин должны именоваться соответственно Ревельским и Рижским, а не Эстонским и Латвийским, так как митрополитом всех прибалтийских генерал-бецирков является Сергей (Воскресенский). При этом рейхскомиссар просил пока на заявления общин, которые хотят подчиняться митрополиту Александру, не отвечать, так как 2 ноября 1942 года ожидается решение конференции архиереев экзархата, на которую митрополит Александр также получил приглашение².

Под давлением своего начальства генералкомиссар в Ревеле пошел на частичные уступки. 28 октября 1942 года он написал руководству рейхскомиссариата «Остланд»: «Так как я убежден, что местные православные эстонские общины и их духовенство отвергнут подчинение экзарху и все еще находящемся под влиянием большевиков Московскому патриаршему управлению, а признание выдвинутых экзархом Сергием претензий на духовное руководство эстонскими

¹ IfZ, MA 795, Bl. 1307–1312, 1321.

² *W. Alexeew, T. Stavrou. The Great Revival. The Russian Church under German Occupation, Minneapolis 1976. P. 83–89; ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 110–113; ВА, R90/128, Bl. 7407.*

православными общинами мне сейчас непонятно, и к тому же оно вызовет заметное недовольство, что я в настоящее время считаю нежелательным, то я не признал указ экзарха относительно Ревельской православной епархии. Прошу сообщить экзарху об этом и побудить его в дальнейшем отказаться от выдвижения своих претензий на руководство эстонскими православными общинами. В принципе я согласен с тем, что отдельные православные общины должны свободно переходить в юрисдикцию экзарха, но при этом речь идет только о находящихся в Нарвской епархии русских общинах... Я сообщил митрополиту Александру о своем согласии с тем, что Эстонская Православная Церковь, как и ранее, будет существовать под названием "Эстонская православная митрополия", при этом ее связь с Константинопольским Патриархатом в дальнейшем прерывается [...]. Наконец, я указал гебитскомиссарам и местному управлению соблюдать нейтралитет в конфликте между экзархом и митрополитом Александром и не чинить препятствий общинам, которые хотят перейти в юрисдикцию экзарха¹.

Острая «эстонская церковная проблема» вновь обсуждалась на архиерейской конференции в Риге, состоявшейся 2–6 ноября 1942 года. В итоге 5 ноября экзарх издал указ о запрещении митрополита Александра в священнослужении, передаче его дела на суд Архиерейского Собора и отстранил митрополита от управления Эстонской епархией. Описывая эти события в своем докладе начальству от 23 ноября 1942 года, В. Холлберг подчеркивал: «Русские общины уже некоторое время охотно подчинились каноническому порядку после того, как с осени 1941 по лето 1942 года им в этом препятствовали терроризирование и устроенная митрополитом Александром смута. Теперь они образуют Нарвское епископство, которое охватывает все русские общины в Эстонии [...]. Оба монастыря — Печерский и Пюхтицкий подчиняются непосредственно экзарху». При этом В. Холлберг опасался, что некоторые эстонские приходы после наложения церковного запрета на митрополита Александра последуют за канонической «московской» Церковью. Он считал, что такие явления допустить нельзя: «Подобные общины должны были бы затем присоединиться к русскому епископству и поэтому снова возникла бы опасность образования ими инородного тела в Русской православной церкви, что должно

¹ ВА, R90/128, Bl. 7403–7405.

быть признано совершенно нежелательным... С целью удаления русских из прибалтийского пространства, в котором они представляют полностью инородное тело, целесообразным представляется теперь очистить русскую православную церковь от эстонцев». Исключение делалось только для родственной эстонцам православной народности сету, насчитывавшей 10 000 человек, так как они считались русифицированными и могли «ухудшить» в расовом отношении «германизированных эстонцев»¹.

Следует отметить, что в конце 1942 года в германских ведомствах все же еще некоторое время шла полемика по поводу титула митрополита Александра. 19 ноября руководство рейхскомиссариата «Остланд» сообщило генеральному комиссару в Ревель, что митрополит был запрещен в священнослужении на архиерейской конференции, и в связи с признанием Сергия экзархом Латвии и Эстонии следует называть Александра не митрополитом Эстонским, а митрополитом Ревельским. Ответ генералкомиссара от 25 ноября гласил, что он считает изменение названия неудобным и поэтому утвердил обозначение «Эстонская православная митрополия», результат же запрещения в священнослужении митрополита Александра пока не ясен. Тогда 4 декабря 1942 года рейхскомиссар уже в приказном порядке написал: «Я прошу сообщить митрополиту Александру, чтобы он титул православный митрополит Эстонии изменил на православный митрополит Ревельский». Это указание Лозе было выполнено. Что же касается Розенберга, то он со своей стороны письменно одобрил церковную политику рейхскомиссара в Эстонии лишь 22 июня 1943 года².

Таким образом, нацистские ведомства, не желая вступать в конфликт с местными эстонскими (зачастую прямо профашистскими) органами управления, сделали для Эстонии исключение, позволив существовать там «национальной Православной Церкви», но при условии полного очищения ее от русских общин. Следует отметить, что опасение Холлберга насчет возможности перехода отдельных эстонских приходов к епископу Павлу были не беспочвенные. Так, в сообщении полиции безопасности и СД от 26 июня 1942 года говорилось: «На острове Эзель было установлено, что отдельные греко-православ-

¹ IfZ, MA 795, Bl.1276–1284.

² BA, R90/128, Bl. 7406, 7408, 7413, 7567.

ные священники ведут пропаганду о том, что эстонский народ должен идти вместе с русским. Бог заберет плеть и меч из рук Гитлера»¹.

К концу 1942 года разделение православных приходов в Эстонии завершилось. В состав экзархата Московской Патриархии вошло 38 русских общин и оба монастыря, а в митрополию митрополита Ревельского Александра — 119 приходов. В юрисдикцию митрополита Ревельского перешли только два русских священника, однако, он пытался распространить свое влияние и на западную часть Ленинградской области. Эти его претензии покоились на планах гитлеровцев включить после захвата Ленинграда Псковский округ и Ингерманландию в состав генерал-бецирка «Эстония». Согласно показаниям протопресвитера Кирилла Зайца от 5 января 1945 года «митрополит Александр одно время думал захватить в свои руки миссионерское дело в Ленинградской области, и экзарх Сергей предупредил, что если появятся от того священники, не иметь с ним общения». Действительно, в 1943 года на Псковщину приезжал в качестве представителя митрополита Александра протоиерей Цветков, однако, отвергнутый местным духовенством и мирянами, он был вынужден уехать обратно².

¹ Там же, R58/697, Вл. 178.

² АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-21132, т. 3, л. 598.

ДУХОВНОЕ ОКОРМЛЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Помимо враждебной позиции Восточного министерства и конфликтов с эстонскими националистами, еще одной проблемой, с которой столкнулся экзарх Сергей, было запрещение духовного окормления советских военнопленных. В первые месяцы войны местная администрация в Прибалтике по своему усмотрению разрешила проводить православные богослужения в лагерях. Яркие свидетельства о них оставил протоиерей Георгий Бенигсен: «Мы делаем все возможное, чтобы проникнуть к военнопленным и в Россию. Наконец удается первое. То, что мы видим, ужасно! Десятки тысяч, сотни тысяч истощенных, замученных, оборванных, босых, голодных — не людей, а комков голых нервов... Нам с огромными трудностями удалось организовать богослужения в лагерях военнопленных в Риге. Это были самые страшные литургии в моей жизни... Кончается литургия. Подходят целовать крест, целуют руку священника, целуют его ризы, стараются, несмотря на строжайшее запрещение, шепнуть несколько слов, передать записку с адресом, с просьбой разыскать близких. А немцы начинают зверствовать в открытую. Страшные расстрелы евреев. Аресты “инакомыслящих”. И колоссальных масштабов систематическое, продуманное уничтожение русской живой силы — военнопленных»¹.

Эти воспоминания подтверждаются и многими другими свидетельствами. В сообщении полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 года говорилось, что небольшое количество богослужений,

¹ *Бенигсен Георгий, протоиерей. Христос Победитель // Вестник русского христианского движения. 1993. № 168. С. 133–134.*

которое было проведено в прибалтийских лагерях военнопленных, произвело огромное впечатление на красноармейцев: «Многие тысячи их исповедовались и причащались, плакали и молились, стояли совершенно тихо и неподвижно, как в потрясении и благодарили после богослужения священников трогательными словами. Точно такие же явления можно было наблюдать в лазаретах для военнопленных, когда священники еще могли посещать их»¹.

В берлинской газете «Новое Слово» даже сообщалось, что 31 августа 1941 года в рижском православном соборе состоялось специальное богослужение для русских военнопленных, на котором присутствовало 5000 человек, причем пел церковный хор, состоящий из 35 военнопленных².

Но это было одно из немногих исключений. Уже в конце октября 1941 года в соответствии с общей направляющей линией германской власти богослужения для военнопленных в Прибалтике оказались запрещены. Неоднократные попытки экзарха изменить ситуацию не увенчались успехом. Например, 21 февраля 1944 года ведомство шефа полиции безопасности сообщало Министерству иностранных дел в ответ на его запросы от 29 июля и 21 сентября 1943 года, что последнее пришедшее в верховное командование вермахта заявление о душепопечении советских военнопленных поступило от митрополита Сергия через коменданта лагеря при командующем частями вермахта «Остланда» в Риге. В нем экзарх просил разрешить подчиняющимся ему священникам служить в лагерях и лазаретах. «Предложение было отклонено, так как Сергей не пользуется доверием»³.

Единственное исключение уже в 1944 году было сделано для бывших советских военнопленных, состоявших на службе в германской армии. Согласно определению командующего частями вермахта «Остланда» от 8 февраля 1944 года, санкционированного германским Восточным министерством 23 марта 1944 года, им было позволено посещать церкви⁴.

Более того, за организацию помощи военнопленным целый ряд церковных деятелей подвергся репрессиям. Именно за эту помощь были

¹ ВА, R58/225, Bl. 173.

² Новое Слово. 1941. 21 сентября.

³ АА, Inland I-D, 4779.

⁴ IfZ, MA 541, Bl. 31–33

расстреляны В. К. Мункевич-Неплюева и старообрядцы К. Р. Портнов, К. Е. Портнова и А. Е. Ершова; все они в прошлом являлись участниками «Рижского студенческого православного единения». И все же при Рижском кафедральном соборе с конца 1943 года вновь стал действовать существовавший осенью 1941 года Дамский комитет, возглавляемый О. Ф. Бенуа и оказывавший помощь не только беженцам, но и советским военнопленным¹.

Заметим к слову, что существует большое количество документов о том, что к русским старообрядцам, которых проживало в Латвии и Эстонии более 100 тысяч человек (только в Латвии существовало 89 общин), нацисты относились особенно враждебно. Достаточно упомянуть сообщение полиции безопасности и СД от 18 июля 1941 года: «Староверы сильно коммунистически ориентированы и были во время коммунистического господства вместе с евреями составным элементом коммунистической партии. Часть этих староверов и, прежде всего, молодое поколение после вступления германских войск образовала банды... Вспомогательным полицейским группам дано указание передавать ведущих руководителей и духовенство староверов оперативным командам»².

Следует упомянуть также, что перед Пасхой 1943 года по ходатайству Владыки Сергия (Воскресенского) оккупационные власти позволили перевести из Саласпилсского концентрационного лагеря в Рижский Свято-Троицкий Сергиев женский монастырь несколько сотен больных детей. Сестрам удалось выходить большинство этих больных детей и передать на воспитание в православные семьи. Монастырь также брал на воспитание детей русских беженцев или сирот. В годы войны это было распространенной в Латвии практикой, осуществлявшейся многими семьями и даже организациями с целью спасения русских детей. Так, например, настоятель Рижской Благовещенской церкви протоиерей Николай Харитонов взял на воспитание девочку-сироту, а епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) усыновил мальчика из числа беженцев, потерявших своих родителей. В 1944 году нацисты попытались вывести насельниц Рижского монастыря в Германию, однако те отказались покинуть свою обитель, хотя в ходе боев

¹ Плюханов Б. В. РСХД в Латвии и Эстонии. Материалы к истории Русского студенческого христианского движения. Париж, 1993. С. 289, 296.

² ВА, R58/ 214, Вл. 210–211.

была разрушена Спасо-Преображенская пустынь монастыря (как и еще 16 православных латвийских храмов)¹.

Несмотря на всевозможные препятствия, порой экзарху удавалось добиваться крупных уступок со стороны германских ведомств. Важным фактом стало открытие в ноябре 1942 года в Вильно Богословско-пастырских курсов (фактически Духовной семинарии) при Свято-Духовом монастыре. Ректором ее стал эвакуировавшийся из г. Можайска, где его застала оккупация, бывший профессор и проректор Московской Духовной Академии, близкий когда-то к патриарху Тихону, протопресвитер Василий Виноградов. Средства для курсов собирали не только в храмах экзархата, но и на территории, окормляемой Псковской Миссией. Среди учащихся преобладали выходцы из оккупированной части Ленинградской области. Выпускники курсов — молодые священники должны были прежде всего вести миссионерскую работу в России.

Хорошо понимая важность подготовки священнослужителей для возрождавшейся церковной жизни, митрополит Сергей еще в январе-феврале 1942 года начал переговоры с руководителями политических отделов при генерал-комиссариатах Литвы и Латвии о создании «Православных Богословских курсов в городе Вильно». В конце мая 1942 года разрешение было получено, и экзарх выпустил циркулярное сообщение о предстоящем открытии курсов с целью подготовки новых кадров духовенства для «многострадальной России» и правилах приема учащихся. Получив этот циркуляр, Управление Псковской Миссии 24 мая обратилось к верующим с призывом посылать сыновей учиться на Виленские Богословские курсы. В октябре 1942 года последовал еще один циркуляр экзарха — о сборе средств для духовного учебного заведения (с этого времени Миссия ежемесячно отчисляла на содержание курсов 15 тыс. рублей, а с ноября 1943 года и все подведомственное ей духовенство по предложению протопресвитера Кирилла Зайца ежемесячно вносило на эти цели определенную сумму: священники по 500 рублей, а псаломщики — по 300)².

¹ Голиков Андрей, священник, Фомин Н. Указ. соч. С. 22; Кирилл (Начис), архимандрит. Народ жаждал молиться, жаждал покаяния... // С.-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 26–27. СПб., 2002. С. 202.

² ВА, Р 6/181, В1. 26, 31–33; Виноградов Василий, протопресвитер. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Св. Патриарха Тихона (1923–1924 гг.) по личным воспоминаниям. Мюнхен, 1959. С. 61–62; Жизнь Церкви. Вып. 2. 1943. С. 39.

Осенью 1942 года в печатном органе Псковской Миссии «Православный христианин» было опубликовано распоряжение Управления Миссии об открытии Православных Богословских курсов «для подготовки кандидатов на священно-церковнослужительские места». Вероятно, такая формулировка подразумевала, что выпускники курсов будут не только священнослужителями, но и пастырями-миссионерами и катехизаторами. На курсах предусматривалось двухгодичное обучение. Слушателями могли стать лица не моложе 17 лет, причем окончившие средние учебные заведения принимались без испытаний, а окончившие не менее 6 классов церковных учебных заведений (или основную школу) — с испытаниями по общеобразовательным предметам. Всем желающим предлагалось прислать в Управление Миссии прошение о принятии на курсы, свидетельство о рождении и крещении, документ об образовании, а также «приложить отзыв духовного отца или благочинного, или приходской общины».

Уже в июле 1942 года в Управление Миссии начали поступать первые прошения, и вскоре их число достигло 30. Из тех, кто желал поступить на пастырские курсы, было немало детей священников, церковных старост, регентов — молодые люди хотели продолжить дело своих отцов и дедов. Среди подавших прошение были высокообразованные люди, например, преподаватель Ленинградского государственного университета, имевший научное звание, Г. Д. Селиванов, а также и обычные крестьянские дети, и даже бывший советский военнопленный Кислицын. Некоторым отказывали из-за возраста, так, одному из просителей было всего шестнадцать лет. А кому-то, как, например, Г. И. Радецкому, служившему переводчиком в Управлении Миссии, отказали в связи с тем, что «ему еще не отыскан преемник». Утверждал списки принятых на курсы лиц непосредственно митрополит Сергей.

Занятия на курсах начались 20 декабря 1942 года. Отобранным абитуриентам канцелярия Миссии высылала вызов и удостоверение на немецком языке, освобождавшее от работ и разрешавшее проезд в Вильно. К августу 1943 года на курсах обучалось 38 человек. Языком преподавания был русский. Проживали семинаристы в Свято-Духовом монастыре. Учебный день начинался с молитвы в храме и в связи с коротким сроком обучения был насыщен занятиями с самого утра. С трех до пяти часов дня следовало свободное время, а потом вновь начинались занятия. Вечер заканчивался общей молитвой в храме.

Все воспитанники обеспечивались хлебными карточками и жильем. Семинаристы, не имеющие средств (а таких было большинство), жили, питались и учились бесплатно.

К марту 1944 года уехавшего в Германию протопресвитера Василия Виноградова сменил в качестве ректора либеральный по взглядам виленский протоиерей Иосиф Дьячковский. С конца ноября 1943 года в качестве преподавателя сектоведения привлекался и начальник Псковской Миссии протопресвитер Кирилл Зайц. Инспектором же курсов весь период их существования был выпускник Богословского факультета Варшавского университета молодой священник Михаил Кузменко. Уже в 1943 году несколько воспитанников Богословских курсов были рукоположены митрополитом Сергием в сан диакона и затем иерея: Иоанн Матвеев, Сергей Каргай и др. Конечно те надежды и планы, которые руководство Православной Миссии и лично экзарх имели по отношению к этой школе пастырей, не были реализованы в полной мере, ведь первый и последний выпуск состоялся 27 апреля 1944 года, когда Псковская Миссия уже прекратила свое существование¹.

Интересное свидетельство о деятельности курсов содержится в воспоминаниях диакона Валентина Червяковского, учившегося в Вильно в 1943 — начале 1944 годов. В марте 1944 года его хотели отчислить за высказывание сомнений в некоторых богословских вопросах. Но, посетивший курсы экзарх Сергей после разговора с юношей не только не отчислил его, но и взял к себе келейником. Правда, вскоре В. Червяковский был принят на 5-й курс Варшавской Духовной семинарии и уехал в Варшаву².

Деятельность Богословских курсов вызывала удивление даже у представителей других конфессий в Прибалтике. Так, католический архиепископ Виленский Райнис в письме кардиналу Маглионе от 23 июня 1942 года поражался активности экзарха. Он называл удивительным, что митрополит Сергей вообще еще «исполняет свою работу» и даже имеет Духовную семинарию в Вильно (тогда она только начала создаваться), хотя в городе живет лишь 6355 русских³.

¹ *Обозный К.* Указ. соч. С. 87–89; АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 1, л. 262, 392.

² *Червяковский В.* Возвращение. СПб., 2002. С. 94–95.

³ *Kahle W.* Die Orthodoxie im baltischen Raum // Kirche im Osten. Band 21/22. 1978/79. S. 97.

Стараясь проводить в Прибалтике более мягкую политику, нацисты не запрещали там полностью теологическое образование, как на других занятых восточных территориях, а лишь добивались выделения теологических факультетов из рамок университетов и превращения их в самостоятельные учебные заведения. В Рижском университете римско-католический факультет и теологический факультет с евангелическо-лютеранским и греко-православным (18 студентов и 2 аспиранта) отделениями были закрыты с установлением советской власти летом 1940 года. Уже осенью 1941 года церковная общественность стала добиваться их воссоздания. Однако только летом 1942 года руководство рейхскомиссариата «Остланд» известило генералкомиссара в Риге о создании в будущем отдельно от университетов евангелическо-лютеранского и римско-католического институтов с указанием, что учебные планы и расписания экзаменов требуют согласия рейхскомиссара. В октябре 1942 года А. Розенберг в личной беседе с чиновником рейхскомиссариата «Остланд» еще раз подчеркнул, что места подготовки новых священников должны быть формально и фактически отделены от университетов. Но и Католическая и Лютеранская Церкви письменно выразили свое несогласие с выделением соответствующих факультетов. Против этого высказался и ректор Рижского университета в своем письме генералкомиссару от 31 октября 1942 года. Ректор также высказался за воссоздание православного отделения — единственного научного института подобного рода в рейхскомиссариате «Остланд»: «Дальнейшее существование и деятельность православного отделения больше чем необходимы для того, чтобы можно было подготовить смену для будущей научной работы»¹.

25 февраля 1943 года политический отдел рейхскомиссариата «Остланд» известил Восточное министерство, что им разрешено существование вне рамок университетов двух Институтов евангелической теологии в Латвии и Эстонии и Института католической теологии в Литве. Решение же вопроса об образовании православного высшего учебного заведения осложнилось внутрицерковным конфликтом. 12 февраля на квартире директора департамента церквей и конфессий Риги Биргела состоялось совещание, в котором участвовал экзарх Сергей, его секретарь, семь бывших преподавателей православного

¹ ВА, R92/120, Вл. 36–38, 49–50, R6/181, Вл. 26, 31–33.

отделения Рижского университета, представители городских властей и полиции безопасности. В ходе дискуссии выявились две противоположные позиции: экзарх считал, что ему принадлежит право назначения преподавателей, новое учебное заведение должно обслуживать весь «Остланд» и иметь языками преподавания русский и немецкий. Бывшие же преподаватели выступали за автономию высшей школы от Церкви и полагали, что необходимо удовлетворять потребности только латышских православных общин, а русский язык неприемлем из-за «опасности обрусения». В итоге было решено, что каждая из сторон представит свой план организации института, чтобы «компетентные органы, сравнив оба плана, могли найти удовлетворяющее все стороны решение»¹.

Однако попытка примирения не удалась. В своих письменных проектах противники разошлись еще резче. Митрополит Сергей в послании от 12 апреля 1943 года выдвинул несколько условий создания высшей богословской школы: 1. Она должна готовить православных священников не только для всех епархий экзархата, но и соседних епархий России; 2. Главные предметы должны преподаваться на русском языке, при этом дать возможность латышам, эстонцам, белорусам и сету проводить литургические и гомилетические упражнения на их языке (немецкий уже не упоминался); 3. Необходимо иметь право приглашать лучшие учебные силы из других областей; 4. Учебное заведение подчиняется епископу экзархата; 5. Государственный контроль должен осуществляться не со стороны органов местного управления, а со стороны компетентных германских органов; 6. Возможно, лучше создать учебное заведение не в Риге, а в русском городе и 7. Желательны государственные субсидии.

Со своей стороны, латвийские теологи 20 марта разработали свой «Устав Православной Богословской Академии в Риге». 21 августа 1943 года ректор Рижского университета переслал его генералкомиссару вместе с учебными планами двух намеченных им к открытию теологических факультетов и приложил пояснения к проекту, отдающие сильной националистической окраской: «Русское учебное заведение ориентировало бы нашу страну на Москву [...]. Необходимо до конца войны сохранить православное отделение на теологическом факультете Рижского университета, а не преобразовывать его

¹ Там же, R90/129, Bl. 7646, R92/120, Bl. 61–62.

в Академию [...]. Если же она будет самостоятельной, надо сделать ее автономной [...], так как Москва сейчас постарается укрепить свою юрисдикцию. Церковь в Москве — орудие большевистского режима» и т. п.¹

В начале ноября 1943 года в Восточном министерстве состоялось совещание, на котором отмечалось, что Партийная канцелярия по-прежнему против образования теологических факультетов в Рижском университете, но нет средств создавать отдельную организацию, поэтому теологические институты будут организованы на базе факультетов, а не в отдельном здании, как планировалось раньше. 5 ноября генералкомиссар известил ректора университета, что вместо факультетов на 1943/44 учебный год все-таки будут созданы институты, и просил предложить кандидатуры их руководителей. В ответном письме от 25 ноября ректор поблагодарил за доброжелательное решение вопроса и попросил утвердить руководителей двух «теологических факультетов (институтов)» — католического и теологического (с лютеранским и православным отделениями)².

Таким образом, позиция противников митрополита Сергия и Московской Патриархии в этом вопросе возобладала. В начале 1944 года формально теологические институты, а фактически факультеты в составе университета были открыты. Это вызвало резко негативную реакцию руководства экзархата Московской Патриархии. В феврале епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) опубликовал соответствующее сообщение: «В связи с открытием Православного отделения Высшей Богословской школы при Университете в Риге, каковое отделение могут принять за школу якобы для подготовки деятелей Церкви Христовой, довожу до сведения православных следующее: Принимая во внимание, что школа эта открыта без благословения и ведома Высшей Церковной Властью, запрещаю членам Св. Православной Церкви состоять в указанной школе преподавателями — научными силами, равно как и учиться в ней. Диплом этой школы не дает права на занятие должностей Латвийской Православной Церкви»³. Но новооткрытое православное отделение просуществовало всего лишь несколько месяцев, вплоть до прихода советских войск.

¹ Там же, R92/120, Вл. 82, 91–118.

² Там же, Вл. 145–148.

³ Распоряжения и сообщения Высокопреосвященнейшего Сергия, Митрополита Литовского и Виленского, Экзарха Латвии и Эстонии. 1944. № 2. С. 18.

Следует также упомянуть, что Русская Церковь в Прибалтике издавала православные календари, молитвенники, учебники Закона Божия, а с конца 1943 года выпускала в Риге свой журнал под названием «Распоряжения и сообщения Высокопреосвященнейшего Сергия, Митрополита Литовского и Виленского, Экзарха Латвии и Эстонии». Кроме того, был создан Союз христианской молодежи¹, изготавливались антиминсы для новых церквей, осуществлялась значительная помощь вдовам, сиротам, беженцам и даже устраивался церковный музей.

---

¹ История Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Прибалтике достаточно подробно освещена в книге: *Плюханов Б. В. РСХД в Латвии и Эстонии*. Париж, 1993.

ОТНОШЕНИЯ С МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИЕЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ («КАРЛОВАЦКОЙ») РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

В годы войны скончались двое из трех первоначально подчиненных митрополиту Сергию архиереев экзархата: 30 июля 1942 года умер епископ Мадонский Александр и 13 октября 1943 года отошел ко Господу архиепископ Елгавский Карп. В связи с этим экзарх вместе с другими архиереями в апреле 1942 г. совершил хиротонию архимандрита Даниила (Юзвюка) во епископа Ковенского, а 28 февраля 1943 года — протоиерея Иоанна Гарклавса после принятия монашеского пострига во епископа Рижского. Митрополит Сергей также хотел поставить архиереев на Печерскую и Ревельскую кафедры. Так, в частности кандидатом во епископа Ревельского был намечен архимандрит Гермоген (Кивачук), но этим планам не суждено было осуществиться.

Несмотря на значительные успехи в церковном строительстве, положение митрополита Сергия (Воскресенского) было очень сложным и противоречивым. Он старался вести осторожную политику, при этом всячески подчеркивая свою верность Московской Патриархии. Однако требования нацистов отмежеваться от июньского 1941 года воззвания Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) подвигли экзарха к подписанию следующего заявления: «Советская власть подвергла Православную Церковь неслыханному гонению. Ныне на эту власть обрушилась кара Божия... За подписью Патриаршего Местоблюстителя блаженнейшего Сергия, митрополита Московского и Коломенского большевики распространили нелепое воззвание, призывающее русский народ сопротивляться германским освободителям. Мы знаем, что блаженнейший Сергей, муж великой учености и ревностной веры, не мог сам составить столь безграмотное

и столь бессовестное воззвание. Либо он вовсе не подписывал его¹, либо подписывал под страшными угрозами, желая спасти вверенное ему духовенство от полного истребления». В то же время экзарх порекомендовал вдумчиво и внимательно читать, тщательно разбирая в приходах, выпущенную Местоблюстителем известную декларацию 1927 года лояльности советской власти². Ему даже удалось временно убедить германские ведомства в том, что Московский митрополит не был действительным автором воззвания от 22 июня 1941 года.

Следует упомянуть, что значительно позднее, действуя подобным образом, митрополит Сергей 25 марта 1944 года написал рейхскомиссару «Остланда» письмо, в котором утверждал, что митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) «всегда был врагом большевиков» и будто бы хотел в сентябре 1941 года оказаться на занятой немцами территории. Некоторые ошибки (или намеренное искажение фактов) в этом письме свидетельствуют о том, что экзарх сознательно дезинформируя немцев, возможно, стремился таким образом сохранить поминание Владыки Алексея на оккупированной части Ленинградской области, уже запрещенное к тому времени нацистами³.

На созванном по требованию референта гестапо по делам Русской Православной Церкви 23 июля 1942 года Архиерейском совещании экзархата в Риге была направлена приветственная телеграмма Гитлеру, обнародовано заявление с отмежеванием от позиции, занятой Патриархией в годы войны, и принято решение в обычных богослужениях прекратить возношение имени Патриаршего Местоблюстителя Сергея, сохранив его, однако, в архиерейских богослужениях без титула

¹ В настоящее время существует обоснованная версия о том, что известное интервью митрополита Сергея (Страгородского) и его Синода от 18 февраля 1930 года, содержащее в себе неправды о положении Церкви в СССР, было составлено не им самим, а лишь опубликовано в «Правде» и «Известиях» от его имени. На это, в частности, указывает текстологический анализ черновиков интервью, найденных в архиве Президента России. См.: Курляндский И. А. Наш ответ Римскому папе: как тт. Сталин, Ярославский и Молотов в 1930 году писали «интервью митрополита Сергея и его Синода». // Политический журнал. 2008. № 6/7. Зная о таких фальсификациях, митрополит Сергей (Воскресенский) мог не менее обоснованно утверждать, что воззвание митрополита Сергея (Страгородского), подписанное в июне 1941 года, принадлежало другим авторам.

² Васильева О. Ю. Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны: дисс. ...канд. ист. наук. М., 1990. С. 102–103.

³ АА, Inland I-D, R98812, Nr. 4758.

«Московский и Коломенский». Под давлением отдела пропаганды при командовании группы армий «Север» экзарх в ноябре 1942 года разрешил проведение съезда православного духовенства Порховско-Дновского округа (хотя сам уклонился от участия в нем), от имени которого в газетах было опубликовано воззвание с выражением благодарности немецкой армии и народу¹.

Подобные поступки экзарха Патриарший Местоблюститель уже не мог полностью игнорировать. Интересно, что хотя публичная антикоммунистическая позиция митрополита Сергия стала вполне ясна еще осенью 1941 года, вплоть до сентября 1942 года его имя продолжало возноситься в московской церкви Преображения, настоятелем которой он ранее служил. Еще более показательным то, что в изданной в 1942 году пропагандистской книге «Правда о религии в СССР» была помещена фотография Владыки Сергия (Воскресенского) вместе с Патриаршим Местоблюстителем, под которой указывалось имя экзарха. А ведь на эту публикацию была нужна санкция цензуры. Указанную книгу советские разведчики распространяли и в Прибалтике. В сообщении полиции безопасности и СД от 16 апреля 1943 года говорилось, что у арестованных в Эстонии парашютистов было отобрано «очень действенное большевистское пропагандистское произведение “Правда о религии в СССР”»².

Однако после получения сообщения об июльском совещании в экзархате Патриархия довольно скоро отреагировала на него. В своем послании от 22 сентября 1942 года Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский), обращаясь к чадам Православной Церкви, обитающим в Прибалтике, указывал: «Упорствующим же в неповиновении голосу Церкви и хулителей ее церковный суд не потерпит в среде епископства православного». В тот же день митрополит Сергий и еще 14 архиереев подписали «Определение по делу митрополита Сергия Воскресенского с другими»: «Отлагая решение по сему делу до выяснения всех подробностей... 1) Теперь же потребовать от митрополита Сергия Воскресенского и прочих вышеназванных преосвященных объяснения (с опубликованием его в печати), соответствуют ли действительности дошедшие до Патриархии сведения об архиерейском совещании в Риге. 2) В случае, если сведения признаны

¹ ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д.7, л. 10.

² ВА, R58/224, Вл. 117.

будут соответствующими действительности, предложить преосвященным немедленно принять все меры к исправлению допущенного ими уклонения от линии поведения, обязательной для архиереев, состоящих в юрисдикции Московской Патриархии...»¹.

Как видно из архивных документов, эта акция была предпринята при участии НКВД в расчете на реакцию международной общественности. 1 октября 1942 года заместитель наркома внутренних дел Б. З. Кобулов писал секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову: «В фашистской газете “Островские известия” за 8 августа с.г. ...помещено сообщение о состоявшемся в Риге съезде епископов православной церкви, пославшем приветственную телеграмму Гитлеру... В целях разоблачения прибалтийских епископов, пошедших на услужение фашистам, а также для усиления значения патриотических обращений, выпускаемых церковным центром в СССР, в глазах международного общественного мнения митрополит Сергей Страгородский и состоящий при нем совет епископов в количестве 14 человек выпускает специальное обращение к верующим Прибалтийских ССР с особым церковным определением, осуждающим прибалтийских епископов. Негласно способствуя этому политически выгодному для нашей страны мероприятию, НКВД СССР принимает меры к размножению названных патриотических документов типографским способом и распространению их на территории Прибалтийских союзных республик, временно оккупированных немцами. Прошу ваших указаний о передаче этих же документов по радио для Прибалтийских республик»².

Впрочем, сам термин «Определение» свидетельствовал об определенной осторожности и мягкости его составителей. Учитывая наличие фронта, разделявшего экзарха и Патриархию, все изложенные в нем требования приобретали условное значение. Митрополит Сергей (Воскресенский), в отличие от ряда иерархов, выступавших с прогерманскими заявлениями в других оккупированных республиках СССР, так и не был запрещен в священнослужении. А в апреле 1944 года Священный Синод постановил: «рукоположения, совер-

¹ Русская Православная церковь и Великая Отечественная война: сборник церковных документов. М., 1943. С. 34–36.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 125, д. 93, л. 18.

шенные им или подведомственными ему епископами... признаются действительными»¹.

Вплоть до осени 1943 года экзарху удавалось лавировать в отношениях с германскими властями. Широко известна его фраза по поводу последних: «Не таких обманывали! С НКВД справились, а этих колбасников обмануть не трудно»². Но после пропагандистской встречи в Кремле Сталина с митрополитами Сергием, Николаем и Алексием и особенно после избрания в сентябре 1943 года в Москве патриарха митрополит Сергей (Воскресенский) оказался в еще более тяжелом положении. Известие об этих событиях вызвало сильную тревогу у германского командования, решившего принять контрмеры. В начале октября Главное управление имперской безопасности совместно с РМО решили подготовить и провести конференцию православного духовенства экзархата во главе с митрополитом Сергием. Пастырям предписывалось: «1) осуждение и признание недействительным избрание патриарха, 2) принятие резолюции по поводу «гонения на церковь в СССР», 3) торжественное провозглашение анафемы советскому правительству». Рижское гестапо должно было в срочном порядке выяснить отношение экзарха к проекту. Но Владыка дал понять, что выборы патриарха были произведены в соответствии со всеми каноническими правилами и оспариваться не могут. Об этом доложили в Берлин³.

8–13 октября 1943 года в Вене состоялось совещание духовенства Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ или так называемые «карловчане»), признавшее избрание Московского патриарха неканоничным. В совещании приняло участие 7 архиереев во главе с карловацкими митрополитами Анастасием (Грибановским), Берлинским и Германским Серафимом (Ляде), выдвинувшим, как говорилось на совещании, инициативу его созыва, митрополитом карловацких Западно-Европейских русских церквей Серафимом (Лукияновым), архиепископом Гродненским и Белостокским Венедиктом (Бобковским), карловацкими епископами Венским Василием (Павловским) и Потсдамским Филиппом (Гарднером).

¹ В огне войны. Русская Православная церковь в 1941–1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии). Публ. М. В. Шкаровского // Русское Прошлое. Кн. 5. СПб., 1994. С. 299.

² Алексеев В., Ставру Т. Указ. соч. С. 133.

³ Балевиц З. Указ. соч. С. 78.

Участники совещания выпустили в свет определение, в котором акт избрания митрополита Сергия Московским патриархом был объявлен не только неканоническим и нецерковным, но и прямо политическим, «вызванным интересами советской партийной коммунистической власти и ее возглавителя диктатора Сталина». Сталин лишь хочет показать миру, что коммунистическая партия и он, как ее возглавитель, дают свободу Церкви. Все это нужно ему для получения политических выгод.

Неканоничность избрания патриарха Сергия обусловливается, по мнению участников совещания, тем, что для этого избрания не был созван полноценный Поместный Собор (хотя бы и из одних епископов). На Собор было собрано лишь ничтожное количество епископов, «подчинившихся богоборческому правительству и не могущих быть выразителями воли всей Русской Церкви». Избрание патриарха, проведенное в интересах богоборческой власти, унижает авторитет Церкви и ставит ее иерархов в служебное положение перед слугами сатаны. В Церкви рождаются новые соблазны. Совещание епископов не может признать митрополита Сергия каноническим, законным патриархом и продолжает считать все прещения, им наложенные, не имеющими церковной силы.

В особом послании к православным русским людям епископы, принявшие участие в совещании 1943 года, заявляли, что «коммунизм и его крайняя форма большевизм есть величайшее зло, какое когда-либо видел мир, и что он не способен изменить своей безбожной материалистической сущности». Своими уступками Церкви советы хотели «примирить с собой народную совесть, отвращавшуюся от них под влиянием поднятых ими гонений на религию, показать свою веротерпимость перед лицом иностранного мира, особенно своих союзников — англичан и американцев и, наконец, лучше закрепить за собой власть над Церковью». Эти уступки советской власти, — говорилось в обращении, — напоминают искушения Христа дьяволом в пустыне и должны быть решительно отвергнуты, как искушение. «Нам не нужно даров от сатаны, потому что они все призрачны и отравлены его губительным ядом. Его коварная цель состоит в том, чтобы проникнуть в недра самой Церкви и лишить ее внутренней независимости, разложить ее ее же собственными руками»¹.

¹ См.: Церковная жизнь. Ежемесячное издание с прибавлениями. № 11, ноябрь 1943. С. 149 — 155.

Экзарх отнесся к решениям этого совещания резко отрицательно, что соответствовало и его позиции в отношении эмигрантских иерархов. Видимо, первоначальные попытки Владыки примирить Московскую Патриархию и Русскую Православную Церковь за границей встретили негативную реакцию архиереев последней, и с тех пор митрополит Сергей последовательно боролся с влиянием эмигрантского духовенства.

Так, в сообщении полиции безопасности и СД от 2 февраля 1942 года указывалось: «Митрополит православной церкви Сергей предпринимал шаги для устранения “карловацкого” епископа Серафима Ляде, Берлин». А 6 августа 1942 года экзарх написал руководству рейхскомиссариата «Остланд» о необходимости практического осуществления им управления русскими православными приходами в Средней и Западной Европе, «на основании особого поручения, данного ему местоблюстителем патриаршего престола». Правда, германские власти признали попытки митрополита Сергея добиваться этих прав нежелательными¹.

Показателен в этом отношении конфликт, который произошел весной 1943 года. 16 мая в Пскове появился бывший секретарь митрополита Берлинского и Германского Серафима (Ляде) архимандрит Гермоген (Кивачук) в качестве руководителя православного клира во власовских подразделениях. В своем меморандуме германским ведомствам «Религиозное обслуживание власовских воинских частей» экзарх писал: «Принимая во внимание принадлежность архимандрита Гермогена к схизматической церковной организации и далеко идущие цели его поездки, ради предосторожности я дал руководителю Миссии указания: 1) напомнить подчиненным ему клирикам о том, что они не могут совершать богослужения совместно с раскольниками... 2) дать понять архимандриту Гермогену, чтобы он не пытался предпринимать попыток совершать богослужения для власовских частей и военнопленных в церквях, находящихся в ведении Управления Миссии». Исходя из этого частного случая, митрополит Сергей выдвинул идею создания в рамках Московского Патриархата центрального церковного ведомства на занятых восточных территориях: «Чтобы обеспечить церкви порядок и спокойствие также и в послевоенное время и предот-

¹ ВА, R58/220, Вл. 279; *Веверс Я. Я.* Православная духовная миссия — агентура фашистской разведки. Рига, 1973. С. 9.

вернуть ее обусловленный оппозицией схизматического епископата раскол на несколько борющихся между собой сект, [...] просто необходимо обеспечить в церкви России принципиальное продолжение существования канонически законной иерархии [...]. Для обеспечения канонической законности будущего церковного руководства в России было бы лучше всего позаботиться о создании на занятых территориях упомянутого центрального церковного ведомства. Тогда объединенные этим центральным учреждением архиереи могли бы с продвижением фронта воссоединять другие епископства. После войны это временное центральное ведомство могло бы подобающим образом приступить к окончательному урегулированию церковных отношений [...]. Кроме того, упомянутое центральное церковное учреждение взяло бы на себя также обслуживание власовских войск. Является роковой ошибкой поручать обслуживание этих войск схизматической, тем более находящейся в Берлине церковной организации»¹.

Главное предложение экзарха, конечно, принято не было, но на архимандрита Гермогена позиция Владыки оказала сильное воздействие и 5 июня 1943 года он обратился к митрополиту Сергию с прошением: «Припадая к стопам Вашего Высокопреосвященства, я смиренно прошу принять меня в лоно Матери-Церкви, с тем, чтобы я мог под руководством Вашего Высокопреосвященства отдать все свои силы на службу нашей страдающей искренне любимой Русской Церкви»².

Митрополит Сергей не мог вполне противодействовать постановлениям Венского (1943 года) совещания «карловчан», так как это означало бы противодействие позиции нацистских верхов. И все же экзарх решительно осудил эти постановления, хотя их антикоммунистический настрой и резкое обличение большевизма, как зла, которое не может превратиться в добро, вполне соответствовало документам, подписанным самим митрополитом Сергием.

В сообщении командующего полицией безопасности и СД «Остланда» в политический отдел рейхскомиссариата от 30 ноября 1943 года говорилось о выраженном митрополитом мнении. Владыка Сергей называл епископов эмигрантов схизматиками за оппозицию Московской Патриархии. Разрыв с ней, по его мнению, вообще лишал этих епископов права судить о московских делах с канонической точки

¹ IfZ, MA 749, Bl. 826–829.

² BA, R5101/22183, Bl. 124.

зрения. Митрополит убеждал немцев признать избрание патриарха и использовать его в антибольшевистской пропаганде: возрождение Церкви является доказательством полного банкротства коммунизма и надо утверждать, что оно неизбежно приведет к гибели последнего¹.

Сходная позиция выражалась и в сообщенных 29 ноября 1943 года командующим полиции безопасности и СД «Высказываниях экзарха Сергия (Воскресенского) о большевизме»: «Под натиском русской души началась дегенерация большевизма. В этой войне большевизм должен был капитулировать перед русским духом, так как иначе большевизм вообще не мог бы дальше вести войну. Большевики разрушают свое собственное дело тем, что они, как сейчас, отрекаются от своих принципов... Если Сталин однажды возьмет назад все сделанные уступки русской душе, это приведет к революции в России. Если в русских разбудить зверя, с ним будет не справиться. Уже в 1941 году в большевистской России произошла бы революция, если бы немцы проводили другую восточную политику». Относительно будущего политического устройства России митрополит Сергей сказал, что ему самому кажется предпочтительней конституционная монархия².

Упрек в неправильно начатой пропагандистской акции встревожил нацистов. В препроводительной записке к сообщению от 30 ноября 1943 года говорилось: «...я пересылаю Вам отношение экзарха Сергия в Риге к Венскому епископскому собору с просьбой передать его Министерству церковных дел, которое в этом деле на соборе было ведущим, и затребовать его мнение относительно канонической законности затронутых вопросов [...]. Если же аргументы экзарха окажутся состоятельными, то пропаганду, которую мы ведем в связи с Венским собором, надлежало бы перевести в другую колею». Мнения министерства и Антикоминтерна оказались неблагоприятными для митрополита Сергия³.

Германские власти категорически настаивали на запрещении возношения за богослужением имени Московского патриарха, и 18 ноября архиереи экзархата приняли решение прекратить поминовение его, объясняя это тем, что за ликвидацией титула Местоблюстителя отпадает необходимость и в поминании Сергия с подобным титулом.

¹ Там же, R6/178, Вл. 81–82.

² Там же, Вл. 83–84.

³ Алексеев В., Ставру Т. Указ. соч. С. 143–146.

В то же время они не отдали распоряжения возносить его с новым титулом, «ссылаясь на неосведомленность о канонической правомочности избрания патриарха», но подчеркнули свою принадлежность к «Матери-Церкви», с которой остаются в каноническом молитвенном единстве. Эта позиция не удовлетворила гестапо. К тому же экзарх в заявлении на имя рейхскомиссара «Остланда» неосторожно написал, что православный «епископат и теперь желает падения Советов, но, возможно и даже определенно, свои надежды больше не связывает с победой немцев»¹.

Работавший переводчиком в Риге в годы войны и лично знавший экзарха немецкий лютеранский священник Е. Тройлиб в своей статье позднее писал: «На деле Сергей чем дальше, тем больше рассматривал проблематику солидарности с германской политикой в свете нацистского отношения к русскому народу в теории и на практике[...]. С конца 1942 года он делал в своих проповедях замечания о страдающей русской душе и русском национальном достоинстве». Тройлиб отмечал, что именно связи экзарха с Московской Патриархией, наряду с его возросшей политической осторожностью, привели к растущей напряженности в отношениях с оккупационной властью. При этом священник полагал, что решающую роль сыграл донос одного из назначенных вермахтом глав районной администрации, в котором тот написал о непосредственной тесной связи экзарха с московским церковным руководством. Так постепенно Владыка Сергей становился для немцев персоной *non grata*².

¹ ВА, 62Di1/52, Bl. 65–66; Балевиц З. Указ. соч. С. 79–80.

² Treulieb E., a.a.O., S. 60–61.

МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ В ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ЖИЗНИ

Осложнения в отношениях экзарха с немцами привели к тому, что с их стороны начался сбор компрометирующего материала на митрополита. В октябре 1943 года под руководством начальника полиции и службы безопасности в Риге оберфюрера Ланге состоялось совещание, на котором обсуждалась деятельность экзарха. По свидетельству участника этого заседания И. Л. Глазенапа, майор СД В. В. Поздняков на нем заявил: «Все молящиеся слушают его [митрополита Сергия] проповеди с замиранием сердца. Совсем недавно преосвященный посвятил свою проповедь одной из заповедей: «не осуждай — не осужден будешь», и все свои высказывания свел в конечном итоге к тому, чтобы верующие не осуждали тех, кто проявляет недовольство существующим порядком и никуда об этом не сообщали. А проповедь о помощи ближним по заповеди «возлюби ближнего своего как самого себя» была направлена к тому, чтобы побудить слушающих «оказывать помощь семьям, кормильцы которых погибли от рук басурманов» [...]. Его постоянные молитвы «о ниспослании мира и благоденствии нашей православной Родине» настраивают верующих против установления нового порядка на территории, освобожденной великой немецкой армией. С помощью господина Левицкого [секретаря экзарха. — авторы] я подсылал к Сергию агентов-женщин, которые обращались к нему с «жалобами» на то, что арестовали их кормильцев. Он всегда помогал им материально, утешал их, говорил, чтобы «надеялись на Бога и свою великую Родину»¹.

¹ Хмыров (Долгорукий) Ю. П. Страшное злодеяние // Голос Родины. 1972. № 24. С. 4.

Эти фразы о подлинных настроениях экзарха подтверждает свидетельство священника Михаила Кузменко, в конце 1943 — апреле 1944 годов периодически временно исполнявшего обязанности начальника его канцелярии: «Когда был избран Святейший Патриарх, оккупанты запретили возносить его имя за богослужением. На Епархиальном собрании в Вильно митрополит с волнением в голосе оповестил об этом решении оккупационных властей местное духовенство, но оставил за собой право поминать Патриарха. Я всегда в Вильно сослужил экзарху и не знаю случая, чтобы эта воля его когда-либо нарушалась. За три дня до смерти [...] в слове своем Высокопреосвященный остановился на страшном историческом моменте, переживаемом Родиной, когда “нашу святую Русскую Землю попирают враги. Близится час — и, поставленные на колени, они будут просить у нас прощения. Но мы будем тогда так же тверды и немилосердны, как они теперь к нам”». А за день до убийства экзарх совершал панихиду по певцу Д. Смирнову и после нее сказал о Михаилу: «А ведь я по себе служил панихиду... Так оно и обернется. Теперь я уже не сделаю для них того, что позволил себе сделать раньше»¹.

Лично знавший митрополита Сергея архимандрит Кирилл (Начис) также рассказывал, что владыка предчувствовал возможное покушение на свою жизнь и накануне убийства в комнате, где он ночевал, переставлял кровать подальше от окна². По некоторым сведениям в начале 1944 года на митрополита было совершено первое покушение, в результате которого оказалась повреждена нога.

8 марта 1944 года IV отдел полиции безопасности и СД, ведавший церковными делами в «Остланде», составил справку о деятельности экзарха. В ней отмечалось, что он в победу Германии больше не верит, предпринимает попытки отмежеваться от других иерархов, наиболее тесно сотрудничавших с немцами. Митрополиту ставилось в вину регулярное прослушивание передач московского радио, пение в компаниях советской песни «Синий платочек» и т. п. В эти же дни рижскому гестапо приказали срочно организовать в Риге конференцию православных иерархов и добиться, чтобы она приняла резолюцию, направленную против Московского патриарха. 20 марта из Берлина пришла категоричная телеграмма: конференция должна

¹ Кузменко М. Письмо в редакцию // Голос Родины. 1973: № 27. С. 4.

² Устное свидетельство М. В. Шкаровскому 9 апреля 1996 г.

состояться в течение 14 дней, причем заранее была разработана ее программа¹.

Такая острая необходимость в конференции возникла из-за широкой антисоветской церковной пропагандистской кампании, развернутой германскими ведомствами на Балканах. В заметке ландесдиректора Трампедаха, возглавлявшего политический отдел в рейхскомиссариате «Остланд», о переговорах с представителями Партийной канцелярии Шмидт-Рёмером и Главного управления имперской безопасности Нейгаусом в Берлине 7 марта 1944 года говорилось: «Доктор Шмидт-Рёмер и штурмбаннфюрер Нейгаус исходили из того, что религиозно-политическая пропаганда православной церкви в Советском Союзе делает очень заметной доброжелательность к Советскому Союзу на Балканах, особенно в Болгарии, и что необходимо предотвратить это антибольшевистскими заявлениями русских православных церквей... Формально принадлежащая к русской матери-церкви православная церковь в Остланде является особенно подходящей для эффективного заявления против церковной политики в Советском Союзе. Однако при этом безусловно необходимо гарантировать, что не будет подготовлена резолюция и не последует заявления, которые противоречат германским политическим интересам». Видимо полагая, что требуемую резолюцию получить будет очень сложно, Трампедах высказался против проведения конференции, но под сильным давлением был вынужден уступить².

Руководитель группы религиозной политики РМО Розенфельдер также сомневался в целесообразности конференции и возможности добиться от митрополита желаемого образа действия. 23 марта 1944 года он сообщил начальнику руководящей группы культурной политики Восточного министерства Милве-Шредену о переговорах с представителем Главного управления имперской безопасности: «Я еще раз обратил внимание доктора Нейгауса на то, что в настоящий момент я не особенно высоко оцениваю пропагандистское воздействие этой конференции, тем более в связи с возможным исключением экзарха Сергия». Однако и Розенфельдер в конце концов согласился выполнить требования полиции безопасности: «Я согласовал с р.р. Трампедахом, что данная конференция по возможности состоится к Пасхе, и что

¹ Балевиц З. Указ. соч. С. 81.

² ВА, R6/178, Bl. 119.

меня ознакомят с направляющей линией, которую дала СД [...] для этой конференции»¹.

5 апреля 1944 года в Риге было созвано архиерейское совещание, председателем которого по должности являлся экзарх Сергей, членами архиепископ Нарвской Павел и епископ Рижский Иоанн. Преосвященный Даниил не прибыл на совещание по болезни, а преосвященный схиэпископ Макарий был убит в Печорах большевиками при воздушном налете незадолго до открытия совещания — 31 марта 1944 года.

Совещание проходило в Рижском Свято-Троице-Сергиевом монастыре. Помимо указанных лиц, в работе совещания приняли участие руководитель внутренней православной миссии в Литве протопресвитер Кирилл Зайц, профессор-протопресвитер Иоанн Янсон, благочинный Рижского округа, благочинный Ревельского округа, председатель Нарвского Епархиального Совета протоиерей Иоанн Богоявленский, заместитель председателя Литовского Епархиального Совета, благочинный Виженского округа протоиерей Лука Голод, заместитель председателя Рижского Епархиального Совета протоиерей Николай Македонский, член Рижского Епархиального Совета протоиерей Николай Перехвальский, благочинный Поневежского округа протоиерей Герасим Шорец, настоятель Виленского кафедрального собора священник Николай Демьянович, настоятель храмов Рижского Троице-Сергиева монастыря священник Николай Веглайс и помощник начальника экзаршей канцелярии священник Алексей Тихомиров. Обязанности секретаря исполнял начальник экзаршей канцелярии профессор И. Д. Гримм.

Участники совещания рассмотрели вопрос о духовном окормлении беженцев и приветствовали учреждение внутренних миссий в Литовской и Рижской епархиях, а также деятельность церковного комитета по делам беженцев в Нарвской епархии. Преосвященному Нарвскому было рекомендовано учредить в его епархии внутреннюю миссию. Особое внимание было уделено мерам по охране православных святынь, подвергающихся опасности вследствие бомбежек. По сообщению Рижского преосвященного был рассмотрен вопрос об отношении к православному отделению Высшей Богословской школы при Рижском университете, которая была учреждена без согласия

¹ Там же, Вл. 116–117.

Рижского архиерея. На преподавательских постах в школе трудилось духовенство из числа раскольников, отошедших от Московской Патриархии, а также инославные христиане. В связи с этим было одобрено распоряжение Рижского епископа о запрещении православным учить и учиться в этой школе. Лицам, окончившим эту школу, предполагалось не предоставлять должностей в Латвийской епархии.

Однако «гвоздем программы» совещания было принятие предложенного митрополитом Сергием воззвания «Православным людям в Литве, Латвии и Эстонии». В его первой части говорилось об окормлении прибывающих с Востока беженцев, причем указывалось, что к миссионерской работе в беженских кругах должны быть привлечены все живые силы Православной Церкви в экзархате. Далее в документе указывалось на необходимость сохранения православных святынь от уничтожения при бомбежках. При этом особо подчеркивалось, что большевики «преднамеренно, как с воздуха, так и пушечными снарядами, разрушают православные храмы и монастыри, в том числе и наиболее древние, уничтожают, таким образом, обитающие там честные Мощи, чудотворные иконы и иные святыни». В связи с этим необходимо спасать церковное достояние, вывозя его подальше от прифронтовой полосы. Такие меры уже предпринимаются «при деятельном участии германских властей, как военных, так и гражданских. Господь да вознаградит их за это!». Участники совещания призывали верующих, из чьих храмов вывозятся святыни, направить все силы на борьбу с безбожным большевизмом, «содействовать отражению его нашествия и победе над ним». Эта борьба приблизит возвращение святынь в освобожденные от большевиков районы.

Далее в воззвании давалась характеристика безбожному большевизму, как явлению. Если большевики захватят наш край, говорилось в тексте, то он превратится в безлюдное пепелище, свободолюбивое население будет истреблено или уведено в рабство, вся культура будет разрушена, святыни подвергнутся поруганию и уничтожению. «Такая судьба грозит не нам одним, но и всякому народу и всякой стране, которые подверглись бы большевистскому нашествию. [...] Но большевизм несет с собой не только физическое истребление, не только ужасы огня и меча, пыток и казней. Большевизм несет с собой умерщвление духа. Отвергнув Бога, большевизм отверг и образ Божий в человеке. Для большевизма нет ничего святого ни на небесах, ни на земле. Большевизм попирает самое дорогое для человека — его

свободу, его религию, его национальность. Большевизм все приносит в жертву сатанинскому замыслу мировой революции, которая должна уничтожить все религии, смешать все народы в одну безликую массу и поработить все человечество Иудину отродью, возглавившему международную шайку разноплеменных злодеев, бесстыдных лицемеров и беспощадных палачей». Большевизму удалось поработить русский народ, но большевистским русский народ не стал. «Он сохранил любовь к отечеству, к родной Церкви и к человеческой свободе. Все упования свои он возлагает на свержение советского ига». Понимая это, большевики ведут обманную пропаганду, заявляя, что они воюют за Отечество и даже за Церковь. Таковую же пропаганду они ведут в стане своих пособников и союзников, заявляя, что коммунизма более нечего опасаться. Ныне большевики взывают к патриотическим и даже религиозным чувствам народа, пытаясь использовать их в своих интересах, но если они победят, то отомстят народу за живучесть его религиозного чувства и небольшевистского духа и окончательно догряют Церковь.

Сущность большевизма не изменилась. «Сталин не Савл и Павлом не станет». Поэтому участники совещания призывали не верить в большевистскую пропаганду. Особенно лживой эта пропаганда остается в отношении Православной Церкви, «которая задыхается в большевицком плену. Клириков, вместе с прочими рабами и рабынями Сталина, гонят на фронт. Иерархов православных, начиная с Первосвятителя, принуждают к обнародованию унижительных посланий, продиктованных советскими палачами. К иерархам применяют при этом методы того же насилия, к какому прибегали в довоенное время, когда вымучивали у них ложные заявления, особенно о том, будто Церковь в Советском Союзе свободна. [...] Лишь напоказ, для успеха своей заграничной пропаганды, они водружают на развалинах Церкви какую-то картонную декорацию, чтобы она прикрыла разрушенное ими здание, вновь отстроить которое они не позволят». И в заключительной части воззвания содержался призыв освободить Россию от большевизма, вступать в Русскую освободительную армию генерала Власова, которая является зародышем будущей свободной России¹. Для тех же, кому не посилен ратный труд, необходимо работать для

¹ Православный Экзархат Литвы, Латвии и Эстонии. Распоряжения и сообщения. № 3. 1944. С. 9–12.

дела обороны, которая, увенчавшись успехом, неминуемо приведет к падению большевизма. «Церковь Божия осенит вас на поле брани и на поприще труда. Господи, спаси и освободи Россию»¹.

Вместе с тем в резолюции не было сказано ни слова о выборах патриарха и об осуждении просоветской позиции иерархии в СССР. Поэтому уже в день принятия резолюции 5 апреля 1944 года Розенфельдер сообщил в телеграмме Трампедаху, что у Главного управления имперской безопасности существуют предложения по исправлению резолюции конференции (с которыми он согласен), и высказывал предположение, что они могут натолкнуться на трудности у экзарха. 7 апреля 1944 года Нейгаус писал командующим полицией безопасности и СД в Минске и Кракове в связи с планируемыми новыми архиерейскими конференциями в этих регионах о «слишком длинной части воззвания, посвященной в первую очередь внутренним вопросам Остланда». Штурмбаннфюрер СС рекомендовал не повторить главный недостаток рижского обращения: «...в воззваниях местных архиереев должна быть выражена ясная позиция против патриарха Сергия в Москве, без личных оскорблений»².

Так как в рижском воззвании имелись антикоммунистические высказывания, немцы все же использовали его в пропагандистских целях, но это казалось им явно недостаточным. Из Берлина в Ригу 11 апреля 1944 года поступили еще две телеграммы с упреками и директивой: добиться от экзарха дополнительного заявления о том, что он не признает избрание патриарха и считает Патриарший престол вакантным. Однако, несмотря на сильнейшее давление, митрополит Сергей сделать заявление отказался³.

¹ Там же. С. 12.

² Там же, Bl. 8; IfZ, MA 541, Bl. 7; AA, Inland I-D, 4757

³ Балевиц З. Указ. соч. С. 81.

9

МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ (ВОСКРЕСЕНСКИЙ) И ГЕНЕРАЛ А. А. ВЛАСОВ

Особую страницу в деятельности митрополита Сергия и Псковской духовной миссии занимали их отношения с известным генералом А. А. Власовым. Интересно отметить, что в свое время отец Власова — зажиточный крестьянин (по советской терминологии «кулак») отдал своего мальчика на обучение в Духовную семинарию, но крестьянский сын оставил ее для того, чтобы поступить в сельскохозяйственный институт в Москве¹. Тем не менее Власов, по-видимому, сохранял в своей душе веру даже в условиях советской действительности. Близко знавший А. А. Власова протоиерей Александр Киселев вспоминал о своей первой встрече с генералом на крестинах, где тот был крестным: «Во время крестин я был поражен тем, что крестный отец — генерал Власов мог самостоятельно, наизусть, читать Символ Веры, чего очень часто не могут делать крестные из-за незнания на память этого текста. Да, Власов, как в свое время и Сталин, учился в Духовной семинарии. Но ведь более двадцати лет отделяли Власова-семинариста от Власова-генерала. Мог ли он помнить эти слова, если хоть изредка не повторял их?»². Впоследствии, как свидетельствует о. Александр Киселев, А. А. Власов прямо исповедывал перед ним свою веру в Господа Иисуса Христа³.

В конце 1942 года А. А. Власов встретился в Риге с митрополитом Сергием (Воскресенским) как с главой Прибалтийского экзархата

¹ *Фрëлих С.* Генерал Власов. Тенафли (Нью-Йорк), 1990. С. 23.

² *Киселев Александр, протоиерей.* Облик генерала А. А. Власова (Записки военного священника). Нью-Йорк, Б. г. С. 70–71.

³ Там же. С. 88

в юрисдикции Московской Патриархии. Митрополит выдвинул идею о необходимости создания в занятых немцами областях Святейшего Синода во главе с одним из иерархов Русской Православной Церкви. При этом экзарх выражал опасения в связи с активизацией церковных эмигрантов — карловчан. Владыка отмечал, что они, давно оторвавшись от российской действительности, в работе с населением обнаружили свою полную непригодность и зависимость от немецких властей. А. А. Власов в беседе с экзархом заявил: «Религия — личное дело каждого русского человека. Религия должна быть свободной. Верить — дело личной совести каждого». Через несколько дней, выступая в Пскове перед горожанами, генерал сказал: «Нет ничего прекраснее обрядов Православной Церкви. За две тысячи лет христианство сделало так много хорошего для нашего многострадального отечества»¹.

Такая озабоченность митрополита Сергия активностью карловчан была не случайной. Известно, что руководство Зарубежной Русской Церкви в лице митрополита Анастасия (Грибановского) и митрополита Серафима (Ляде) поддерживало контакты с А.А. Власовым, и осенью 1944 году оба этих духовных лица посетили штаб генерала в пригороде Берлина Далеме. Об этом свидетельствует ближайший сотрудник А. А. Власова С. Б. Фрелих. В своих воспоминаниях он также приводит отзыв генерала о митрополите Сергии (Воскресенском): «Этот архиерей — исключительно умный человек и русский патриот. Он во многом мне по душе. При встречах мы всегда оживленно беседовали и только за недостатком времени не могли сказать друг другу всего, что непременно надо было сказать. Он так же, как большинство нас, русских, скрывал в глубине своей души свое настоящее отношение к коммунистической власти и к Сталину. Вовне он умел, как законопослушный и церковный глава, появляться везде, где требовала служба. Всю трагедию такого поведения вы здесь в Германии понять не можете. Представьте себе епископа, духовного отца своего пасомого стада, который должен выступать одновременно как христианин и как верный слуга атеистической власти, написавшей на своем знамени уничтожение церкви! Какая это душевная мука для верующего человека! И при этом такая личность, как этот митрополит, отнюдь не является исключением. Большинство из нас,

¹ Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.). Новгород, 2001. С. 468.

будь то епископ, аппаратчик, высший чиновник или военный, — вынуждены иметь два сердца в груди...

Неспособность немцев понять это заставляет многих из нас забыть любовь к народу, совесть и, в конце концов, веру в Бога и встать в ряды защитников сталинского режима. А что вы сделали с этим человеком? Человеком, который, жертвуя своей жизнью, перешел в ваш лагерь и оказал неизмеримые услуги вашим устремлениям и мог бы оказывать их и дальше! Этого человека вы из засады на дороге подло и трусливо убили самым позорным образом, как разбойника и преступника...»¹.

Из этого отзыва видно, что генерал А. А. Власов прямо считал убийство митрополита делом рук немцев. Однако сам С. Фрелих указывал, что это было темное дело. «Мы подозревали в этом одну из немецких команд уничтожения, — писал Фрелих об убийстве экзарха. — Но это могло быть также делом партизан или энкаведистов»².

В начале 1943 года в Пскове в связи с обращением А. А. Власова был создан «Русский Комитет», активно занявшийся сбором средств и вербовкой в Российскую освободительную армию. В него вошли бургомистр г. Пскова в период немецкой оккупации В. М. Черепенькин, бывший городской глава Новгорода Пароменский, редактор псковской газеты «За Родину» Хроменко и др.

В апреле 1943 года А. Власов выступил в Риге перед представителями местной русской колонии, в числе которых был экзарх Сергей. При этом генерал открыто критиковал германское руководство в недалёковидности его политики в России: «Если немцы намериваются превратить русских в рабов, то, как аукнется, так и откликнется, и немцы будут побеждены».

Примечательно, что незадолго до выступления А. Власов посетил известную в Риге Гребенщиковскую общину старообрядцев-беспоповцев. В беседе с наставником общины генерал сказал: «Ну а не лучше ли воссоединиться с православием, чтобы хоть в религиозной жизни русских не было разногласий, ведь в единении сила!.. Нет! Никто вас не будет в свободной России принуждать менять веру, — это вопрос совести каждого. Дожить бы только до свержения ненавистной безбожной власти!» По свидетельству очевидцев, генерала интересовало

¹ Фрелих С. Генерал Власов. С. 335–336.

² Там же.

все: и касающееся старообрядчества в целом, и история рижской общины, и белокрыницкое старообрядчество — поповцы. После окончания визита он заметил: «И крепкие же люди, ничто их не поколебало, они и теперь спокойно почивают на своих святоотеческих подушках. С одной стороны, хорошо соблюдать веру отцов, но хорошо ли, с другой стороны, от всего нового отворачиваться? Каменеть в своих взглядах и вере тоже вредно»¹.

В апреле — мае А. А. Власов в сопровождении членов псковского «Русского комитета» ездил в Красногвардейск (Гатчину), Лугу, Дно, Остров, Порхов, Гдов, Волосово, Толмачево, Сиверскую, Дедовичи и другие города и поселки Северо-Запада России, где, выступая перед населением, горячо призывал молодежь вступать в Русскую освободительную армию. В Пскове были организованы курсы пропагандистов РОА, 22 апреля их посетил экзарх Сергей, и выступил там с речью.

1 мая 1943 года А. Власов прислал в Управление созданной экзархом Псковской Православной духовной миссии приглашение прийти к нему для беседы и ознакомления с работой Миссии. В тот же день вечером генерала посетили протопресвитер Кирилл Зайц, протоиерей Николай Жунда, священник Георгий Бенигсен и Н. Д. Сабуров². На допросе в НКВД 8 октября 1944 года начальник Миссии о. Кирилл Зайц подробно рассказал о состоявшейся беседе. А. Власова интересовали положение, задачи Миссии, отношение ее к немцам, и их к миссионерам. О себе генерал сказал, что он — сын крестьянина, «до 18 лет отличался особой религиозностью, но и теперь не потерял веры в Бога».

А. А. Власов говорил также о создании русского правительства и о том, что Россия станет могущественным государством, только освободившись от большевизма. По словам о. Кирилла, генерал высказал пожелание, «чтобы и Миссия поспособствовала этому великому его

¹ Генерал Власов в Риге. Воспоминания морского офицера. Апрель 1943 г. // Русское возрождение. 1980. № 10. С. 102–104.

² Н. Д. Сабуров являлся сотрудником Псковской миссии. Во время войны он попал в немецкий плен и содержался в лагере для военнопленных в Пскове. Когда для нужд Миссии потребовался художник-реставратор, оккупационные власти разрешили миссионерам подыскать такового среди военнопленных. Выбор пал на Н. Д. Сабурова, который стал впоследствии заведующим иконописной реставрационной мастерской. См. *Обозный К. П.* История... С. 131

начинанию на благо России. В частности, он просил обращать особое внимание на русскую молодежь, подразумевая под этим словом не только учащуюся молодежь, но особенно молодых людей зрелого возраста, убеждая их вступать в ряды РОА. Он высказал надежду, что Миссия даст указания священникам приходов устраивать собрания крестьян и какие дать им пояснения, как относиться к возможным выступлениям со стороны враждебно настроенных лиц... На вопрос наш — знаком ли он с нашим митрополитом Сергием? — он ответил, что знаком и виделся с ним в Риге, и что митрополит... дает свое благословение и предписание Миссии в г. Пскове оказывать ему — Власову, содействие и моральную помощь, о чем он и сам просит». Протопресвитер выразил согласие «поддержать начинание» генерала¹.

После этой беседы четыре представителя Управления миссии — о. Георгий Бенигсен, К. Кравченко, В. Караваев и А. Перминов стали принимать периодическое участие в деятельности власовского «Русского Комитета». Они выступали по радио, прочитали несколько докладов в Пскове, Порхове, Острове, Гдове и Новоселье и выпустили совместно с Комитетом листовку, призывающую население вступать в ряды РОА. По предложению Управления Миссии в помещениях «Русского Комитета» также устраивались духовные концерты, в которых принимали хоры церквей г. Пскова.

В мае 1943 года А. А. Власов со своим штабом посетил Псково-Печерский монастырь и выступил перед его насельниками. Настоятель монастыря игумен Павел (Горшков), являясь в душе сторонником восстановления Великой России с монархом во главе, не мог сочувствовать нацистскому нашествию. Однако он иначе относился к власовскому движению, видимо, считая его частью русской армии. Когда генерал зашел в келью игумена, о. Павел приветствовал А. Власова, благословил его и дал иконку. Впоследствии, уже в застенках советской тюрьмы, на допросе 23 декабря 1944 года игумен Павел показал: «Власов мне говорил, что хочет создать свободную Россию, без большевиков, и я, как враг большевиков, благословил его на этот поход». Позднее в монастырь на экскурсию приезжал отряд РОА в количестве 150 человек и о. Павел также приветствовал их, заявив: «Благословляю Вас на борьбу с большевиками и желаю Вам победы для блага

¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Псковской области (АУФСБ Псковской обл.), ф. архивно-следственных дел, д. А-10676, т. 1, л. 87–88, т. 2, л. 351.

Родины». Всем солдатам РОА игумен тогда роздал по листку со своим стихотворением о Псково-Печерском монастыре¹.

Посетивший вместе с А. Власовым Псково-Печерскую обитель Э. К. Деллингсхаузен позднее вспоминал: «Генерал Власов проявил большой интерес, особенно, к истории монастыря, к собранию старинных икон, облачений и церковной древней утвари, к жизни и работе монахов. После осмотра навестили настоятеля монастыря. Старик-монах спросил генерала, как ему все понравилось, и не слыхал ли он про такого русского генерала Власова, который призывает русский народ к борьбе с большевизмом. Вдруг монах, пристально взглянув на генерала, спросил: «Да не вы ли тот генерал Власов?». Когда Власов в этом признался, настоятель встал, сделал ему земной поклон, благословил его на святое дело, перекрестил его и подарил ему икону. Потом Власов расписался в книге для почетных посетителей, и мы отправились дальше. Это сочувствие настоятеля монастыря произвело на Власова сильное впечатление»².

Священнослужители Псковской миссии провели и несколько богослужений в частях РОА. Первый молебен отцы Кирилл Зайц и Иоанн Легкий при участии певчих из соборного хора совершили 25 декабря 1942 года, затем по приглашению «Русского Комитета» отцы Кирилл Зайц, Георгий Бенигсен и Николай Шенрок провели еще ряд молебнов в подразделениях РОА, расположенных в Пскове и Саввиной пустыни³.

Впрочем, циркуляр о поддержке власовского движения, о котором просил генерал, Управление миссии фактически так и не издало. 9 июля 1943 года оно выпустило лишь осторожно составленный информационный циркуляр № 714, предписывающий благочинным представить в Управление Миссии сведения следующего характера: «охарактеризовать популярность власовского движения, отношение к нему местного населения; сделать сопоставление отношения населения к власовскому движению и к партизанам; указать, на чьей стороне находятся симпатии населения, какая из них пользуется большим доверием и сочувствием». Циркуляр был послан десяти благочинным, из которых ответ прислали семь, причем некоторые, как о. Георгий

¹ Там же, д. А-21132, т. 1, л. 2–4, 64, т. 3, л. 708.

² Поздняков В. В. Андрей Андреевич Власов. Сиракузы (Нью-Йорк), 1973. С. 178–179.

³ АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 1, л. 88, 201–202, т. 2, л. 352 об.

Тайлов, ограничились кратким сообщением, что власовское движение популярностью у населения не пользуется¹.

«Основа» будущей РОА — созданный в мае 1943 года русский гвардейский маршевый батальон располагался на станции Стремутка под Псковом и имел там свою временную церковь, но священники Миссии в ней не служили. Дело в том, что протопресвитером (руководителем клира) в войсках А. Власова был назначен состоявший в юрисдикции Русской Православной Церкви за границей архимандрит Гермоген (Кивачук) — бывший секретарь митрополита Берлинского и Германского Серафима (Ляде). 16 мая 1943 года он посетил о. Кирилла Зайца и попросил разрешения отслужить в Псковском кафедральном соборе литургию для воинов РОА, но начальник Миссии дать согласия не мог и посоветовал обратиться непосредственно к экзарху, которому и сам 17 мая написал о случившемся.

Ответ митрополита Сергея был категоричен: клирики миссии не могут служить совместно с раскольником архимандритом, а тот в свою очередь, не должен пытаться совершать богослужения для власовских частей в храмах, состоящих в ведении Управления Миссии. Экзарх вскоре приехал в Псков, и архимандрит Гермоген обратился к нему лично, но вновь получил отказ.

Митрополит Сергей оказал на о. Гермогена большое влияние. Экзарх потребовал от архимандрита всенародного покаяния в кафедральном соборе Риги и перехода в юрисдикцию Московской Патриархии. 5 июля 1943 года о. Гермоген обратился к митрополиту Сергию с прошением принять его в лоно Матери-Церкви². Одно время архимандрит Гермоген даже рассматривался в качестве кандидата на Ревельскую (Таллинскую) кафедру при поставлении от экзарха. Однако воссоединение не состоялось. Архимандрит так и не смог служить в храмах Миссии, хотя до конца августа посещал Псков. По словам о. К. Зайца, желание немцев «привлечь берлинское духовенство и подчинить его СД потерпело неудачу». В августе в гвардейском маршевом батальоне РОА произошли волнения, после чего он в сентябре 1943 года был переброшен в Данию, где находился до конца войны. Тогда же обратно в Берлин уехал и о. Гермоген³.

¹ Там же, т. 1, л. 5, 88.

² Bundesarchiv Berlin (BA), R 5101/22183, Bl. 124.

³ АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 1, л. 89, т. 2, л. 353 об; IfZ, MA 794, Bl. 826-827; BA, R 5101/22183, Bl. 124.

Сам А. А. Власов по некоторым сведениям последний раз общался с духовенством Псковской миссии в августе (на самом деле, вероятно, в начале июля) 1943 года, когда на встрече с клиром Стругокрасненского района заявил о необходимости создания института полковых священников в РОА. Затем его поездки по Северо-Западу России были прекращены¹. Весной 1943 года немецкое командование подготовило план операции «Просвет», согласно которому красноармейцы должны были убедиться, что с ними на одном из участков фронта воюют не только немцы, но и их «борющиеся за свободную Россию бывшие товарищи». Эту акцию германцы собирались провести под Ленинградом, между Ораниенбаумом и Петергофом. Ставка делалась на личное участие в ней А. Власова. Но при выступлениях перед мирным населением и военнопленными последний допустил ряд вольностей. Его заявления о будущей независимой России вызывали неудовольствие со стороны нацистского руководства.

Уже 17 апреля 1943 года вышел приказ фельдмаршала Кейтеля командующим группами армий, в котором говорилось, что «ввиду неправомочных, наглых высказываний военнопленного генерала Власова... Фюрер не желает слышать имени Власова, ни при каких обстоятельствах, разве что в связи с операциями чисто пропагандного характера, при которых может понадобиться имя Власова». 8 июня Гитлер приказал арестовать генерала. К 5 июля А. А. Власов действительно был заключен под домашний арест в Далеме, вблизи Берлина.

Это изменение в содержании германской пропаганды сразу же отметили советские спецслужбы. В обзоре «О структуре и деятельности “Русского Комитета” и “Русской освободительной армии”, возглавляемой Власовым», составленном ленинградскими чекистами в конце августа 1943 года, отмечалось: «В течение июля–августа пропаганда “власовского движения” в антисоветских радиопередачах на русском языке сведена почти на нет. За исключением переданной 7 августа “программной речи” Власова перед представителями частей “Русской освободительной армии” о нем больше ничего не сообщалось». А с сентября 1943 года, после вывода батальона из Стремутки в Управлении Псковской миссии больше ничего не слышали ни о РОА, ни о Власове².

¹ Ковалев Б. Н. Указ. соч. С. 468.

² Там же. С. 68–69; АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 2, л. 353об.

Какие-либо контакты власовцев с духовенством Московской Патриархии прекратились, и в дальнейшем участников движения окормляли исключительно священнослужители-карловчане. При этом А. Власов сохранил положительное отношение к экзарху Сергию вплоть до его убийства. Напомним, что в резолюции архиерейского совещания в апреле 1944 года, адресованной православным Прибалтики, содержался призыв вступать в Русскую освободительную армию Власова, в рядах которой следует бороться за новую, свободную, счастливую Россию, зародышем которой является сама РОА. Под этим воззванием стояли подписи митрополита Сергия, а также преосвященных Павла, Даниила и Иоанна.

Следует упомянуть, что ряд русских общественных деятелей увидели в смерти экзарха Сергия повод для пересмотра церковного вопроса, высказав идею создания единой, централизованной влиятельной Русской Церкви на всей контролируемой Третьим рейхом территории. В частности, подобные идеи выражал в своем докладе от 11 июня 1944 года начальник экзаршей канцелярии профессор И. Д. Гримм. По его мнению, руководящий центр мог бы быть создан на общем Соборе православных архиереев Украины и рейхскомисариата «Остланд» (т. е. Белоруссии и Прибалтики). В число задач этого центра входило бы также религиозное окормление Русской освободительной армии и русских колоний беженцев и остарбайтеров в различных странах. Предусматривалось и дальнейшее привлечение для совместной работы священнослужителей РПЦЗ и даже Русского Западно-Европейского экзархата митрополита Евлогия (Георгиевского), находившегося под омофором Вселенского патриарха.

Заканчивал профессор свой поступивший в МИД доклад указанием на необходимость новой германской церковной политики на Востоке: «Кампания 1941 года не в последнюю очередь потерпела неудачу потому, что русский народ с самого начала имел подозрение о ведении войны в меньшей степени против большевизма, чем против России. Это недоверие не только возбуждалось советским правительством, но и было очевидно для всякого вследствие направленной на раздробление [Церкви] германской церковной политики. Эта ошибка не должна снова повториться. Поэтому при втором вступлении в Россию необходима организация православной церкви полностью свободной в своих внутренних делах, крепко соединенной внешне...»¹.

¹ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Bonn, Inland I-D, 4757.

Однако подобные планы были абсолютно неприемлемы для Рейхсминистерства занятых восточных территорий, Партийной канцелярии и Главного управления имперской безопасности, не желавших менять своей генеральной линии на максимально возможное раздробление и ослабление Русской Православной Церкви, что подтвердилось на переговорах в мае–июне 1944 года.

В дальнейшем И. Д. Grimm встретился с А. А. Власовым, поступил на службу в его штаб, но объединительные церковные устремления профессора вызвали сильную тревогу у СД и в Рейхсминистерстве занятых восточных территорий. Так, 14 декабря 1944 года начальник группы религиозной политики этого (Восточного) министерства К. Розенфельдер писал своему руководству: «Власов имеет намерение использовать, если уже не использовал, в качестве советника по церковным делам профессора Grimma — ближайшего сотрудника убитого экзарха Сергия (митрополита Литовского и Экзарха Эстонии и Латвии). Grimm отклонил предложение взять на себя выполнение подобной задачи при русском органе попечения. Он всегда был известен германским ведомствам в ГКО [генералкомиссариате Остланд] как противник раскола православного единства. Поэтому существует опасность, что от ожидаемой церковной политики Власова пострадают национальные группы, прежде всего, Украинская Церковь, если они не получат косвенной поддержки со стороны органов власти рейха»¹. В результате И. Д. Grimm был вынужден перейти в юридический отдел Комитета освобождения народов России (КОНР), начальником которого оставался до мая 1945 года. Членом КОНР стал и бывший секретарь митрополита Сергия (Воскресенского) Д. А. Левицкий.

В последние десятилетия в среде отечественных историков и публицистов остро ставится вопрос об оценке деятельности как генерала Власова, с одной стороны, так и духовенства, состоящего в Псковской миссии, — с другой. Не вдаваясь в детали этой полемики, которая подчас ведется в наукообразном виде, отметим, что некоторые авторы доходят порой едва ли не до апологии советского коммунистического строя и, в частности, сталинизма.

Уже несколько лет мы не воспринимаем как сенсацию известия о массовых жертвах, который принес наш народ в годы правления Сталина. Фактический развал страны, произошедший в 1990-е годы,

¹ ВА, R 6/179, Bl. 176–179.

подтолкнул некоторых наших сограждан к мнению, что «порядок» в государстве был только при Сталине, а, значит, возможно возвращение к подобному режиму, своего рода сталинизму, но «с человеческим лицом». Между тем разоблачение сталинизма и большевизма в целом является первым шагом на пути возрождения исторической России, той страны, которую мы постепенно теряли, уничтожая ее наследие и носителей ее культуры в страшные годы господства насквозь лживого богоборческого режима.

10

**УБИЙСТВО МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ
(ВОСКРЕСЕНСКОГО). КТО СОВЕРШИЛ ЗЛОДЕЯНИЕ
НА ПУСТЫННОЙ ДОРОГЕ?**

27 апреля 1944 года экзарх Сергей возглавил богослужение в Виленском Свято-Духовом монастыре и первый выпускной акт Богословско-пастырских курсов. 28 апреля 1944 года он принял в своих покоях певчих хора Свято-Духова собора и на следующий день выехал в Ригу.

Это были последние дни его жизни, о которых довольно подробно пишет в своих мемуарах А. В. Герич. «26 апреля после Пасхи владыка митрополит уехал в Вильно для приема первого выпуска созданных им пастырско-богословских курсов. 28 апреля он принимал в своих покоях певчих церковного хора Виленского Свято-Духова собора, на котором ему, между прочим, были сказаны такие слова: «Вы, Владыка, всегда радуете нас своим приездом и изливаете на нас много энергии и силы. Вы поддерживаете нас не только как певчих церковного хора, но и как верующих православных христиан. От Вас мы твердо и ясно теперь узнали, что такое «русский» и что такое «православный»[...]». В тот день в Риге умер большой друг владыки Сергея, бывший солист Российской оперы Дмитрий Смирнов, и митрополит решил спешно вернуться в Ригу, чтобы возглавить похороны знаменитого певца и друга.

К этому времени в распоряжении владыки Сергея был автомобиль и постоянный шофер из бывших советских военнослужащих — майор Петр Яковлевич Кулаков, Герой Советского Союза. Он всюду возил митрополита и был ему очень предан. В 1939–1940 годах он участвовал в советско-финской войне, где проявил храбрость и был награжден

орденом. 5 декабря 1941 года П. Я. Кулаков перелетел на своем самолете на сторону немцев¹.

В тот трагический день — 29 апреля 1944 года владыка Сергий подвозил на своей машине еще двух человек: семейную пару Марию Михайловну и Иннокентия Фокиевича Редикульцевых. Об И. Ф. Редикульцеве следует сказать особо. Он родился в Сибири в 1889 году в семье священнослужителя. С началом гражданской войны 19-летний Иннокентий служил в рядах армии Колчака. 24 декабря 1919 года он оказался в плену у красных, попал в Красноярский военный городок, ставший могилой множества солдат и офицеров Белой армии. Отсюда его почему-то переслали в родной город для суда, где после почти годичного заключения неожиданно выпустили из-под стражи.

Не найдя места в советских учреждениях, И. Ф. Редикульцев становится священнослужителем. Обладая превосходным басом, он в скором времени получает назначение протодиаконом храма Христа Спасителя в Москве, который принадлежал тогда «обновленцам». Известно, что в 1926 году о. Иннокентий Редикульцев был избран членом Комиссии по объединению обновленческих общин г. Москвы². Впоследствии он занимал пост секретаря Московского «обновленческого» епархиального управления.

Протодиакон И. Редикульцев совершал службы в храме Христа Спасителя с «обновленческим» митрополитом Александром Введенским, но, очевидно в начале 1930-х годов (возможно, после закрытия и взрыва Храма Христа Спасителя в Москве) о. И. Редикульцев, как и многие его коллеги, ушел на советскую службу. На этот раз его приняли в Большой московский театр, где он с успехом трудился вплоть до начала войны. В 1941 году он вместе с супругой каким-то образом попал в Германию (по некоторым данным, был в окружении под Смоленском) и уже оттуда переехал в Литву³. Учитывая приведенные нами выше «особенности» биографии о. И. Редикульцева, можно сделать предположение, что в свое время он был завербован советскими органами политического сыска и являлся их тайным агентом.

¹ *Обозный К. П.* История... С. 583–584.

² Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 17. Л. 83об. В протоколе указана фамилия протодиакона «Редикюльцев».

³ *Обозный К. П.* История... С. 580–583.

В такой компании экзарх Сергей на своем автомобиле покинул Вильно и направился в Ригу по дороге, которая проходила через район, где было много партизан...

В Ковно владыку ждал представитель русского населения в Литве А. В. Ставровский, и так как митрополита долгое время не было, он поехал ему навстречу. Через некоторое время Ставровский увидел машину владыки, стоящую на дороге. Подъехав, он оцепенел от ужаса: все сидящие в автомобиле были мертвы... Как потом выяснилось, убийцы подошли к машине митрополита с его стороны и выстрелами из автомата убили владыку и его шофера. Отец протодиакон застыл в позе защищающегося рукой... Недалеко от машины нашли убитую девушку — случайную свидетельницу преступления. Очевидно, нападавшие были в военной форме, потому что потребовали у сидевших в машине предъявить документы. На коленях митрополита лежала раскрытая книжка шофера. В теле митрополита было найдено 12 пуль¹. Произошло это в субботу. «Узнав о смерти владыки Сергея в воскресенье утром, — вспоминает А. Герич, — я сразу побежал в церковь. Там шла служба, которую совершал епископ Иоанн. В церкви стоял гроб Димитрия Смирнова. За службой поминали новопреставленных. После обедни было отпевание, которое должен был совершать владыка митрополит. Все были потрясены, многие плакали...»².

Убийство митрополита и его спутников произошло на пустынной дороге между Вильнюсом и Каунасом (в 40 километрах от него). По некоторым данным, они были убиты выстрелами из обогнавшей их машины. Нападавшие, как уже отмечалось, будто бы были в немецкой форме, но оккупационные власти заявили, что это злодеяние совершили советские партизаны. До сих пор до конца не ясно, кто спланировал и совершил убийство. Естественно, что в советской послевоенной литературе в нем обвинялись нацисты³.

Об этом же свидетельствуют и некоторые известные источники. Согласно сообщению И. Л. Глазенапа убийство митрополита и его спутников совершил ложный партизанский отряд из русских агентов СД под командованием майора В. В. Позднякова. Впрочем, к этому

¹ Православный экзархат Литвы, Латвии и Эстонии. Распоряжения и постановления. №3. 1944. С. 15.

² Герич А. В. Указ. соч. С. 242–243.

³ Там же. С. 84; Веверс Я. Я. Указ. соч. С. 21; Геродник Г. Правда о Псково-Печерском монастыре. М., 1963. С. 100.

свидетельству надо подходить осторожно, так как оно было опубликовано в тенденциозной, по сути дела пропагандистской советской газете «Голос Родины»¹.

В Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк) хранится письмо журналиста из Латвии М. Бачманова. В нем говорится о том, что из машины экзарха будто бы спаслась одна гимназистка, которая спряталась во рву. Она свидетельствовала, что это были немецкие СД, опознала одного из них по шраму на лице и запомнила номер машины, принадлежавшей каунасскому СД². Однако об этом четвертом пассажире, будто бы находившемся в митрополичьей машине, ничего неизвестно и остается не совсем ясным, могла ли попасть в эту машину (и без того занятую четырьмя людьми) какая-то гимназистка. Кроме того, представляется маловероятным, что нападавшие ее «не заметили», в то время как она сумела прекрасно разглядеть лицо по крайней мере одного из них.

Начальник полиции «Остланда» обергруппенфюрер СС Ф. Эккельн после ареста, на допросе 31 декабря 1945 года показал: «Митрополит Сергей находился давно под наблюдением СД и гестапо... Фукс дал мне прочитать приказ о ликвидации митрополита Сергия за подписью Кальтенбруннера [шефа Главного управления имперской безопасности], из которого следовало, что Сергей должен быть убит таким способом, чтобы путем провокации его убийство можно было свалить на советских партизан. Так и было сделано фактически»³. Переводчик на допросе П. Я. Крупников в 1990-е годы сообщил, что на Эккельна в этом случае не оказывалось никакого давления, его допрашивали на другую тему, и обергруппенфюрер СС неожиданно сам, по своей инициативе рассказал об убийстве владыки Сергия. Но и в этом случае нет никаких гарантий, что на допросе в НКВД на высокопоставленного чина СС на самом деле не было оказано никакого давления.

Упомянувшийся немецкий лютеранский священник Е. Тройлиб писал, что офицер «соседней службы», который негативно относился к связи экзарха с Московской Патриархией, «с удовлетворением» сообщил через несколько часов после убийства о случившемся. Тройлиб считал наиболее вероятным, что митрополита убили люди

¹ Хмыров (Долгорукий) Ю. П. Указ. соч. С. 4.

² Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 209.

³ Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946. С. 131.

не немецкой национальности, состоящие на службе СД: «Как позже стало известно, незадолго до или после убийства на расположенном вблизи места покушения заправочном пункте вермахта заправлялся немецкий служебный автомобиль. Сидевшие в нем три человека в германской униформе показали действительный пропуск, говорили на ломаном немецком и демонстрировали вызывающе уверенное поведение»¹.

Интересные показания дал на допросе 11 сентября 1944 года начальник Псковской Миссии протопресвитер Кирилл Зайц: «Мне известен случай, когда в Риге лютеране-латыши по поводу занятия немецкими войсками Риги потребовали открыть кафедральный собор и совершить благодарственный молебен. Митрополит Сергей Воскресенский на это разрешения не дал, и молебен не был отслужен. Из этого я могу судить, что митрополит Сергей к немцам имел отношение отрицательное... Митрополит Сергей Воскресенский был убит, как прошел среди населения слух, немцами, такого же мнения был я и мои коллеги... Я полагаю, что причиной убийства послужило то, что немцы перестали доверять митрополиту Сергию. Правда, хотя у меня веских доказательств нет, но должен сказать, что СД, начиная с конца 1943 года, перестало давать пропуск на проезд митрополиту Сергию на территорию РСФСР, оккупированную немцами. С другой же стороны, убийство митрополита Сергия было совершено с целью создания среди населения отрицательного отношения к советской власти и большевикам. Кроме того, митрополит предвидел неизбежную свою смерть от немцев»².

Указания на убийство экзарха фашистами встречаются и в целом ряде секретных документов Совета по делам Русской православной церкви и Совета министров СССР второй половины 1940-х годов³.

На то, что злодеяние на дороге было совершено немцами, указывает в своем заявлении в Чрезвычайную комиссию по расследованию немецких зверств архимандрит Филипп (Морозов), на основании показаний которого во многом построено заключение 2-го управления НКГБ СССР о результатах проверки материалов по делу об убийстве экзарха Литвы, Латвии и Эстонии митрополита Литовского Сергия

¹ Treulieb E., а.а.О., S. 63.

² АУФСБ Псковской области. Ф. арх.-след. дел. Д. А-10676, Т. 1. Л. 47–48.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 111, Л. 28; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991, Оп. 1, Д. 6. Л. 25.

(Воскресенского), подписанное майором госбезопасности Лутовым и капитаном НКГБ Торговкиным.

Заявление архимандрита Филиппа (Морозова) требует внимательного рассмотрения, однако прежде необходимо сказать несколько слов о самом заявителе.

Архимандрит Филипп (в миру Павел Леонтьевич Морозов) родился в 1890 году в духовной семье. Его отец служил диаконом в Вологодской епархии. По окончании Вологодской духовной семинарии П. Л. Морозов поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, которую окончил со степенью кандидата богословия в 1914 году, будучи в сане иеромонаха. В 1921 году он был назначен на должность инспектора Кременецкой Духовной семинарии. После удаления польскими властями с Виленской кафедры митрополита Елевферия (Богоявленского) сторонник незаконной автокефалии Польской Церкви митрополит Георгий (Ярошевский) своим указом от 14 октября 1922 года назначил о. Филиппа на должность ректора Виленской Духовной семинарии (на место уволенного в связи с противлением неканоническим автокефалистским устремлениям В. В. Богдановича). Однако уже в 1924 году архимандрит Филипп был по каким-то причинам смещен с должности ректора и зачислен в состав братии Виленского Свято-Духова монастыря. Надо полагать, что вместе с потерей ректорского места архимандрит Филипп утратил надежду получить архиерейскую хиротонию, к которой, как архимандрит, он очень стремился. Эта жажда архиерейства у о. Филиппа, очевидно, была велика настолько, что он решился на неожиданный для многих шаг. Летом 1925 года он публично, через печать, объявил о своем переходе в Римо-Католическую Церковь, под юрисдикцией которой он надеялся занять епископскую кафедру.

18 августа 1925 года в виленских газетах появилось письмо архимандрита Филиппа (Морозова), в котором среди прочего говорилось: «После долгого размышления я решился на важный шаг: постановил стать членом той религиозной общины, которая подчиняется наивысшему пастырю, епископу Римскому. Этим актом я выполняю только веление собственной совести, убежденной, что лишь та истинная христианская церковь, где есть апостол Петр со своими последователями». Далее о. архимандрит уверял, что в его «поступке нет никакой измены тому, что всем нам должно быть дорого: подлинной вере и принадлежности к собственному народу». «Любя Христа и Его Святую Цер-

ковь, — заключал о. Филипп свое послание, — буду и впредь в нем любить вас, мои братья, и молиться буду о той милости для вас, который Навысший уделил мне, а именно, чтобы вас как можно больше пришло на ту высоту, на которой Избавитель наш построил Свою Церковь и на которой только и можно сохранять истинную православную христианскую веру в настоящее время смуты и разъединения. Ищите опоры для вашей Церкви не в Москве и не в Константинополе, и не у протестантов, а только в Риме, — в этом истинном центре христианского объединения»¹.

Свой переход в унию с Римом о. Филипп старательно скрывал. По сведениям бывшего юрисконсульта Православной Церкви в Польше присяжного поверенного К. Н. Николаева, написавшего исследование о восточном обряде, еще 17 августа 1925 года архимандрит Филипп писал Виленскому Преосвященному Феодосию (Феодосьеву) о том, «что слухи об измене моей великой православной Церкви ложны»².

Сразу же после перехода о. Ф. Морозова в униатство, польская печать подхватила известие о «перелете»³ православного архимандрита под власть Рима. По мнению обозревателей польских газет, — этот факт явился новым доказательством «разложения Православной Церкви», произведшим в Вильно громадное впечатление.

Морозов, свидетельствует об архимандрите-«перелете» К. Н. Николаев, был человеком талантливым, образованным, «оратором с представительной внешностью. Он предназначен к высокому посту, а поста нет. Православная Церковь в Польше организуется и ему не отведено то место, которого он заслуживает. Он на «епископской» линии, — однако, его обходят. Так складывалось то настроение, которое привело о. Ф. Морозова в Рим. Он виделся с папой. В Риме были изумлены, но и не очень обрадованы, там и без о. Филиппа много претендентов на высокие места. Его приняли и послали в Вильно. Это была ошибка Рима. В Вильно его можно было послать только нареченным епископом. Этого не сделали.

Во всяком случае, о. Ф. Морозову приспособили августиановский храм для богослужений по восточному обряду. Получился полный соблазн и для католиков. Отец Ф. Морозов стал служить в сущем сани,

¹ Николаев К. Н. Восточный обряд. Париж, 1950. С. 140–141.

² Николаев К. Н. Указ. соч. С. 141.

³ Лиц, перешедших из православия в католицизм, в те времена нередко называли «перелетчиками» или «перелетами».

а между тем на нем лежало запрещение православного епископа, которого в Вильно уважали. Он принес с собой архимандритский крест и великолепную митру, но весь блеск православного обряда остался в православном храме Св. Духовского монастыря. В новом месте все было примитивно, ново, раздражительно. Не с кем было соборно служить, некому петь...»¹.

Архимандрит Филипп начал служить по новому стилю, т. е. по юлианскому календарю. Этот поступок произвел в городе сенсацию, и народ из любопытства стал посещать его храм. Морозов возглавил неоуниатское движение в Вильно и стал агитировать православное духовенство переходить в неоунию. За эти действия в сентябре 1925 года епархиальной властью и Священным Синодом Православной Церкви в Польше на архимандрита Филиппа были наложены следующие наказания: запрещение в священнослужении, низвержение из сана, лишение монашества, отлучение от Церкви и даже анафема, провозглашенная в храме Свято-Духова монастыря.

При таком положении «миссионерская работа» архимандрита Филиппа, сводившаяся к переводу православных в католицизм, имела мало успеха. Как пишет по этому поводу другой свидетель событий — А. К. Свитич, — «последователей у него, как среди православного духовенства, так и среди православных приходов, было очень мало и овладеть положением архимандрит Филипп не сумел. Ни Рим, ни католические епископы его не поддержали [...]. Такое положение длилось полтора года. В январе месяце 1927 года архимандрит Филипп обратился с прощальным письмом к Виленскому римо-католическому Митрополиту Ромуальду Яблжикоскому. В нем архимандрит Филипп писал:

«Время соединения Церквей еще не пришло. После моей полуторагодовой самоотверженной работы на пользу соединения Церквей для меня лично теперь совершенно ясно, что со стороны именно предстоятелей Западной Церкви нет Евангельской подготовки для этого соединения. У католической иерархии отсутствует истинно католическое отношение к Православию, т. е. в духе Вселенской Христовой Церкви и наоборот: гордость, самомнение и недостаток христианской любви — характеризуют это отношение». Далее в письме говорилось:

¹ Там же. С. 141.

«Пользование в деле католической пропаганды духовными лицами, изверженными из Православия, как отбросы, пользование ими только потому, что они на все согласны и с удовольствием могут грязнить Православие, ясно свидетельствует о том, что католические иерархи не только не хотят зарывать вырытой человеческими руками пропасти между Церквами, но с помощью наемных рабочих ее углубляют»¹.

В начале января 1927 года, потеряв надежду стать епископом под омофором Римского папы, Морозов пришел с покаянием к архиепископу Виленскому Феодосию (Феодосьеву) с просьбой принять его обратно в Православие. После обсуждения на февральской 1927 года сессии Священного Синода архимандрит Филипп был принят в своем сане с наложением на него епитимьи: запрещение служения, ношения креста и рясы, духовное руководство под началом архимандрита Макария. 15 апреля 1927 года епитимья была снята.

Есть сведения, что перед началом войны Германии с СССР, а именно в 1940 году о. Филипп (Морозов) подавал прошение о приеме в Московскую Патриархию, но, очевидно, начало военных действий помешало доведению этого дела до конца².

В годы войны архимандрит Филипп оказался на территории Виленской епархии. Здесь, по его собственным словам, он будто бы близко сошелся с митрополитом Сергием (Воскресенским), который якобы оказывал архимандриту свое доверие. После прихода Советской армии о. Филипп по каким-то причинам не ушел с немцами, был арестован и находился под следствием в НКВД, давая, среди прочих, показания об обстоятельствах убийства митрополита Сергия (Воскресенского). По сведениям священника Виталия Серапинаса, приведенным на интернет-сайте Литовской епархии Московского Патриархата, архимандрит Филипп (Морозов) давал показания и против своих собратий, в частности, с его слов 24 октября 1944 года был арестован протоиерей Лука Голод. Сам о. Филипп впоследствии был сослан в советский концлагерь, откуда уже не вернулся.

Заявление архимандрита Филиппа (Морозова) по делу об убийстве экзарха Литвы, Латвии и Эстонии митрополита Сергия (Воскресенского) в Чрезвычайную комиссию по расследованию немецких зверств

¹ Свитиц А. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // в кн. Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг.». М., 1997. С. 197–198.

² Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. С. 740.

было подано 8 августа 1944 года. В нем о. Морозов утверждал, что, начиная с сентября месяца 1943 года, он бы «в дружественных отношениях с покойным митрополитом Сергием» и потому может «описать его внутреннюю трагедию». Архимандрит Филипп даже подчеркнул, что он обязан описать эти события согласно предсмертной воле самого митрополита Сергия (Воскресенского), высказанной ему накануне убийства экзарха — 28 апреля 1944 года.

В начале своего заявления о. Филипп описал обстановку, в которой пришлось работать экзарху Сергию. Эту обстановку архимандриту якобы обрисовал сам митрополит во время их первой «деловой встречи», состоявшейся в Свято-Духовом монастыре 15 сентября 1943 года. Экзарх рассказал, что большинство лиц из окружения покойного митрополита Елевферия, как в Ковно, так и в Вильно, «были эмигрантского духа», т. е. ярые враги советской власти, прикрывающиеся только именем Московской Патриархии. Пока митрополит Сергей находился в Риге под немецким арестом (с приходом гитлеровцев в 1941 году), духовенство приняло прогерманскую линию, «а в Риге даже назначен был без всякого его опроса своего рода обер-прокурор над Церковью — немец Иван Давидович Гримм». При таких условиях, чтобы выйти из-под ареста, митрополит должен был сделать сначала заявление в газетах о своей лояльности к Гитлеру¹.

Вторая встреча экзарха с архимандритом Филиппом, как следует из показаний последнего, произошла уже после того, как Синод епископов в Риге во главе с митрополитом Сергием (Воскресенским) сделал протестующее постановление против безбожия советской власти и гонения на веру в Советском Союзе, т. е. в конце октября 1943 года. Тогда о. Филипп спросил экзарха, зачем он сделал заявление о гонениях, «ведь это неправда». Митрополит будто бы пояснил, что лично Г. Гиммлер и Х. Лозе потребовали от него отречения от патриарха Сергия, и он категорически отказался это сделать. Тогда, в качестве компромисса, немцы предложили митрополиту сделать заявление против советской власти. Но есть (по мнению о. Морозова) и другая причина, по которой экзарх должен был делать немцам уступки. Дело в том, что на него поступали доносы от его же сослужителей, в чем он подозревал прибывшего вместе с немцами в Прибалтику из Можайска

¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны... С. 127–128.

протопресвитера Василия Виноградова и «еще одно духовное лицо, стоящее во главе епархиального управления в Вильно».

Что касается протоиерея Виноградова, ушедшего после войны вместе с немцами за пределы СССР и служившего после войны в Мюнхене (в юрисдикции Русской Православной Церкви за границей), то он, как это видно из его писем к преосвященному Иоанну (Шаховскому), написанном в 1947 году, по крайней мере в своей оценке деятельности Московской Патриархии, был чрезвычайно близок к митрополиту Сергию (Воскресенскому). В своих письмах к преосвященному Иоанну о. Виноградов говорит, что «русская иерархия склоняется перед большевистской властью вовсе не ради личного блага», а ради возможности сохранения хотя бы какого-то священноначалия, «без которого никакая церковная жизнь стала бы невозможна». Отец Виноградов справедливо указывает, что «в существующих условиях советского режима, где, можно сказать, каждый десятый есть подневольный агент ГПУ, где каждый шаг и каждый уголок находится как бы под стеклом, никакая катакомбная церковь — невозможна». Да и простой народ стремится не под власть «одинок-фанатиков», а к своему приходскому пастырю. И далее в своих письмах протопресвитер Виноградов откровенно защищает митрополита Сергия (Страгородского) от эмигрантских нападок «ревнителю не по разуму»¹. С другой стороны, вышеупомянутая солидарность в оценке положения Церкви в СССР вовсе не означает, что между экзархом Сергием и о. Виноградовым не могли происходить какие-то трения и что последний не обращался за помощью в возникающих конфликтах к немецким властям.

Ко времени третьей встречи с митрополитом в январе 1944 года, как пишет о. Ф. Морозов, выяснилось, что на митрополита Сергия поступили доносы в гестапо. Суть доносов состояла в том, что митрополита обвиняли в секретной службе НКВД, который дал ему указание идти на любые уступки немцам ради сохранения руководства церковной жизнью в Прибалтике. Экзарх якобы окружил себя советскими агентами (60-летний келейник Симеон, шофер Кулаков — «нквдист», который держал митрополита под дулом револьвера, в связи с чем владыка в последнее время много пил) и вел двойную игру. Положение митрополита сделалось «тревожным и серьезным». Но все же экзарх

¹ Письма протопресвитера Василия Виноградова епископу Иоанну (Шаховскому). Публикация проф. Д. В. Поспеловского // Церковно-исторический вестник. М., 1998. С 41–43.

решил бороться с о. В. Виноградовым и другим лицом, помогавшем ему в доносах.

Тем временем протопресвитер Василий Виноградов, по сведениям о. Ф. Морозова, «совсем зазнался», стал открыто поносить митрополита перед верующими «как пьяницу, безбожника и коммуниста» и даже перестал выполнять экзаршие распоряжения по семинарии и монастырю. В конце марта 1944 года, после проведения формального расследования, митрополит уволил о. В. Виноградова со всех должностей и предписал ему покинуть Свято-Духов монастырь. Немцы не одобрили этого распоряжения, и у экзарха Сергия начался по этому поводу «открытый конфликт с властью».

В конце апреля 1944 года митрополит вновь приехал в Вильно. Здесь 28 апреля состоялась его последняя встреча с о. Филиппом (Морозовым), во время которой он рассказал архимандриту, что еще раз отказался объявить патриарха Сергия «лжепатриархом» и выступить против Московской Патриархии. Из составленного о. Филиппом документа следует, что митрополит Сергей будто бы рассказывал обо всем «со слезами», после чего обнял архимандрита и просил его, если тот останется жив и восстановится связь с Москвой, немедленно выехать в Патриархию и рассказать там всю правду о положении экзарха при немцах, «обелив его перед Церковью и Родиной». Митрополит будто бы разоткровенничался настолько, что пригласил архимандрита приехать к нему в Ригу, поселиться на даче за городом, а там посмотреть, что будет. Так «в братских объятиях» якобы закончилась последняя встреча о. Филиппа и митрополита Сергия (Воскресенского).

Далее архимандрит прямо писал о причинах убийства митрополита Сергия, совершенного германскими властями. Немцы никогда не доверяли митрополиту и считали его своим врагом. Они видели, что православное население Прибалтики любит и уважает митрополита и не доверяет его воззваниям против Советов, сделанным под немецким давлением. «С этой стороны он был опасен для немцев», и они создавали условия для замены его другим иерархом, каковым стал Ковенский епископ Даниил, будто бы «попавший» в архиереи по протекции профессора И. Д. Гримма и впоследствии сблизившийся с противниками митрополита Сергия в лице протопресвитера Василия Виноградова и протоиерея Луки Голода. Именно эти три лица во главе с преосвященным Даниилом, по сообщению архимандрита Филиппа,

представляли собой «тесную группу, враждовавшую против митрополита». Целью же убийства митрополита Сергия (Воскресенского) была широкая пропагандистская кампания о зверствах большевиков (наподобие Катынской или дела об убийстве архиепископа Алексия (Громадского) на Украине). И эта цель, говорит архимандрит Филипп, отчасти была немцами достигнута, т. к. собранные в мае 1944 года в Кракове генерал-губернатором Франком православные русские епископы в один голос выразили свой протест против убийства митрополита большевиками.

Виновниками убийства митрополита отец Филипп прямо называл немцев и просил советское правительство предоставить ему возможность сделать об этом доклад в Московской Патриархии¹.

Записка архимандрита Филиппа (Морозова) легла в основу официального заключения 2-го управления НКГБ СССР о результатах проверки материалов по делу об убийстве экзарха Литвы, Латвии и Эстонии митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского), составленного 10 августа 1944 года в Вильнюсе майором госбезопасности Лутовым (начальник 3-го отделения 5-го отдела 2-го управления НКГБ СССР) и капитаном госбезопасности Торговкиным (начальник 4-го отделения 5-го отдела 2-го управления НКГБ СССР).

В заключение говорится, что по свидетельству протоиерея Александра Недвецкого, митрополит Сергий дал распоряжение помянуть всех православных патриархов, независимо от запрещения немцев помянуть патриарха Сергия. Экзарх дал распоряжение помянуть власть по следующей формуле: *«О еже даровати победы освободителям нашим и вождю их, сокрушити власть супостат безбожных и помиловати страждущие люди своя»*. Когда же упомянутый протоиерей А. Недвецкий спросил митрополита, как это понимать — экзарх ответил: «Понимайте так, как подсказывает вам совесть». «Мы, — говорил сотрудникам НКГБ о. А. Недвецкий, — всегда считали своими освободителями только русских, поэтому указанная формулировка успокаивала совесть верующих».

В целом в записке проводится мысль о том, что хотя митрополит Сергий и сделал ряд антисоветских выступлений, но все же он не встал полностью на сторону немцев, так как отказывался порвать

¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны... С. 133–134.

связь с Московской Патриархией. Таким образом, сам факт связи с Патриархией и Московским патриархом рассматривается в качестве просоветской позиции экзарха и даже как выражение его политической позиции.

Сотрудники НКГБ упоминали в своем заключении священника Михаила Кузменко¹ — инспектора Виленской духовной семинарии, прощаясь с которым пред своим отъездом митрополит будто бы сказал ему: «Да хранит Вас Господь, может быть, и не увидимся больше, если придется погибнуть от немецкой пули».

Вывод авторов документа НКГБ категоричен:

«1. Митрополит Сергей [...] был убит немцами, которые подозревали в нем предателя и агента Москвы. Убийством преследовались две цели: с одной стороны, освободиться от митрополита Сергия как не внушающего доверия, а с другой — использовать факт убийства для очередной провокации и клеветы на Советскую власть.[...]»

2. В числе организаторов убийства были сотрудники Виленского гестапо [...].

3. Активное содействие в убийстве митрополита Сергия оказывал агент гестапо протоиерей Виноградов, также бежавший с немцами.

4. Подозреваемыми в причастности (в качестве агентов гестапо) к убийству митрополита Сергия являются: архимандрит Филипп Морозов, протоиерей [Лука] Голод, проживающий в данное время в Вильнюсе, и секретарь Синода Гримм, проживающий в Риге, материалы в отношении которых требуют дополнительной проверки»².

Итак, мы привели важнейшие известные на сегодняшний день свидетельства в пользу того, что убийство митрополита Сергия было осуществлено немцами. Но в этом деле есть и другая сторона, так как и советская власть имела прямые основания для убийства экзарха, который выступил с горячим призывом борьбы с коммунистической властью в России. Органы власти рассматривали митрополита Сергия (Воскресенского) как предателя Родины. В секретной переписке между сотрудниками созданного в сентябре 1943 года Совета по делам Русской Православной Церкви митрополит Сергей (Воскресенский)

¹ Инспектор богословских курсов священник Михаил Кузменко окончил богословский факультет Варшавского университета и был рукоположен в священник сан во время немецкой оккупации. См.: *Обозный К. П.* История Псковской Миссии. С. 274.

² Русская Православная Церковь в годы... С. 331–332.

прямо именуется «отлученным от церкви изменником Родины»¹. Поэтому существует вероятность того, что убийство митрополита было совершено советскими партизанами.

В пользу этой версии существует свидетельство рижского священника Николая Трубецкого, отсидевшего в лагере 10 лет за причастность к деятельности Псковской Миссии. В своей беседе с Николаем Шеметовым отец Николай утверждал, что встретил в местах заключения бывшего партизана, который сообщил ему о своем участии в убийстве экзарха, совершенном по приказу советской разведки. «С ним мы разделались, — сказал о Николаю бывший партизан. — Помните, в 1944 году он поехал, кажется, в Каунас. Когда он возвращался, наша машина обогнала его автомобиль. Я был участником этой операции. Мы, переодетые в немецкую форму, выскочили на дорогу и расстреляли не только его, но также и шофера и его попутчиков. Свидетелей не было». Далее о. Николай указывал, что будто бы свидетелем преступления был какой-то пастух, чей рассказ совпадал с рассказом бывшего партизана².

А. В. Герич также считал, что убийство митрополита — дело рук красных партизан. «Владыку Сергия, — писал он, — убили более пятидесяти лет назад, но до сих пор нет полной ясности, кто это сделал. Я всегда думал, что это дело рук красных партизан, действовавших по приказу сверху. Сегодня же я в этом уверен больше, чем когда-либо». Далее А. В. Герич упоминал об аресте начальника германской полиции в Прибалтике генерала Эккельна (Еккельна), которому было предъявлено обвинение в убийстве митрополита Сергия. Однако в другом месте Герич сообщил, что советские власти впоследствии привезли из России на могилу митрополита его старушку-мать: «И это было сделано для человека, который открыто призывал к свержению коммунистической власти и которого я видел вместе с генералом А. А. Власовым, позже казненного большевиками. Генерал Эккельн был тоже повешен. Все это наводило меня на грустные мысли».

А. В. Герич упоминал также статью Ю. П. Хмырова (Долгорукова), «Страшное злодеяние», опубликованную в марте 1972 года в 24 номере газеты «Голос Родины», издающейся с пропагандистскими

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 149.

² Шеметов Н. Единственная встреча. Памяти о. Николая Трубецкого // Вестник русского христианского движения. 1978. № 128. С. 250.

целями для тех, кто возвращался в СССР. Ю. П. Хмыров, бывший агентом НКВД, в таком качестве в свое время «присоединился» к власовскому движению в качестве провокатора. Статья Хмырова, по свидетельству Герича, «полна выдумок, передергиваний и лжи». В частности, Хмыров указывал на то, что одним из убийц митрополита был Дмитрий Александрович Левицкий, который якобы ошибочно был назван секретарем митрополита (Левицкий действительно некоторое время исполнял обязанности секретаря владыки). «Я знаю Дмитрия Александровича [Левицкого], — пишет Герич, — более шестидесяти лет и, конечно, никакого отношения к убийству митрополита Сергия он не имел, и иметь не мог». «Пережив в Латвии две оккупации, — пишет далее Герич, — советскую и немецкую, могу только сказать, что немцы у нас просто так не расстреливали людей. С теми, кто выступал против них, они поступали жестоко, но митрополит Сергей против не выступал, а только использовал их для достижения своих целей, вернее, целей Русской Православной Церкви. Нет, я убежден, что владыку Сергия убили красные партизаны, которым он мешал. Погиб он за веру, за то, что открывал церкви на территории Псковской миссии, за то, что учил людей и показывал своим примером, каким должен быть русский, православный. Все это я сам видел и слышал»¹.

Однако все же вышеприведенные свидетельства пока не подтверждаются никакими архивными документами, и, может быть, окончательный ответ на вопрос об убийстве митрополита Сергия (Воскресенского) будет дан историками в будущем. Еще одну версию убийства высказал в своих недавних воспоминаниях диакон В. Червяковский. Он предполагает, что митрополит Сергей мог быть «убит дружинниками латвийского диктатора Ульманиса за то, что не хотел отказаться от церковного послушания Московской Патриархии»².

В западноевропейской историографии, как и в современной российской, утвердилась точка зрения, что экзарха расстреляли нацисты. Так, в изданном в 1992 году в Германии, Швейцарии и Австрии фундаментальном труде «История Христианства» говорится: «Эксперты считают, что Сергей был убит по приказу Берлина. После поворота войны под Сталинградом эта неудобная личность, которая так упря-

¹ Герич А. В. Указ. соч. С. 245–247.

² Чер В. Указ. соч. С. 97.

мо ссылалась на Московский патриархат, уже являлась не помощью, а помехой для немцев»¹.

Экзарху были устроены пышные похороны, но расследовать обстоятельства его убийства германские власти не стали². Зато сразу же, как по команде, была развернута пропагандистская кампания в связи с «террористическим актом большевиков». Целый ряд соответствующих статей появился в немецких газетах³. 11 мая МИД переслал текст Пасхального послания митрополита Сергия в различные посольства с просьбой о максимально широком распространении: «Необходимо сделать все, чтобы через это сообщение и подобные публикации неослабно запечатлеть в сознания Сергия как мученика и первую жертву “ставшего благочестивым Сталина”. При этом сверху рекомендовано религиозное акцентирование, не предназначенное для распространения через служебные германские каналы» и т. д.⁴

Органы управления экзархата прокомментировали смерть митрополита двусмысленным утверждением, что он пал «жертвой своей преданности Церкви и своей безграничной любви к Отечеству»⁵. В то же время в официальном органе экзархата, получившим после смерти митрополита Сергия название «Православный экзархат Литвы, Латвии и Эстонии. Распоряжения и сообщения» было опубликовано послание вступившего в должность заместителя экзарха преосвященного архиепископа Ковенского Даниила «Верным чадам Церкви Православной в Литве, Латвии и Эстонии сущим». В нем, в частности, говорилось о «мученической кончине митрополита Сергия», «павшего от руки подосланных большевиками убийц».

Отпевание экзарха Сергия состоялось 4 мая в кафедральном Рижском Христорождественском соборе, похоронили владыку на Покров-

¹ J.-M. Mayeur [Hrsg.], Die Geschichte des Christentums. Band 12, Freiburg-Basel-Wien 1992. S. 979.

² Тем не менее о проведении по крайней мере формального расследования дела немецкими властями говорит официальный орган экзархата. Об этом же говорится в Указе архиепископа Даниила, данном им при вступлении в должность. См.: Экзархат Литвы, Латвии и Эстонии. Распоряжения и сообщения. №3. 1944. С. 2.

³ Die Zeit vom 02.05 und 06.05.1944; Prussische Zeitung vom 02.05.1944; Deutsche allgemeine Zeitung vom 14.05.1944 и др.

⁴ ВА, R 901/vor.l. Nr. 398, В.1. 14–15.

⁵ Treulieb E., a.a.O., S. 64.

ском кладбище Риги, по левую сторону от Покровской церкви (могила его сохранилась).

Описание похорон (в нашей книге приводятся их фотографии) дано в мемуарах А. В. Герича: «Гроб с телом владыки привезли в церковь в понедельник вечером [1 мая 1944 года]. Шла всеобщая. Я, как всегда, стоял у задней стены храма, недалеко от свечного ящика. В церковь вбежал немецкий офицер и сообщил старосте, что гроб с телом владыки привезли. Тот сообщил об этом епископу Иоанну. Из алтаря начали выходить священнослужители во главе с архиереем и с хоругвями и крестом двинулись через очень длинный притвор Рижского кафедрального собора на улицу. Там стоял немецкий военный грузовик и в нем два гроба — владыки и его верного шофера. Гроб владыки духовенство на руках внесло в темный храм. Все опустились на колени... Гроб поставили перед самой солеей. Насколько я помню, его не открывали, так как не было уверенности, что тело владыки выйдет должным образом после длинной дороги на военном грузовике!... Отслужили панихиду, после которой люди начали медленно расходиться. Я среди других с разрешения старосты остался в закрытом соборе. Открыли гроб. Владыка был облачен в монашеское одеяние с белым клобуком. Тогда я узнал, что он завещал похоронить себя как простого монаха, что оказалось не так просто, ибо он был и монах и епископ — князь Церкви. Духовенство целую ночь сверялось по книгам, как все это следовало делать. Руководил похоронами близкий мне священник (он меня венчал) отец Василий Евстафьев, духовник митрополита. Когда сняли воздух, то я увидел лицо усопшего владыки. Оно было спокойно. Пули его лицо не задела... Лицо снова закрыли, в руки вложили крест и Евангелие, а гроб покрыли архиерейской мантией. Это было вечером 1 мая.

Отпевание владыки было назначено на 4 мая, четверг. До этого в церкви шли службы, люди приходили, чтобы проститься с владыкой или просто побыть с ним в тиши храма. Немцы потребовали, чтобы отпевание было с контролируемым доступом, то есть вход был по билетам, которые можно было получить у духовенства. Когда мы

---

¹ При описании похорон в «Распоряжениях и сообщениях» прибалтийского экзархата указывается, что тело митрополита было закрыто, но крышка гроба открыта, в руках лежал деревянный крест, отпевание совершалось согласно воли почившего по монашескому чину. См.: Православный экзархат... №3. 1944. С. 16.

пришли в собор (было часов семь утра), он был окружен полицией. Нас пропустили. Шла служба. Гроб владыки утопал в цветах.

Собор открыли, кажется, в 9 часов утра, и верующие толпами шли в него. Мне повезло — я был одним из тех, кто стоял на входных дверях. Люди собирались на паперти с билетами в руках и когда их пропускали, они должны были пройти весь длинный притвор Кафедрального собора, чтобы войти в церковь. Оставаться в притворе было запрещено. По нему ходили два чина немецкого СД (в штатском). Один из них подошел ко мне и сказал, что, если мы получим билет номер такой-то (не помню, какой), то должны сразу сообщить ему. Билет этот так и не появился. Хотя их проверяли у всех, даже у священников. Единственным, кто прошел без проверки, был епископ Ковенский Даниил (Юзьвюк), возглавлявший богослужение. Когда мы пришли, туда владыка Иоанн (Гарклавс) был уже в храме. Он, наверное, и ночевал там. К началу службы храм был набит до отказа. Верующие, когда это не мешало службе, подходили ко гробу прощаться. Проповедь над гробом усопшего сказал о. Иоанн Легкий. Многие плакали — и священники и миряне. Служба длилась до 3 часов дня. Когда выносили гроб из храма, во главе процессии священников шел о. Василий Евстафьев.

От церкви до Покровского кладбища, а это, я думаю, километра два, народ стоял стеной по обеим сторонам дороги. Саму процессию охраняли солдаты и мы, прислуживавшие в церкви. Никому не разрешалось выходить из колонны и особенно присоединяться к ней. Так мы дошли до Покровского кладбища. Владыку митрополита похоронили слева от кладбищенской церкви»¹.

¹ Герич А. В. Указ. соч. С. 243–245.

11

**ПОЛОЖЕНИЕ ЭКЗАРХАТА ПОСЛЕ СМЕРТИ
МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ (ВОСКРЕСЕНСКОГО)**

После убийства экзарха встал вопрос о его преемнике. В решении этого вопроса приняли активное участие важнейшие ведомства Третьего рейха — Партийная канцелярия, Главное управление имперской безопасности, МИД и Министерство занятых восточных территорий. Борьба по этому поводу продолжалась несколько месяцев. Между тем у митрополита Сергия был «законный наследник». Еще Архиерейское совещание в Псково-Печерском монастыре 29–30 августа 1943 года вынесло определение об обеспечении преемства в управлении экзархатом. По аналогии с принятым в свое время решением патриарха Тихона совещание постановило, что после освобождения экзаршего престола он не может быть занят как таковой до восстановления связи с высшими церковными органами власти в Москве; руководство экзархата может перейти лишь к местоблюстителю экзаршего престола и его должен назвать в своем духовном завещании митрополит Сергий. Это завещание последовало 29 октября 1943 года.

В завещании говорилось: «Сообразуясь с постановлением Архиерейского Совещания в Псково-Печерском Успенском Монастыре 29-го и 30-го августа 1943 г. об обеспечении преемства в управлении Экзархатом (пункт второй протокола сего совещания и приложение к нему), ПОСТАНОВЛЯЮ, что в случае моей смерти, а равно в случае утраты мною, вследствие тяжелой болезни или иной причины, возможности управлять Экзархатом, управление таковым поручается моему Заместителю, призываемому к исполнению сей должности в порядке ниже перечисленных кандидатур и обязанному, как только откроется

к тому невозбранная возможность, представить на усмотрение Патриархии доклад о делах и всей жизни Экзархата.

1-ый КАНДИДАТ — ДАНИИЛ ЕПИСКОП КОВЕНСКИЙ, который при вступлении в должность Заместителя Экзарха приемлет сан Архиепископа Ковенского и одновременно вступает в должность Временного Управляющего Литовской Епархий.

2-ой КАНДИДАТ — ИОАНН ЕПИСКОП РИЖСКИЙ, который при вступлении в должность Заместителя Экзарха приемлет сан Архиепископа Рижского.

3-й КАНДИДАТ — ПАВЕЛ, АРХИЕПИСКОП НАРВСКИЙ»¹.

Здесь следует обратить внимание на то, что наследование церковной власти по завещательному распоряжению категорически противоречит церковным канонам. Исходя из этого оппозиция Московской Патриархии в лице т. н. «обновленцев» не без оснований ссылалась на соответствующие канонические правила и не признавала законности назначенного по завещательному распоряжению патриарха Тихона (Белавина) митрополита Петра (Полянского) и уже тем более не соглашалась с законностью назначения заместителем — новых заместителей. Тем не менее практика назначения наследников (причем не только на сугубо административные должности, но и на определенные епархии) продолжала существовать в Московской Патриархии, что мы видим и на примере завещательного распоряжения о передаче власти митрополита Сергия (Воскресенского).

В соответствии с завещанием Владыка Даниил (Юзвюк) в сане архиепископа Ковенского 29 апреля вступил в должность заместителя экзарха (и поручил епископу Рижскому Иоанну (Гарклавсу) управление хозяйственным отделом экзархата). Он был назначен митрополитом Сергием своим преемником не случайно: в 1930-е годы иеромонах Даниил служил секретарем митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского), отличался особой преданностью Московской Патриархии и был глубоко чужд всякой политической деятельности. Видимо, митрополит полагал, что использовать Владыку Даниила нацистам будет не легче, чем его самого. В докладной записке руководителя комитета русского населения Литвы А. Ставровского рейхскомиссару «Остланда» от 14 мая 1944 г. давалась следующая характеристика Ковенского архиепископа: «Еще большая опасность заключается в том, что

¹ Распоряжения и сообщения... №3 1944. С.1.

епископ Даниил фанатичный и при этом духовно неполноценный приверженец унижительной покорности патриаршему престолу в Москве. Для него даже вопрос непоминовения титула «патриарха» был большим ударом. Даниил принципиально против активной деятельности церкви в борьбе против большевизма. При нем православная церковь в Остланде будет находиться в полной стагнации и потеряет всякое влияние на население в смысле поощрения борьбы». В телеграмме представителя МИД при рейхскомиссариате «Остланд» Раутенфельда своему начальству от 17 мая 1944 года также отмечалось, что архиепископ Даниил стар и политически (для немцев) очень не интересен¹.

8 мая 1944 года Ковенский архиепископ написал в отдел политики рейхскомиссариата «Остланд» о том, что он уже принял на себя обязанности местоблюстителя и известил об этом подчиненные ему церковные организации. При этом всякое общение со «схизматиками, эксмитрополитами» Александром и Августином им отвергалось. 10 мая ландесдиректор Трампедах телеграммой сообщил об этом в Восточное министерство и высказал свои предложения: «Я прошу также и после смерти экзарха Сергия разрешить дальнейшее существование православного экзархата в Остланде... Так как в настоящее время имеется только 50 000 православных латышей и вместе с эвакуированными в Остланд около 800 000 русских, явно преобладает русский характер, задуманное воздействие на латышей с целью их отказа от принадлежности к православной церкви приносит первые успехи. Собственная же Латвийская православная церковь будет, как и Эстонская, проявлять тенденцию к подчинению Константинопольскому патриарху... После смерти экзарха на повестке дня встала возможность отделения от Московского патриархата и объединения под руководством представителя русского народа всех русских православных церквей в сфере германского господства»².

В ответной телеграмме от 19 мая Милве-Шрёден сообщал, что у него нет возражений против кандидатуры архиепископа Даниила, согласен он был и с сохранением экзархата, но относительно последнего предложения Трампедаха категорически возражал: «Объединение православных церквей Остланда и Украины было бы возможно только под русским знаком и поэтому не приемлемо»³.

¹ Там же; ВА, R6/179, Bl. 46.

² Там же, Bl. 42.

³ Там же, Bl. 95.

В это время ряд русских общественных деятелей в оккупированных областях высказывали идею создания единой, централизованной влиятельной Русской Православной Церкви, увидев в смерти экзарха повод для пересмотра церковного вопроса на всей территории, все еще контролируемой Третьим рейхом. В частности, в уже упоминавшейся записке А. Ставровского предлагалось созвать Собор всех канонических архиереев занятых восточных территорий (т. е. экзархата, автономной Украинской и Белорусской Церквей), который бы принял решение о включении в свой состав епископов РПЦЗ, создал временное (до восстановления Московского Патриархата) верховное управление Русской Церковью и назначил шесть митрополитов — для «Остланда», Белоруссии, Украины, Средней Европы, Южной Европы и Западной Европы¹.

Сходные идеи выражал в своем докладе от 11 июня 1944 года руководитель экзаршей канцелярии проф. И. Д. Гримм. Именно он подсказал Трампедаху идею объединить экзархат и Украинскую автономную Церковь. При этом Гримм считал, что глава последней архиепископ Пантелеимон не может руководить экзархатом по каноническим правилам. Руководящий центр мог бы быть создан на общем Соборе православных архиереев Украины и «Остланда». В число задач этого центра входило бы также религиозное окормление Русской освободительной армии и русских колоний беженцев и остарбайтеров в различных странах. Предусматривалось и дальнейшее привлечение для совместной работы священнослужителей РПЦЗ и даже Русского Западно-Европейского экзархата митрополита Евлогия (Георгиевского). Заканчивал профессор свой поступивший в МИД доклад указанием на необходимость новой германской церковной политики на Востоке: «Кампания 1941 года не в последнюю очередь потерпела неудачу потому, что русский народ с самого начала имел подозрение о ведении войны в меньшей степени против большевизма, чем против России. Это недоверие не только возбуждалось советским правительством, но и было очевидно для всякого вследствие направленной на раздробление [церкви] германской церковной политики. Эта ошибка не должна снова повториться. Поэтому при втором вступлении в Россию необходима организация православной церкви полностью свободной в своих внутренних делах, крепко соединенной внешне...»².

¹ Там же, Вл. 44–48.

² АА, Inland I-D, 4757.

Подобные планы были абсолютно неприемлемы для Восточного министерства, Партийной канцелярии и СД, не желавших менять своей генеральной линии относительно Русской Православной Церкви, что подтвердилось на переговорах в мае — июне 1944 года. Причем все большую роль в данном вопросе играло Главное управление имперской безопасности. Понимая это, МИД обратился 9 мая к ведавшему в этой организации церковными делами Нейгаусу по поводу преемника экзарха. Соглашаясь с тем, что разработка дела находится исключительно в ведении полиции безопасности и СД, МИД рекомендовал чрезвычайную осторожность, так как если выборы наследника Сергия будут неканоничными, «то этим вражеская пропаганда получит в руки новый материал для травли рейха и одновременно станет иллюзорной общегерманская зарубежная пропаганда на православные территории»¹.

Но для Главного управления имперской безопасности канонические правила значили немного. Оно приняло решение назначить главой экзархата бывшего управляющего Киевской епархией архиепископа Пантелеимона (Рудыка), убедив в необходимости этого шага и другие германские ведомства. При этом объединение двух православных церковных образований категорически исключалось. Владыка Пантелеимон, который уже к тому времени проживал на положении беженца в Варшаве, при переезде в Прибалтику должен был оставить свой пост главы автономной Украинской Церкви. На этом настаивали Партийная канцелярия и РМО. При выборе кандидатуры архиепископа Пантелеимона, видимо, учли то, что он осудил избрание патриарха Сергия. На переговорах, состоявшихся 16 июня в Берлине, архиепископ выразил свое согласие. Собравшиеся 30 июня — 1 июля на конференцию в Риге прибалтийские архиереи постановили передать ему все права митрополита и экзарха. Но приехавший в Ригу архиепископ Пантелеимон (Рудык) неожиданно для всех поставил три условия своего согласия: «1. Передача ему кафедрального собора в Риге, 2. Предоставление права преднесения впереди креста при богослужениях, 3. Право носить две панагии». Второе и третье условия указывали на особые планы Владыки, так как подобные права мог иметь лишь верховный глава автокефальной Церкви. Согласно отчету Розенфельдера, лично выезжавшего для разбирательства инцидента 15–19 июля

¹ Там же.

в Ригу, проф. Grimm считал, «что Пантелеимон хочет добиться при возможном создании Всероссийского Синода своего избрания главой русской церкви, поскольку он обладал бы высшими званиями и знаками отличия»¹.

Прибалтийские архиереи увидели в предъявленных условиях шантаж, потеряли к архиепископу всякое доверие и на своем совещании решили ответить ему отказом. После этого он вернулся в Варшаву. Приехавший «по горячим следам» Розенфельдер уже не смог изменить ситуацию. В докладе Раутенфельда в МИД от 24 июля говорилось, что хотя компетентные германские органы о таком исходе и сожалели, «но ни на епископов, ни на Пантелеимона какого-нибудь давления не оказывали». Рейхскомиссар же решил дождаться спокойного времени, чтобы найти другого подходящего преемника экзарха².

«Спокойное время» для немцев так и не наступило, наоборот, вскоре советские войска стали занимать одну часть «Остланда» за другой. Архиепископ Даниил так и остался последним главой экзархата. Ему пришлось возглавить большую работу по душепопечению насильственно вывезенных немцами при их отступлении на территорию Прибалтики или угнанных туда на принудительные работы сотен тысяч русских беженцев. В Латвии особенно активно в этом плане действовала воссозданная 27 декабря 1943 года по распоряжению и под руководством епископа Рижского Иоанна специальная Внутренняя Православная Миссия. Она устраивала духовные беседы, чтения, преподавание Закона Божия детям, распространяла духовную литературу, крестики, иконы и т. д.

Во втором номере «Распоряжений и сообщений Высокопреосвященнейшего Сергия...» отмечалось: «Миссия развивает широко охватывающую деятельность среди все растущего потока православных русских беженцев. Миссия открыла ряд новых богослужебных пунктов там, где раньше были лишь отдельные православные верующие или же таковых вовсе не имелось. С любезного разрешения лютеранского архиепископа Гринберга во многих местах православные богослужения совершаются в лютеранских церквях, куда собираются многочисленные молящиеся. В самом городе Рига в центре жительства русских беженцев Миссия организовала во Всехсвятском храме цикл духовных

¹ BA, R 6/179, Bl. 136.

² AA, Inland I-D, 4757.

бесед, следующих за молебном с акафистом, в которых принимают участие все православные пастыри Риги... При кафедральном Рижском соборе организован Центральный Дамский комитет, заботящийся с христианским рвением о самых насущных нуждах русских беженцев и их пастырей. Материальные средства для таковой насущной помощи поступают довольно хорошо, как от отдельных жертвователей, так и от приходских церквей Латвийской епархии. Не забыты Комитетом и те госпитали и лазареты, где есть православные люди, жаждущие Христова утешения и духовного окормления»¹.

«Благодаря заботам Владыки [Иоанна], — сообщила 2 февраля 1944 года газета «За Родину», — часть беженцев, в особенности в Курляндии, уже может совершать богослужения нормальным порядком и даже имеет двух священников из среды самих беженцев». Так, 18 и 19 января 1944 года была отслужена литургия и затем водосвятный молебен в Народном доме Сеяской волости при участии хора, составленного из самих эвакуированных. 23 января 1944 года состоялось богослужение в Балдоне, для чего туда приезжали священники Псковской Миссии. В Риге в доме № 118 по ул. А. Гитлера нашла себе приют группа русских беженцев из 36 человек. Там на Рождество Христово состоялся праздничный вечер с елкой, на котором присутствовал священник и т. д.

После эвакуации Православной Миссии из Пскова уже многие миссионеры включились в работу Внутренней Миссии на территории Латвии. При Епархиальном совете в Риге была создана комиссия по делам Внутренней Миссии, в которую вошли протоиерей Сергей Ефимов (первый начальник Псковской Миссии), протоиерей Николай Смирнов и священник Николай Кравченко. Члены Миссии устраивали специальные богослужения для находившихся на принудительных работах беженцев и даже в отдельных случаях — для военнопленных. Известны примеры, когда стараниями православных священников улучшались условия содержания, медицинского обслуживания в лагерях русских беженцев и военнопленных. Особенно много в этом плане было сделано уполномоченным по делам Внутренней Миссии о. Владимиром Толстоуховым, посещавшим лагерь Курземе и Земгале, а также священниками Виктором Першиным и Иаковом Начисом, окормлявшими лагерь близ Шкиротавы. Из письма угнанной

¹ Из Прибалтики // Православная Русь. 1944. № 13–14. С. 16.

на принудительные работы девушки-псковитянки также видно, что их общежитие в Риге посещали православные священники из Пскова¹.

Архимандрит Кирилл (Начис) вспоминал, что с марта по осень 1944 года он был псаломщиком в Свято-Троицком соборе г. Либавы (Лиепая), где также служил священником его брат Иаков. В городе жило много русских беженцев, «целые кварталы в центре, где они помещались, были отгорожены и обнесены колючей проволокой»; так местные власти под предлогом санитарных норм изолировали эвакуированных. Члены причта собора окормляли беженцев, особенно много последних посещали храм, когда в начале осени 1944 года в нем находилась чудотворная Тихвинская икона Божией Матери². В Латвию были вывезены и другие святыни: из г. Пушкина Знаменская икона Божией Матери, а из Пскова — мощи св. князя Довмонта (в крещении Тимофея), св. Всеволода (в крещении Гавриила), преподобного Иоасафа, игумена Снетогорского, блаженного Николая Садоса и несколько чтимых икон. Многие из этих святынь использовались Внутренней Миссией и, таким образом, были спасены от вывоза в Германию.

В сообщении командира полиции безопасности и СД Латвии Кирсте своему руководству в Берлин от 17 мая 1944 г. говорилось о 156 тысячах русских беженцев в генерал-бецирке, не считая Риги. Эвакуированные в религиозном плане рассматривались как гости Православной Церкви в Латвии и входили в существующие общины, там же, где их не было, создавались новые. Кирсте считал, что необходимо строго указать на необязательность посещения церквей для беженцев, но с сожалением констатировал малое количество убежденных атеистов среди них³.

В Восточном министерстве выразили полное согласие с позицией полиции безопасности и 14 июня отправили Трампедаху телеграмму о том, что не в германских интересах производить на эвакуированную молодежь впечатление, «что мы желаем их включения в религиозные общества». Напротив, через сохранение непричастности к религии части русского народа, полагали чиновники, можно со-

¹ *Обозный К.* Указ. соч. // Православная община. 2000. № 2(56). С. 83–84; *Корнилов А. А.* Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.). Нижний Новгород, 2000. С. 67.

² *Кирилл (Начис), архимандрит.* Указ. соч. С. 201–202.

³ ВА, R6/179, Вл. 32–33.

здать равновесие мировоззренческих сил, «что нам могло бы быть только желательно»¹.

Вслед за Внутренней Миссией в Латвии митрополит Сергий в конце февраля 1944 года учредил «Внутреннюю Православную Миссию в Литве». Она должна была окормлять только русских беженцев и насильственно эвакуированных и состояла почти исключительно из духовенства, ранее служившего на оккупированной территории Ленинградской области. По предложению местного благочинного протоиерея Николая Савицкого Управление Миссии было размещено в г. Шауляе. В конце февраля экзарх назначил временным начальником Миссии эвакуированного из-под Новгорода протоиерея Димитрия Флоринского, тогда же было намечено пять округов: Виленский, Ковенский, Поневежский, Алитский и Шауляйский. После же завершения эвакуации Псковской Миссии 10 марта 1944 года митрополит Сергий заменил о. Димитрия протопресвитером Кириллом Зайцем. Вручив ему 12 марта соответствующий указ, Владыка сказал, «что беженцев нельзя оставить без поддержки в чужом крае, среди чужого народа». Отец Кирилл также был назначен благочинным Шауляйского округа и настоятелем городской церкви святых апостолов Петра и Павла, 15 марта он приехал в Шауляй и энергично приступил к исполнению своих новых обязанностей².

Протоиерей Д. Флоринский стал помощником начальника Миссии, бывший Островский благочинный протоиерей Николай Мионович — начальником канцелярии, А. Я. Перминов — делопроизводителем Управления, а В. Ю. Радвил — заведующим хозяйственной частью. Уже в марте было образовано семь округов, каждый из которых возглавил окружной миссионер: в Вильно — протоиерей Николай Шенрок, в Ковно и Алите — священник Николай Попов, в Шауляе — протоиерей Николай Мионович, в Поневеже — священник Георгий Сперанский, в Келме — протоиерей Евгений Троицкий, в Турогене — протоиерей Димитрий Флоринский и в Жагорах — священник Сергей Каргай. Кроме того, на приходах и во временных богослужебных пунктах служили еще несколько десятков миссионеров: в Поневеже — протоиерей Владимир Бируля и Анатолий Кушников, в Куршанах — священник Иоанн Гаврилов, в Кретинге — священ-

¹ Там же, Вл. 122.

² АУФСБ Псковской обл., ф. арх.-след. дел, д. А-10676, т. 1, л. 159.

ник Иоанн Иванов и др. Первоначально особенно остро стоял вопрос о материальной стороне существования Миссии, так как доходы от душепопечительной деятельности среди бедствовавших русских беженцев в Литве были ничтожны. Однако о. Кирилл Зайц сумел встретиться с генералкомиссаром в Ковно и добиться выделения им на работу Миссии по разным сведениям от 1 до 2 млн рублей. Внутренняя Православная Миссия в Литве действовала вплоть до освобождения советскими войсками Шауляя 27 июля 1944 года, и почти никто из входивших в ее состав священнослужителей не ушел на Запад с отступавшими немцами¹.

Как и в Латвию, в Литву были вывезены некоторые святыни из храмов Северо-Запада России. Самыми чтимыми из них являлись раки с мощами новгородских святых: святителя и чудотворца Никиты Новгородского, св. кн. Феодора, св. кн. Владимира, св. кн. Анны, св. кн. Мстислава, святителя Иоанна Новгородского и св. Антония Римлянина. Осенью 1943 года немцами эвакуировали свыше 3 тысяч новгородцев в литовский город Векшни и 26 ноября туда же по железной дороге по инициативе протоиерея Василия Николаевского были привезены раки с мощами, до сентября 1943 года находившиеся в Софийском соборе Новгорода. Обнаружив их на станции, настоятель местной православной церкви прп. Сергия Радонежского протоиерей Александр Чернай тут же по телефону связался с экзархом и получил распоряжение немедленно перенести мощи крестным ходом в храм. Весть о прибытии святых мощей быстро распространилась по городу, и тысячи людей со слезами радости встретили великие святыни. С благословения митрополита Сергия отцу Александру было поручено открыть раки, чтобы поправить одеяния находящихся в них святых. Согласно свидетельству настоятеля хорошо сохранились и поражали своей целостью нетленные мощи святых князей Владимира, Феодора, Мстислава, св. кн. Анны и святителя Никиты, в раках же св. Антония и святителя Иоанна хранились лишь части их мощей.

В клире Сергиевской церкви тогда служили, кроме о. Александра, священник Иоанн Харченко, бывший Новгородский благочинный протоиерей Василий Николаевский и иеродиакон Иларион — благочестивый старец с Афона. По словам настоятеля, «через некоторое

¹ Там же, л. 161–165.

время после прибытия св. угодников о. Иларион видел сон, повторившийся дважды. Он видел Святителя Никиту, стоявшего в храме, облаченного в мантию и читающего покаянный канон. Войдя в храм и увидав Святителя, о. Иларион пал ему в ноги, прося у него благословения. Благословив его, Святитель сказал: «Молитесь все об избавлении от бедствий, грядущих на родину нашу и народ. Враг лукавый ополчается. Должно вам всем, перед службой Божией, принимать благословение». Поклонился земно о. Иларион и поцеловал стопы Святителя, после чего Святитель Никита стал невидим». Отец Иларион рассказал о видении настоятелю, и тот, в свою очередь, доложил митрополиту Сергию. Экзарх лично приехал в Векшни, расспросил старца Илариона и распорядился перед началом каждой службы при открытии раки свт. Никиты священнослужителям выходить из алтаря и прикладываться к деснице святого. По обе стороны раки во время службы стояли рипидоносцы, на часах был установлен возглас священника; «Молитвами Святителя Никиты нашего, Господи Иисусе, помилуй нас!». С тех пор храм во время богослужения всегда был переполнен народом. Вплоть до 24 ноября 1944 года находились мощи святых в Векшнях, а затем при содействии советского командования были возвращены о. В. Николаевским в Софийский собор Новгорода¹.

В Эстонии в 1944 года также проводилась душепопечительная работа среди военнопленных и беженцев. Например, эвакуировавшийся из Гдова священник Ливерий Воронов по благословию архиепископа Нарвского Павла, «стремясь облегчить страдания находящихся в плену советских людей», в Пасху 1944 года совершил богослужение в лагере военнопленных близ Таллина, а в городе Вильянди вместе с участниками благотворительного общества «Русская помощь» организовал православный приход, доходы от проведения служб и треб в котором составили фонд помощи особо нуждающимся в поддержке русским беженцам. Служивший в 1941–1943 годах в молитвенном доме на ст. Антропшино под Ленинградом протоиерей Иоанн Успенский после эвакуации в Эстонию, будучи приписан к Никольской церкви Таллина, обслуживал беженцев и т. д.²

¹ Архив С.-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 4, д. 4, л. 13–16; *Алексий (Чернай), архимандрит. Пастырь в годы войны // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. Вып. 26–27. С. 219–221.*

² Архив С.-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 27, д. 2.

В недавно опубликованных воспоминаниях известного петербургского протоиерея Василия Ермакова († 2007 г.) рассказывается о помощи православного духовенства угнанным на территорию Эстонии в лагерь русским людям (в числе которых был и подросток Василий): «В лагере Палдиский в Эстонии, куда нас пригнали 1 сентября, было около ста тысяч человек. Там было наших орловских около десяти или двадцати тысяч, были и красносельские, петергофские, пушкинские, их привезли раньше. Смертность была высокая от голода и болезней. Мы прекрасно знали, что нас ожидает, что будет. Но нас поддерживало таллинское православное духовенство: в лагерь приезжали священники, привозили приставной Престол, совершались богослужения. К нам приезжал в лагерь приснопоминаемый мною протоиерей отец Михаил Ридигер, отец Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Служил он с сегодняшним митрополитом Таллинским и всея Эстонии Корнилием. Я хорошо помню, как они совершали литургии в военно-морском клубе, хор был из лагерных. Люди причащались, была торжественная служба. И я здесь ощутил еще более, и понял, что не только у нас в краях орловских так молились. Посмотрел и увидел, что все приехавшие из Красного Села, Пушкина, Петергофа, все они молились, пели, и явственно ощущалась благодать Божия. У меня была икона Спасителя (она до сих пор цела), которой успел благословить меня с сестрой моей Лидией отец. И я в лагере ставил ее на камень и молился, как Серафим Саровский»¹.

Известие о смерти Московского патриарха Сергия (Страгородского) германские власти встретили предупреждением, чтобы оно не было ничем отмечено. Под их давлением архиепископ Даниил 9 июня издал распоряжение о запрещении общественного поминания усопшего. Как и ноябрьское постановление, это указание встретило массовое сопротивление духовенства не только в Ленинградской епархии, но и в Прибалтике. Так, Нарвский Епархиальный совет 23 мая 1944 года признал не каноничным прекращение поминания имени Первосвятителя и решил продолжать возносить его, а 22 июня вынес свое суждение о распоряжении экзаршего наместника от 9 июня, что оно «не согласно с духом Православной Церкви»².

¹ Ермаков Василий, протоиерей; Митрофанов Георгий, протоиерей; Гусев Б. С Богом в оккупации. СПб., 2002. С. 89.

² Архив С.-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 27, д. 2. ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 112–113.

38 приходов, окормляемых архиепископом Нарвским Павлом, покинули патриарха и в 1944 году, вполне лояльно встретив советские войска. Митрополит же Александр (Паулус) с группой из 22 эстонских клириков из Таллина уехал в Германию, а позже в Швецию. В Литве архиепископ Ковенский Даниил в июле 1944 года издал циркуляр об эвакуации духовенства в индивидуальном порядке без семей и имущества, но его выполнили немногие. Сам владыка вместе с настоятелем Ковенского собора протоиереем Герасимом Шорецом и еще несколькими клириками в июле эвакуировался в чешский город Верниград. Позднее — 30 декабря 1945 года он восстановил общение с Московской Патриархией и был назначен архиепископом Пинским и Брестским. С отъездом архиепископа Даниила из Литвы экзаршим наместником автоматически стал епископ Рижский Иоанн.

В Латвии значительная часть православных священнослужителей была эвакуирована в Германию. Еще 31 марта 1944 года Восточное министерство в телеграмме указало руководству рейхскомиссариата «Остланд»: «В случае, если эвакуация Остланда станет необходимой, Вы должны в любом случае позаботиться о том, чтобы не оставлять православное духовенство и особенно высших сановников с целью исключения возможности их пропагандистского использования Советами»¹.

В октябре 1944 года по приказу немецкого командования «Остланд» покинули митрополит Августин (Петерсон), уехавший на пассажирском судне, епископ Иоанн (Гарклавс) и с ними около 25 священников². Архимандрит Кирилл (Начис) так писал об обстоятельствах отъезда епископа Иоанна из Ливавы: «Как позже мне рассказывал диакон Михаил Яковлев, также бывший в это время с Владыкой и сопровождавший позже Тихвинскую икону вместе с ним в Германии и Чехословакии, уезжать с родины Владыка Иоанн не хотел, говоря: “Зачем я поеду туда, где и кем я там буду”, высказывая желание остаться в Латвии, каким-нибудь образом избежав эвакуации. Владыка хотел спрятать икону и никуда не ехать, тем более, что Курляндия к тому времени была полностью окружена советскими войсками. Однако обстоятельства, судьба святыни и сопровождавших ее сложились иначе»³.

¹ ВА, R6/178, Вл. 181.

² Тайлов Г. Православная церковь Латвии в годы коммунистического режима // Вера и жизнь. 1995. № 1. С. 19.

³ Кирилл (Начис), архимандрит. Указ. соч. С. 202.

Таким образом, экзархат Московской Патриархии, являвшийся ее особым митрополичьим округом, фактически прекратил свое существование. Сыгранная им в годы войны роль несомненно была очень значительной, в первую очередь как база для развития интенсивного процесса церковного возрождения на Северо-Западе России, и главная заслуга в этом безусловно принадлежит митрополиту Сергию (Воскресенскому). Не менее важным историческим событием, связанным с жизнью экзархата, было обличение сталинской тирании и коммунистического тоталитаризма. Так, Московская Патриархия через своих иерархов, оказавшихся вне тяжелых цепей, наложенных на Церковь большевиками, *свободно высказала свое подлинное отношение к коммунистической деспотии в России*. Это было историческое выступление Патриархии против Сталина и большевизма, значение которого трудно переоценить.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

**СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА
МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКОГО СЕРГИЯ
(ВОСКРЕСЕНСКОГО), ПАТРИАРШЕГО ЭКЗАРХА
ВСЕЯ ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ
ГЕРМАНСКИМ ОККУПАЦИОННЫМ ВЛАСТЯМ**

Рига, 20 августа 1941 г.

С начала большевистской революции советская власть в России объявила борьбу против всякого рода религиозных убеждений по принципу: религия — опиум для народа, и вообще с идеалистическим мировоззрением.

Главный удар был направлен против Православия. Хотя декрет и гласил о свободе отправления «религиозного культа», власть преследовала церковников самым жестоким образом, прикрывая свое гонение на Церковь и верующих борьбой с контрреволюцией и их политическим противодействием. Конечно, никто не сомневался в простой истине, что каждый член церкви, тем более ее служитель, преследовался прежде всего за свою веру, свою принадлежность к Православию.

Уже в 1923 году создалось такое положение, что глава Русской Православной Церкви, Святейший Патриарх Тихон вынужден был признать себя, да и церковь в целом виновными пред большевиками в «антисоветской» деятельности. Опубликовав свое покаянное обращение чрез печать, Патриарх раскаивался в прежней позиции Церкви и по возвращении из-под ареста (домашнего) обещал изменить политический курс, отказываясь не только от активного, но и пассивного вмешательства в жизнь советского государства.

Какими обстоятельствами был вызван шаг Главы Православной, многомиллионной Церкви?

Большевики, морем крови русских людей и жестоким насилием захватив власть, прежде всего встретили осуждение Церкви. Только ее голос осмелился открыто заявить им правду в лицо. Правящие круги,

интеллигенция или честно погибли в борьбе с захватчиками, или же вынуждены были скрываться за границу. Голос Церкви остался одиноким, ибо его уже физически не могли поддержать истерзанные террором русские люди. Оставалась надежда на помощь европейских государств, жившая еще первые 5–10 лет, но и та с каждым годом уходила все дальше и дальше, становясь для русского народа лишь далекой и, может быть, неосуществимой мечтой. Таким образом, с одной стороны осталась кучка жестоких насильников — безбожников, не считавшаяся ни с какими мерами террора, с другой — 130-ти миллионный верующий русский люд. А жизнь шла своим чередом, предъявляла свои требования, и каждая сторона понимала необходимость каких-то юридических форм, осуществляющих положение Церкви. Особенно усилилось это положение после признания Советского Союза европейскими государствами. Большевики вынуждены были показать свое «свободное» отношение к церковной жизни. Если в 1923 году Патриарх Тихон нашел необходимым принести жертву личного унижения ради пользы Церкви, то к моменту вступления в управление Церковью митрополита Нижегородского Сергия, как одного из заместителей Патриарха, со всей ясностью встала необходимость стабилизации Церковного управления.

Нужно не забывать, что большевики по причинам, изложенным выше, уже предприняли своеобразные шаги «церковного оформления». Они чрез агентов ЧК нашли группу архиереев и священников, которые объявили о низложении Патриарха, себя назвали «Живой Церковью», «обновленчеством» и готовы были уже захватить церковную власть всецело в свои руки. Они же авансировали большевиков политической верностью и стали на путь открытого сотрудничества с органами ЧК. Но «восставший» против церковной истины и потерпел крупное поражение — народ за ними не пошел, всем стало известно о гнусных замыслах большевиков, и последние вынуждены были изменить свою тактику. Они к тому же поняли, что гонение на верующих и Церковь повторяет славную историческую страницу христиан-мучеников и только укрепляет православное сознание русских людей.

Вступивший в управление митрополит Сергий, человек высокой культуры, большого дипломатического ума, доктор исторических наук и церковного права, учтя настроение епископата, духовенства и верующих, осуществил начинание патриарха Тихона по легализации Центрального Патриаршего управления Русской Церкви. В сво-

ей декларации, основанной на истинно религиозных задачах Церкви, митрополит заявил об отказе использования своих религиозных убеждений в политических целях и о полной лояльности Церкви к советскому строю. Нужно откровенно сказать, что советское правительство было заинтересовано в известном успокоении эмигрантских кругов и потребовало обращения к этим кругам, подчиненным юрисдикции Московской Патриархии. Митрополит — заместитель Патриарха — согласился на это, ибо не только эти выступления не имели практического значения, но крайне болезненно отзывались на Церкви в России — каждое антисоветское выступление за рубежом уносило массу жертв среди епископата, рядового духовенства и даже из рядов верующих интеллигентов.

Короче говоря, усилиями Главы церкви было достигнуто внешнее соглашение, некоторое легальное положение церковного центра, оставаясь, безусловно, внутренне врагами. Это отчетливо представляли себе обе стороны, а митрополит Сергей и его сотрудники не льстили себя надеждой перемены жестокости большевиков на какую-то их милость.

ЧТО ОТ ЭТОГО ПОЛУЧИЛИ БОЛЬШЕВИКИ?

1. Согласившись на существование церковного центра, они имели возможность контроля над действиями церковной власти.
2. Для общественного мнения западных государств — «ширму» свободного существования Церкви в советских условиях.

ЧТО ПОЛУЧИЛА ЦЕРКОВЬ?

Возможность единого руководства, принимая во внимание наличие церковных расколов, нестроения и крайнего упадка церковной дисциплины. Измученный верующий народ знал цену этой жертвы, но понимал, что для сохранения церковного порядка и жизни эта жертва была необходимостью. Тем самым была достигнута основная мысль: объединить церковные массы около истинного источника православия.

Этот шаг Главы Церкви Российской вызвал ложное убеждение среди представителей западных и зарубежных верующих кругов, что ценой предательства церковной свободы куплено благополучие личного характера.

Этот ложный взгляд опровергнут самой жизнью. Все церковные деятели сознавали необходимость единения с митрополитом Сергием,

все они искренно поддержали его начинание, но часть их не избежала жестокой карающей руки ЧК.

Создалось убеждение и такое, что Московская Патриархия не свободна в своих церковных делах. Большевики в силу внешнеполитического положения и оберегая сознание «свободного» вероисповедания своих советских граждан, никогда не решались грубо вмешиваться в решения внутреннего устройства церковной жизни. Да и нужно было бы им прибегать к посредству Московской Патриархии? Они, если им неуютно было оживление церковной жизни в том или ином месте, если нужно было парализовать какое либо начинание Патриархии, то прибегали к излюбленному методу административного насилия — высылали епископов, духовенство, закрывали храмы и т. п. Следует отметить, к решениям Патриархии по заграничным вопросам они проявляли большой интерес и тогда только в личных беседах с Патриаршим Местоблюстителем высказывали свои пожелания. Беседы проходили с глазу на глаз, и нам они никому не были известны. Знали мы и о заинтересованности большевиков поставить нас — главным образом епископов — под контроль. Тогда они «рекомендовали» из светских людей кого-либо в качестве секретаря, прислуги, келейника. Мы обычно легко воспринимали такое явление «заботы» и считали за лучшее иметь около себя заведомого агента вместо тайного, которому вдруг бы удалось войти в доверие.

Свой *основной* контроль над жизнью церкви большевики осуществляли чрез так называемую «Комиссию по вопросам культов». Центральная комиссия создавалась при Президиуме ВЦИК Верховного Совета, далее же нисходила по сети соответственных исполкомов на местах. Состав центральной комиссии, как и местных, оставался секретным, но, несомненно, руководился ГПУ–НКВД. Комиссия выделяла так называемого «инструктора по вопросам культов», т. е. известного докладчика, который детально входил в жизнь каждой общины. Помимо церковного центрального органа (Патриархии), он требовал от каждой единицы нужных сведений. Непосредственно ему подавались списки верующих, анкеты на лиц подписавших договор на пользование храмом и имуществом, на состав причта и т. д. С отдельными лицами общины инструктор входил в связь и проверял чрез них не только жизнь общины, но и действия центральной церковной власти, очень часто усматривая в ее распоряжениях нежелательные стороны. Патриархия представляла сведения на

состав ее членов, сотрудников и состояние епархий в комиссию при Московском Совете.

Из изложенного следует, что сама Патриархия как церковное центральное учреждение существовала, по мысли большевиков, с рекламной целью для доверчивых иностранцев. Патриарший Местоблюститель, мы — епископы и его ближайшие помощники мирились с этим унижением и позором ради относительного сохранения сил Церкви для народа русского и в надежде на будущее избавление от безбожного ига. Повторяю, что само положение Московской Патриархии ничуть не ограждало ее членов от большевистских репрессий. Многие ее члены пострадали, другим надлежало пострадать, но по воле Божественной еще не приходил час этих страданий. Лично митрополит Сергей сравнивал наше положение с курами в садке кухни повара. Приходит день, и из садка выхватывается следующая жертва. Обречены были все, но не всех сразу вел на плаху жестокий повар.

Прилагаемый мой послушной список свидетельствует, что я себя сохранил все это время в церковной ограде, не выходя из нее ради куска хлеба или личных выгод. Будучи ближайшим епископом к Патриаршему Местоблюстителю, сознательно поддерживал в его подвиге служения русской Православной Церкви, был убежден и остаюсь убежденным в правильности его позиции внешнего положения Церкви в ужасных условиях советского безбожного террора.

Что касается моего управления Экзархатом в Прибалтике, о нем есть в местных органах свидетельство латвийского духовенства. За свое трехмесячное пребывание в Риге при советском строе я не имел никаких сношений с гражданскими властями, ибо и само законоположение о церковных общинах здесь не было введено большевиками.

Сергий, митрополит Литовский,
Патриарший Экзарх Латвии и Эстонии

20 августа 1941 г.

г. Рига

(Подпись)

№ 2

ЗАПИСКА

МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ (ВОСКРЕСЕНСКОГО)
«ЦЕРКОВЬ В СССР ПЕРЕД ВОЙНОЙ»

Рига, осень 1941 г.

Большевики поставили себе целью уничтожить христианство. Отказ от этой задачи был бы для большевизма равносителен самоупразднению. Такой отказ немислим. Это ясно всякому, кто отдает себе отчет в сатанинской сущности большевизма.

Откуда же берутся речи о том, будто большевизм пошел на примирение с христианством и якобы выступает даже его защитником? Эти слухи распускают сами же большевики, которые, по обстоятельствам времени, считают такую маскировку выгодной для себя. Они ведь и раньше в интересах своей заграничной пропаганды притворялись, будто не подвергают Церковь гонениям. Ложь, наравне с насилем всегда была излюбленным оружием их политики.

Кроме лжи и насилия, большевизм никакими средствами не располагает. Только ими он и борется против христианства. Этими рычагами он пытался выкорчевать из русской души православную веру. Но русская душа веры своей не отдала. И потому на русское будущее можно смотреть с упованием.

На страже русской души стояла и стоит Православная Церковь. Она-то и приняла на себя страшнейшие удары большевизма. Он подверг ее злейшим насилем и опутал губительным обманом. Но он же разжег в ней ответную силу исповеднического и мученического подвига. И эта духовная сила, сила праведности, необорима. На развалинах пылает огонь веры, который вновь воздвигнет из них храм.

Свои удары большевизм направил на все стороны церковной жизни. Он разогнал, сослал, истребил почти все духовенство и выделявшихся своей церковной работой мирян; закрыл все монастыри и почти все

храмы; ликвидировал все учебные и благотворительные учреждения Церкви; экспроприировал церковные имущества; запретил церковную печать; лишил верующих права вести религиозную пропаганду, т. е. права защищать и распространять свою веру; организовал и повел неистовую пропаганду безбожия.

Особые усилия большевизм приложил к тому, чтобы разрушить внутреннюю организацию Церкви. Для этого он прежде всего поставил ее в положение организации нелегальной, государственно не признанной. Поместная Церковь, ее каноническое устройство, ее иерархия, ее органы, ее вчлененность в Церковь Вселенскую, ее подразделение на епархии, благочиния, приходы — все это понятия неизвестные советским законам, понятия, ссылаться на которые в сношениях с советской властью юридически непозволительно и практически бесполезно.

Легально существуют в Советском Союзе только т. н. «двадцатки», заведываемые отдельными храмами, да еще Патриархия, подчиняться которой эти двадцатки отнюдь не обязаны. По крайней мере, так было до войны. С тех пор, может быть, произошли в этом отношении какие-либо декоративные перемены, о которых, однако, мне ничего определенного не известно, и говорить о которых я поэтому не могу. Говорю я только о том, что мне известно по собственному опыту, приобретенному в довоенные годы, когда я лично участвовал в трудах Патриархии. Но я не сомневаюсь, что если в положении Церкви и произошли какие-то перемены, то со стороны большевиков они являются лишь новой симуляцией, новой формой злостного обмана, которым большевики всегда окутывали свое отношение к Церкви. По существу же ее положение не могло измениться и, конечно, не изменится, пока в России владевают большевики.

Что такое «двадцатка»? Это двадцать граждан или гражданок, в распоряжение и под личную ответственность которых государство на крайне тяжелых условиях, временно передает национализированный храм для устройства в нем общественных богослужений. Осуществляемое в таком порядке открытие храма для совершения в нем священнодействий зависит от местной «комиссии по вопросам культов». От нее же зависит в любой момент закрыть храм, изъяв таковой из распоряжения соответственной двадцатки. Равным образом комиссия может, не закрывая храма, передать его из ведения одной двадцатки в ведение другой, хотя бы и не принадлежащей к тому же исповеданию или, в надлежащих случаях, к той же, по

советскому выражению, «религиозной ориентации». Этим правом комиссии культов широко пользовались, например, когда они насильственно отбирали храмы у верующих «тихоновской ориентации» и передавали их сторонникам «ориентации обновленческой».

В состав комиссии культов вводятся почти исключительно партийцы, состоящие в Союзе безбожников. Комиссия имеет целью удушить религиозную жизнь населения, над которой ей и поручается вести строжайший надзор. В частности, комиссия ведет регистрацию всего местного духовенства. Надо иметь при этом в виду, что, по советским законам, право священнодействовать предоставляется только священнослужителям, зарегистрированным в соответственной комиссии культов, причем они могут осуществлять это право исключительно в том храме, в священнослужители которого их эта комиссия зачислила, — священнодействовать в других храмах или вне храмов им строжайше возбраняется.

Двадцатка находится фактически в полной зависимости от комиссии культов. В состав двадцатки непременно вводятся советские агенты, которые и доносят своему начальству обо всем, что творится в храме, о поведении духовенства и верующих. Малейшей неосторожности или неисправности в соблюдении тех условий, на которых храм передается в заведывание двадцатки, достаточно для того, чтобы храм был закрыт и чтобы зарегистрированные при нем священнослужители, члены двадцатки и другие связанные с храмом лица были сосланы.

Храм должен содержаться двадцаткой в исправности и подлежит закрытию, если власти найдут, что он не ремонтируется должным образом. Это всегда дает властям возможность, составив для видимости соответственный официальный акт, закрыть храм под тем предлогом, что он якобы грозит обрушиться на посетителей. Произвольно закрывая храмы под таким ложным предлогом, большевики утверждают, будто эта мера вовсе не является актом борьбы с религией, но клонится исключительно к безопасности верующего населения.

Использование храма для богослужений рассматривается, по существу, как доходное предприятие двадцати, как извлечение ею и духовенством предосудительной выгоды из «религиозных предрассудков» населения или, лучше сказать, как своего рода постыдный промысел, который государство временно признает нужным терпеть. Но, оказывая такую снисходительность укоренившемуся «пороку религиозности», государство стремится обезвредить его хотя бы в материальном

отношении и потому взыскивает с храма или, точнее говоря, с двадцатки огромный налог, долженствующий поглотить весь чистый доход этого «религиозного предприятия». Размер налога определяется вполне произвольно, причем просрочка в его уплате влечет за собой закрытие храма. Это позволяет властям, с соблюдением видимой законности, назначать заведомо непосильные налоги и под предлогом их неуплаты закрывать храмы, опять таки утверждая, будто это делается не ради борьбы с религией, но исключительно ради защиты материальных интересов верующего населения от эксплуатации его «религиозными спекулянтами». Большинство храмов были закрыты именно таким способом.

Столь же непомерные, произвольно исчисляемые налоги взыскиваются со священнослужителей. Доход священнослужителя рассматривается как нетрудовой и, как бы сказать, надувательский. Налог имеет целью изъять у священнослужителя этот «постыдный» доход, оставив ему лишь прожиточный минимум. На этом основании большевики утверждают, будто и налоговый пресс, давящий священнослужителей, отнюдь не служит мерой борьбы с религией, но является лишь необходимым средством социальной самозащиты против алчности «попов». Священнослужитель, в срок не уплативший налога, исключается из регистрационного списка и тем лишается права совершать общественные богослужения. Произвольно повышая ставку налога, можно каждого священнослужителя, как бы верующие ему ни помогали, довести до того, что он окажется не в состоянии уплатить налог, и под этим предлогом, опять-таки с соблюдением видимой законности, удалить священнослужителя из храма. В большинстве случаев власти именно таким образом избавляются от наиболее популярных и авторитетных священнослужителей, отказывающихся идти к ним в услужение, и вместе с тем настолько осторожных, что оказывается невозможным хотя бы с тенью правдоподобия предъявить к ним какое-либо политическое обвинение.

Впрочем, нередко политические обвинения предъявляются священнослужителям без малейших к тому оснований. Неудобного священнослужителя попросту обвиняют в контрреволюционных действиях, которых он никогда не совершал, или поползновениях, которых он никогда не имеет, судят его за это и затем ссылают или казнят. Разумеется, большевики и об этой практике своей твердят, что она отнюдь не является мерой борьбы с религией, а лишь тем оружием, которым

революционный народ защищается против своих политических врагов. Ведь по букве закона священнослужение как таковое еще не является уголовным преступлением, — в чем, собственно, и усматривается пресловутое «обеспечение свободы культа», — и формально кара постигает священнослужителей не за это, а за какое-либо иное деяние. В действительности же священнослужителей преследуют именно за их церковную деятельность, но, по указке сталинской конституции, притворяются, будто их преследуют за преступления, с этой деятельностью не связанные.

Священнодействовать, как уже упоминалось, разрешается не иначе, как в открытых для сего храмах. За священнодействие в других местах полагаются кары. Тайное священнодействие сопряжено поэтому с большим риском. Изъятый из регистрационного списка священнослужитель оказывается в невозможности продолжать свое служение и лишается средств пропитания. Найти другую работу ему трудно, потому что он считается социально опороченным своей принадлежностью к духовенству. Эта опороченность распространяется и на его детей. Чтобы найти себе пропитание и облегчить участь детей, он вынужден скрывать все прошлое и при поступлении на работу заполнять обязательные анкеты ложными показаниями. Это связано, опять таки, с большим риском, потому что разоблачение неминуемо влечет за собой жестокую расправу.

Самое назначение священнослужителя к храму зависит формально от двадчатки, нанимающей его за известную плату. Но, по существу, решающее слово принадлежит комиссии культов, которая может по своему усмотрению отказать священнослужителям в регистрации. Не заручившись предварительно согласием комиссии, не стоит и представлять священнослужителя к регистрации. Таким образом, весь клир находится в полной зависимости от произвола большевиков, которые одних допускают к легальному священнодействию, а других уstraняют, естественно, предпочитая худших лучшим.

При таких условиях зарегистрированный священнослужитель живет в непрестанном ожидании репрессий. Он с трепетом, денно и нощно, ожидает ареста, за которым может последовать ссылка или казнь. Страх перед арестом так велик, что люди, не обладающие выдающейся силой нравственного характера, готовы идти на всяческие сделки с совестью и пресмыкаться перед большевиками, только бы последние оставили их в покое. Поэтому в уцелевшей части зарегистрированного

духовенства сравнительно мало остается людей подлинно стойких, не сломленных гнетом, до конца верных своему высокому призванию.

Зарегистрированный при храме священнослужитель обязуется совершать в нем богослужения и требы. Официально только к этому и сводится его роль. Никакой власти ему не принадлежит. Административных прав он не имеет. Всем распоряжается и хозяйничает двадцатка, имеющая полную возможность помыкать священнослужителями по своему произволу. Никакому контролю со стороны прихожан она не подлежит. Она и им навязывает свою волю. Поэтому все зависит от личных свойств ее состава и от умения настоятеля ладить с нею. Если состав двадцатки подберется хороший и если настоятель обладает достаточным нравственным авторитетом, то и все идет более или менее благополучно. В таком случае двадцатка превращается как бы в приходский совет при настоятеле, который, вразрез с официально-юридическим положением вещей, фактически управляет приходом и его жизнью. В противном случае, когда двадцатка состоит из людей лишенных церковной стойкости и дисциплины, своевольных и своекорыстных, а это нередко бывает именно так, — жизнь прихода становится крайне уродливой, она совершенно уходит из-под контроля священнослужителей, и они не имеют никакой силы и возможности исправить ее.

При таких условиях комиссии культов достаточно завладеть двадцаткой, чтобы, по ее же просьбе и вопреки воле прихожан, зарегистрировать при храме обновленческого священника вместо православного, т. е. отнять храм у Православной Церкви и передать его обновленцам, этим схизматикам или, лучше сказать, еретикам, далеко отступившим от чистоты Православия и, вместе с тем, явно ставшим агентами большевиков. Напомним, что еще Патриарх Тихон запретил обновленческих клириков в священнослужении и что все они, как нарушившие это запрещение, лишились сана. Равным образом, двадцатка может, сговорившись с комиссией культов, зарегистрировать при храме в качестве священнослужителя такое лицо, которое, хотя и не принадлежит к обновленцам, но все же, по канонам Православной Церкви, не имеет права священнодействовать, — например, клирика за какие-либо проступки запрещенного архиерейской властью в священнослужении или лишенного сана или даже просто самозванца, никогда в священном сане не состоявшего. Комиссия культов, призванная вести борьбу с Православием, всегда с особой охотой соглашается на регистрацию

такого лица или прямо подстрекает и заставляет двадцатку ходатайствовать о его регистрации. Противодействовать такому проникновению разных проходимцев в приходский клир архиерейская власть не может.

Дело в том, что архиереи по советским законам вообще никакой власти не имеют. В этом отношении нелегальное положение Церкви сказывается на ее жизни особенно болезненно. Бесправие архиереев объясняется тем, что большевики совершенно игнорируют епископальный, иерархический строй Православной Церкви и вообще не признают за ее канонами ни малейшей юридической силы.

Принципиально большевики рассматривают каноны как организационные правила нелегального, т. е., строго говоря, запретного сообщества. Церковь существует в Советском Союзе лишь как противозаконный факт — признанного государством права на существование она не имеет. Поэтому в официальном советском языке отсутствует даже и самое выражение «Православная Церковь». С точки зрения советских законов, Православной Церкви как легально организованного целого вовсе нет, а есть только разрозненные и притом неорганизованные группы верующих «тихоновской ориентации», которым и разрешается, при соблюдении определенных законом условий, собираться на богослужения в отведенных для сего храмах. Те из них, кто зарегистрирован при соответствующем храме как «служители культа», имеют право совершать в нем по желательному им обряду «культовые действия», а прочие имеют право при совершении этих действий присутствовать. Других прав они не имеют. Только в этом и состоит «свобода культа», признанная сталинской конституцией.

Из сказанного раньше можно было убедиться в том, что «свобода культа» обставлена условиями, делающими ее совершенно прозрачной, ничем не обеспеченной и на практике постоянно и свирепо нарушаемой. Теперь же надлежит особо подчеркнуть, что «свобода культа» отнюдь не означает свободы веры или религиозной совести. В частности, «свобода культа» не дает ни малейшего права на то, чтобы организовать жизнь религиозного сообщества на основе его вероисповедания, ни даже права на то, чтобы такие сообщества вообще существовали. Культ вырывается из общей связи религиозной жизни, причем его отправление разрешается при одновременном запрете всех прочих обнаружений этой жизни. Больше насилия над религиозной совестью трудно себе представить. В частности, для православных

создается такое положение, что они кое-где еще могут легально совершать богослужения по своему обряду (впрочем, перед войной предоставленных православным храмов уже почти не оставалось), но при этом не могут легально исполнять требований своего вероисповедания касательно канонического устройства Церкви. Эти требования они могут исполнять только нелегальным образом. В особенности это относится к осуществлению и повиновению церковной власти архиереев.

Официально в Советском Союзе вообще нет архиереев, и самое слово «архиерей» языку советских законов не известно. Для обозначения священнослужителей всех вероисповеданий и любой степени большевики установили только одно выражение, а именно — «служители культа». Все служители культа равноправны или, лучше сказать, одинаково бесправны. В этом отношении никакого различия между диаконом, пресвитером, архиереем не проводится. Каждый из них имеет право совершать культовые действия в храме, при котором зарегистрирован, — и больше никакими правами не обладает. Никаких приказов никто из них давать не может. Если гражданин, являющийся по своей профессии служителем культа, например архиерей, ссылаясь на вероисповедные правила, например на каноны, отдает приказы каким-либо другим гражданам, в том числе и каким-либо служителям того же вероисповедания, например, священникам, то, в понимании большевиков, он является преступником, ибо покушается на свободу этих граждан, нарушает государственную монополию приказывать и пытается завести не разрешенное государством властно организованное сообщество, за что и подлежит уголовной каре. А если находятся граждане, повинующиеся подобным приказам служителя культа, то и они подлежат репрессиям, ибо, с одной стороны, обнаруживается их участие в таком незаконном сообществе, а с другой стороны, обнаруживается социально опасная отсталость их воззрений. Они настолько повреждены «религиозными предрассудками», что воображают себя обязанными повиноваться каким-то распоряжениям, исходящим не от органов государственной власти, а от служителей культа, которым они, в силу вредного недоразумения, приписывают особые свойства, права и титулы, в частности, архиерейские.

Ввиду изложенного, архиерей легально не имеет в своем подчинении никакой паствы и, в частности, никаких священнослужителей. Он не имеет права давать никаких распоряжений по своей епархии. По закону, двадцатки совершенно от него не зависимы и между собой

в организационном отношении ничем не связаны. Они вольны принадлежать к «тихоновской ориентации», но не имеют права делать отсюда никаких юридических выводов. В результате такой системы должен получиться полный паралич архиерейской власти и совершенное расстройство епархиальной жизни. Да и вообще, епархии, по взгляду большевиков, существуют лишь в воображении верующих — закон таких организаций не знает.

Разумеется, верующие не могут согласиться с таким положением. И потому нелегально епархии все же продолжают существовать. Большевикам пришлось с этим фактом примириться. Они знают, что среди служителей культа некоторые признаются за архиереев, что священники и члены двадцаток обращаются к ним за распоряжениями, получают таковые, а затем притворяются, будто никаких распоряжений не получали и приняли соответственные меры по собственному усмотрению. В ряде случаев, особенно если никто из верующих не протестует, большевики закрывают на все это глаза. Они закрывают, например, глаза на то, что двадцатка, возбуждая ходатайство о регистрации определенного священнослужителя, о замене его другим и т. д., предварительно получает на это архиерейское благословение или считается с состоявшимся архиерейским прещением. Но достаточно какому-либо смутьяну сделать донос, чтобы за такие дела подверглись репрессиям и сам архиерей, и те, кто слушается его распоряжений. Поэтому осуществление архиерейской власти зависит фактически от двух условий — от совершенно добровольной готовности верующих подчиняться своему архиерею и от взаимного доверия между архиереем и ими — доверия, позволяющего и ему и им не опасаться доносов.

Однако такое доверие никогда не может быть абсолютным. Осуществление архиерейской власти всегда остается рискованным и, так сказать, спорадическим. В одних случаях архиерей может идти на такой риск, в других не может, находя его чрезмерно большим. Поэтому часто архиерейская власть вынуждена бездействовать, она не может осуществляться постоянно и равномерно и проявляется лишь при благоприятных обстоятельствах. В связи с этим в епархиях отсутствует правильное делопроизводство. Епархиальных советов, управлений, канцелярий вообще не существует — этому препятствует уже самая нелегальность епархий. Правильной переписки по епархиальным делам не ведется. Все вершит сам архиерей, предпочитая делать это уст-

но, чтобы не оставлять письменных улик. А для устного вершения дел требуется, чтобы к архиерею приезжали с мест священники или члены двадцаток. Ввиду того, что епархии обширны, а граждане в свободе передвижений стеснены, такие поездки к архиерею имеют характер более или менее случайный. Приходится пользоваться всякой подходящей оказией, которая иногда подолгу заставляяет себя ждать. При таких условиях управление епархий лишается всякой регулярности и превращается в какую-то сплошную импровизацию.

При описанных условиях приходится удивляться не тому, что церковная дисциплина шатается, но тому, что она не разрушилась совершенно. Главная заслуга принадлежит в этом отношении самому верующему народу, который требует от своих пастырей чистоты веры и законности священнослужения. Живоцерковничество провалилось прежде всего вследствие оппозиции верующих, которые хлынули прочь из обновленческих храмов. И они же своим осуждением, немедленно влекущим за собой материальные последствия для пустующего храма и скудеющего причта, заставляют духовенство и двадцатки считаться, хотя бы в некоторой мере, с требованиями церковной дисциплины.

Более того, пассивная оппозиция верующих оказалась фактом столь крупного значения, что с ним пришлось считаться даже и самим большевикам. Не желая чрезмерно раздражать верующую массу, большевики были вынуждены примириться с существованием Православия и с его победой над обновленчеством и значительно изменить тактику своей борьбы с Церковью. Оказалось, что Церковь нельзя взять открытым, молниеносным штурмом, и что надо подвергнуть ее медленной, планомерной осаде. Это и позволило Церкви, хотя и с огромным уроном, но все же дожить до теперешней войны, сохранив при сем хотя бы некоторую организацию, — т. е. выгадать время и дожидаться обстоятельств, позволяющих обоснованно надеяться на скорое крушение большевизма, а вместе с тем и на освобождение, восстановление, возрождение Церкви.

Посильно замедлить, затормозить предпринятое большевиками разрушение Церкви всегда было главной задачей Патриархии. Она стремилась оградить догматическую чистоту и каноническую верность Православия, одолеть схизмы, сохранить канонически законное преемство высшей церковной власти, удержать канонически законное положение Российской Церкви среди прочих автокефальных Церквей

и довести, таким образом, Церковь до лучшего будущего, когда, после крушения большевизма, Церковь могла бы вновь воспрянуть. Чтобы работать над выполнением этой задачи, Патриархии прежде всего надлежало сохранить собственное существование, которому грозила большая опасность.

В самом деле, отрицая существование Церкви как легальной организации, большевики последовательно должны были не признавать легального существования также и Патриархии. Со времени ареста Патриарха Тихона (1922) они встали именно на этот путь, с которого не сошли и после его освобождения из-под ареста (1923), вплоть до самой его смерти (1925). Но одновременно большевики инсценировали учреждение угодной им «Живой Церкви», легализовав высший орган ее управления. Ближайшей задачей они себе поставили замену или поглощение Православия обновленчеством. Для этой цели они сделали целый ряд попыток передать в руки обновленцев управление Православной Церковью. При патриархе Тихоне ни одна из этих попыток не удалась. Патриархия, хотя и нелегально, продолжала существовать, и большевики находили целесообразным с этим фактом считаться. Они поступали так по двум причинам: 1) за границей они ссылались на существование Патриархии в доказательство того, что, невзирая на свой атеизм, они якобы не подвергают церкви преследованиям и 2) они рассчитывали, что им все-таки удастся передать Патриархию в руки своих агентов-обновленцев и с помощью последних взорвать и разрушить Православную Церковь изнутри.

После смерти патриарха Тихона при Патриаршем Местоблюстителе митрополите Петре (1925) большевики продолжали свои попытки в этом направлении, но успеха не достигли. Митрополит Петр был ими сослан в Сибирь и вскоре умер в ссылке. Но перед арестом он успел назначить себе преемника в лице митрополита Сергия. Последний, оказавшись столь же неуступчивым, был заключен большевиками в тюрьму (1926). Но перед арестом он предусмотрительно назначил себе целый ряд преемников, которые должны были последовательно принимать на себя обязанности Предстоятеля Церкви. Однако, большевики стали одного за другим подвергать их аресту, так что Церковь жила без Предстоятеля и дела ее пришли в полное замешательство. Это был период, когда Патриархия не существовала вовсе, а существовало — и притом легально — только обновленческое управление, которому, однако, Православная Церковь не подчинялась.

Такое положение оказалось неудобным для самих большевиков. С одной стороны, оно компрометировало их за границей, препятствуя успеху их тамошней пропаганды. С другой стороны, большевики убедились в бессилии обновленчества, в его неприемлемости для подавляющего большинства православных, в невозможности с помощью обновленцев распоряжаться Православной Церковью. Поэтому большевики решились пойти на компромисс с митрополитом Сергием, который, со своей стороны, также пришел к убеждению, что компромисс необходим, чтобы восстановить каноническое управление Церковью и освободить ее от обновленческого засилия. Этот компромисс состоялся в 1927 году и заключался в том, что митрополит Сергий провозгласил обязательность лояльного отношения верующих к советской власти (что ранее был уже вынужден провозгласить патриарх Тихон), а большевики зарегистрировали Патриархию как легальное учреждение, отказавшись от попыток передать ее в руки обновленцев, и, вместе с тем, освободили из заключения митрополита Сергия, предоставив ему возможность вступить в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя.

Таким образом, ценой политической декларации митрополита Сергия была куплена легализация Патриархии и освобождение Церкви от обновленческого засилия. По этому типу строились и в дальнейшем отношения между Патриархией и советской властью. Когда большевики требовали от митрополита Сергия каких-либо политических шагов, то он принимал их требования лишь под условием тех или иных послаблений Церкви. Приведу особенно яркий пример. В 1930 году митрополит Сергий был вынужден дать интервью иностранным журналистам, бессовестно эксплуатировавшим его подневольное положение и, по требованию большевиков, заявить в этом интервью, что Церковь в Советском Союзе вполне свободна и гонениям не подвергается. Митрополит Сергий согласился исполнить это требование большевиков под тем условием, что православные священники не будут подвергнуты т. н. раскулачиванию, как раз тогда происходившему, и это условие было действительно большевиками выполнено. Ценою унижительного интервью (во время которого за стеной присутствовал агент ГПУ) митрополит Сергий спас множество сельских священнослужителей — в те времена они исчислялись еще десятками тысяч — от разорения и гибели.

Этот пример показывает, что советская власть и Патриархия противостояли друг другу как две враждебные силы, вынужденные —

каждая по своим причинам — идти на обоюдный компромисс. Думається, что такое соотношение сохранилось между ними и поныне. Но перевес был явно на стороне большевиков, и он становился все чувствительнее. Согласившись на компромисс, на какие-либо уступки Церкви, большевики затем обманывали Патриархию, делая эти уступки иллюзорными. Так, отказавшись от раскулачивания сельского духовенства, большевики через некоторое время просто начали во множестве отправлять священнослужителей в ссылку, закрывая храмы под каким-либо формально законным предлогом, чаще всего за неуплату заведомо непосильных налогов.

Нужно сказать, что и самая легализация Патриархии не оправдала на практике тех ожиданий, которые первоначально на нее возлагались. Легализована была не Православная Церковь как целое, а именно лишь Патриархия. В результате получилось крайне парадоксальное положение: Патриархия оказалась легальным органом нелегальной организации. Она получила признанную возможность говорить от имени непризнанной Церкви и легально давать распоряжения, ни для кого юридически не обязательные. Священнослужители и двадцатки сохранили полную возможность, если им заблагорассудится, игнорировать Патриархию. Ни двадцатки, ни зарегистрированные священнослужители отдельных храмов вовсе не были формально Патриархии подчинены. Все они остались в исключительном ведении соответственных местных комиссий культов, с которыми Патриархия сноситься не могла.

Сказанное относится также и к архиереям. Архиерей, хотя бы он и принадлежал к составу Патриархии, — в том числе, стало быть, и сам Местоблюститель Патриаршего Престола, — подлежал, как и всякий «служитель культа», регистрации при определенном храме, для чего надо было обратиться в соответственную комиссию культов. Она во всякое время могла отказать ему в регистрации. Таким образом, без согласия комиссии культов ни один архиерей не мог быть назначен, перемещен, уволен, не говоря уже о том, что каждый из них в любое время мог быть заключен в тюрьму и сослан. Архиереев, в том числе и состоявших в Патриархии, большевики крепко зажали в своих тисках.

Работая в Патриархии, мы сравнивали свое положение с положением кур в садке, из которого повар выхватывает свою очередную жертву — одну сегодня, другую завтра, но не всех сразу. Мы прекрасно

сознавали, что большевики терпят существование Патриархии только ради собственных выгод, преимущественно пропагандных, и что нам приходится быть почти бессильными зрителями постепенного удушения Церкви большевиками. Но ради Церкви мы все же мирились со своим унижительным положением, веря в ее конечную непобедимость и стараясь посильно сохранить ее до лучших времен, до крушения большевизма.

Нас поддерживало в этом сознание, что верующие, добровольно подчиняясь нашему руководству, сами помогают нам поддерживать на канонических основах некоторый минимальный порядок в Церкви и не дают ей рассыпаться. Это подчинение распоряжениям Патриархии не могло быть поставлено верующим в вину, потому что сами же большевики легализовали Патриархию. Патриархия оставалась единственным легализованным органом церковного управления, и потому одна только она сохраняла возможность хоть несколько упорядочивать церковную жизнь и тормозить разрушение Церкви большевиками. Упускать этой возможности мы не хотели, потому что видели в ней определенную практическую ценность, отказываться от которой Церкви, по нашему суждению, не следовало.

Я и теперь думаю, что мы в этом отношении не ошибались. Но все наши усилия, страдания и унижения окажутся, конечно, напрасными, если безбожный большевизм не падет. С его падением связаны все надежды православных русских людей. Верю, что Господь этих надежд наших не посрамит.

ПАТРИАРШИЙ ЭКЗАРХ (МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ)

С подлинным верно

Начальник Канцелярии

(Подпись)

Личный архив протоиерея Сергия Гарклавса. Заверенная копия.

№ 3

**МЕМОРАНДУМ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ
(ВОСКРЕСЕНСКОГО) ПО ПОВОДУ ПОЛОЖЕНИЯ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ОСТЛАНДЕ¹**

Рига, 12 ноября 1941 г.

I

Православная Греко-Католическая Соборная Церковь, в отличие от Римско-Католической, не имеет явного главы. Наивысшим органом ее является Вселенский Собор, который не созывался с IX века. Православная Соборная Церковь состоит из равноправных автокефальных Поместных Церквей, главы которых обладают титулами Патриарха или митрополита. В Поместных Церквах имеет силу всеобщее каноническое право Соборной Церкви, которое пополняется уставами Поместных Церквей, но не может изменяться. По вероучению Соборной Церкви, священным является всегда имеющее силу всеобщее каноническое право, Богом вдохновленное, и отклонение от этого права является грехом. Канонически автокефалия дается только такой Поместной Церкви, которая состоит не менее чем из трех епархий, охватывающих большинство народонаселения данной страны, и которая принята в общение всеми автокефальными Церквами.

В царской империи существовала автокефальная Русская Православная Церковь. Петр Великий навязал ей регламент, который в некоторых важных пунктах значительно отклонялся от традиционного и канонически законного. Он устранил достоинство и власть Патриарха и поставил Церковь под необычайно сильное давление государственной власти. С тех пор действовал Синод, как высшая церковная инстанция, членами которого были назначаемые царем митрополиты и архиепископы. Государственная власть была представлена в Синоде

¹ Документ публикуется по выполненному для историка В. Алексеева переводу, исправленному в соответствии с немецким оригиналом М. В. Шкаровским.

обер-прокурором (мирянином), назначенным царем, которому принадлежало право вето. Фактически все церковное управление находилось под его сильным влиянием. В определенных случаях постановления Синода нуждались в одобрении царя. В отдельных епархиях правящие архиереи, которые имели сан митрополита или архиепископа, были назначаемы царем. В виде помощников они имели викарных епископов, положение которых они определяли по собственному усмотрению. В своей служебной деятельности правящие архиереи поддерживались консисторией, члены которой ими назначались. Постановления консистории должны были представляться на утверждение правящему архиерею. Однако консистория имела секретаря, которого назначал обер-прокурор и который фактически руководил управлением епархии по указаниям обер-прокурора. Священники назначались правящим архиереем, но они, однако, зависели административно и юрисдикционно от консистории. В приходе не существовало церковного приходского совета; члены прихода имели только право выбирать старосту, функции которого по существу сводились к функциям казначея.

Недовольство царским бюрократическим церковным уложением вырвалось наружу в революционное время. В 1917 году Церковь была отделена от государства, обер-прокурор и консистории упразднены, и был созван церковный Собор. Собор, на котором миряне играли неподобающе большую роль, хотя и восстановил достоинство и власть Патриарха, однако в остальном дал себя увлечь господствовавшим в то время ультрадемократическим духом революции Керенского. Церковные приходы были превращены до некоторой степени в непосредственные демократии, епархии и Патриархат — в представительные демократии, причем руководящие права и власть Патриарха, епископов и священников, вопреки здравому смыслу, были опасным образом сокращены и парализованы. Повсюду должно было властвовать большинство, и только чисто духовные дела оставались в ведении иерархии и решались согласно канонам. Высшим органом церковного прихода стало собрание членов прихода, которое, по принципу в активном и пассивном смысле одинакового избирательного права, путем механического подсчета голосов, назначало членов в свои исполнительные органы, а именно, — в приходской совет, и своих делегатов на собрания — или лучше сказать — в парламенты епархий и Патриархата. Эти Соборы, в которых все еще могли принимать участие определенные клирики, в свою очередь, выбирали тем же способом

свои исполнительные органы, которые можно назвать министерскими кабинетами. Таким образом, освобожденная от царизма Церковь была немедленно исковеркана демократией.

Церковный Собор, выработавший это уложение, все еще заседал, когда Ленинская революция победила революцию Керенского. Следствием победы большевизма было то, что описанное церковное уложение никогда не осуществилось. Чтобы спасти Церковь от полного уничтожения, было необходимо отказаться от демократического принципа и вернуться к принципу единовластия. Это инстинктивно понял Собор, потрясенный первыми мерами Ленинского правительства, и сразу был готов подчиниться испытанным иерархам, которые всегда были враждебно настроены в отношении демократии. Первый из них — вновь избранный патриарх Тихон, которому его сан придавал исключительный авторитет, унаследованный от великих и святых Патриархов русского прошлого, стал также первым представителем воскресшей церковной идеи единовластия. Провозглашенный Собором, он созвал имевшихся налицо иерархов на закрытое для публики заседание. Этот Синод иерархов вынес крайне важные постановления, которые, несмотря на то, что нельзя было отменить официальное демократическое уложение, в действительности вводили совершенно иное уложение, в известной мере, монархического типа. Это новое, но в основах своих очень старое уложение, не заключается в одном систематически разработанном законоуложении, а основано на ряде декретов и постановлений, изданных Патриархом и его преемниками в рамках общего церковного права. Это уложение будет называться Тихоновским уложением, как и Церковь, в которой оно имеет силу, будет называться Тихоновской Церковью.

В соответствии с Тихоновским уложением Церковь управляется Патриархом, который допускает советы со стороны Синода иерархов. На случай своей смерти или ареста он составляет список из трех иерархов, которые по очереди должны будут заменять Патриарха; как только один из них становился заместителем, этот список терял свое значение, и правящий заместитель в свою очередь составлял новый список; то же самое делают также и его преемники. Благодаря такому устройству Тихоновской Церкви удалось стойко сохранить высшую церковную власть, — несмотря на многочисленные аресты ее носителей, смерть Патриарха и некоторых его заместителей, и, несмотря на невозможность созыва Собора для избрания Патриарха. Тем самым

был спасен принцип законной преемственности в Церкви, — принцип, на котором зиждется ее единство. Это обстоятельство обусловило преодоление Церковью всех расколов, в особенности революционного движения так называемой «Живой Церкви», а также это обстоятельство имеет исключительно важное значение для будущего.

По Тихоновскому уложению Патриарх или правящий его заместитель назначает в отдельные епископства правящих епископов. Епископ управляет своим епископством единовластно, поддерживаемый советом, в котором участвуют его викарии, если таковые имеются, и лично им для этого назначенные лица. Правящий епископ ответственен за свои служебные действия перед Патриархом или его заместителем; от него же правящий епископ получает необходимые указания и расторжения. В случае же, если невозможна регулярная и свободная связь между правящим епископом и Патриархом или его заместителем, — вследствие военных действий, или революционных событий, или полицейских мер правительства, — епископ управляет своим епископством автономно и временно самостоятельно. В силу этого положения, временно изолированные от Патриархии епископаты имеют право законно, без впадения в схизму, пользоваться временной независимостью до тех пор, пока не смогут быть восстановлены нормальным образом отношения с Патриархией. Это положение имеет исключительно большое значение для канонического осуждения многих схизм, которые, ссылаясь на невозможность нормальной связи с Патриархией, стараются оправдать себя.

Тихоновское уложение обязывает Церкви к абсолютной аполитичности: Церковь никак не имеет права нападать на государство, или же ставить себя на службу государству; нападения со стороны государства она должна переносить терпеливо, и его соблазнов она должна решительно избегать, она должна посвятить себя исключительно заботе о душах и искать только царства небесного; ни в коем случае при этом она не должна отречься от открытой ей Божественной правды; верующие должны стойко исповедовать эту правду и в данном случае умирать мученической смертью: это единственная дозволенная форма христианского неповиновения в отношении государства. К этому древнему, возникшему во времена римского преследования христиан, но со времени победы христианства над язычеством ставшему повсюду абсолютному понятию, должна была пробиваться Тихоновская Церковь при наличии ужасных страданий. Само собой разумеется,

что отвоеванный в этой борьбе и страдании тихоновский принцип абсолютной аполитичности является действительным не только для отношения Церкви к советскому государству, но также для ее отношения к каждому иному государству, на территории которого она получает легализацию или же получит легализацию. Историческая новизна этого принципа заключается не в теологическом обосновании (оно было уже известно в христианской древности), а также не в приспособлении к государству, которое борется наихудшими средствами против Церкви (так было это и в христианской древности), но в том, что этот старый принцип был впервые применен в отношении Церкви к новому революционно-тоталитарному государству, — к государству, которое со своей стороны запрещает Церкви участвовать в политической борьбе и политической работе, но в то же время необычайно расширяет понятие политичности, так как оно принципиально распространяет свое политическое и плановое руководство также и на такие области культуры, которые либеральное государство оставляет свободному течению вещей. Принципиальное зерно тихоновской аполитичности состоит, таким образом, в том, что Церковь не только воздерживается от борьбы за политическую власть (политичность в старом, узком и во времена либерализма единственном смысле), но также и от борьбы вокруг государственного преобразования культуры (аполитичность в новом, широком и во времена тоталитаризма главном смысле). Только тихоновский принцип абсолютной аполитичности может привести к примирению между Церковью и тоталитарным государством, — и если этого примирения не получилось в советском государстве (а его и не могло получиться из-за большевистского варварства), то это может произойти и произойдет в тоталитарном культурном государстве, которое устраивает верховной властью все земное, и благоговейно склоняется перед небесным.

Тихоновская аполитичность многократно истолковывалась в дурную сторону за границей и была дискредитирована. Утверждалось, что патриарх Тихон, и особенно его последний заместитель, в настоящее время правящий митрополит Московский Сергей, путем провозглашения церковной аполитичности и с этим связанной готовности следовать за существующей властью в земных делах, доказали, что руководство Патриархата внутренне примирилось с большевизмом, что оно позволило коммунистам себя свести на положение безвольного инструмента советского правительства, что, следовательно, оно

продало свою каноническую свободу, и поэтому его приказы должны восприниматься как приказы не церковной, а государственной власти, а потому эти приказы являются с точки зрения канонической ничего не значащими и недействительными. В этом отношении я должен заявить со всей решительностью, что приведенный ряд мыслей основывается на неверных предпосылках, а правда далека от них. Я могу здесь сослаться на свой собственный опыт, так как непрерывно в течение многих лет работал в администрации Патриархии, и пользовался благосклонным доверием митрополита Московского Сергия.

Не правда, что руководство Патриархии внутренне примирилось с большевизмом. Никем в России, таким образом, эти дела не понимаются, — ни правителями, ни управляемыми. Все христиане испытывают отвращение к большевизму, и епископы при этом не являются исключением. Принцип церковной аполитичности не означает оценки существующих государственных властей, — он означает только христианскую обязанность повиноваться всякой существующей государственной власти, будь она добрая или злая, является ли она благословением или наказанием Божиим. И этот принцип не означает суждения по поводу того, существует или не существует определенная власть, так как это голая политика. Власть не существует, если она не борется, имея разумный шанс на успех, — в противном случае она является не существующей властью, но проблематичной и шаткой. Поэтому еще не существовало обязанности повиноваться советской власти во время гражданской войны, и только после несчастного исхода этой войны, которую благословлял патриарх Тихон, он провозгласил принцип церковной аполитичности. По этой же причине прекратилась обязанность повиновения советской власти с началом нынешней войны, и я имею внутреннее право выпустить воззвание, призывающее к восстанию народы России. Меня обязывает сделать это убеждение в том, что Господь услышал молитвы, с которыми тайно обращаются к нему все христиане в России, от высокопоставленного архиерея до самого скромного мирянина, молитвы о том, чтобы Он, наконец, освободил от ужасного наказания большевизмом. Что касается периода, между гражданской войной и нынешней освободительной войной, то тогда в России не существовало никакой иной государственной власти, кроме большевистской, и она стояла так крепко, что все державы мира поддерживали с ней прагматические отношения, и все надежды на переворот изнутри должны были исчезнуть. Тогда было сумасшествием

призывать во имя Церкви к неповиновению советской власти живших в России христиан. Следствием этого, несомненно, были бы жестокие казни многих и многих тысяч людей и, вероятно, полное уничтожение Церкви. Чтобы спасти Церковь, необходимо было как-то примириться с советской властью. Как раз это и привело к открытию вновь и последующему проведению древнего христианского принципа церковной аполитичности. О внутреннем примирении с советской властью, о следовании с ней общим путем при этом не могло быть и речи, — так как подобное движение по одному пути как раз и означало бы отказ от принципа аполитичности.

Поэтому я категорически отрицаю, что управление Патриархии настолько унизилось, чтобы служить инструментом советского правительства. Ни разу дело не дошло до внешнего примирения с ним, ни к формальному заключению мира, ни к фактическому перемирию. Как до провозглашения аполитичности, так и после этого провозглашения Церковь преследовалась государственной властью, — и не только на периферии, что общепризнанно, но и в центре, в Москве, что последовательным образом должны были отрицать те, кто хотел видеть в управлении Патриархии инструмент советского правительства. Многочисленные частые аресты, которым подвергались члены управления Патриархии, опровергают их мнение. Мы не домогались благосклонности советского правительства, а оно относилось к нам не иначе, как с недоверием и враждебностью. За нами постоянно следили, и мы не знали днем — не будем ли мы ночью заключены в тюрьму. Выполнение наших распоряжений, которые мы формулировали свободно, часто срывалось, но наши распоряжения никогда нам не диктовались, так как заранее было известно, что мы не поддадимся такому диктату. Такого греха мы не совершали.

Но нам ставят на вид еще другой грех, — а именно, что мы остались живыми и даже на своих должностях. Считается, что нас бы казнили или, по крайней мере, сослали, если бы мы не показали себя верными слугами большевистских правителей. Это предположение, однако, совершенно не верно. Мы остались живыми и на своих должностях потому, что не были опасны для советского правительства и даже, не служа ему, были полезны. То, что разрушенная и отказавшаяся от какого-либо участия в политике Церковь, даже при существовании очень легко высмеиваемого центрального управления в этой Церкви, не может представлять абсолютно никакой опасности для

советского государства, само собой ясно. Однако легко можно понять, что при таких обстоятельствах существование упомянутого центрального руководства политически было предпочтительнее, чем его отсутствие. Во-первых, из-за рекламы и соображений пропагандистского характера, которые для советской политики часто имели решающее значение. В иностранных еврейских газетах, которые хотели привлечь симпатии своих либеральных читателей к сталинской конституции, можно было сослаться на существование руководства Патриархии, как на убедительное доказательство того, что в советском государстве даже Православная Церковь, — этот оплот царской реакции, пользуется полной свободой вероисповедания. Было бы действительно трудно заставить замолчать иностранную прессу, если бы она сообщила об уничтожении руководства Патриархии вместе с ее членами, — особенно сильный и продолжительный резонанс был бы вызван этим известием у православных балканских народов. Но, помимо всякой рекламы и пропаганды за границей, существовали и совершенно иные мотивы предпочтения того, чтобы руководство Патриархии существовало, над тем, чтобы оно не существовало.

Советское правительство в отношении Церкви поставило себе две цели; во-первых, исключить из действительности Церковь, как политический фактор, и, во-вторых, как фактор религиозный. В первом отношении советское правительство опиралось на идею тоталитарного государства, во втором отношении — на идею атеизма. Первой цели советское правительство достигло, причем с согласия Церкви. Вторая цель оказалась, однако, недостижимой. Правда, большевики не признали принципиальной недостижимости этой цели, но полный провал атеистической пропаганды, которая смогла привлечь только сокращающееся меньшинство населения, должны были открыто признать руководители этой пропаганды — вожди Союза Безбожников. Они должны были сознаться и в том, что путем насилия над Церковью атеизм ни на шаг не продвинулся вперед, этим только злят верующих и отпугивают от атеизма колеблющихся и даже многих неверующих. Из этого было сделано заключение, что в интересах атеистической пропаганды следует приостановить преследование Церкви, и пропаганду из острой перевести в менее заметную хроническую форму, чтобы эта пропаганда работала преимущественно более тонкими способами убеждения и соблазна, обратила свое внимание главным образом на школьную молодежь; что далее она не должна беспокоить-

ся о старшем, воспитанном в религиозном духе и не поддающемся атеизму поколению. Политически обезвреженная церковная организация, поскольку она еще существовала, могла существовать и далее, тем более что у нее были отняты все способы противодействовать атеистической пропаганде. Было строго запрещено вести пропаганду против атеизма, запрещены любые религиозные издания и всякое религиозное образование. Церковь задыхалась, а некоторые еще осмеливаются утверждать, что с этим было согласно руководство Патриархата, и что оно примирилось с советским правительством.

Таким образом, существование руководства Патриархата было разрешено в виду того, что его роспуск, как очевидная форма церковного преследования, не соответствовал бы интересам вкрадчивой атеистической пропаганды и вызвал бы беспокойство среди большой массы православных верующих, очень политически нежелательное. То, что эта масса действительно велика, большевики также признают. По официальной, всегда фальсифицированной советской статистике, число православных достигает 30 миллионов. Однако многие терроризированные советские граждане не имеют мужества открыто сознаться перед большевистскими учреждениями в том, что они являются верующими. Принимая во внимание эти и другие источники ошибок большевистской статистики, руководство Патриархата считает, что число православных составляет примерно 60 миллионов. С этим фактом должно считаться каждое правительство в России, даже большевистское. Несомненно, что, несмотря на преследования Церкви и атеистическую пропаганду, русские люди остались верными вере своих отцов. Недавно этот отрадный факт был подтвержден и миссионерами, которые были посланы мной, с согласия соответствующих немецких учреждений, в освобожденные области России и в расположенные здесь лагеря военнопленных. Миссионеры докладывают, и я могу это подтвердить на основании собственного опыта, что Православие непоколебимо продолжает жить в русском народе всех возрастов, народ сделал своей раз и навсегда Тихоновскую Церковь, увековеченный патриарх Тихон почитается почти как святой, и что епископы, и, прежде всего, Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Московский Сергей, пользуются высоким уважением у народа. Это является также глубочайшей причиной того, что советское правительство не решилось путем насилия распустить руководство Патриархата, т. е. Синод иерархов, которые

группируются вокруг Местоблюстителя Патриаршего Престола. Не говоря уже о беспокоящей реакции на успех атеистической пропаганды, большевистские властители должны были хорошо знать, что этот политически нежелательный роспуск лишь усилил бы ненависть в отношении них русского народа, — ненависть, о которой единодушно свидетельствуют и все мои миссионеры. Далее следует заметить, что насильственный роспуск общественно признанного руководства Патриархата вызвал бы к жизни тайное руководство Патриархатом, что значительно затруднило бы слежку за ним со стороны полиции. Вообще же в России существовала очень живая тайная религиозная жизнь (тайные священники и монахи; тайные молитвенные места; тайные богослужения, крестины, исповеди, причастия, венчания; тайные богословские занятия; тайное хранение Священного Писания, литургической утвари, икон, священных книг; тайные сношения между общинами, епископствами и руководством Патриархата и т. д.). Если бы захотели также уничтожить и тайное руководство Патриархатом, то должны бы были казнить и всех епископов, — среди них и тайных, которые в силу необходимости были рукоположены один за другим. И если мы представим невероятное, что когда-то все же удастся совершенно уничтожить церковную иерархию, то религия все же останется, а атеистическая пропаганда не сделает ни шагу вперед. Советское правительство поняло это, и поэтому предпочло, чтобы руководство Патриархатом существовало.

К сказанному в объяснении нужно добавить, что существование руководства Патриархата было признано советским правительством только де факто, но никак ни де юре. Ничего похожего на легализированный церковный устав вообще не существовало. Церковь как целое, отдельные епископства, общины не являлись ни учреждениями, ни корпорациями, — вообще они не являлись юридическими лицами и не были представлены какими-либо органами в правовом смысле. Они существовали чисто фактически, но не юридически. Чтобы это представить себе, нужно заметить следующее. Президиуму Верховного Совета Советского Союза была подчинена Центральная комиссия по делам культов, которой подчинялись местные комиссии по этим делам. Членами комиссий были коммунисты, и они принадлежали к Союзу безбожников. Эти комиссии были уполномочены вести атеистическую пропаганду и планомерную борьбу против религии. Однако они не имели права совершать аресты и подобные действия — для этого су-

ществовали учреждения НКВД. Чтобы бороться с религией, упомянутые комиссии должны были вести точное наблюдение за религиозной жизнью. Их задача была облегчена тем, что им были даны определенные административные права, а именно: они могли передавать для совершения богослужений церкви, мечети, синагоги и т. д. (все эти здания были национализированы) и следить за точным исполнением советских законов, касающихся вероисповедания. Здание могло быть передано для совершения богослужений, если 20 граждан ручались, что упомянутые законы не будут нарушены. В качестве поручителей они должны были регистрироваться в соответствующих местных комиссиях. Каждый регистрировался отдельно, и, таким образом, не образовывались ни общество, ни община. Каждый ручался всем своим имуществом и, при известных обстоятельствах, своей свободой. Прежде всего, ручательство давалось за то, что предназначенное для богослужений здание не будет использовано для иных целей, и что невероятно высокие налоги, которые возлагались за использование здания для совершения богослужений, будут своевременно выплачены. Однако, ручались и за многое другое, — например, за своевременное и правильное указание лиц, которые будут совершать богослужения в соответствующем здании. Эти лица на официальном советском языке назывались «служителями культа». В упомянутых комиссиях велся реестр, в который заносились имена этих лиц. Только те лица, которые были, таким образом, зарегистрированы, имели право совершать богослужения, и каждый из них мог это делать только в одном здании, но не в нескольких. Не имело отношения к делу, если одно из этих лиц называлось епископом какими-либо другими лицами, поскольку между служителями культа официально не существовало иерархических различий. Таким образом, епископ должен был регистрироваться в соответствующей местной комиссии по делам культов просто как служитель культа, который в определенном богослужебном здании совершает богослужения. Таким же образом были зарегистрированы и члены руководства Патриархата; но фактически терпелось то, что некоторые служители культа время от времени собирались, и что эти собрания как ими самими, так и другими назывались собраниями руководства Патриархии. Данные собрания происходили в Москве, в одном маленьком, и потому не национализированном частном домике, в котором жил представитель Патриархии; прежнее официальное здание Патриархии было национализировано.

Конечно, мы, члены руководства Патриархии, имели совершенно ясное представление о нашем бесправии. Но мы также знали, что советское правительство не решится лишить Патриархию хотя бы и фактического признания, а также не перестанет терпеть ее существование. Поэтому мы имели, несмотря на наше бесправие и на опасности, которым каждый из нас подвергался, известную независимость и даже сознание власти — конечно, не личное, а относящееся к организации, к которой мы принадлежали. Мы знали, что эта организация опирается на 60 миллионов верующих, и что она имеет единственный в своем роде авторитет в России, — авторитет, который концентрируется в личности митрополита Московского Сергия. Этот единственный в своем роде авторитет имел происхождение с добольшевистского времени, не был никак связан ни с коммунистической партией, ни с советским правительством, а являлся исключительно моральным авторитетом, — кроме него в России были еще принудительные — государственные и партийные авторитеты, которым с ненавистью должна была повиноваться громадная империя. Богом дарованный и Им освещенный, в свободной любви и уважении признанный верующими, большевиками приведенный к полному молчанию, но все же живой авторитет православного Епископата был во всей России единственным, который доставлял радость миллионам бившихся человеческих сердец. Стойко удержать этот авторитет было нашим наивысшим долгом. Только таким образом можно было удержать и основной канонический принцип законной власти в Церкви до лучшего, горячо желаемого будущего. Только на этом принципе может быть воссоздана Церковь в освобожденной России и в ее прежних составных частях. Иначе постоянно будут возникать и никогда не прекратятся церковные раздоры и расколы. В этом смысле особенно важно не прервать законную последовательность Местоблюстителей Патриаршего Престола. Думая об этом, правящий в настоящее время Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Московский Сергий составил список своих канонических преемников, которые, согласно Тихоновскому уложению, в случае необходимости по очереди должны будут вступить в должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. На первом месте в этом списке стоит имя митрополита Петербургского Алексия, на втором месте мое имя, на третьем — имя архиепископа Архангельского Иоанна. Я хочу надеяться, что упомянутый случай не произойдет еще долго, однако я должен с прискорбием опасаться обратного.

II

После падения царской империи и создания новых государств на части ее бывшей территории, судьба православных епархий, которые находились в этих государствах, сложилась в некоторых отношениях похоже, а в других — иначе. Здесь нужно прежде всего отметить следующее.

Во всех вновь образованных или добившихся самостоятельности государствах существовали православные меньшинства. К православным принадлежали не только русские (здесь и далее ради краткости к русским будут причисляться также украинцы в белорусы). В Финляндии православными являются главным образом карелы; русское меньшинство, которое чрезвычайно мало, состоит почти исключительно из православных. В Польше и Литве почти все православные являются русскими; что, касается Польши, то я не располагаю никакими цифрами. Православное меньшинство в Литве было очень незначительное, — примерно 40 000 верующих, из которых примерно 10 000 живут в районе Вильно, только в 1939 году присоединенном к литовскому государству. В Эстонии имеется около 100 000 православных русских и примерно 100 000 православных эстонцев; в Латвии — приблизительно 150 000 православных русских и примерно 50 000 православных латышей. В двух последних государствах очень многие русские принадлежат к схизматической секте так называемых староверов, примерно 100 000 в Эстонии и почти столько же в Латвии. В Литве и, особенно в Польше многие русские (к сожалению, я не могу привести цифр) принадлежат к так называемой Унии; она находится в юрисдикции Папы Римского, отличается от Православной Церкви в некоторых пунктах догматики и в способе причастия, но богослужение совершается канонически, в соответствии с религиозными обрядами Православной Церкви.

Во всех названных государствах русские национальные меньшинства были угнетаемы. Православие понималось, как форма проявления русского духа и из-за этого тоже было сделано объектом политического нажима. Прежде всего, эти правительства стремились расторгнуть каноническую связь православных епархий с Московской Патриархией. С помощью применения политических средств, власти повсюду, за исключением Литвы, добились схизматического выделения этих епархий из состава Российской Патриархии. Православные епархии

в Финляндии, Эстонии и Латвии были переведены в юрисдикцию Константинопольского Патриарха, что произошло при помощи его, проживающего в Лондоне, Экзарха архиепископа Германоса. Последний находится в неких неясных отношениях с английским правительством. В Финляндии, Эстонии и Латвии существуют свои православные епархии, в Польше имеется несколько православных епархий, которые были объединены во вновь образованную местную Церковь и поставлены под руководство митрополита Варшавского. Эта Церковь также была переведена в юрисдикцию Константинопольского Патриарха и позже возведена им и некоторыми другими Патриархами (но только не Российской Патриархией) в ранг автокефальной Церкви; этим было опять нарушено каноническое право, так как не допускается предоставление автокефалии Церкви меньшинства. Об автокефалии думали также в Финляндии, Эстонии и Латвии, но на это не был согласен даже раболепный Константинопольский Патриарх, так как и он не решался нарушить требование канонического права о том, что только единая поместная Церковь, состоящая из трех или большего количества епархий, имеет право получить автокефалию. Таким образом, упомянутые епархии должны были довольствоваться только автономией; для важности, они больше называли себя не «епархиями», а «Церквами» (в смысле местных Церквей) и их главы в Эстонии и Латвии получили высокое звание митрополитов, а в Финляндии — звание архиепископа.

Выход какой-либо епархии из состава Церкви-Матери тогда законен, и прием этой епархии в другую Поместную Церковь только в том случае канонически допустим, если на это имеется разрешение Церкви-Матери, иначе возникает схизма, которая канонически воспринимается как тяжелый грех. Православные епархии в Финляндии, Эстонии и Латвии, а также православная митрополичья Церковь в Польше ни разу даже не запросили Российскую Православную Церковь о том, готова ли она предоставить такое разрешение, но отделились от нее внезапно и самовольно. Они также совершенно не пытались канонически обосновать свой выход. Чтобы скрыть политическую мотивировку, которая фактически лежала в основе всей махинации, они просто воспользовались ссылкой на то, что, с одной стороны, благодаря полицейским мерам советского правительства стала невозможна правильная связь с руководством Тихоновской Церкви, а, с другой стороны, упомянутое руководство этой Церкви деградиро-

вало, став инструментом советской политики, и этим потеряло свою каноническую свободу. На это, прежде всего, можно возразить, что данные аргументы исключают друг друга: если руководство Тихоновской Церкви стало услужливым инструментом советского правительства, то связь этого руководства с отдельными епархиями не должна была затрудняться полицейскими мерами, а, наоборот, — облегчена советским правительством. Необходимо помнить и о том, что, согласно Тихоновскому церковному уложению, каждая епархия, которая не имеет правильной связи с руководством Патриархата, пользуется временной автономией, почему и выделение данной епархии из Патриаршей Церкви является излишним и ненужным. Что же касается мнимой деградации управления Тихоновской Церкви и превращения ее в инструмент советского правительства, то я дал объяснения по поводу этой клеветы выше, в I части.

Общее каноническое право содержит обязательные положения относительно поведения Церкви в отношении схизматиков. Схизматиками называют тех, кто отказывается от канонической юрисдикции своего законно существующего церковного главы. Молитвенное общение с ними прекращается. Это происходит путем распоряжения соответствующего канонического учреждения. Тот, кто решается вступить со схизматиками в молитвенное общение, сам становится схизматиком. Упомянутым распоряжением схизматическим священнослужителям должно быть запрещено совершать богослужения и таинства. Если они не послушаются этого запрещения, то автоматически теряют свое священническое звание. Все совершаемые ими, несмотря на упомянутое запрещение, таинства (включая и рукоположения) считаются канонически недействительными. Схизматики могут снова быть приняты в молитвенное общение с Церковью, от которой они откололись, если они искренно признают свою вину, отвергнут схизму, и со всей серьезностью будут иметь волю к тому, чтобы повиноваться и следовать своему канонически законному главе.

Это и были те канонически необходимые способы наказания, к которым вынуждено было прибегнуть, и к которым в действительности прибегло руководство Патриархата Церкви-Матери в отношении ставших схизматическими Церквей-дочерей в Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши. Только епископство Литвы, которое управлялось митрополитом Елевферием (умер 01.01.1941 г.), осталось верным Матери-Церкви. И это единственная Церковь, в которой не произошло

никаких внутренних раздоров. Когда прервалась связь с руководством Патриархата, это епископство воспользовалось своей временной автономией. Но как только удалось наладить связь с руководством Патриархата (вследствие любезности литовского Министерства иностранных дел), эта возможность была использована. То, что епископство осталось в канонической юрисдикции руководства Патриархата, никогда не служило поводом для каких-либо политических затруднений или подозрений. Этот радостный факт побудил руководство Патриархата назначить митрополита Елевферия главным пастырем также для всех православных общин, которые остались в Западной Европе верными Матери-Церкви. Таких общин имеется несколько, в том числе в Германии, среди них и нерусские общины. В Финляндии также существовали общины, оставшиеся верными Матери-Церкви, но к ним имели право принадлежать только русские эмигранты. В Эстонии, Латвии и Польше, однако, не было допущено существование подобных общин по политическим соображениям. Это было последовательно, так как иначе был бы сорван политический смысл схизмы. Можно с определенностью предположить, что в этих странах почти все православные общины с их священниками и не политизированными епископами не впали бы в схизму и остались бы в своей Матери-Церкви, если бы им была дана возможность поступать свободно в согласии с их религиозной совестью. Поэтому в данных странах схизма переживается православным меньшинством не только как тяжелая вина перед Матерью-Церковью, но и как оскорбительное насилие со стороны государства. Из этого выросло недовольство, как в отношении государственной власти, так и в отношении схизматической церковной власти. Особенно сильно было это недовольство среди православных русских, тогда как православные латыши и эстонцы (православных поляков, за исключением отдельных случаев, не существует) по большей части держались очень индифферентно в отношении схизмы и вообще были склонны оправдывать свои национальные правительства. Это же, с известными ограничениями, можно сказать и о православных карелах.

Чтобы провести раскол, прежде всего, необходимо было располагать архиереями, которые с этим согласны, и устранять с пути тех стойких епископов, которые со схизмой не согласились. В Польше некоторые епископы выразили свою готовность к схизме; остальные были изгнаны с епархий и высланы из страны. Таковую же судьбу при-

шло испытать архиепископу Сергию Финляндскому, его канонические права были узурпированы схизматическим епископом Германом. Архиепископ (позже митрополит) Елевферий Литовский решительно отклонил схизму, и правительство, в конце концов, ему уступило. Схизма была отклонена и архиепископом Иоанном Латышским, ему также уступило правительство. Однако после его убийства, организаторы которого остались неизвестными (1934 г.), и после межвластия собрался церковный собор (1936 г.), исключительно сильно подверженный влиянию правительства; избранный собором епископ Августин провел схизму и получил в Константинополе сан митрополита. В Эстонии был убит большевиками епископ Платон (1920 г.), и после длительного межвластия собором (1924 г.), в соответствии с желанием правительства, избранный епископ Александр провел схизму и также получил сан митрополита.

В связи с этим следует подчеркнуть, что иерархи, которые приняли участие в осуществлении схизмы, в целом, за исключением нескольких случаев, играли только пассивную роль, и позволяли использовать себя подстрекателям, в большинстве случаев мирянам. Оплотом для этих подстрекателей были соответствующие церковные управления, которые в большинстве случаев назывались синодами, члены которых избирались соборами. Схизматические Церкви не приняли участия в переходе Русской Церкви от демократического принципа Керенского к Тихоновскому принципу единовластия. Уставы схизматических Церквей являются производными русского церковного уложения 1917 г. Основные принципы уложения сохранялись, изменялись только те или иные детали. Это, несомненно, связано с тем, что уставы схизматических Церквей возникли в период, когда соответствующие государства управлялись в соответствии с принципами радикальной демократии. После возникновения авторитарных правительств эти уставы сохранились, так как оказалось, что церковная демократия, как и всякая другая, является ничем иным, как лицемерием. Сама демократия никогда править не может, она всегда управляется какими-либо силами. Тайная сила, которая действовала в церковной демократии, была ничем иным, как завуалированной силой правительства данного государства, которое имело своих попутчиков и агентов в якобы свободно избранных светских членах церковного совета (так называемого синода). Чтобы этого добиться, достаточно было собрать необходимое большинство голосов для избрания этих людей на соответствующем церковном со-

боре, — и это удавалось правительству в его церковной партии с большим или меньшим применением запугивания и соблазнов.

Таким образом, получилось, что демократические церковные уставы были сохранены в авторитарных государствах. Это, однако, привело к очень плохим результатам. Так как демократия означает борьбу партий, в Церквах образовались фракции, и их вражда друг с другом отравила церковную жизнь. Особенно этот недуг был силен в Эстонии и Латвии, так как здесь ссоры церковные перемешались с ссорами национального характера. В православных Церквах Эстонии и Латвии русским противостояли эстонцы и, соответственно, латыши. Поэтому в религиозной жизни русские чувствовали отвращение к схизме и во всех делах хотели придерживаться традиции, тогда как эстонцы и латыши удовлетворялись схизмой и были склонны к тому, чтобы ввести некоторые нововведения (в духе протестантизма), которые и оказались частично введены. В национальном отношении упомянутые ссоры вызывали следующие обстоятельства: эстонское и латвийское правительства, как хорошо известно, в отношении русских проводили политику притеснения и денационализации. При этом церковному управлению приходилось оказывать помощь правительству, русский дух должен был быть искоренен из Православной Церкви. Поэтому русские не имели права избираться в церковное руководство. Синод в Риге состоял из 12 членов — 6 священников и 6 мирян; один из священников был русский, остальные священники и все светские лица — латыши; митрополит и его два викарных епископа также были латышами. Соотношение цифр в Ревельском Синоде было подобно приведенному, правда, с той разницей, что митрополит имел только одного викарного епископа — русского, при этом из числа всех православных верующих в Латвии русские составляли 75%, а в Эстонии 50%.

Во-вторых, русские церковные общины должны были быть латышизированы и эстонизированы. В русских общинах церковная служба происходит на церковно-славянском языке, и проповеди произносятся по-русски; в латышских и эстонских общинах пользовались исключительно этими национальными языками; в результате искусственно выросло число латышских и эстонских общин, а число русских уменьшилось. В-третьих, вводились новшества для того, чтобы как можно больше отдалить схизматические Церкви от Русской Церкви-Матери не только в канонически-юрисдикционном плане, но и, прежде

всего, в церковно-обрядовой сфере и области духа (особенно острый конфликт разгорелся по вопросу Пасхалии, он даже потребовал вмешательства полиции, но мы бы слишком далеко зашли, если бы стали вдаваться в подробности).

Итак, в этих Церквах больше не было мира, но, однако, их положение оказалось значительно лучше, чем положение Православной Церкви в Польше (от характеристики церковно-политических отношений я хотел бы отказаться). Там правительство не удовлетворялось использованием для политических целей демократического устава Церкви, но даже значительно изменило этот устав, чтобы усилить власть раболепного епископата, и таким образом легче провести полонизацию Русско-Украинско-Белорусской Церкви. При этом думали не только о полонизации, но и о принудительном переводе православных в католичество. Что касается Остланда, то нужно считаться с последствиями, возникшими благодаря этому в Белоруссии. Но я не достаточно компетентен, чтобы обстоятельно говорить об этих вещах. Я также не могу судить о том, как сложились обстоятельства в бывшей польской части Белоруссии после занятия этой земли большевиками. Мне известно только, что советская часть Белоруссии особенно сильно страдала при большевистском церковном управлении.

III

Западная Белоруссия была занята большевиками осенью 1939 г.; осенью 1940 г. здесь вошли в силу большевистские законы, касающиеся религии. Летом 1939 г. были заняты Литва, Латвия и Эстония, но здесь еще не образовали комиссии по делам культов и не ввели большевистские законы, относящиеся к религии. Война началась до того, как большевики смогли приступить к проведению этих мероприятий. До действительного преследования Церкви в этих странах, таким образом, еще не дошло. Хотя прежние церковные уставы перестали действовать и здесь, потому что все частные общества были распущены (в этих странах Церкви не являлись учреждениями общественного характера, а частными обществами вроде спортивных и т. п.). Но меры по ликвидации Церквей и их общин не были проведены. Временно довольствовались тем, что была национализирована их недвижимость, включая церковные здания. Общественные богослужения в этих зданиях не были запрещены. В отношении духовенства, за исключением отдельных случаев, в целом держались пассивно. Однако следовало

ожидать, что эта пассивность не будет продолжаться долго. Немцы прибыли как раз вовремя, чтобы спасти Церковь от уничтожения.

Что касается внутренней церковной жизни, то в ней произошли большие перемены. В Эстонии и Латвии стихийно возникло движение, которое ставило своею целью упразднение схизмы. Отдельные общины переходили из соответствующих церковных объединений в юрисдикцию митрополита Литовского Елевферия. Это движение побудило митрополитов Августина и Александра направить руководству Патриархата с начала августа 1940 г. много писем о том, чтобы оно упразднило схизму и снова включило оба епископства в свою каноническую юрисдикцию. Патриархия, однако, колебалась по вопросу упразднения схизмы, так как хотела убедиться в том, что упомянутые епископства действительно, и именно из религиозных убеждений желают возвратиться в лоно Матери-Церкви. Иначе могло бы случиться, что после вступления в силу большевистских законов, касающихся религии, в Эстонии и Латвии, упраздненная схизма могла бы снова быстро укорениться, так как там убедились бы, что упомянутые законы в высшей степени облегчают всевозможные расколы, да такие расколы и будут требовать большевики. Поэтому было решено разузнать о внутреннем положении в упомянутых епископствах. Патриархия решила послать одного из своих членов в Эстонию и Латвию, а после также и в Литву. Это задание было поручено мне (в то время я имел звание архиепископа Дмитровского). Однако прошло много времени пока соответствующие большевистские учреждения предоставили мне разрешение на поездку. Советское правительство не было заинтересовано в упразднении схизмы, оно заботилось о том, чтобы ослабить Православную Церковь всевозможными расколами и таким путем ее скомпрометировать. Я смог выехать только в конце декабря. Мне, однако, было разрешено посетить только три столицы — Ригу, Ревель и Ковно и запрещено посещение других городов. Через две недели окончился срок моего разрешения, после чего я должен был снова возвратиться в Москву. В Риге и в Ревеле я вступил в связь с обоими митрополитами и со многими священниками, получил информацию о настроении в епископствах и пришел к заключению, что упразднение схизмы действительно отвечает желаниям верующих. Когда я еще был в Риге, умер митрополит Елевферий (01.01.1941 г.) и его кафедра стала свободной. Я принял участие в его похоронах в Ковно, возвратился в Москву и доложил Патриархии о своей поездке. Только после моего

доклада Патриархия приняла решение упразднить схизму и привести в порядок, в согласии с принципами Тихоновского уложения, церковные отношения в Эстонии, Латвии и Литве,

До Мировой войны в границах этих государств имелись не три, а только две епархии — Рижская (Латвия и Эстония) и Виленская (Литва и некоторые другие районы). Но тогда число русских, а с ними и православных верующих в этих странах было значительно большим, чем в данное время. Сейчас во всех трех государствах имеется 450 тысяч православных, что составляет незначительное число по сравнению с количеством верующих в других епархиях Тихоновской Церкви. Только политическая самостоятельность Литвы, Латвии и Эстонии сделала необходимым создать особые епархии в каждой из этих стран. После потери этой самостоятельности не имело никакого смысла сохранять разделение Церкви в упомянутых государствах. Самым простым и разумным было бы создать одну епархию вместо трех. Это обидело бы, однако, эстонцев и латышей, так как они привыкли к своим особым церковным институтам. Поэтому снова прибегли к идее экзархата, так как она была воплощена в жизнь еще в царские времена в Грузии после упразднения местной схизмы. Экзархат (выражение имеет много значений), в подразумеваемом здесь смысле, является одной епархией, при чем права правящего архиерея принадлежат экзарху, так что все остальные епископы в экзархате являются лишь его викариями. Отдельные ветви экзархата назывались не викариатами, а епископствами, что также выразилось в трибултуре соответствующих викариев и коллегиальных органов, являвшихся для них совещательными органами. Эта система была введена Патриархией только в Литве, Латвии и Эстонии. Был создан экзархат с тремя викарными епископствами. Границы этих викарных епископств совпадают с границами прежних полноценных епископств Литвы и Эстонии, и могут быть изменены только с разрешения Патриархии. Я был назначен экзархом, управляющим согласно монархическому принципу, с резиденцией в Риге, при чем мне было дано звание митрополита Литовского и Виленского (такое звание носил покойный митрополит Елевферий). Викарные епископы, как правило, назначаются Патриархией и могут быть удалены тоже только ею. При этом Патриархия, отклонившись от общего правила, установила в каких именно викарных епископствах будут исполнять свои обязанности отдельные викарии, так что у меня было изъято право перемещать моих викариев из одного епи-

скопства в другое без разрешения Патриархии. Таким путем должны были быть удовлетворены права латышских и эстонских архиереев. В остальном я имею право определять согласно собственным соображениям соответствие отдельных викариев. Также я могу назначать или смещать все остальные церковные власти в экзархате. Патриархия распустила так называемый Синод в Латвии и Эстонии и Епископское управление в Литве; вместо этих учреждений я должен был создать в соответствующих викарных епископствах управления экзархата, которые по отношению, ко мне имеют только совещательное право, а в случае моего отсутствия находятся под председательством назначенного мной епископа (в Эстонии и Латвии) или протоиерея (в Литве, где у меня нет викария). Путем создания трех управлений экзархата достигается известная децентрализация делопроизводства, что соответствует привычке и желаниям православных эстонцев и латышей. Каждое управление экзархата ведает делами только данного викарного епископства. Дела, которые касаются всего экзархата, подлежат ведению Синода епископов, согласно общему каноническому праву. В нем принимают участие все епископы экзархата. Он находится под моим председательством, по отношению ко мне имеет только совещательные права, и собирается мною, когда этого требуют обстоятельства.

Речь шла о том, чтобы теперь разрешить вопрос с духовенством в организованном таким образом экзархате. Вследствие схизмы и нарушения канонического запрета совершать богослужения и таинства все духовенство в Эстонии и Латвии потеряло свои духовные саны, а те среди них, которые были посвящены или возведены в более высокий сан во время схизмы, с точки зрения Церкви-Матери, никогда не достигли соответствующих званий. Это особенно относилось к обоим митрополитам, которые именно во время схизмы получили не только титулы митрополитов, но и епископский сан (нужно отметить, что на этом основании они никогда канонически не были правящими епископами, а поэтому не имели права удерживать за собой титул правящего епископа, — с точки зрения канонической, они были схизматическими захватчиками епископской власти). Теперь Патриархия считала целесообразным не прибегать в этом случае к строгости канонического права, и все духовенство, включая и обоих митрополитов, при сохранении их сана и титулов, снова принять в Церковь-Мать, однако, с тем условием, что они откажутся канонически требуемым способом от схизмы и искренно покаются в своей вине. Чтобы урегулировать свое

личное положение, оба митрополита должны были приехать в Москву, что смогло осуществиться только в марте 1941 г. из-за чинимых большевиками затруднений. В Москве оба митрополита в письменной форме сознались в своей вине и были снова приняты в молитвенное общение иерархами Матери-Церкви с соответствующей церемонией во время торжественного богослужения. Затем обсуждался вопрос о широте прав моих викариев, включая и обоих митрополитов, и была достигнута договоренность о следующем: в Эстонии митрополит Александр Ревельский (эстонец) должен заботиться об эстонских общинах, а епископ Павел Нарвский (русский) о русских; в Латвии я оставил за собой окормление русских общин, а заботу о латышских приходах я передал митрополиту Августину Рижскому и епископу Александру Мадонскому (в то время он еще назывался епископом Ерсикским), — оба латыши, и латышские общины должны были быть разделены между ними. Кроме того, было решено, что митрополит Александр и митрополит Августин будут в случае моего отсутствия, председательствовать в соответствующих управлениях экзархата. После достижения этого соглашения оба митрополита возвратились к себе на родину.

Из-за затруднений, связанных с поездкой, которые снова чинили большевики, мне только в апреле удалось прибыть в Ригу, город моей резиденции, но я имел право пробыть здесь только шесть месяцев, так как советские учреждения не хотели ставить визу в паспорт на более долгий срок. Вскоре после моего приезда в Ригу выяснилось, что митрополит Августин, к сожалению, не желает исполнять должность моего викария. Он выпросил у Патриархии для себя трехмесячный отпуск, который начался 25 мая, и это означало, что митрополит имеет намерение уйти в отставку и выйти за штат. Я держался в отношении него выжидательно, и только после освобождения Латвии немецкой армией, когда выяснилось, что митрополит Августин настаивает на своей точке зрения и отвергает какое-либо сотрудничество со мной, я доверил окормление всех латышских общин епископу Мадонскому Александру и предоставил ему право председательства в управлении экзархата, которым он должен был руководить во время моего отсутствия. Я организовал административное управление экзархата таким образом, чтобы русские, латыши и эстонцы были представлены в нем соразмерным образом. Среди состава советов общин (кроме моего собора) я в основном не произвел никаких изменений. Таким же образом

я перемещал, смещал или заново назначал отдельных представителей духовенства только в случае объективно существовавшей в этом необходимости. Мне хотелось своим поведением на практике показать, каким образом можно управлять епархией в чисто церковном духе, без какой-либо политической или национальной тенденции. Этот принцип лежит в основе всей моей деятельности, относящейся к выполнению своих обязанностей.

IV

Церковь снова вздохнула после освобождения немецкой армией. Можно было приступить к работе в радостном настроении, при урегулированных правовых отношениях. При этом каноническое положение экзархата изменилось в одном важном пункте. Война сделала невозможной связь с Патриархией, и на этом основании экзархату в настоящее время подходит, согласно Тихоновскому уложению, временная автономия (см. 1 часть). Это значит, что отныне, в случае необходимости, когда этого требует экстренный, не допускающий отсрочки, интерес экзархата, я имею право проводить такие мероприятия, которые обычно подлежат ведению Патриархии или же требуют ее разрешения. Само собой разумеется, что мои соответствующие решения должны быть представлены Патриархии на проверку и утверждение после возобновления связи и упразднения временной автономии. В настоящее время мне также принадлежит право перемещать моих викариев из одной части экзархата в другую, изменять границы епархий и реорганизовывать административные управления экзархата (например, создавать одно управление вместо трех), принимать в свое окормление овдовевшие епархии, принимать решения совместно с правящими архиереями других временно автономных епархий (например, белорусскими) относительно временной организации единого управления наших епархий, назначать на случай моей смерти себе приемника и т. д. Само собой разумеется, что я не имею права нарушать нормы общего канонического права, а это означает, что и теперь я не могу без предварительного разрешения со стороны Патриархии ни оставить свои обязанности, ни выйти из ее канонической юрисдикции.

После освобождения от большевизма прорвалось наружу оскорбленное национальное чувство литовцев, латышей и эстонцев. Оно проявилось в увеличившейся ненависти к русским и в стремлении как можно скорее и полнее восстановить добольшевистские условия

и отечественные учреждения. С этим стремлением связаны известные националистические и сепаратистские тенденции, которые оказывают заметное влияние и на церковную жизнь. Литовская ветвь экзархата осталась незатронутой этим мешающим политическим проявлением, так как в этой маленькой ветви, к которой принадлежат почти исключительно русские, не существует национальных трений. В латвийской и особенно в эстонской ветвях экзархата был, однако, прискорбным образом нарушен церковный мир. В Латвии и Эстонии возникли маленькие, но очень активные группы православных политиков, которые прежде, как светские члены так называемых Синодов, играли ведущую роль в соответствующих Церквах, и которые теперь стремятся снова захватить власть. Также, к сожалению, оба политиканствующих митрополита, Августин Рижский и Александр Ревельский, присоединились к этим группам. Остальные архиереи и явное большинство священников и мирян стоят далеко от этих групп и часто настроены по отношению к ним враждебно. Названные группы, однако, поддерживаются известными, находящимися вне Православной Церкви, латышскими и эстонскими кругами, которые менее всего заинтересованы в мирном внутреннем благополучии Церкви. Это положение вещей ведет к грустному выводу, что Православная Церковь в Эстонии и Латвии превращается в мячик национально-сепаратистской политики. Эта политика, которая внутри Церкви очень слаба, но вне ее возможно представлена очень сильно, поставила перед собой следующие цели: 1) Восстановление схизмы; 2) Восстановление прежнего церковного статута; 3) Восстановление враждебной русским политики в Православной Церкви.

Что касается схизмы, а именно своевольного выхода из Церкви-Матери, то его каноническая недопустимость, а также неприемлемость, ясна для верующих. Конечно, государство может принудить к схизме верующих, но внутренне они никогда не примирятся с ней, и тогда постоянно будут существовать ссоры в Церкви и недовольство в государстве. Если когда-либо окажется целесообразно, и Православная Церковь в Остланде выйдет из Русской Церкви и войдет в другую автокефальную Церковь, то это произойдет на основании взаимного согласия с Патриархией Русской Церкви; таким образом, это можно сделать и без схизмы. Но, чтобы правильно решить вопрос об этой целесообразности, необходимо окончательное выяснение политической обстановки на русском пространстве, и окончательное решение

в отношении нового порядка, а также церковных отношений на этом пространстве. Далее следует заметить, что Православные Церкви в Эстонии и Латвии канонически никогда не смогут требовать автокефалии (сравните части I и II), и, в случае необходимости, должны будут войти в состав автокефальной Церкви. Ускоренный, запланированный церковными сепаратистами в Латвии, и уже частично проведенный в Эстонии, схизматический выход из Церкви-Матери не включает, однако, эти Церкви автоматически в какую-либо иную автокефальную Церковь (также и в Константинопольскую Церковь, к которой они временно принадлежали и из которой вышли), так что они после проведения схизмы неопределенно долгое время (а процедура принятия в автокефальную Церковь требует много времени) должны «висеть в воздухе»; подобное положение вещей было бы абсолютно недопустимо. В последнее время замечается, что митрополит Августин, вероятно принимая во внимание указанные затруднения, высказал в отношении меня странное суждение, что хотя он и согласен вплоть до дальнейших указаний не выходить из Матери-Церкви, но, тем не менее, не признает моей канонической власти и желает самостоятельно управлять латвийской епархией. Однако эта точка зрения с канонической стороны, и вообще с юридической, не выдерживает критики. Если митрополит Августин остается в Матери-Церкви, тогда он также остается в канонической юрисдикции представителя Патриарха и Архиерейского Синода (Патриархии), если же он отвергает изданный этим учреждением указ от 27 февраля 1941 года, согласно которому я был назначен Экзархом, а он викарием, то этим он отвергает и юрисдикции этого высшего канонического учреждения и становится схизматиком. Таким образом, без разрешения Патриархии митрополит Августин может получить власть правящего епископа в Латвии только путем схизматического захвата.

Что же касается введения в силу прежнего церковного статута в Латвия и Эстонии, то это нежелательно и невыполнимо. Нежелательно потому, что эти уставы являются уставами демократическими, и поэтому будут воздействовать на церковную жизнь разлагающим образом; невыполнимо потому, что в период военного времени не могут созываться никакие церковные совещания и никакие полные собрания членов общин. Таким образом, в случае необходимости, члены так называемых Синодов и приходские советы не выбирались бы, а должны бы были назначаться. Следовательно, введение в силу

прежних церковных уставов является фикцией. Практически такое введение в силу прежних уставов прежде всего привело бы к тому, что управления экзархата, в которых русские, латыши и эстонцы представлены равномерно, были бы укомплектованы прежними членами. Выше было уже отмечено, что только один русский принимал участие в этих Синодах. Именно эти Синоды, в согласии с соответствующими правительствами, превратили Православные Церкви Латвии и Эстонии в инструменты враждебной русским политики. Поэтому то эти Синоды и их члены пользуются особенно дурной славой у русских, не взирая на вероисповедание последних. С негодованием думают православные русские, особенно духовенство, о том, что они снова могут попасть под власть этих Синодов и их ведущих светских членов. Однако дурной славой эти Синоды и их члены пользуются также и среди широких кругов православных эстонцев и латышей, а особенно среди эстонского и латвийского духовенства, так как ведущие светские члены этих Синодов были настроены в чисто политическом духе, а часто и в партийно-политическом, и пренебрегали духовными интересами Церкви. Само собой разумеется, нельзя ожидать, что эти люди теперь стали другими, и что они, получив власть не станут искажать церковную жизнь своей националистической политикой. Напротив, они хотят получить власть как раз для того, чтобы иметь возможность снова проводить эту политику. Они исходят из того принципа, что Церковь в Латвии должна быть латышской, а в Эстонии — эстонской; что касается Церкви в Латвии, то это ясно указал мне митрополит Августин. При этом смотрят сквозь пальцы на то, что среди православных 50% в Эстонии и 75% в Латвии являются русскими. Поэтому Православные Церкви в Латвии и Эстонии не имеют права получить националистическую окраску, чтобы сохранить внутренний мир, они должны со строгой последовательностью воплощать принцип аполитичности.

К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время церковный мир в Латвии находится в опасности, а в Эстонии он разрушен. Митрополит Александр Ревельский провозгласил отделение от Матери-Церкви, и ему удалось снова ввести в силу прежний статут. Управление Экзархата распущено и у кормила власти опять находится прежний Синод. Русские церковные общины снова попали под давление эстонцев, русские настоятели будут смещены и заменены эстонцами. В церквах снова будут возноситься молитвы

за Эстонию, тогда как по церковному обычаю молятся за суверенное государство, в котором проживают, но не за отдельные районы этого государства. Верующие, и, прежде всего, священники, которые сопротивляются схизме, запугиваются угрозой применения полицейских мер, и будет разъяснено, что провозглашение схизмы и иные церковные изменения были проведены с согласия соответствующих немецких военных учреждений.

Этот результат церковно-политического сепаратизма в Эстонии влияет и на положение в Латвии. Группа митрополита Августина вошла в сношение с латвийским департаментом по делам Церкви и вероисповеданий. Департамент приказал, чтобы в церквях снова молились за Латвию. Учителя, которые будут преподавать Закон Божий в латвийских школах, будут назначаться Департаментом по договоренности с митрополитом Августином, а не со мной или моим викарием, епископом Мадонским Александром, управляющим латвийскими общинами. Духовенство и миряне, которые сопротивляются схизме, запугиваются и им объясняют, что соответствующие немецкие учреждения в Латвии имеют намерение и здесь, как это уже произошло в Эстонии, провести схизму и ввести в силу прежний статут. Еще недавно среди духовенства, не считая митрополита Августина, не было бунтовщиков, но теперь уже один латышский настоятель, возглавляющий церковную общину в Митаве, протоиерей Эцерлицис, заявил моему викарию епископу Александру, что он вышел из его юрисдикции и вообще из юрисдикции Церкви-Матери и вошел в юрисдикцию митрополита Августина и Патриарха Константинопольского. Эти обстоятельства в остландских епархиях экзархата вынуждают меня прибегнуть к канонически требуемым мерам, т. е. к запрещению схизматическому духовенству совершать богослужения и таинства. Канонически я обязан прибегнуть к этим мерам, но я долго воздерживался от этого, так как надеялся, что маленькие группы церковных сепаратистов откажутся от своих схизматических стремлений и не станут нарушать церковный порядок, особенно теперь в военное время.

V

В указанных условиях, как мне кажется, очень важно, наконец, внести ясность в положение Православной Церкви в Остланде. С точки зрения церковно-политической было бы правильно положить в основу церковного порядка следующие принципы:

1) Принцип единства. — Было бы странно, если бы в Остланде существовало четыре рядом стоящих Православных Церкви — Белорусская, Литовская, Латвийская и Эстонская. Три последних уже объединены в экзархате. Стоило бы экзархат связать с белорусскими епархиями в более высокую единицу. Чтобы достичь этого, необходимо предоставить мне возможность встретиться с правящими белорусскими архиереями. Тогда мы сможем, воспользовавшись нашей автономией, избрать или же признать одного из нас главным руководителем Православной Церкви в Остланде.

2) Принцип канонической законности. — Чтобы избежать теперь и в будущем неизбежно следующих за схизмой ссор, Православная Церковь в Остланде должна пока оставаться в рамках Российской Патриархии; дальнейший возможный выход ее из Матери-Церкви должен произойти по взаимному согласию с Патриархией.

3) Принцип автономии. — Временно, до окончательного урегулирования отношений Церкви Остланда и автокефальной Матери-Церкви (пусть это будет Русская или какая-либо другая), или до возведения Церкви Остланда в степень автокефальной Церкви (что кажется менее желательным), Церковь Остланда должна быть автономной, практически независимой от любой высшей церковной инстанции; это соответствовало бы и одному из основных принципов тихоновского церковного уложения.

4) Принцип церковного единоначалия¹. — Демократические уставы не должны снова войти в силу. Нужно выработать единый устав для Церкви Остланда. Выборы должны быть заменены назначениями. Коллегиальным органам может принадлежать только совещательное право, но не право решений. Право решений должно быть предоставлено отдельным лицам — священнику в общине, викарному епископу в викариате, правящему архиерею в епархии, экзарху в Церкви Остланда. Управление при этом должно быть широким образом централизовано.

В частности, мне кажется целесообразным следующее — Православную Церковь в Белоруссии организовать в виде епископства с несколькими викариатствами. В данное время я ничего определенного не могу сказать по поводу числа и границ этих викариатств, относительно этого следует получить совет от белорусских епископов. Православная

¹ В немецком тексте митрополит Сергей употребляет термин «церковный фюрер (вождь)», более понятный чиновникам нацистской Германии.

Церковь в Литве, Латвии и Эстонии должна остаться в качестве епископства с многими викариатствами; викариатства могут быть образованы либо по признаку территориальному (Литва, Латвия, Эстония), либо по признаку национальному; в последнем случае в Литве должно быть русское викариатство, в Латвии — русское и латвийское, в Эстонии — русское и эстонское. Такое решение проблемы мне кажется самым целесообразным.

Одно из викариатств в каждом епископстве, по общему правилу Православной Церкви, будет управляться непосредственно правящим архиереем, так как одно из епископств будет управляться непосредственно экзархом; в других же епископствах его решению будут подлежать только общие и важнейшие вопросы, остальное же станет решать правящий архиерей. Административное управление экзархата дает советы экзарху, управление епископства — епископу, управление викариатства — викарию, управление прихода — священнику. В случае разногласия в мнениях между церковным руководителем и соответствующей совещательной инстанцией, вопрос передается на усмотрение следующей вышестоящей инстанции, все решения какой-либо инстанции могут быть обжалованы следующей вышестоящей инстанцией. Все назначения в епископстве, помимо назначения викариев, исходят от правящего архиерея или же должны быть утверждены им. Все архиереи (включая правящих) назначаются экзархом. Правящие архиереи (включая экзарха) утверждаются в должностях соответствующими немецкими учреждениями. На случай своей смерти экзарх назначает себе преемника, который также утверждается соответствующим немецким учреждением. Мне не хочется вдаваться в дальнейшие подробности. Пока же нужно установить, находят ли одобрение и насколько у соответствующих немецких учреждений кратко изложенные мной основные мысли церковного статута.

Подписано: Митрополит Сергей Экзарх

Архив Свято-Троицкой духовной семинарии Русской Православной Церкви за границей в Джорданвилле, ф. В. И. Алексеева. Копия.

Перевод с немецкого языка.

Bundesarchiv Berlin (BA), R90/128, Bl. 7592-7612.

Копия на немецком языке.

№ 4

**УКАЗ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ (ВОСКРЕСЕНСКОГО)
О ЗАПРЕЩЕНИИ В СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИИ
МИТРОПОЛИТА АВГУСТИНА (ПЕТЕРСОНА)**

Православная Церковь
Экзарх Латвии и Эстонии

Рига, 15 июня 1942 г.

Указ

Московская Патриархия своим постановлением за № 11 от 27-го февраля 1941 г. постановила исполнить прошение духовенства и мирян Латвийской Православной Церкви о возвращении в лоно Матери-Церкви Российской и воссоединении из самовольного раскола и подчинения Константинопольской юрисдикции.

Нахожу необходимым указать на обстоятельства, вызвавшие раскол Латвийской Церкви, и возвращении ее в лоно Матери-Церкви.

В ночь на 12 октября 1934 года трагически погиб правящий архипастырь Латвийской епархии, Высокопреосвященный Иоанн (Поммер), архиепископ Рижский и всея Латвии. Этот трагический случай послужил поводом к умышленному уходу представителей Латвийского духовенства из окормления местной Церкви на страну далечу, злонамеренно увлекши с собой доверившуюся им паству.

Оставшийся после смерти архиепископа Иоанна Синод своим постановлением от 12 октября 1934 г., протокол № 749, подписанным несколькими его представителями, постановил «сообщить заграничным архипастырям — главам Церквей о смерти архиепископа». Как видите, ни слова об уведомлении главы своей местной Церкви. Далее, в том же протоколе Синод постановил пригласить на отпевание покойного — архиепископа Эстонского митрополита Александра и архиепископа Николая, таким образом, вновь умышленно и определенно игнорируя представителя своей местной Церкви — Литовского митрополита Елевферия.

Итак, все эти поступки свидетельствуют о заранее продуманном (не будем углубляться здесь в обстоятельства подробнее), умышленном намерении уйти из крова Матери-Церкви на страну далечу.

Примечание: На отпевание усопшего архиепископа митрополит Елевферий командировал члена Литовского епархиального совета, кафедрального протоиерея Е. Калисского. Явившись для участия в отпевании, последний пояснил, что не может сослужить с епископами раскольников. Затем он ближе пояснил настоящее церковно-каноническое положение, предостерегая руководителей Синода от греховного намерения.

Первый грех повлек за собою другие. Кириарх, узнав о смерти своего Латвийского архипастыря, озаботился об окормлении осиротевшей паствы. Правда, Латвийские представители говорили иное, обвиняя Местоблюстителя Патриарха в якобы умышленном откладывании дела или даже нежелании заниматься упорядочением их епархиальной жизни. Но не так было на самом деле. В Патриархию поступило не только сообщение о смерти архиепископа, но и сведения о деятельности Синода, которая была направлена к подготовке ухода из лона Матери-Церкви в Константинопольскую юрисдикцию. Патриархия указывала на грех раскола, который, согласно учению Церкви, не омывается даже кровью мученической, и поручила временное окормление осиротевших православных в Латвии Литовскому митрополиту Елевферию, который особым отношением информировал о сем Латвийский Синод, предлагая сообщить по приходам о его вступлении в управление. Следует отметить, что Литовский митрополит на сию должность был назначен только до избрания Латвийского епархиального архиерея и его канонического назначения, после чего, естественно, отпало бы попечение Литовского митрополита. Синод же, как уже упомянул, получив сие отношение, не только не оповестил по приходам, но и не посчитал нужным обсудить каноническое положение. В протоколе № 780 от 22.07.1935 г. он только отметил о неоднократных сообщениях от временно управляющего епархией. Члены Синода, состоявшие в священном сане, со спокойной совестью отнеслись к запрещению в священнослужении за неповиновение своему законному епископу, продолжая преступно прилагать зло ко злу. Синод стал искать путей к хиротонии епископа для «Латвийской автокефальной церкви». Для этой цели он обратился к Сербскому патриарху Варнаве, но получил от него вполне правильный ответ, с указанием о необходимости для упорядочения столь важного вопроса церковной жизни епархии обращения к своему Кириарху. Принимая во внимание затруднительное сообщение между государствами, патриарх Варнава предложил

свое посредничество, но Синод 22 июля того же 1935 года (протокол № 780) горделиво принял только к сведению сие указание Сербского Патриарха.

После сего началось избрание кандидата на должность епископа и его посвящение епископами другой области и т. д. Это самочиние, с фарисейским сознанием своей правоты в расколе, в Латвийской Церкви продолжалось до августа месяца 1940 года.

В августе 1940 года под влиянием изменившихся политических обстоятельств митрополит Августин, как управляющий Латвийской Церковью, письменно обратился к Местоблюстителю Патриарха, высказывая свое личное и врученной его окормлению епархии пожелание вернуться под кров Матери-Церкви. Он указал, что пребывание в Константинопольской юрисдикции было только временным по политическим соображениям и ради особого государственного положения, и что теперь пришло время исправить это ненормальное явление.

В своем циркуляре № 1781 от 13 августа 1940 года митрополит Августин своему подчиненному духовенству пишет: «Сообщаю, что Синод предпринял некоторые шаги, чтобы снестись с Московской Патриархией...».

В ответ на обращение митрополита Августина Блаженнейший Местоблюститель Патриарха указал на необходимость осознания греха раскола и покаяния в нем, как необходимое предварительное условие.

В результате переписки меня командировали в Ригу, чтобы на месте ознакомиться с подлинным настроением Латвийской паствы и ее желанием вернуться в любвеобильные объятия Матери-Церкви.

На своих заседаниях 30 декабря 1940 года и 2 января 1941 года Синод единогласно высказался за возвращение в свою Поместную Церковь, и словами протоиерея Свемпа, который в 1935 году был председателем Синода, объявил сознание греха и канонического преступление — ухода из лона Матери-Церкви. Как известно, митрополит Августин имел другой взгляд на слова «грех раскола», но потом собственноручно подписал: «Сознаю грех отпадения, каюсь...» и т. д. В результате состоялось постановление Патриархии от 27 февраля 1941 года за № 11, в котором отмечено, что оценка раскола Латвийской Церкви и неканонического посвящения митрополита Августина уже состоялась в Патриархии 5 июля 1936 года, протокол № 68, и что теперь Патриархия не имеет основания от этого решения отказываться, поскольку оно правильно по существу и формально. Подтвержденное

подписями 39 епископов, оно уже высказывает общее мнение иерархии Поместной Российской Церкви. Все же, принимая во внимание, что 1) постановление не было своевременно доставлено подсудимым, 2) сам митрополит Елевферий не получил, не мог, поэтому, им воспользоваться и сообщить зачинщикам произвола и 3) самое главное, принимая во внимание раскаяние Синода и митрополита Августина, ради содействия единению Вселенской Церкви, Патриархия постановила принять в общение всех Латвийских священнослужителей и мирян, которые на то изъявят пожелание. Само собой разумеется, что и административная часть епархиальной жизни была изменена, согласно новому положению. В марте месяце митрополит Августин, исполняя свое законное пожелание побывать лично в Москве и сообщить Патриархии свои пояснения и таким образом войти в каноническое общение с Матерью-Церковью, прибыл в Москву. 28 марта в помещениях Патриархии митрополит Августин пред сонмом Епископов покаялся (акт покаяния при сем прилагается)¹, а 29 марта принял участие в совершении Божественной Литургии. В евхаристическом общении истинно свидетельствуя о сознательном отходе, со словами «Христос посреде нас» и целованием руки Первенствующего Епископа и прочих сослужащих Епископов, он закрепил не только свое воссоединение, но и всей Латвийской Церкви.

В период времени с января по март месяц была уверенность, что митрополит Августин до конца продумал свое намерение быть послушным Патриархии. В своем письме от 25 января он мне писал: «Наш Синод не является Святейшим Правительствующим Синодом, как это было в бывшей России и теперешних автокефальных православных церквях, но просто коллегиальное совещательное учреждение при Правящем епископе и больше ничего. Для себя я нашел его полезным в том отношении, что при единоличном управлении вся ответственность падает на меня, а при коллегиальном управлении ответственность распределяется среди членов коллегии (Берзиным, Зариным и др.) и это мне легче. Но если Ваше желание, чтобы Синода не было — его и не будет».

Казалось вполне естественно, что и в последующие месяцы митрополит Августин не сопротивлялся установленному Патриархией порядку управления Латвийской Церковью.

¹ Акт покаяния не публикуется.

Исполняя возложенное на меня поручение, я 9 апреля 1941 года прибыл в Ригу и приступил к исполнению обязанностей Экзарха. На заседании 11 апреля митрополит Августин вновь подтвердил свое мирное настроение и вполне согласился с постановлением Патриархии: подписал протокол последнего заседания Синода и передал дела Экзаршему управлению, как это уже имело в виду постановление Патриархии. В то же самое время митрополит Августин входил в состав Экзаршего управления в качестве моего заместителя, и ему следовало бы взять в свое управление часть приходов. Но после совершения нескольких совместно со мною и Мадонским епископом Александром богослужений, он подал прошение в Патриархию об отпуске.

В исторический день, 1 июля 1941 г., победоносное германское войско освободило нас от большевистского ига. Казалось бы, в общей радости нам всем следовало бы едиными усты и единым сердцем возблагодарить Всевышнего за ниспосланную милость. Но в голове иерарха Православной Церкви митрополита Августина появились другие замыслы. Поддерживаемый группой светских членов бывшего Синода и ими приглашенный, он прибыл в Ригу до окончания своего отпуска и явился не с добрым намерением — братским единением во Христе, но потребовал от меня передать ему, как митрополиту Рижскому и всея Латвии, управление Латвийской Церкви. В своем первом разговоре со мной митрополит Августин сообщил, что вся его деятельность, которая была направлена для возвращения в лоно Матери-Церкви, его покаяние в грехе раскола в помещениях Патриархии в присутствии Православных епископов, далее, что самое прискорбное, литургическое общение со всеми нами и вкушение Тела и Крови Христа Спасителя, все это было ни что иное как лицемерие. Лицемерие мол «под давлением чекистов», чтобы спасти свою жизнь... Таким образом епископ и глава Церкви пришел к нам не дверьми, но прилазя инуде, и теперь решил открыть настоящее лицо своей совести и возвратиться назад (2 Петр. 2, 21–22). Не помогло мое совместно с Преосвященным Мадонским епископом Александром увещание и предложенные компромиссы. Митрополит Августин требовал церковную власть, как неотъемлемое право, ему одному принадлежащее. Таким образом, появился новый раскол митрополита Августина. Он, нарушая 8 и 31 Апостольское правило, отказался от Евхаристического единения со мною, и не только сам прекратил братское сослужение, но и, совершая после того первую литургию, о совершении которой

оповестил не сговорившись со мною, не пожелал поминать Церковную Иерархию по Уставу, но поминал имена церковных представителей, не состоящих в общении с нашей Церковью (см. 10 Ап. пр.). При сем присовокупленный акт членов Совета нашего кафедрального собора ясно подтверждает вышеупомянутый нечестный поступок митрополита Августина ¹.

В дальнейшем ко мне поступили сведения о том, что митрополит Августин и его группа (бывшие члены Синода И. Зарин, Курземныэк, Калвияк) не только не думали изменить свое намерение — вновь втянуть православных в грех раскола с Матерью-Церковью, но для достижения этой цели обращались даже в органы светской власти.

Но мы, подобно Апостолу, будучи уверены, что никто не сделает нам зло, если сами будем ревнителями доброго (1 Петр. 3, 13), продолжали управлять врученной нам паствой.

Если бы я пожелал быть строго формальным, то после упомянутых случаев следовало бы митрополита Августина немедленно запретить в священнослужении и предать суду епископов. Но я, все же, надеясь на его благоразумие, в начале ограничился только запрещением поминовения его имени на Богослужениях, а потом уволил его заштат. Все же моя надежда, что со временем он облагоразумится, не оправдалась. Митрополит Августин продолжал идти предпринятым, губительным для него, путем. Воспользовавшись смертью благочинного Эргльского округа, митрополит Августин самовольно приступил к обязанностям Священнослужителя в его приходе, поминая за Богослужениями имя только Константинопольского Патриарха, из юрисдикции коего он сам ушел в августе 1940 года. Если до сего времени митрополит Августин свой откол от Матери-Церкви выявлял неопределенно, то своим служением в Косенском приходе он уже публично и открыто заверил свой новый умышленный уход в раскол. Вставши на открытый путь нарушения церковной жизни умиротворенной Православной Латвийской епархии, он навлек на себя все канонические прещения, упомянутые в постановлении Патриархии от 5 июня 1936 года, которые не были отменены постановлением Патриархии от 27 февраля 1941 года, но смягчены ради экономии. Кроме того, он, возвратившись в свой раскол, допустил и грех нарушения клятвы, когда, желая спасти свою жизнь и убоявшись страха идеже не бе страх, осквернил Тело и Кровь

¹ Этот акт также не публикуется.

Христову, омокая свои уста в Чаше Вечности и лицемерно лобызая своих братьев, чем навлек на себя канонические последствия 25 Апостольского правила, 64 Правила Василия Великого и др. правил.

А посему:

1) впредь, до суда собора Епископов запретить митрополита Августина в священнослужении.

2) Объявить, что сослужение с запрещенным навлекает последствия, предусмотренные в 10 Апостольском правиле¹.

Направить Указ о сем Высокопреосвященнейшему митрополиту Августину (Петерсону) к исполнению, а Преосвященным: временно управляющему Латвийской епархии епископу Мадонскому, епископу Ковенскому и Благочинному Западно-Европейских приходов (в Париже) к сведению.

Экзарх (Сергий, Митрополит Литовский)

Печать

Присоединяюсь к сему решению Высокопреосвященнейшего Экзарха о запрещении Митрополита Августина.

*(Александр, Епископ Мадонский,
временно управляющий Латвийской епархией)*

Копия сходится с оригиналом:

Секретарь Экзаршего Управления (Священник Н. Трубецкой)

Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей
в Нью-Йорке, д. 36/43. Заверенная копия.

¹ 17–18 сентября 1946 г. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) снял с митрополита Августина наложенное Экзархом запрещение в священнослужении, так как на Экзарха в этом вопросе якобы существовало «давление светских властей» (в решении Синода говорилось, что 23 февраля 1942 г. одновременно вышли указ митрополита Сергия и приказ рейхскомиссара «Остланда» об увольнении митрополита Августина за штат).

№ 5

**ОТНОШЕНИЕ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ
(ВОСКРЕСЕНСКОГО) В ДЕПАРТАМЕНТ КОНФЕССИЙ
И ЦЕРКВЕЙ ГЕНЕРАЛ-БЕЦИРКА ЛАТВИИ ОБ ОТКРЫТИИ
ПРАВОСЛАВНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ**

Православная Церковь
Митрополит Литовский и Виленский
Экзарх Латвии и Эстонии

Рига, 12 апреля 1943

№ 333 — VIII

В Департамент конфессий и церквей. Рига

Отн.: Открытие православной богословской высшей школы.

Ссылка на Ваше письмо от 14 декабря 1941 № 10/3417.

В принципе я, конечно, ничего не имею против открытия православной богословской высшей школы. Однако, по моему мнению, это дело не срочное. Открытие высшей школы может быть без ущерба отложено до послевоенного времени. Для быстрого открытия высшей школы существует несколько препятствий. Прежде всего необходимо указать на то, что было бы не целесообразно создавать особую высшую школу в маленькой Латвийской епархии (около 200 000 верующих). Количество студентов было бы недостаточно, чтобы оправдать существование высшей школы. Также нецелесообразно было бы проводить лекции в высшей школе на латышском языке. Имеется всего лишь около 50 000 православных латышей, остальные православные в Латвии — русские. Опыт показывает, что число латышей, которые выражают готовность изучать православное богословие в высшей школе, чрезвычайно мало. Помимо этого следует подчеркнуть, что все, достойные упоминания, богословские сочинения — на русском (или греческом) языках. Наконец, я позволю себе также указать и на то, что сделанная господином директором Департамента конфессий и церквей попытка склонить профессоров бывшего православного богословского факультета в Риге к совместной работе со мной, к сожалению, потерпела неудачу¹. Но профессорами высшей

¹ 12 февраля 1943 г. на квартире директора департамента Биргела состоялось совещание с участием Экзарха, его секретаря и семи бывших преподавателей православного отделения Рижского университета, которое закончилось безрезультатно.

школы ни в коем случае не могут быть назначены личности, которые отказываются признать меня, как их церковного руководителя, и к которым я, со своей стороны, не могу испытывать достаточного доверия в конфессиональном отношении.

В случае если открытие православной богословской высшей школы в генерал-бецирке Латвия все же должно произойти, то, по моему мнению, было бы целесообразно придерживаться следующей линии:

1. Высшая школа должна иметь задачу подготовки православных священников для всех епархий руководимого мной экзархата и для соседних епархий в России; число верующих (исключительно русских) в указанных последними епархиях, находящихся сейчас на территории группы армий «Север» и окормляемых мной, составляет около 2 000 000; это число будет значительно больше, как только фронт продвинется вперед; число верующих в экзархате составляет около 350 000.

2. Главные предметы в высшей школе должны преподаваться на русском языке; при этом латышам, эстонцам, сетам и белорусам должна быть обеспечена возможность проводить литургические и гимлетические занятия на их достойных уважения родных языках; эстонские общины в настоящее время находятся вне экзархата, но они могут присоединиться к экзархату; в Латвийской епархии имеется 61 латышская община; в Литовской епархии имеется пара белорусских и в Нарвской епархии — пара сетских общин; кроме них все общины в экзархате — русские.

3. Профессора должны быть в научном плане достаточно квалифицированы, нельзя пускать в школу суррогат науки; невозможно обойтись имеющимися в Остланде, численно очень небольшими учебными силами; таким образом, необходимо иметь право и возможность привлекать лучшие ученые силы из других областей.

4. Высшая школа понимается как чисто церковное учреждение, которое в отношении его внутреннего устройства, управления, учебной и воспитательной деятельности должно подчиняться непосредственно руководителю экзархата, а не руководителю одной из входящих в экзархат епархий.

5. Необходимый для богословской высшей школы государственный контроль должны осуществлять не местные органы управления, а непосредственно компетентное более высокое германское учреждение; указать точнее это германское учреждение превышает мою компетенцию; это учреждение также утверждает устав школы; профессора

и высшие служащие школы должны назначаться руководителем экзархата с предварительного согласия этого учреждения и увольняться, если они потом лишились этого согласия.

6. Будет ли высшая школа создана в Риге или другом месте, может быть, лучше всего в русском городе, — это особый вопрос, который может быть решен только по соглашению с компетентными германскими органами.

7. Для покрытия расходов по содержанию высшей школы желательны и первоначально, может быть, даже необходимы государственные денежные субсидии.

Исходя из вышеизложенного, мне кажется преждевременным разрабатывать устав православной богословской высшей школы, открытие которой Вы поддерживаете. Сначала необходимо точно установить, будут ли государством признаны или отклонены изложенные здесь принципы, и какое решение могут найти поднятые мной вопросы. В связи с этим я бы с благодарностью встретил сообщение о Вашей позиции ¹. В случае, если мое понимание проблемы подействует не убедительно, и, следовательно, Вы останетесь при мнении, что целесообразно в недалеком будущем основать православную богословскую высшую школу ², которая бы имела задачу готовить священников исключительно для Латвийской епархии, то этот вопрос в дальнейшем следует обсуждать не непосредственно со мной, а с епископом Рижским, который потом, при известных условиях, доложит мне соответствующий проект.

Экзарх (подпись)

Шеф канцелярии (подпись)

ВА, R92/120. Вл. 116–118. Копия³.

¹ Ответное письмо директора департамента не обнаружено.

² Националистическая позиция противников митрополита Сергия и Московской Патриархии возобладала, и в начале 1944 г. в составе Рижского университета был открыт теологический институт с православным отделением, который просуществовал несколько месяцев до прихода советских войск.

³ Документ переведен с немецкого М. В. Шкаровским.

№ 6

**СООБЩЕНИЕ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ
В ВЕДОМСТВО РЕЙХСКОМИССАРА ОСТЛАНДА
О ПОВЕДЕНИИ ПАРТИЗАН ПО ОТНОШЕНИЮ
К ЦЕРКВИ**

Рига, 19 марта 1943 г.¹

Я сообщаю Вам для сведения следующее.

Назначенный служить на территорию Миссии священник Яков Начис (Латвия) во время пребывания в Риге 8 марта этого года предоставил письменный доклад и дополнил его устным рассказом о ситуации в окормляемых им приходах Выборы (где он живет), Сигорицы, Владимирец и Шилово (Псковский округ, Сошихинский район). Его сообщение заключается в следующем:

Партизаны ведут очень искусную пропаганду, которой надеются завоевать симпатии населения. Эта пропаганда вероятно направляется одинаковым образом. Она учитывает религиозность населения как реально существующий факт, с которым следует считаться. Поэтому затушевывается все, что могло бы оскорбить религиозные чувства народа. Священников и церкви не захватывают, богослужениям не препятствуют, хотя это можно было бы очень легко сделать, так как партизаны в большинстве случаев точно информированы о приезде священников и намеченных богослужениях. Партизаны разъясняют крестьянам, что религиозная политика советов коренным образом изменилась; безусловно признана свобода вероисповедания; борьба с религией была роковой ошибкой, в которой советское правительство сейчас публично покаялось «перед народом и Богом»; в настоящее время Православная Церковь в России узаконена; сейчас в России повсеместно совершаются богослужения в храмах; таким образом, крестьяне на занятых немцами территориях тоже могут спокойно хо-

¹ Первое подобное сообщение, сделанное по требованию германских властей.

дить в церковь, — советы после «освобождения» данной территории от немцев ни в коем случае не будут их преследовать за это; партизаны даже утверждают, что они сами охотно ходили бы в церковь, чтобы молить Бога об освобождении России от немцев и если пока не посещали храмы, то это происходило лишь потому, что они должны были скрываться от немцев.

Крестьяне первоначально считали, что партизаны, которые в принципе должны быть враждебными Церкви большевиками, стремятся подобными речами вызвать доверие верующих, чтобы таким образом их разоблачить, в прежней советской манере назвать «врагами народа» и потом им отомстить. Опасения крестьян в большинстве случаев были причиной, по которой они скрывали от партизан свои религиозные чувства. Но затем в этом отношении повсеместно произошла перемена. Все более убеждаясь, крестьяне считают, что партизаны честно относятся к Церкви, что они верующие и, как минимум в этом отношении, не являются большевиками. Поэтому доверие крестьян к партизанам растет. Вместе с тем это дружественное к Церкви отношение партизан, поскольку они, по общему мнению, находятся в постоянной связи с руководящими органами в Советском Союзе, воспринимается как указание на то, что коммунистическая партия в России действительно изменила свою церковную политику и заключила с верующим народом, так сказать, религиозный мир. Этот слух произвел на крестьян очень сильное впечатление.

Но достигнутого пропагандистского успеха партизаны добились не речами, а прежде всего своими поступками. Там, где поблизости имелись партизаны, крестьяне сперва боялись ходить в церковь. Потом повсеместно оказалось, что с посетителями храмов ничего не происходит, а богослужениям не препятствуют. Таким образом, верующие набрались мужества и оказывают партизанам все больше доверия. Это развитие еще не закончилось. Многое ему препятствует. И прежде всего тот факт, что партизаны в селах большей частью опираются на элементы, которые раньше принадлежали к коммунистической партии, были представлены в деревенских и более высоких органах местного управления и тогда открыто боролись с Церковью; сейчас они также остались верны партии, но проявляют себя скрытно, снова занимая какую-нибудь должность в деревне или районе и продолжая свою враждебную Церкви политику, — только теперь делают это не открыто, а замаскированным образом.

Связь с этими ужасными, ненавидимыми крестьянами элементами компрометирует партизан. К этому можно добавить, что среди последних некоторые являются настоящими бандитами, разбойниками, которые грабят крестьян и наводят ужас. Таким образом, по отношению к партизанам крестьяне колеблются между страхом и доверием. Само собой понятно, что партизаны не могут прекратить связь с коммунистическими элементами в селах. Но что касается разбойничьих банд, то сейчас по сообщению священника Владимира Толстоухова (Пушкинские горы и окрестные приходы) отдельные партизанские руководители пытаются строго отделить «дисциплинированные» партизанские формирования от «анархических» разбойничьих банд и убеждают крестьян, что партизаны хотят и готовы защищать их от бандитов. Но пока этот новый пропагандистский шаг не произвел впечатление на крестьян. В этом случае крестьяне тоже будут убеждены не словами, а делами.

Священник Начис сообщил и другой интересный случай, который хорошо раскрывает пропагандистские методы партизан. 16 января этого года, в рождественское время священник Начис приехал во Владимирец, чтобы провести там богослужение, о котором он заранее известил. Во Владимирце всегда имелось очень много посетителей церкви, но староста общины сказал приехавшему священнику, что в этот раз едва ли найдутся желающие прийти в храм, так как в деревне находятся партизаны. Из-за позднего вечернего времени священник не мог уехать; дрожа от страха, он переночевал в деревне, потом на следующее утро решил все же исполнить свой долг и хотя бы в пустой церкви провести богослужение. Сперва храм действительно оставался пустым, но потом священник услышал нарастающий шум и уже полагал, что пришли партизаны его схватить. Затем через боковую дверь в алтаре вошел староста с сияющим лицом и шепнул священнику, что он не должен бояться, партизаны велели крестьянам идти в церковь и последние теперь в большом количестве, ликуя, входят в храм, поэтому и произошел неожиданный шум. После совершенного богослужения священнику рассказали, что партизаны обратились к крестьянам следующим образом:

«Почему вы не идете в церковь? Священник приехал ради вас, чтобы совершить богослужение. Такая радость выпадает редко. И вы имеете сегодня праздник — ведь сейчас дни Рождества. Стыдно во время богослужения сидеть дома. Вы не должны бояться. Мы одо-

брительно относимся к тому, что вы пользуетесь своей религиозной свободой. Сейчас религия везде в России свободна. Война многое изменила к лучшему. Если бы раньше молились Богу, Он, может быть, одарил бы нас победой и тогда возможно не случилось бы поражений. Мы сейчас не имеем времени для посещения церкви, так как мы заняты важными делами. Но все вы — и стар и млад — быстро идите в храм. И только не забудьте там молиться за Россию, чтобы она снова стала свободной, богатой и сильной». Впечатление, произведенное этой речью, было потрясающим.

Священник Начис сделал еще одно интересное сообщение. Молитвенники и листки с отдельными молитвами, изданные управлением Миссии, были тут же распроданы, — люди просто расхватывали эти издания. Так же быстро оказался распродан первый номер миссионерского листка «Православный христианин». Но последующие номера этого листка остались лежать в церкви на кассе, устроенной сразу у входа в храм. Было продано совсем мало экземпляров. Расспросив многих крестьян, священник смог установить, что партизаны запретили им покупать этот листок, так как он якобы является «немецко-фашистским». Крестьяне были вынуждены с сожалением подчиниться этому приказу из-за страха перед партизанами.

Священник Начис также обращает внимание на то, что партизаны очень искусно пытаются извлечь пользу из тех фактов, которые можно каким-нибудь образом пропагандистски представить в качестве примера жестокого обращения немцев с Церковью. Священнику известны два случая такого рода. В июле 1942 священник вернулся в Выборы из поездки и установил, что во время его отсутствия в местной церкви надолго разместилось подразделение германского вермахта. Так называемые царские врата алтарного помещения оказались раскрыты, в церкви, даже в алтаре курили и играли в карты. Верующие были глубоко оскорблены, возмущены и взволнованы. Они кое-как успокоились только после того, как священник объяснил офицеру, что эта церковь даже в большевистское время использовалась исключительно в богослужбных целях, и офицер приказал своей части занять другое здание, что было сразу же выполнено. Связанные с партизанами элементы, которые прежде были настроены враждебно по отношению к Церкви, не преминули заявить крестьянам, что немцы специально осквернили «русский храм», и подчеркивали отсутствие каких-либо препятствий для того, чтобы воинская часть с самого начала размести-

лась в том помещении, в которое она с легкостью перебралась лишь после приезда священника.

Другой случай произошел в Выборах 19 января этого года, то есть в день Крещения Христова (6 января по старому календарю). В тот день в Выборы на санях приехали крестьяне из ближних и дальних деревень, чтобы в большом количестве участвовать в праздничном богослужении и традиционном водосвятии. Во время пребывания в храме их неожиданно вызвали и вместе с их лошадьми и санями заставили выполнять гужевую повинность для эстонской воинской части. Они не могли оставаться в церкви и их жены, дети и старики должны были очень далеко по глубокому снегу пешком возвращаться домой. Этот случай вызвал особенно большое возмущение, так как его легко можно было избежать путем своевременного учета гужевой повинности в Выборах и соседних селах. Партизаны и их сторонники сумели этот случай использовать с особенно большим пропагандистским успехом, так как это были как раз те партизаны, которые двумя днями ранее во Владимирце призывали крестьян к спокойному посещению церкви. Теперь говорят: только сравните, как обходятся с богомольцами партизаны и немцы, и тогда вам сразу станет ясно, кто в действительности друг и кто враг Православной Церкви и верующего народа.

Я представляю это письмо в двух экземплярах, чтобы его копией, в случае если Вы сочтете необходимым, мог бы также располагать командующий войсками безопасности на территории группы армий «Север».

Institut für Zeitgeschichte München (IfZ), MA795, Bl. 1417–1421. Копия¹.

Опубл.: *Шкаровский М. В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов (сборник документов). М., 2003. С. 246–251.

¹ Документ переведен с немецкого М. В. Шкаровским.

№ 7

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ К ПАСТВЕ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ (ВОСКРЕСЕНСКОГО)

Рига, апрель 1943 г.

Христос Воскресе!

Лобзанием радости о Христе Воскресшем приветствую Вас, верные чада Святой Православной Церкви, волею Божией врученные на время архипастырскому моему смотрению!

В Пасху сию Святую, в сей праздников Праздник и Торжество из торжеств да возликуют сердца наша!

Да укрепит всех нас победная песнь благовестия о славном Воскресении Христовом! Да умножатся ею силы наши для создания новой, свободной, радостной жизни и да будет эта песнь залогом нашей нерушимой веры в воскресение страждущей Церкви и Отечества нашего!

Да возгорятся сердца наши от радостно - победного возгласения: Христос Воскресе! Святыми словами да изгонится мрак, да исцелится боль, и да соединимся все мы в одной мольбе и в одном труде, в великом подвиге духовного спасения и земного строительства!

Победное воскресение Христа Спасителя да подаст нам сил духовных и телесных и да поможет нам оно с любовью и терпением христианским переносить тяжкие, но неизбежные невзгоды военного времени, памятуя о страдании и подвиге тех, кто проливает кровь за нашу свободу!

Экзарх, митрополит Сергей.

За Родину. Русская ежедневная газета. Псков. 1943. 27 апреля.

Опубликовано: *Корнилов А. А.* Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.). Нижний Новгород, 2000. С. 56.

№ 8

**ЗАПИСКА МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ (ВОСКРЕСЕНСКОГО)
«БОЛЬШЕВИЗМ НАДО СОКРУШИТЬ»**

Рига, 14 мая 1943 г.

В мире много зла и горя, но нет ничего страшнее и губительнее большевизма. Большевизм восстал на Бога и попрали человека. Большевизм не только умерщвляет, он растлевает. Он разрушает святыни и ценности, которыми жива душа человека. Свободных людей он превращает в безличных рабов. Он отравляет их своею ложью и терзает их своим насилием. Страной большевизма правит страх, скрытый под маской предписанной преданности и продиктованного восторга. Страх за себя и своих; страх перед арестом, ссылкой, пыткой, казнью; страх перед нищетой и голодом; страх перед доносом; страх перед ГПУ и друг перед другом. В стране большевизма все вынуждены притворяться и лгать, чтобы избежать немедленной расправы. Там страдают не только потому, что живут впроголодь, ходят в отрепьях, изнемогают в непосильном труде, не знают отдыха и еженощно ждут ареста. Там — еще острее, еще непоправимее — страдают потому, что чувствуют себя обесчещенными порабощением, чувствуют себя людьми с растоптанным достоинством, с презренным страхом в груди. Там не знают радостей свободного почина, свободного труда, свободного творчества, не имеют утешения в свободной вере, в свободном искании истины. В стране большевизма все расчислено и преуказано свыше, начиная с доктрины марксизма и кончая дневным расписанием принудительных работ и столь же принудительного участия в общественных собраниях разного рода. Там каждый становится безвольным винтиком в железной машине коммунизма. И как отвратительно работает эта машина! Построенная с целью все упорядочить, она все приводит в беспорядок. Расписание, составленное для

всей страны на пять лет вперед, нарушается ежедневно и повсеместно. Все боятся ответственности, сваливают ее друг на друга и производят безнадежный застой в делах. Все ненавидят свой подневольный труд, отлынивают от него и стараются только о том, чтобы поменьше уставать на этой ненавистной каторге. А в результате получается срыв всех программ и сплошная неразбериха. Люди чувствуют себя обреченными на бессмыслицу, безобразие, несправие, на беспросветную скуку и безысходный страх. Но признаваться в этом они не смеют. Они должны притворяться счастливыми. Рабам приказано кричать о том, что свободнее их нет людей на свете, что нет ничего радостнее их страдальческой жизни, что они любят своих ненавистных вождей, что большевистское одичание есть наивысшая форма культуры, что большевистское издевательство над человеческой личностью поднимает достоинство ее на недостижимую высоту. И они кричат, бахвалятся, поют и пляшут, чтобы только сохранить свою жизнь, эту жалкую жизнь, опозоренную страхом и ложью, и получить свой кусок хлеба, этот отравленный муками жалкий кусок.

Но они ненавидят! О, как они ненавидят своих палачей! Они не забывают, не прощают своих унижений, своих страданий. И разве можно простить, можно забыть? Никогда! Россия взывает к возмездию, ждет страшного часа расплаты. Для победы над большевизмом мы, русские, готовы на все. И потому Россия ждала войны, хотела войны. В войне она видела единственную возможность сокрушить большевизм, выйти на простор новой, свободной жизни, вновь приняться за пряжу своей национальной истории — за эту священную пряжу, разорванную большевистской революцией. Хотела этого также и наша Церковь, потому что только в военном крушении большевизма видала она путь к своему освобождению. Она едва не захлебнулась в воздвигнутом на нее гонении и уцелела, решусь сказать, чудом, чудом той простой, сердечной, неученой веры, которую русский народ сумел сохранить в своем сердце, несмотря на все усилия большевистских погромщиков и марксистских дрессировщиков. И если бы большевикам удалось теперь выиграть войну, то Церковь Российская была бы обречена на уничтожение. Прижатые к стене германским оружием, большевики увидели, что они не могут гнать своих рабов в бой одними лишь пулеметами и горячить их одними лишь лозунгами коммунизма. В эти лозунги давно в России никто не верит. И вот большевики принялись говорить о защите Родины и Веры, взывать к чувствам русского па-

триотизма и православной церковности. Они убедились, как сильны эти чувства в русском народе и решили их использовать. Но они этих чувств русскому народу не прощают. Ведь кто эти чувства имеет, тот отвергает и ненавидит большевистское безбожие и коммунистический интернационал. Живучесть этих чувств в русском народе показывает провал большевизма, его свирепых гонений, его бешеной пропаганды. За эту неудачу большевизм в случае своей победы отомстит — он рассеет русский народ по миру, разрушит все храмы и уничтожит православный клир до последнего человека. Ибо измениться, переродиться большевизм не может. Его сатанинская природа непреложна, неизменна. Думать иначе могут только обманутые большевизмом наивные люди, совершенно не понимающие его существа. В России таких людей нет. Но за границей, где еще не испытали большевизма, не встретились с ним лицом к лицу, такие люди, к сожалению, встречаются.

Лживость большевизма превосходит всякие вероятия. Есть люди, которые не могут себе представить, что можно так лгать. И они принимают уверения большевиков за чистую монету. Они думают, что и в самом деле большевизм ведет эту войну не за всемирную революцию, не за всесветное торжество коммунистического интернационала, а за Родину, за Веру, за свободу народов, особенно славянских, за самобытность национальных культур, за спасение европейской цивилизации и т. д. — словом, за все, что дорого противникам большевизма и ненавистно ему самому, за все, о чем так назойливо кричит большевистская пропаганда, прекрасно учитывающая, что открытой проповедью интернационализма, коммунизма, атеизма она не может сейчас привлечь на свою сторону общественное мнение ни в союзных большевикам, ни в им враждебных, ни нейтральных странах. И потому советская пропаганда с беспримерным цинизмом провозглашает теперь те самые лозунги, за верность которым большевики расстреляли миллионы людей и за верность которым они, в случае своей победы, расстреляют еще больше миллионов. «Только бы победить, а потом уж расправимся», — вот основной принцип теперешней военной пропаганды большевиков. И горе миру, если он этого не поймет и даст себя обмануть!

А чтобы этот обман удался лучше, большевики заставляют Церковь стать его соучастницей. Они принуждают Церковь звать на борьбу против тех, кто борется с большевиками, лютейшими ее гонителями.

Это насилие столь чудовищно, что некоторые не способны вообразить его возможности и потому склоняются к мысли, будто и в самом деле Церковь в Советском Союзе теперь свободна, будто она по собственному почину и убеждению призывает верующих людей в России и за ее пределами подняться на защиту безбожного большевизма. Но поймите же, что это предположение совершенно нелепо, что своей волей поддерживать безбожие никакая Церковь не может. Поймите, что раздающийся из России голос Церкви фальсифицирован. Это вовсе не ее голос. Это голос большевиков, говорящих от ее имени. Они выдавливают из горла Церкви нужные им слова. А те слова, которые Церковь сама хотела бы сказать, она сказать не может. Но я слышу эти ее невысказанные слова. Вот они: «Кто в Бога верует, — помогите! Не верьте большевикам никогда, ни в чем! Мы в плену, мы замучены! Нас заставляют говорить ложь! Простите нас вы, не испытавшие того, что мы испытываем! Не заколачивайте Церковь в гроб! Не заколачивайте Россию в гроб! Победите большевиков! Господь наградит вас за это! Если большевики победят, то гибель и вам, и нам!»

Не думайте, что этот подлинный голос Церкви существует только в моем воображении, что я говорю о том, чего не знаю. Нет, я знаю, что творится в Советском Союзе, знаю, что там терпит и о чем думает Церковь, потому что я сам оттуда. До 1941 года, до моего назначения в Ригу, я жил в Москве и принимал самое близкое участие в трудах Патриархии, неся общий крест с моими братьями-архиереями. Я знаю тамошний ужас до самого дна, и все, что я здесь говорю, основано на личном моем опыте, накопленном и у алтаря, и в келье, и в тюрьме, и в многолетнем дружеском общении с архипастырями, пастырями и мирянами во многих городах и селах России. Я вправе свидетельствовать о тамошней жизни и тамошних чаяниях, народных и церковных, и я обязан делать это, чтобы безмолвием своим не оказать косвенного содействия распространению большевистской лжи и увековечению большевистского насилия.

И не воображайте, что слова, которые я говорю, мне кто-то со стороны подсказывает или диктует. Нет, я теперь совершенно свободен — свободен, как и моя трехмиллионная паства в Литве, Латвии, Эстонии и в обширной русской области от Ленинграда до Пскова и южнее. Эту свободу нам принесла германская армия, прогнавшая большевиков. Мы теперь имеем возможность, по-прежнему оставаясь в канонической принадлежности к Матери-Церкви Российской, невоз-

бранно работать на ниве Христовой. Чего нас лишили большевики, то нам вернули германцы. Они вернули нам отнятые большевиками храмы, вернули возможность совершать в них богослужения и свободно проповедывать, вернули отмененное большевиками право преподавать Закон Божий в светских школах, учреждать свои школы для подготовки пастырей, издавать книги и газеты религиозного содержания — всего не перечислишь. И мы действительно, по мере сил, пользуемся всеми этими правами нашими — пользуемся и благодарим Господа, даровавшего нам такую свободу.

Потерять этой свободы мы не хотим. Она нужна нам как воздух, как жизнь. Послушайте, что говорят верующие в наших русских селах и городах: «Все, что угодно, только не большевизм!» И еще: «Для победы над большевизмом пожертвовать ничем не жаль!» Вы не испытали большевизма. Вам, может быть, не так легко нас понять. Но мы знаем, что кто с большевиками, тот враг и Богу и людям. И кто, имея возможность участвовать в борьбе против большевиков, под каким бы то ни было предлогом уклоняется от этого, тот косвенно поддерживает большевизм и, хочет того или не хочет, но помогает распинателям Церкви Христовой, нашим мучителям. Не верьте им и их агентам, уверяющим, будто мы здесь подвергаемся притеснениям и только и мечтаем, что о возвращении большевиков. Это — бесстыдная ложь! Мы, все мы, молимся о победе над большевизмом, об освобождении Церкви и Родины от коммунистического ига, о даровании сил на борьбу с ним, о благословении тем, кто на эту борьбу идет. И мы верим в нашу победу, верим, что Господь смилостивится над народом российским и над народами, идущими на помощь ему, верим, что большевизм будет сокрушен, человечество будет от него спасено и Церковь Божия восстанет в России к новой, свободной и радостной жизни.

Сергий

Митрополит Литовский и Виленский
Патриарший Экзарх Латвии и Эстонии

14 мая 1943 г.,
Рига.

(Подпись)

№ 9

**МЕМОРАНДУМ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ
В ВЕДОМСТВО РЕЙХСКОМИССАРА ОСТЛАНДА
О РЕЛИГИОЗНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ ВОЙСК
ГЕНЕРАЛА А. А. ВЛАСОВА¹**

Рига, май 1943 г.

Протоиерей Зайц, руководитель подчиненной мне Православной Миссии на территории группы армий «Север», сообщил мне в письме № 490 от 17 мая этого года следующее: 16 мая в Пскове появились полковник князь Голицын, капитан Бурмистров и архимандрит Гермоген, которые якобы были посланы штабом генерала Власова; они посетили руководителя Миссии, чтобы справиться о работе последнего и о религиозных убеждениях народа; они будут пребывать на территории группы армий «Север» пару недель, посещая различные населенные пункты этой местности; архимандрит Гермоген, бывший секретарь Берлинского митрополита Серафима, будто бы назначен главным руководителем (протопресвитером) православного клира в войсках Власова; вместе с Берлинским митрополитом архимандрит Гермоген состоит в юрисдикции так называемого Карловацкого Архиерейского Синода, что он определенно и заявил, отвечая на поставленный руководителем Миссии вопрос; он желал во время своей поездки попутно познакомиться с отдельными приходскими священниками.

---

¹ Власов Андрей Андреевич (1900–01.08.1946), советский генерал-лейтенант. Учился в Нижегородской духовной семинарии. С мая 1920 г. служил в Красной Армии. В 1941 г. командовал 37-й армией под Киевом и 20-й армией под Москвой. С 9 марта 1942 г. — заместитель командующего Волховским фронтом и с 16 апреля 1942 г. — командующий 2-й ударной армией. 13 июля 1942 г. взят в плен. Согласился сотрудничать с вермахтом и возглавил русское антисталинское движение. С 1944 г. — председатель Комитета освобождения народов России, создатель и главнокомандующий Русской освободительной армией. 12 мая 1945 г. арестован советскими войсками. Приговорен к смертной казни и повешен в Москве.

Карловацкий Архиерейский Синод представляет церковную эмигрантскую организацию, которая с нарушением канонического права откололась от Церкви России. Политически этот схизматический Синод всегда выступал за основанную на принципе монархического легитимизма реставрацию династии Романовых.

Принимая во внимание принадлежность архимандрита Гермогена к схизматической церковной организации и далеко идущие цели его поездки, ради предосторожности я дал руководителю Миссии указания: 1) напомнить подчиненным ему клирикам о том, что они не могут совершать богослужений совместно с раскольниками, в данном случае с архимандритом Гермогеном и 2) дать понять архимандриту Гермогену, чтобы он не пытался предпринимать попыток совершать богослужения для власовских частей и военнопленных в церквях, находящихся в ведении управления Миссии¹.

В этой связи необходимо напомнить, что архимандрит Гермоген по непреложному церковному уставу обязан во время богослужения молиться за начальствующих над ним архиереев с упоминанием их почетных титулов, таким образом, за митрополита Берлинского Серафима и за митрополита Анастасия, который является председателем Архиерейского Синода. Произнесение этих имен и титулов неизбежно в высшей степени нежелательным образом взволнует православных в крае и сразу же будет использовано большевистскими элементами в своем духе. Помимо учета конфессиональных особенностей, которые связаны с юрисдикционным вопросом, данный факт к тому же будет иметь особенно неблагоприятные политические последствия, что в этом случае прямо касается Берлинского митрополита. Ведь большевистские агенты и их сторонники постоянно пытаются убедить народ, что Миссия является замаскированной немецкой организацией, что немцы вообще намереваются руководить Русской Православной Церковью из Берлина, и ее, недолго думая, заклеят «Германской Церковью», исказят Православие и этим сломают основной устой русского национального сознания; при этом будут указывать, что Православная Церковь должна искать свое благополучие только под сильной защитой действительно патриотического

---

¹ Позиция митрополита Сергия оказала сильное воздействие на архимандрита Гермогена (Кивачука), и тот 5 июля 1943 г., будучи в Пскове, письменно обратился к Владыке с просьбой принять его «в лоно Матери-Церкви», т. е. Московской Патриархии (ВА, R5101/22183, Вл. 124).

советского правительства. Подозрительное по отношению к немцам и культурно отсталое население чувствует себя довольно неустойчиво в отношении этой лживой большевистской пропаганды, тем более что последнюю теперь также распространяют партизаны, которые стараются изобразить себя дружественными по отношению к Церкви патриотами. Если при данных обстоятельствах необходимо будет молиться в церквях за Берлинского митрополита, даже если и в отдельных исключительных случаях, то этим будет прямо-таки губительным образом затруднена борьба с большевистской пропагандой в церковной области.

С этой точки зрения признание канонической юрисдикции Московского Патриаршего престола для занятой русской территории выглядит не только церковно единственно правильным, но и политически целесообразным решением юрисдикционной проблемы. При этом необходимо особенно обратить внимание на следующее:

1) Епархии по эту сторону фронта на основе известного декрета патриарха Тихона автономны, пока они не могут иметь регулярных связей с Московским Патриаршим престолом. Таким образом, в административном отношении признание юрисдикции Патриаршего престола чисто номинальное, — если последний однажды попытается передать по радио или еще как-нибудь направить на занятую территорию свой указ, то по закону он был бы для упомянутых автономных епархий недействителен.

2) В отличие от Папы глава Православной Церкви имеет канонический авторитет только в догматических и канонических вопросах; его высказывания относительно других, в том числе и политических вопросов не авторитетны и не связывают канонически подчиненных ему клириков и мирян. Итак, признание его канонической юрисдикции не является препятствием для направленной против него политической полемики. Это право, помимо других, против Московского митрополита широко применял и я.

3) В моей полемике я всегда утверждал, что политические высказывания Московского митрополита были навязаны ему большевиками. Только эта точка зрения может убедительно воздействовать, так как в противном случае необходимо признать, что большевики действительно коренным образом изменили свою церковную политику, как это старается изобразить их пропаганда на занятой территории и особенно в англосаксонских и нейтральных странах; но из этого

тогда следует, что Православная Церковь России в этой войне свободна, и, исходя из своих собственных убеждений, выступает на стороне Советского Союза; такое понимание само собой понятно чрезвычайно увеличит силу воздействия политических прокламаций Московского митрополита и облегчит большевикам их игру. Но если утверждать, что Церковь в Советском Союзе угнетена и ее голос искажен большевиками, — а это по моему убеждению в действительности соответствует истине, то из этого можно только сделать заключение, что для православных является священным долгом бороться за освобождение их Церкви, но ни в коем случае, что это дает православным право на уход их из Церкви в раскол. Скорее можно было бы оправдать раскол, если бы Церковь добровольно встала на сторону атеистического большевизма.

4) В своих сделанных политических высказываниях Московский митрополит никогда не призывает к борьбе за большевизм, а всегда только к борьбе за Отчизну и за Церковь. Чтобы убедительно противодействовать его политическим прокламациям недостаточно указывать на то, что он своей верностью фактически поддерживает господство большевиков, но необходимо убедительно разъяснить, что борьбу русских за свободу своей Отчизны и борьбу православных за свободу своей Церкви можно вести только на стороне немцев. На условиях, при которых русские могли бы участвовать в борьбе за свою Отчизну против Советского Союза, я не хотел бы здесь останавливаться; это чисто политический вопрос, от целесообразного решения которого зависит успех акции Власова. Но я хотел бы подчеркнуть, что охват православных с целью их включения в борьбу за Церковь произойдет успешно только при условии, что Церковь на занятой территории избежит внешнего вида схизмы с Матерью-Церковью. В противном случае православные по эту и ту стороны фронта никогда не могут быть убеждены в том, что немцы действительно не нарушат свободу Церкви, не разобьют ее на якобы автокефальные, а в действительности схизматические части и, в случае немецкой победы, Церкви не грозит уничтожение ее канонически законной иерархии, чьими представителями в настоящее время являются Местоблюститель Патриаршего престола и подчиненные ему юрисдикционно архиереи. Всякая неясность в этом деле увеличивает силу воздействия политических прокламаций, которые исходят от Московского митрополита и ослабляют вплоть до полной потери какого-либо

значения контрпрокламации, которые выпускают отдельные архиереи или отдельные группы архиереев на занятой территории. Если не признавать канонической свободы архиерея, то больше не будут верить его словам. И если еще при этом появится предположение, что он призывает к борьбе против Советского Союза не в церковных и не в русских, а в сущности в германских интересах, то он пропал, — его клеймят трусом и предателем.

По приведенным причинам я убежден, что каноническая юрисдикция Московского Патриаршего престола на занятой территории имеет значение не только с церковной, но и с военно-политической и, особенно, пропагандистской точек зрения. Связанная с резко высказанным непризнанием церковным руководством на этой территории политической позиции Патриаршего престола она является единственно правильным решением обсуждаемой проблемы. Последовательное осуществление этой точки зрения делает неотложной задачей организационной унификации Православной Церкви на занятой территории. На деталях подобного рода организации, которая, принимая во внимание различия местных, частично национально обусловленных отношений, конечно, была бы оформлена в очень эластичной форме, я не хотел бы здесь далее останавливаться. Однако важно, чтобы на занятой территории Московскому церковному органу власти противостоял бы канонически безупречный и политически не менее действенный церковный орган власти. Тогда в церковной области пропагандистское сражение безусловно могло бы быть вскоре выиграно, — как по ту и по эту стороны Восточного фронта, так и в англосаксонских и нейтральных странах.

Кроме того, упомянутое центральное церковное ведомство взяло бы на себя также обслуживание власовских войск. Является роковой ошибкой поручать обслуживание этих войск схизматической, тем более находящейся в Берлине, церковной организации. Это прямо следует из вышеизложенного. Как Русской освободительной армией не руководит генерал-эмигрант, так и духовенство этой армии также не должен возглавлять архиерей-эмигрант. Иначе эта армия утратит свою рекламную силу по эту и ту стороны фронта и закономерно погибнет от разлагающей агитации большевиков. Что касается Православной Церкви России, то освободительная армия должна обещать ей как раз освобождение, а не завоевание схизматиками. Иначе эта армия едва ли может победить.

Чтобы обеспечить Церкви порядок и спокойствие также и в послевоенное время и предотвратить обусловленный оппозицией схизматического епископата раскол на несколько, борющихся между собой сект, что чрезвычайно запутает религиозные отношения в России, еще больше ослабит уже и без того ослабленную Церковь и, вероятно, пойдет на пользу только атеизму с одной стороны и католической прозелитистской пропаганде с другой, просто необходимо обеспечить в Церкви России принципиальное продолжение существования канонически законной иерархии. Но это вовсе не значит, что архиереи, относительно которых будет доказано, что они служили большевикам, не потеряют свою должность и сан. Для обеспечения канонической законности будущего церковного руководства в России было бы лучше всего позаботиться о создании на занятых территориях упомянутого центрального церковного ведомства. Тогда объединенные этим центральным учреждением архиереи могли бы с продвижением фронта воссоединять других епископов. После войны данное временное центральное ведомство могло бы подобающим образом приступить к окончательному урегулированию церковных отношений.

Но этим вовсе не сказано, что Церковь России и после войны непременно должна сохранить свое единство. Ее структура должна быть приспособлена к политическим отношениям послевоенного времени. Ведь Церковь сама заинтересована в том, чтобы политическое руководство имело доверие к ее руководству, но это доверие обычно отсутствует, если церковное руководство находится вне соответствующего государства. Итак, с церковной стороны не может быть выдвинуто возражений против создания автокефальных Церквей на территории прежде единой Матери-Церкви, в случае если это создание будет соответствовать вновь возникшим политическим отношениям. Но с одной стороны будущие политические отношения пока еще неясны, так что было бы осмотрительнее не предрешать еще идущее в этой связи развитие. А с другой стороны, упомянутые автокефалии не могут возникать самовольно, они должны быть созданы при условии строжайшего выполнения канонически предусмотренного образа действия, именно поэтому они не будут схизматическими; это не только правильно конфессионально, но и целесообразно политически.

Таким образом, центральное церковное ведомство задумано лишь как временная мера для военного времени. Создание такого органа

с моей точки зрения желательно, даже если акция Власова не должна получить развитие; если же эта акция действительно когда-нибудь получит развитие, то отсутствие центрального церковного ведомства на занятой территории окажется очень сильным препятствием для успешного прохождения данной акции. Именно в войну необходимо сохранять единство, чтобы бить врага сжатым кулаком, а не растопыренными пальцами¹.

Экзарх (митрополит Сергей)
Начальник канцелярии И. Гримм

IfZ, MA 794, Bl. 826–829. Копия².

Опубл.: Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов (сборник документов). С. 251–257.

---

¹ Предложение митрополита Сергея не было принято германским руководством.

² Документ переведен с немецкого М. В. Шкаровским.

№ 10

**ОТНОШЕНИЕ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ
(ВОСКРЕСЕНСКОГО) О ДЕЙСТВИЯХ ПАРТИЗАН
ПО ОТНОШЕНИЮ К ЦЕРКВИ ОТ 18 ИЮНЯ 1943 г.**

Православная Церковь
Митрополит Литовский
Экзарх Латвии и Эстонии

18 июня 1943 г.

№ 215/3 — VII

Рига, Кр. Баронс ул., 126

Доверительно

Господину Рейхскомиссару Остланда

Отдел политики

Отн.: Действия партизан в отношении Церкви.

В дополнении к моим письмам от 19 марта и 30 апреля этого года под тем же номером.

Начальник Миссии сообщил в письме от 16 июня этого года № 801 на имя Его Высокопреосвященства Экзарха, что несколько священников Миссии, а именно священник Иоанн Оглоблин (приход Русски, Псковский район), иеромонах Амфилохий (Палицы, Новосельский район), иеромонах Геннадий (Бродовичи, Порховский район), — имели контакты с партизанами. Пять раз ночью появлялись партизаны в доме священника Оглоблина; они его полностью ограбили, но лично не нападали. Партизаны появились также у иеромонаха Амфилохия, насмеялись над ним, но также не нападали и, по-видимому, и не ограбили, по крайней мере, он на это не жаловался. Иеромонах Геннадий сообщил начальнику Миссии, что его жизнь несколько раз находилась в опасности, которая угрожала ему со стороны партизан, и поэтому убежал в Порхов, однако он не привел никаких подробностей, и таким образом остаются сомнения, действительно ли партизаны угрожали ему смертью, или он эту опасность лишь вообразил (что могло бы помешать партизанам убить попавшего в их руки священника, если бы они действительно хотели это сделать)? Все священники, понятным делом, имеют перед партизанами большой страх, так как они, само собой разумеется, не могут доверять якобы враждебной по отношению к Церкви позиции последних, и постоянно слышат об ужасных делах, совершаемых партизанскими бандами. Священники также терроризированы этими бандами, как и все остальное население.

Отправленный в Миссию из Латвии священник Георгий Тайлов (Печане, Новоржевский район) 28 апреля послал начальнику Миссии сообщение, которое поступило к Его Высокопреосвященству Экзарху лишь в конце мая. Он сообщил, что партизаны в начале апреля заняли Врев¹; они распорядились, что при погребении на кладбище могут присутствовать не более пяти человек за один раз; священник Тайлов не отважился ездить для совершения богослужений во Врев.

Далее священник Тайлов сообщил о допросе, которому партизаны подвергли иеромонаха Иосифа (об этом допросе я уже подробно сообщал в своем письме от 30 апреля)², и при этом привел следующие подробности, которые мне раньше не были известны.

Допрос был проведен командиром и комиссаром соответствующего партизанского отряда. Они особенно интересовались тем, сколько священников было послано из Экзархата в Миссию, произносили ли они и какие проповеди против Советов, были ли проведены и какие нововведения, нарушающие православный церковный порядок. Они указали на то, что является не каноничным назначать священника в два или более прихода. Когда они потребовали от иеромонаха письменно попросить Московского митрополита о назначении в первый окормляемый приход, они сказали ему, что последний [Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей] является сейчас членом Советского правительства. Наконец, они потребовали от иеромонаха провести в церкви во время богослужения сбор средств на Красную армию. После освобождения иеромонаху пришлось отпеть 18 человек, которые были убиты партизанами.

В заключение священник Тайлов сообщил, что партизаны на страстной неделе в субботу, когда он совершал в церкви богослужение, появились в Печане. Они просили его не прерывать богослужение и также купили церковные свечи, для того чтобы поставить их перед иконами. Потом, в отсутствие священника в его квартире появился лейтенант партизанского отряда. Он сожалел, что не застал священника, просил передать привет и разрешил ему в дальнейшем оставаться в его квартире и совершать в церкви богослужения, но при этом сделал оговорку, что священник непременно должен молиться о

---

¹ Таким образом, Экзарх сообщает о событиях двухмесячной давности, что не имеет для немцев никакой оперативной ценности.

² Это письмо в архиве отсутствует.

Московском митрополите и в своих проповедях ни в коем случае не касаться политических тем. Священник действительно в последующие дни совершал богослужения, но число посетителей церкви при этом было очень мало, даже в Пасхальную ночь. Среди присутствовавших в церкви вообще не имелось мужчин. Население было полностью терроризировано партизанами, которые каждую ночь грабили и насильно уводили людей и скот. В этой ситуации священник оказался не в состоянии оставаться на своем посту и с семьей убежал в Остров.

Шеф канцелярии

Подпись

IfZ, MA 795, Bl. 1424–1425. Копия¹.

---

¹ Документ переведен с немецкого М.В. Шкаровским.

№ 11

«ЗАВЕЩАНИЕ» МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ
(ВОСКРЕСЕНСКОГО)*Рига, 29 октября 1943 г.*

Сообразуясь с постановлением Архиерейского Совещания в Псково-Печерском Успенском Монастыре 29–30 августа 1943 г. об обеспечении преемства в управлении Экзархатом постановляю, что в случае моей смерти, а равно в случае утраты мною, вследствие тяжелой болезни или иной причины, возможности управлять Экзархатом, управление таковым поручается моему заместителю, призываемому к исправлению сей должности в порядке ниже перечисленных кандидатур и обязанному, как только откроется к тому невозбранная возможность, представить на усмотрение Патриархии доклад о делах и всей жизни Экзархата.

1-й кандидат — Даниил, епископ Ковенский, который при вступлении в должность заместителя Экзарха приемлет сан архиепископа Ковенского и одновременно вступает в должность временно управляющего Литовской епархией.

2-й кандидат — Иоанн, епископ Рижский, который при вступлении в должность заместителя Экзарха приемлет сан архиепископа Рижского.

3-й кандидат — Павел, архиепископ Нарвский.

Смиренный Сергей, митрополит Литовский и Виленский,
Патриарший Экзарх Латвии и Эстонии.

Сообщения и распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима митрополита Средне-Европейского митрополичьего округа.

Берлин. Август 1944. С. 2–3.

№ 12

**СООБЩЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО
ПОЛИЦИЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ И СД В ОСТЛАНДЕ
В ОТДЕЛ ПОЛИТИКИ ПРИ РЕЙХСКОМИССАРЕ ОСТЛАНДА
«ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЭКЗАРХА СЕРГИЯ (ВОСКРЕСЕНСКОГО)
О БОЛЬШЕВИЗМЕ»**

Рига, 29 ноября 1943 г.

Большевизм, по мнению Сергея, не представляет собой чисто русского явления, и вырос не из русского корня. Большевизм является навязанным России извне экспериментом демократических цивилизаций Европы или еще короче европейским еврейством, так как евреи задавали тон в демократии. При этом он понимает идею демократии в основном мировоззренчески. Демократия, под которой он, вероятно, подразумевает либерализм и просвещение, и большевизм являются только разными сторонами секуляризации жизни, и обе характеризуются безрелигиозностью. Но это совершенно чуждо настоящим русским, поскольку большевизм представляет собой порождение европеизации. Как мало большевизм соответствует русской душе видно из того, что из 180 млн. жителей Советского Союза только 4 млн. являются членами партии, из которых как минимум две трети составляют управляемые формально числящиеся товарищи без всяких убеждений. Но, само собой разумеется, кое что в большевизме русским понравилось. Он стал восстанием черни против асоциальной царской системы, в которой многое было не в порядке. Русские также преобразовали большевизм соответственно своей сущности. Большевизм является извращенным феноменом религиозной жизни, так как он основывается на вере. Большевистский атеизм — фанатичная вера в несуществование Бога, это — негативная форма религиозности. Большевистская партия в России является сатанинским суррогатом Церкви. Например, партийный еретик в Советском Союзе должен приносить публичное покаяние. Универсальность православного панславизма сменилась коммунистическим интернационалом. События

нынешней войны показывают, что большой эксперимент в России не удался, так как русского человека все же не удалось переделать. Это продолжает развиваться. Под натиском русской души началась дегенерация большевизма. В ходе этой войны большевизм должен был капитулировать перед русской душой, так как иначе большевизм вообще не мог бы дальше вести войну. Большевики разрушают свое собственное дело тем, что они, как сейчас, отрекаются от своих принципов. Обманом в их идеологии, например, является церковная политика или выставление напоказ национально-русского фактора. В силу нынешнего положения им не остается другого выхода, большевики должны таким образом лгать, если они вообще хотят остаться у власти. Если Сталин однажды возьмет назад все сделанные русской душе уступки, это приведет к революции в России. Если в русских разбудить зверя, с ним будет не справиться. В большевистской России уже в 1941 г. произошла бы революция, если бы немцы проводили другую восточную политику. Шофер-перебежчик рассказывал ему [митрополиту Сергию], что Москва, когда вблизи нее стояли немцы, 3 дня была в руках восставших, к которым присоединилась и часть Красной армии. Тогда в Москве происходила большая резня евреев. Тогда, для подавления восставших, пришлось перебросить в Москву большевистский латышский полк из Вязьмы¹. Впрочем, будущая форма правления в России зависит от того какая часть населения окажется лишней. Молодежь в России монархию не воспринимает. Таким образом, если будет решать молодежь, она даст диктатуру или демократию. Если не будет исключена роль старшего поколения, было бы возможно перейти к монархии. При этом он [митр. Сергий] не высказал своей точки зрения, что является более вероятным. Ему самому конституционная монархия кажется предпочтительной².

ВА, R6/178, Вл. 81–82. Копия³.

---

¹ Описываемые митрополитом Сергием события далеки от действительно происходивших, вероятно, он сознательно дезинформировал немцев.

² Письмо по поручению командующего подписано штурмбаннфюрером СС Хинце и адресовано лично начальнику отдела политики регирунгсрату (правительственному советнику) Трампедаху.

³ Документ переведен с немецкого М. В. Шкаровским.

№ 13

**СООБЩЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО
ПОЛИЦИЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ И СД В ОСТЛАНДЕ
В ОТДЕЛ ПОЛИТИКИ ПРИ РЕЙХСКОМИССАРЕ ОСТЛАНДА
«ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЭКЗАРХА СЕРГИЯ (ВОСКРЕСЕНСКОГО)
ОТНОСИТЕЛЬНО ВЕНСКОЙ РЕЗОЛЮЦИИ
ПРОТИВ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХА»¹**

Рига, 30 ноября 1943 г.

«Немецкая газета в Остланде» от 03.11.1943 г. опубликовала статью «Ответ Сталину» о Венской резолюции против выборов Московского Патриарха². Экзарх Сергей (Воскресенский) высказался по этому поводу следующим образом:

Хотя он приветствует политическую сторону Венской резолюции, но не может согласиться с каноническим осуждением московского события. Впрочем, из сообщения ежедневной прессы не ясно, исходя из чего, Венская архиерейская конференция оспаривает выборы Московского Патриарха. Лишь если в листке сообщений Берлинского митрополита³ будет опубликован полный текст Венской резолюции, можно будет высказать окончательное мнение. Впрочем, экзарх Сергей просит, если возможно, у местных официальных органов точный текст московского постановления. Если ему его представят, и он сможет точно убедиться, что в Москве произошло нечто канонически неправильное (во что он не верит), он сам на основе канонов выскажет мнение против Москвы. Венская декларация подписана только

¹ Письмо по поручению командующего подписано штурмбаннфюрером СС Хинце и адресовано министералрату (министерскому советнику) Бурмейстеру.

² Речь идет о состоявшемся 8–13 октября в Вене совещании духовенства Зарубежной Русской Церкви, признавшем избрание Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергея (Страгородского) неканоничным.

³ Имеется в виду периодическое издание «Постановления и распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, митрополита Берлинского и Германского и Среднеевропейского митрополичьего округа», выходившие в Берлине в 1942–1944 гг.

схизматическим Карловацким архиереем Анастасием¹ или, вернее, главным образом находящимися в его юрисдикции архиереями Берлинской митрополии. Люди, которые далеки от Церкви, могли бы запротестовать против вводящего в заблуждение названия газетного сообщения «Глава Русской Православной Церкви против своего руководства в Москве». Но этого совершенно не было. В результате того, что они [архиереи РПЦЗ] покинули московскую юрисдикцию и предпочли удобное зарубежное существование, они больше не имеют права в канонической форме судить о внутрirosсийских вопросах. Это, к примеру, точно также как если бы кто-нибудь вышел из национал-социалистической партии и потом хотел принимать решения о назначении на посты внутри партии. Причина, почему немцы придерживаются канонического обоснования, заключается в следующем очевидном ходе мыслей германской пропаганды. Сталин злодей, он нарушает даже канонические определения. Но злодеем является и сам Московский Сергей. Германская пропаганда также хотела нанести удар Московскому Патриарху, так как он издает политические воззвания против немецких «фашистов». Его хотели поразить церковно и представить в качестве злодея, как политическую фигуру, которая служит большевикам. Если бы это было так, то дело бы оказалось верным. Но негодные средства привели к неудаче. Почему с немецкой стороны так много говорят об этом деле? Где в нем должен быть достигнут пропагандистский эффект? Все же не в Германии! В Англии и Америке в любом случае понимают политический фон московских выборов Патриарха, так как в первую очередь англиканский архиепископ Йоркский, многие годы поддерживавший тесные связи с Зарубежной Церковью, разъясняет там малозначительность канонических вопросов. Для России дело не имеет смысла. Там над этим станут смеяться, и дело будет только служить большевистской пропаганде, потому что большевики представят его таким образом, что епископы-эмигранты полностью являются безвольным орудием германской пропаганды. Нечто иное произошло бы, если бы можно было склонить ближневосточных Патриархов к соответствующим заявлениям. Но если другие Патриархи признают московские выборы Патриарха, тогда канонический вопрос будет ясен. И можно пред-

¹ Председателем Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей митрополитом Анастасием (Грибановским).

полагать, что Патриархи признают законность московских выборов. Так акция в итоге будет использована во вред немцам. Для государства использование канонических определений вообще является странным. Выглядит комично, когда государство выступает ходатаем за каноническое право. Это, вероятно, произошло под влиянием архиереев Карловацкой юрисдикции, которые составляют в Германии большинство.

Если они [архиереи РПЦЗ] хотели канонически обосновать непризнание московских выборов Патриарха, то они и должны были сделать это, но никого другого к тому же не принуждать, так как точка зрения в каноническом вопросе не является мерой политической благонадежности. Если для германского государства неприкосновенность церковного права является главным делом, тогда оно, например, не должно оказывать покровительство тем, кто нарушает каноническое право в Белоруссии и на Украине.

Со стороны государства не имеет смысла возмущаться против того, что образ действия был неканоничным, если принимавшие решения церковные инстанции не считают его неканоничным. Оно само не может назвать это обманом, если оно не предъявит когда-нибудь текст московского постановления. Трюк большевиков является значительно большим, если они вынуждены были провести в Москве все канонически правильно. Неверно, что большевизм настолько силен, чтобы охватывать собой и Церковь. Русские сказали бы, будто немцы хотят убедить их в том, что Церковь идет одним путем с Советами. Это было бы доказательством, что немцы ничего не понимают. Они являлись бы врагами России, так как были бы против Церкви. Во всяком случае, этим нельзя было бы опровергнуть большевистские листовки Московского Патриарха. Такой пропагандой немцы не прибавили бы себе в России друзей. По мнению экзарха Сергия имело бы смысл начать всю акцию его воззванием и представить выборы Московского Патриарха в качестве симптома слабости большевиков. Следует отметить, что когда был распущен Коминтерн (это также являлось признаком большевистской слабости, и большевики были вынуждены так поступить), это не было в достаточной степени пропагандистски использовано. То, что все это является большевистскими трюками ясно и без доказательств.

Московского Патриарха необходимо разыграть против Сталина. В пропаганде против большевизма следует подчеркнуть, что Советы

сейчас вынуждены даже признать главу Церкви, который является представителем и символом антисоветизма. Ясно, что это делается неискренне. Это означает банкротство большевизма, так как он в своем отступлении вынужден прийти до признания Бога и «Церкви». По словам экзарха Сергия, это дело должно быть пропагандистски использовано германской стороной.

Я прошу сообщить, известны ли подробности проведения выборов Патриарха в Москве, в какой форме они состоялись, когда, сколько и какие церковные круги выбирали. Согласно вышеназванной статье Патриарха выбирали 17 архиереев, согласно телеграмме рейхскомиссара Украины только 7. По моему представлению их было 30. Итак, это число также различается¹.

ВА, R6/178, Вл. 83–85. Копия².

---

¹ 8 сентября 1943 г. на Архиерейском Соборе в Москве Патриарха избрали 19 иерархов.

² Документ переведен с немецкого М. В. Шкаровским.

№ 14**УКАЗ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ № 124/2
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
МИССИИ В ЛИТВЕ**

Рига, 17 февраля 1944 г.

1. В Литовской Епархии учреждается Внутренняя Миссия, задача которой состоит в обслуживании духовных нужд беженцев, имеющих пребывание в Литовском Генеральном Округе, а также в заботе об их религиозно-нравственном воспитании.

2. Во исполнение своих задач Миссия заботится о совершении общественных богослужений для беженцев, об исправлении для них треб, о преподавании им Слова Божия, о преподавании им Закона Божия, об устройстве религиозно-нравственных собеседований с ними и чтений.

3. Миссией управляет Епархиальный Архиерей при содействии назначенного им Руководителя Миссии ¹.

4. Миссионерами состоят назначенные Епархиальным Архиереем священно- и церковнослужители.

5. Миссионеры назначаются преимущественно из числа беженцев; они числятся приписными священно- и церковнослужителями при указанных Епархиальными Архиереями храмах.

6. Руководителем Миссии назначается миссионер, имеющий сан Протоиерея или Иерея; в отношении прочих миссионеров он имеет права Благочинного.

7. При Руководителе Миссии состоит назначенный Епархиальным Архиереем Диакон или Псаломщик, сопутствующий ему в разъездах и исполняющий при нем канцелярскую работу.

---

¹ Начальником Внутренней Миссии был назначен протопресвитер Кирилл Зайц.

8. Руководитель Миссии имеет жительство и канцелярию в указанном Епархиальным Архиереем месте; ему присваивается служебная печать с надписью: «Митрополит Литовский и Виленский, — Внутренняя Миссия».

9. Руководитель Миссии непосредственно подчиняется Епархиальному Архиерею, которому и представляет свои доклады и отчеты; указаний от Епархиального Совета Руководитель Миссии не получает.

10. Посредством сношений с подлежащими властями Руководитель Миссии выясняет места поселения и скопления беженцев и испрашивает предоставление помещений, в которых могли бы, по возможности регулярно, совершаться богослужения для них.

11. Руководитель Миссии посещает в пределах Литовского Генерального округа все места поселения беженцев для организации и контроля миссионерской работы и для совершения богослужений.

12. Среди беженцев Руководитель Миссии разыскивает священно- и церковнослужителей, а также мирян, имевших в местах прежнего своего жительства попечение о храмах, церковном имуществе и церковных суммах; он инвентаризует привезенное беженцами церковное имущество и принимает привезенные ими церковные суммы, немедленно препровождая инвентарные описи и приемочные акты Епархиальному Архиерею.

13. Привезенные беженцами богослужебные предметы, иконы, книги, облачения и пр. Епархиальный архиерей назначает либо к пользованию при совершаемых для беженцев богослужениях либо к хранению в храмах Епархии.

14. Привезенные беженцами церковные суммы поступают в фонд Миссии, находящийся в распоряжении Епархиального архиерея; в этот фонд поступают также назначенные Епархиальным архиереем процентные отчисления от дохода монастырей и храмов Епархии, а равно добровольные пожертвования на нужды Миссии, поступающие от назначенных Епархиальным архиереем кружечных сборов и из других источников.

15. Из фонда Миссии покрываются ее расходы, и выплачивается ежемесячное содержание миссионеров, размер коего определяется Епархиальным архиереем.

16. Фондом Миссии заведует уполномоченное на то Епархиальным архиереем и непосредственно ему подчиненное лицо.

17. Обнаруженные среди беженцев священно- и церковнослужители поступают в распоряжение Епархиального архиерея, который достойных сего назначает миссионерами.

18. Беженцы, состоящие священно- и церковнослужителями, не имеют права совершать священнодействия и прислуживать при совершении таковых, не получив на то предварительно благословения от Епархиального архиерея и назначения либо в Миссию либо в один из приходов епархии.

19. Районы действия и места жительства миссионеров определяются Епархиальным архиереем по представлению Руководителя Миссии; миссионер посещает места поселения беженцев в пределах назначенного ему района.

20. Миссионеры действуют там, где нет православных храмов или где местный приходской причт, по причине большого скопления беженцев, не имеет возможности собственными силами удовлетворять их духовные нужды.

21. Там, где местный приходской причт имеет возможность собственными силами удовлетворять духовные нужды беженцев, на него, по предварительному соглашению между Руководителем Миссии и местным Благочинным и с последующего благословения Епархиального архиерея, возлагается эта задача.

22. Руководитель Миссии посещает приходы, причтом которых обслуживаются духовные нужды беженцев, и проверяет дело этого обслуживания; не имея права давать приходскому причту распоряжения, Руководитель Миссии, для устранения замеченных им недочетов, обращает на таковые внимание причтов, а если потребуется, то и подлежащего Благочинного; при безуспешности таких сношений Руководитель Миссии докладывает о замеченном и случившемся Епархиальному архиерею.

23. Пререкания Руководителя Миссии с приходскими причтами, благочинными и Епархиальным Советом поступают на разрешение Епархиального архиерея.

Распоряжения и сообщения Высокопреосвященнейшего Сергия, митрополита Литовского и Виленского, Экзарха Латвии и Эстонии.

Рига. 1944. № 2. С. 5–7.

№ 15

**МЕМОРАНДУМ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ
РЕЙХСКОМИССАРУ ОСТЛАНДА Х. ЛОЗЕ
О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ МИТРОПОЛИТА
ЛЕНИНГРАДСКОГО АЛЕКСИЯ (СИМАНСКОГО)¹**

Рига, 25 марта 1944 г.

Митрополит Ленинградский Алексей всегда был врагом большевиков. В 1941 г. он надеялся, что немцы скоро займут Ленинград, но опасался, что в связи с этим большевики в ходе эвакуации вывезут его в Москву или вглубь страны. Поэтому он принял решение переселиться из Ленинграда в Сиверскую, где он имел дачу, чтобы таким образом по возможности скорее встретить немцев. Со своим багажом и с поручением привести дом в порядок он послал в Сиверскую своего друга и келейника архимандрита Серафима (Проценко), которому действительно удалось приехать в Сиверскую. После того как Сиверская вскоре после этого была занята немцами архимандрит Серафим, который сообщил экзарху указанные сведения о митрополите Алексии, подчинился Управлению Миссии в Пскове, служил священником в Вырице и был, после эвакуации этой местности, принят священником в Русскую освободительную армию (номер полевой почты 13801Ц)². Немного позднее, чем архимандрит Серафим, по эту сторону фронта появился протодиакон Феодор Юдин, который пребывал при епископе Николае в Петергофе³, часто приезжал в Ленинград и мог поддерживать сношения с митропо-

¹ Некоторые ошибки (или намеренное искажение фактов) в этом документе свидетельствуют, что Экзарх, дезинформируя немцев, возможно, стремился таким образом сохранить на оккупированной территории Ленинградской области уже запрещенное к тому времени поминовение митрополита Алексия.

² Митрополит Сергей, вероятно сознательно, смешивает биографические данные двух разных людей: келейника митрополита Алексия архимандрита Серафима (Емельянова), который служил с мая 1942 г. настоятелем Троицкой церкви в Сиверской до своей смерти 7 февраля 1943 г., и архимандрита Серафима (Проценко), служившего в храмах Вырицы с лета 1941 до начала 1944 г.

³ Речь идет об архиепископе Петергофском Николае (Ярушевиче), в годы войны митрополите Киевском.

литом Алексием. Он также вошел в подчинение Управлению Миссии, служил священнослужителем в Гдове и затем в ходе эвакуации прибыл в Нарву, а затем в Ревель, где вероятно находится и сейчас. Он рассказал, что митрополит Алексей, вскоре после отъезда архимандрита Серафима в Сиверскую, достал туда билет и сел в поезд, однако железнодорожный участок Ленинград-Сиверская в результате удачного воздушного налета был закрыт, поезд не тронулся с места, и митрополит почти два дня сидел в вагоне в надежде, что ему все же удастся поехать в Сиверскую — от этой надежды он должен был, наконец, со слезами отказаться.

Недавно протоиерей Петр Кудринский в ходе эвакуации из Рождествено (Гатчинский район), где он служил в качестве подчиненного Управлению Миссии священнослужителя, приехал в Ригу и потом в Либаву (Рижская ул., д. 53, кв. 1), где он сейчас находится, назначенный туда. Прибыв в Ригу, он и другие рассказывали, что Кудринский в августе 1943 г. получил косвенное известие о митрополите Алексии. Но так как он в свое время, к сожалению, ничего не сообщил об этом Его Высокопреосвященству экзарху, то от него теперь потребовали представить письменный доклад. В его нижеследующем, переведенном на немецкий язык докладе говорится:

«В Рождествено, где я до эвакуации служил священником, существовало четыре лагеря пленных — особые для военнопленных, для гражданских пленных, для перебежчиков и для больных. Я обслуживал все четыре лагеря. Каждое воскресенье я совершал богослужение в одном из лагерей по очереди. Помимо этого я мог в любое время посещать лагерь и при известных условиях разговаривать с пленными с глазу на глаз.

Во время одного из посещений лагеря для перебежчиков один человек попросил меня о конфиденциальных переговорах, и я выполнил эту просьбу. После этого он представился мне как Михаил Николаевич Воронин, диакон при митрополите Алексии¹. Он рассказал мне, что когда его в марте 1943 г. призвали в Красную армию, он перебежал к немцам, поскольку ему, как духовному лицу, Церковь запрещает сражаться с оружием в руках и проливать кровь.

Хотя я, сперва, воспринял его объяснение с недоверием, так как должен был опасаться увидеть перед собой мошенника, все же, несмотря на это, я пригласил его в следующее воскресенье присутствовать на

---

¹ Никаких других сведений о существовании такого диакона в блокадном Ленинграде найти не удалось

богослужении в моей церкви и после совершения обедни посетить меня в моем домике. Когда он потом действительно пришел в церковь и затем ко мне в дом, я подробно расспросил его о митрополите Алексии и должен был со своей стороны отвечать на его вопросы о даче и прочем имуществе митрополита в Сиверской, о его келейнике архимандрите Серафиме и многом другом. Эти переговоры убедили меня, что Воронин не мошенник, а действительно приближенный к митрополиту диакон.

О митрополите Алексии Воронин рассказал мне, что тот здоров, не голодает, получает продовольственную карточку наравне с другими жителями города, но что его, также как и всех остальных священнослужителей, чрезвычайно строго контролирует НКВД. По случаю Пасхи 1942 г. НКВД потребовало от митрополита выпустить составленное в советском духе воззвание к его общинам и Красной армии. Митрополит несколько раз говорил, что ему было бы легче принять смерть, чем пережить выпуск этого воззвания. Во время составления воззвания митрополит не мог ночами спать, заметно похудел, его внешность сильно изменилась, он много и горько плакал. Некоторые сами плакали, видя, как он страдает.

Воронин с тех пор неоднократно посещал меня без сопровождения охраны. Я подал заявление о его освобождении из лагеря и заявил о согласии поручиться за него. Мое заявление было поддержано его начальниками, — к тому времени уже около 25 человек были освобождены на основании моих заявлений. Но к освобождению Воронина это не привело, так как в августе 1943 г. все перебежчики, которые также находились в лагере временно, около трех недель, срочно должны были быть переведены в другой лагерь. Нынешнее место пребывания Воронина мне не известно».

Его Высокопреосвященство экзарх считает, что представляло бы интерес побудить Воронина обстоятельно доложить о церковных отношениях в Ленинграде и о митрополите Алексии, и приветствовал бы, если бы ему с целью соответствующего расспроса предоставили возможность переговоров с Ворониным¹.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amts Bonn, Inland I-D, R98812, № 4758. Заверенная копия².

¹ Состоялся ли разговор Экзарха с Михаилом Ворониным неизвестно.

² Документ переведен с немецкого М. В. Шкаровским.

№ 16

**ОБРАЩЕНИЕ СОВЕЩАНИЯ АРХИПАСТЫРЕЙ
И ПАСТЫРЕЙ ПРИБАЛТИЙСКОГО ЭКЗАРХАТА
«ПРАВОСЛАВНЫМ ЛЮДЯМ В ЛИТВЕ,
ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ»**

Рига, 5 апреля 1944 г.

Благодать вам и мир да умножится!

1 Петра 1,2

Мы, ваши архипастыри и пастыри, собрались сегодня в Риге на СовеЩание, созванное Высокопреосвященным Сергием, митрополитом Литовским и Виленским, Экзархом Латвии и Эстонии, чтобы, первее всего, обсудить меры к наилучшему обслуживанию ваших духовных нужд, а затем и для обсуждения других назревших вопросов нашей церковной жизни.

Еще недавно в нашем Балтийском краю духовные нужды ваши были обслужены достаточно, но в последнее время к нам прибыло с Востока так много православных беженцев, что не оказалось возможным сразу же удовлетворить все их духовные запросы. Чтобы успешнее и скорее наладить дело их духовного окормления и просвещения, ныне во всех трех епархиях нашего Экзархата, — Литовской, Рижской и Нарвской, — учреждены Внутренние Миссии, состоящие в ведении епархиальных архиереев и объединенные под общим смотрением Высокопреосвященного Экзарха.

Во многих местах миссионерская работа началась уже давно, почти сразу после прибытия беженцев, но она требует большей стройности, развития и расширения. К работе этой привлекаются как постоянные священнослужители Экзархата, особенно из потрудившихся миссионерами в освобожденном германцами русском краю, так и священнослужители, в большем числе прибывшие сюда вместе с прочими беженцами из этого, ныне эвакуированного, края. У себя на родине, под владычеством большевиков, они претерпевали гонения и вынуждены были скрывать свой священный сан, а затем, под германской защитой, вновь получили возможность свободно и почетно нести свое пастырское служение.

На миссионеров возлагается бремя большой работы, в которой да поможет им Господь! Они будут заботиться о совершении богослужений и треб для беженцев, об устройстве для сего временных храмов там, где нет храмов постоянных, о предоставлении беженцам беспрепятственной возможности посещать богослужения в свободное от трудовых обязанностей время, о проповедании беженцам Слова Божия, об обучении детей Закону Божию в открываемых для беженцев школах, об устройстве духовных собеседований с беженцами, о снабжении их духовными изданиями разного рода, в том числе и повременными, о наделении их образками, нательными крестами и всем вообще, что могло бы служить их назиданию и утешению.

Православные беженцы! Знайте, что Церковь Божия широко открывает вам свои врачующие объятия, изливает на вас благодать святых своих Таинств, приобщает вас соборной своей молитве и несет страждущим душам вашим бесценное сокровище любви Христовой, вселяющей в измененные сердца мир и кротость, терпение и неосуждение. Идите в Церковь с верой и надеждой, с покаянием и молитвой, выплакайте в Ней свое горе, — и Она исцелит ваши раны душевные, духовно укрепит и утешит вас. Отзовитесь сердцем на наш от сердца идущий призыв и не сомневайтесь, что, с Божьей помощью, нами будет сделано все человечески возможное, чтобы помочь вам в беде, скрасить вашу жизнь на чужбине и братолюбно поддержать ваши силы в годину столь страшных испытаний.

Помимо вопроса об устройении Внутренней Миссии, наше Совещание занялось также и вопросом о том, как обеспечить сохранность наших святынь, предметов церковного обихода и других церковных ценностей, подвергающихся опасности по причине воздушных налетов или близости фронта. Опасность эта воистину велика. Ведь установлено с совершенной достоверностью, в Новгороде Великом и во многих других местах, что большевики преднамеренно, как с воздуха, так и пушечными снарядами, разрушают православные храмы и монастыри, в том числе и наиболее древние, и уничтожают, таким образом, обитающие там честные Мощи, чудотворные иконы и иные святыни.

Дабы оградить священное достояние Церкви от поругания и уничтожения, Совещание наше приняло определенные решения, согласованные с соответственными распоряжениями государственных властей. Повсюду будут заблаговременно приняты меры к тому, чтобы на-

ши святыни и другие церковные ценности сберегались в помещениях, дающих защиту от воздушных налетов, и чтобы в случаях, когда это требуется, они удалялись в более глубокий тыл из слишком близкой к фронту полосы.

Такие меры отчасти и в некоторых местах были уже своевременно осуществлены. Так, из Новгорода доставлены в Литву честные мощи святителей Новгородских Никиты и Иоанна, св. муч. Георгия, свв. благоверных князей Феодора, Владимира и Мстислава и княгини Анны; из Пскова доставлены в Эстонию честные мощи блаженного Николая, Христа ради юродивого и св. благоверного князя Довмонта-Тимофея; оттуда же доставлена в Латвию чудотворная икона Тихвинской Божьей Матери. Православные люди имеют ныне живительную радость благочестиво поклоняться сим великим святыням в здешних наших храмах. Помимо сего, удалены в безопасный тыл и переданы на церковное хранение исторические сокровища Успенского Псково-Печерского монастыря и некоторые священные предметы из Нарвских храмов. Доставка этих и иных святынь из угрожаемых мест в безопасные [районы] неизменно совершалась при деятельном участии германских властей, как военных, так и гражданских. Господь да вознаградит их за это!

Само собой разумеется, что священные предметы, удаляемые из подверженных опасности мест, остаются собственностью церковных учреждений, которым принадлежат, и что они, по миновании опасности, будут незамедлительно возвращены в храмы и сокровищницы, из которых были или будут изъяты. На время такого изъятия они передаются на хранение другим церковным учреждениям нашим и непрерывно остаются, таким образом, в ведении и на попечении Высокопреосвященного Экзарха и уполномоченных им для сего лиц.

Православные обитатели близких к фронту мест! Нам понятна ваша скорбь при расставании с родными святынями, увозимыми от вас в более глубокий тыл. В разлуке с ними вы чувствуете себя как бы осиротелыми, как бы лишенными их покрова, в осязательной близости которого вы так нуждаетесь в нынешние грозные времена. Но не смущайтесь! Они и издали чудотворно вас осеняют, излучая благодать, которой преисполнена объемлющая всех нас, православных, Церковь Христова. Вы не вышли из-под покрова родных святынь, любимых вами с детства, но лишь утратили радостную возможность умиленно созерцать их и благоговейно к ним прикладываться. Вы тоскуете по

ним, но и они ждут часа возвращения своего к вам, в тот любезный им край, где они просияли и откуда на время удалились. Так постарайтесь же приблизить этот радостный час! Направьте все силы ваши на борьбу с безбожным большевизмом, содействуйте отражению его нашествия и победе над ним. Тогда и родные святыни ваши к вам возвратятся.

Враги наши, большевики, приблизились к границам нашего края и грозят нам завоеванием. Если бы им это удалось, то край наш обратился бы в безлюдное пепелище, свободолюбивое население его было бы истреблено или уведено в рабство, вся культура здешняя была бы разрушена, великие святыни и незаменимые ценности, создания человеческого гения и труда бесчисленных поколений, были бы преданы уничтожению. Такая судьба грозит не нам одним, но всякому народу и всякой стране, которые подверглись бы большевистскому нашествию. Одного этого сознания достаточно для того, чтобы все силы свои посвятить делу обороны.

Но большевизм несет с собой не только физическое истребление, не только ужасы огня и меча, пыток и казней. Большевизм несет с собой умерщвление духа. Отвергнув Бога, большевизм отверг и образ Божий в человеке. Для большевизма нет ничего святого ни на небесах, ни на земле. Большевизм попирает самое дорогое для человека, — его свободу, его религию, его национальность. Большевизм все приносит в жертву сатанинскому замыслу мировой революции, которая должна уничтожить все религии, смешать все народы в одну безликую массу и поработить все человечество Иудину отродью, возглавившему международную шайку разноплеменных злодеев, бесстыдных лицемеров и беспощадных палачей.

Большевизму, благодаря стечению особых обстоятельств, удалось заполнить Россию. Он поработил русский народ, чтобы его силами и кровью выиграть мировую войну и совершить мировую революцию. Русский народ стал орудием и, вместе с тем, первой жертвой большевизма, но большевистским русский народ не стал. Он сохранил любовь к отечеству, к родной Церкви и к человеческой свободе. Все упования свои он возлагает на свержение советского ига. Проливать на войне кровь свою за торжество большевизма он не хочет. Большевики понимают это и потому, средствами своей обманной пропаганды, внушают русскому народу, будто ведут войну не за всемирную революцию, а за Отечество и даже за Церковь. Такую же пропаганду они ведут в стане

своих заграничных союзников и пособников. Большевики притворяются, будто они теперь не те, какими были четверть века назад, и будто противникам коммунизма теперь уже нечего их опасаться.

Такое притворство, такая ложь, такая пропаганда свидетельствуют о слабости большевиков, о том, что их неприкрашенный облик внушает отвращение, что их идеология утратила привлекательность, что продолжать войну собственными силами они не в состоянии, что вся их надежда теперь только на то, чтобы выиграть свою большевистскую войну силами небольшевистскими, а затем их же и раздавить. Борясь за собственное существование, большевики взывают теперь к патриотизму и религиозности русского народа, но, если победят, то отомстят ему за такую живучесть его исконного, небольшевистского духа, окончательно догрянут Церковь и вытравят из русской жизни все русское.

Православные люди! Мы призываем вас не поддаваться большевистским наущениям и не верить большевистским посулам! Большевизм есть безбожие и бесчеловечность, насилие и ложь. Такова его неизбывная сущность, его неизменная природа. Таков он был четверть века назад, таков он и теперь. Можно ли думать, что после двадцати пяти лет свирепого преследования Церкви большевики вдруг стали Ее поборниками, после двадцати пяти лет террористического попрания свободы вдруг стали ее защитниками, после двадцати пяти лет рабовладельческого издевательства над Россией вдруг прониклись любовью к ней? Было бы безумием поверить этому. Сталин не Савл и Павлом не станет.

Пусть слова большевиков звучат иногда по-новому, —дела их остаются прежними. С той стороны фронта до нас доходят достоверные сведения о том, что за время войны большевистский террор еще более усилился. Большевизм всей тяжестью своей по-прежнему давит также и на уцелевшие остатки православного духовенства. Церковь Православная задыхается в большевистском плену. Клириков ее, вместе с прочими рабами и рабынями Сталина, гонят на фронт. Иерархов православных, начиная с Первосвященника, принуждают к обнародованию унижительных посланий, продиктованных советскими палачами. К иерархам применяют при этом методы того же насилия, к такому прибежали в довоенное время, когда вымучивали у них ложные заявления, особенно о том, будто Церковь в Советском Союзе свободна. Нам известны недавние факты такого насильнича-

ния, но мы вынуждены воздержаться от их обнародования, чтобы не подвести под ответственность лиц, которых большевики держат в своих руках. Таким образом, своего прежнего отношения к Церкви большевики по существу ни в чем не изменили. Лишь напоказ, для успеха своей заграничной пропаганды, они водружают на развалинах Церкви какую то картонную декорацию, чтобы она прикрыла разрушенное ими здание, вновь отстроить которое они не позволяют.

Чтобы жила свободная Россия, большевизм надо уничтожить. Только тогда будет свободна и Церковь. Не забывайте об этом, православные русские люди, и знайте, что каждый день войны ослабляет большевиков, облегчает возможность ниспровергнуть их власть и тем способствует разрешению этой первейшей для нас национальной задачи. Сознавайте отчетливо, что место ваше — в рядах борцов за новую, свободную, счастливую Россию, в рядах Русской Освободительной Армии, которая сама уже является зародышем этой будущей России, — а затем и в рядах других армий, воюющих против большевизма, под знамена которых вы, по месту вашего жительства, призываетесь. Те же из вас, кому ратный подвиг непосилен, да отдадут, послушно и ревностно, весь труд свой делу обороны, которая, увенчавшись успехом, неминуемо приведет к падению большевизма. Церковь Божия святыми молитвами своими осенит вас на поле брани и на поприще труда.

Господи, спаси и освободи Россию!

Смиренный СЕРГИЙ

Митрополит Литовский и Виленский

Экзарх Латвии и Эстонии

Смиренный Павел архиепископ Нарвский

Смиренный Иоанн епископ Рижский

Смиренный Даниил епископ Ковенский

Протопресвитер Кирилл Зайц, руководитель Внутренней Миссии в Литве

Протоиерей профессор Иоанн Янсон, Рижский благочинный

Протоиерей Иоанн Богоявленский, благочинный Ревельского округа и председатель Нарвского епархиального совета

Протоиерей Лука Голод, благочинный Виленского округа и председатель Литовского епархиального совета

Протоиерей Николай Македонский, председатель Латвийского епархиального совета

Протоиерей Николай Перехвальский, член Латвийского епархиального совета

Протоиерей Герасим Шорец, благочинный Поневежского округа

Священник Николай Демьянович, настоятель Виленского кафедрального собора

Священник Николай Веглайс, настоятель церквей Рижского женского монастыря

Священник Алексей Тихомиров, помощник начальника Экзаршей канцелярии

Протоиерей Эллий Верхоустинский, благочинный Печерского округа

Протоиерей профессор В. Мартинсон

Игумен Павел Горшков, наместник Печерского монастыря

Рига, 5-го апреля 1944 г.

С подлинным верно

Начальник Экзаршей канцелярии

И. Grimm

Рига, 16 апреля 1944 г.

Печать Экзаршей канцелярии

Централен държавен архив – София (ЦДА), ф. 791к, оп. 2, е. х. 22, л. 13–16. Заверенная копия.

№ 17

**ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ (ВОСКРЕСЕНСКОГО)
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СВЯЩЕННОГО СИНОДА БОЛГАРСКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МИТРОПОЛИТУ НЕОФИТУ**

Рига 15 апреля 1944 г.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Высокопреосвященному НЕОФИТУ, Митрополиту Видинскому

Позвольте довести до сведения Вашего Высокопреосвященства воззвание, изданное состоявшимся 5-го апреля с. г. в Риге Совещанием клириков Прибалтийского Экзархата Российской Православной Церкви.

К Экзархату принадлежит в настоящее время около 850 000 верующих, из которых приблизительно 800 000 русских. Соответственно сему, также и клир Экзархата почти весь состоит из русских.

Экзархат состоит в канонической юрисдикции Московского Патриаршего Престола. Однако, на основании Указа Святейшего патриарха Тихона и его преемников касательно порядка управления епархиями Российской Православной Церкви, лишенными, почему либо, возможности поддерживать сношения с Московским Патриаршим Престолом, Экзархат временно, впредь до восстановления сношений между ним и названным Престолом, управляется автономно.

Соблюдение в Экзархате св. канонов Вселенской Православной Церкви и, в частности, пребывание Экзархата в канонической юрисдикции Московского Патриаршего Престола не встречают никаких препятствий со стороны германской государственной власти, освободившей нас от большевистского насилия и обеспечившей полную свободу нашей церковной жизни.

Признавая себя состоящими в канонической юрисдикции Московского Патриаршего Престола, мы, вместе с тем, отвергаем ту политическую установку, которую большевики насильственно ему навязали.

В Советском Союзе Православная Церковь жаждет освобождения от большевизма, в котором усматривает своего непримиримого врага.

Мы утверждаем это с уверенностью, ибо сами принадлежим к Российской Православной Церкви, знаем ее чаянья и на себе испытали весь ужас большевистского гнета. Призывая к борьбе с большевизмом, мы высказываем то, что Православная Церковь в Советском Союзе хотела бы, но не может высказать.

Наш призыв к борьбе с большевизмом есть, вместе с тем, призыв к сотрудничеству со всеми, кто против него борется, не взирая на то, что в других вопросах между нами и ими могут быть глубокие расхождения.

Усматривая в большевизме основное и величайшее зло нашего жестокого времени, мы призываем всех противников большевизма забыть на время этой общей борьбы все, что их между собой разделяет.

Осмеливаюсь надеяться, что христианская мудрость Вашего Высокопреосвященства одобрит изложенную здесь точку зрения.

Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга

Сергий

Митрополит Литовский и Виленский
Экзарх Латвии и Эстонии

Начальник Канцелярии
И. Гримм

ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 22, л. 17–18. Подлинник.

№ 18

**ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ
МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ (ВОСКРЕСЕНСКОГО)
К ПАСТВЕ И РУССКИМ БЕЖЕНЦАМ 1944 г.**

Рига, апрель 1944 г.

Христос Воскресе!

Возлюбленная о Господе паства наша и дорогие нам гости, православные русские беженцы!

Этим всерадостным приветствием обращаюсь я к вам, возлюбленные, в Светлый день Христова Воскресения. Снова у нас славное торжество: «Смерти празднуем умерщвление, иного жития вечного начало!». Господня Пасха! В годину тяжелых испытаний и переживаний, в годину борьбы и разрушений Господь сподобил нас вновь услышать, ощутить верующей душой, что ночь крестного пути нашего Спасителя, ночь страданий до смерти, Его смерть и погребение, сменились радостным утром Воскресения. Верим, что и наша смертная ночь сменится ярким днем возрожденной, воскресшей жизни. Кто же отозван будет в селении вечные, тот, праведно потрудившийся, там да приобщится сего великого торжества!

Радуйтесь людие и веселитесь! Знаю, что по-человечески прискорбна есть душа ваша от всего происходящего вокруг нас. Но никакая скорбь не может превозмочь радости Воскресения и не может не раствориться в светлое утро Христово от Ангельского приветствия: «Радуйтесь!» Что ищете живого среди мертвых? Воста! Умерщвлена смерть, и царствует жизнь! Вот это то ощущение вечности, жизни во Христе и его Церкви, Православной, присуще нашей русской душе — христианке. Поэтому, как бы ни тяжело нам было в жизни, каких бы жертв не требовала от нас борьба между наступающим злом и защищающейся правдой, — мы радуемся, ибо празднуем адово разрушение, иного жития начало.

Особенно тяжела доля беженцев. Лишились вы всего, — родного угла, хозяйства, растеряли своих близких и родных, лишились своих святынь, храмов и родины.

Велика скорбь, но не настолько она овладевает вами, чтобы, опустив голову, безучастно смотрели вы на будущее. Нет! Большинство живет неистребимой верой в возрождение России и надеется твердо на возвращение домой. А понимаете ли вы, русские люди, что залог такой веры в светлое будущее сохранили мы потому, что при всех лишениях не потеряна нами душа православная, эта сокровищница всей нашей многовековой исторической жизни. Она то послужит, подобно гробовой пещере Плотию уснувшего, источником нашего воскресения, а в эти Светлые Дни Пасхи — источником духовной радости.

Стойте и мужайтесь, храня и оберегая свою православную душу, не давайте врагу нашего спасения сеять в ней уныние и смущение, падать под тяжестью несомого жизненного креста. Не ропщите на Господа. Помните, как помнили наши предки в годину искушений, что в мрачную темницу жизни пришел воскресший из мертвых Христос, дал нам вкусить «нового пития» Своей любви, освятил нас светом Своей неземной радости. Нам ли теперь в скорбях не дорожить этой радостью, не беречь ее паче жизни своей, как драгоценную жемчужину, ради которой лишился всего имени мудрый купец.

Не теряйте Христа! Пережив хоть раз сердцем всю правду Его обещаний, неужели мы уйдем от Него и потеряем Его, как уже многое дорогое нашему сердцу потеряли? Услышав сегодня слово «Радуйтесь! Воистину воста Господь!» — неужели мы только на сегодняшний день и останемся христианами, а завтра падем духом, искушая своим роптанием Промысл Божий в нашей жизни? Нет! Будем помнить слова Апостола: «Христос, воскресший из мертвых, уже не умирает, смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха, а что живет, то живет для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога, во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. VI, 9–11). Итак, если мы сознаем себя православными людьми, то мы обязаны жить для Бога, прежде всего, жить верой своей православной, ее заветами освящать путь жизни. Если же у тебя нет этого сознания, то, значит, живешь ты не по настоящему, встречаешь Воскресшего с недостаточно ясной верой, без надежды на грядущее счастье Родины и со слишком слабой любовью к своему спасению. Отсюда и причина нашего четвертьвекового угнетения и падения. Потеряв священный веками путь наших предков, светлый путь веры православной, являемся мы сейчас «посмешесем всего мира», влача свое существование в слезах, безрадостных трудах и горе. Как нельзя

ярче, история этих лет раскрыла перед нами ту правду, что русский народ, повернув на ложную дорогу заимствований нехристианских, чуждых ему правил жизни, отклонившись от Православия, начал распадаться в общем укладе своего жизненного строя и с логической последовательностью развил чуждые русской душе чувственные начала быта материалистического, выработал тип русского безбожника, породив далее безобразнейший мятеж против Родины, против христианства; мятеж ужасающий и теперь всю вселенную. Сейчас перед нами задача: найти самих себя, воскресить душу свою, найти национальные ценности. Все это, несомненно, возможно, но при условии безоговорочного включения в борьбу против зла большевизма, готового поглотить нашу неокрепшую в борьбе душу, отяжелевшую в бесплодной погоне за миражем счастья. Не щадя своих сил, перенося с твердостью временную разлуку с близкими, ты должен встать в ряды тех, кто ведет борьбу с поработителем нашей Родины — большевизмом, кто жаждет воскресения Отчизны, обновления личной жизни¹. Если ты — русский, то для тебя будет понятна ценность и важность этого подвига. Если ты — православный, то ты поймешь, что без духовного твоего воскресения и возрождения, бесплодны будут все труды. «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишися зиждущии». А чтобы не напрасны были труды, а благословенны, вспомним слова Апостола: настало время, когда нам «следует очистить свою совесть от дел смерти, чтобы служить живому Богу» (Евр. 9, 14).

Да будут далеки от нас несогласия, злоба, ревность и преступные намерения. Пусть во всем царствует первая из добродетелей православного русского человека — всеобъемлющая любовь! В нашей ночи уже засияла утренняя звезда надежды, но скоро «нощи пришедшей, воссияет день». Воскрес Христос и жизнь жительствоует! Тогда и потрудившиеся в первый и последний час внидут в радость воскресшего, а радость Церкви Православной и нашей обновленной любимой Родины.

Русская православная женщина! Твоя душа умела мужественно переносить все скорби на голгофе личных и общественных страданий. Ты являлась и основоположницей нашего исконного национального воспитания. Вникни в состояние души жен-мироносиц, и тогда

---

¹ Несмотря на чрезвычайно сильно выраженный антибольшевизм этого и ряда других подобных посланий митрополита Сергия в них нигде не упоминаются немцы, Германия и говорится только о возрождении великой и свободной России.

удостоишься ясно узреть своего Учителя и Спасителя. «Аще сущей тьме» идут вернии ученицы ко гробу поруганного и зверски казненного Учителя. Несут они земную любовь, «ароматы, яже уготоваша» (Лк. XXIV, 1), и, что еще дороже, — слова благоговейной любви. Не смутили их страдания божественного Учителя, не поколебалась стойкость их духа от позора Его смерти и от насмешек безжалостной толпы над ними. А что ожидало сих жен у горба? Вместо воинов — Ангелы, вместо пещерной тьмы — невещественный свет воскресения, вместо надгробных рыданий — радуйтесь! Шедшие в скорби земной, но с твердым упованием духа веры, возвратились они благовестницами радости воскресения и первые научили величайшей истине «новой жизни» тех, кому надлежало научить все языки (Мт. XXVIII, 19). Сохраняешь ли ты и теперь, русская женщина, в дни скорби и тесноты, в дни новых поруганий над Христом и его законом, твердость своей любви к Нему? Поддерживала ли ты свет Христова мира, Его начала новой жизни в своей семье, в детях и близких тебе людях? Когда тебя четверть века учили безбожию? Если поступала и поступаешь так, то близка тебе радость воскресения. Знаю, что, несмотря на всю тяжесть жизненных условий, ты, пройдя скорбный путь позора и обид, вернешься благовестницей воскресшей Родины. Напряги же все свои силы в борьбе с врагом христианства и Родины. Ты первая должна стоять в рядах тех, кто защищает Правду жизни, — Правду, которая служила основой твоего семейного счастья и народного величия. Если же искусила тебя жизнь, пала ты под тяжестью переносимого креста, — бодро встань, пойдти на гроб Христа, неся ароматы твоих добрых дел, раствори их слезами любви, и тогда радость воскресения озарит твою измученную душу, ты ощутишь начала истинной жизни и приобщишься общей радости обновления.

Слово мое и к вам, пастыри Литвы, Латвии и Эстонии. На вас история возложила особые обязанности, когда все мы не можем пройти мимо лежащего в ранах (Лук. 10, 30–31). Все силы на помощь душе православной, душе русского человека! Не забывайте, что вы служители Христовы, провозвестники Воскресения и проповедники Его любви. Вы должны, во всем должны, давать пример добрых дел, — в учении, в сохранении истины Православия, в соблюдении заветов отцов и учителей, произнося только слова святой любви, дабы наши противники боялись сказать о нас что-либо дурное. Старайтесь кротким и дружеским обращением приобрести доверие заблудшего,

объяснить ему его обязанности, обращать его внимание на погрешности, предостерегать, увещевать или угрожать ему. Стремитесь сами к совершенству в любви, зная, что человеколюбие долготерпеливо и милосердно, но близок и суд для не подвизавшихся подвигом любви (2 Тим. 4, 7–8).

Все же мы православные, в «Сей нареченный и Святой День» с радостью обьем друг друга, прощая все во имя Воскресшаго. Воскрес Христос, и остался поруган и бессилен отец лжи, исконный человекоубийца — диавол (Иоан. 8, 44). Жизнь победила, смерть и зло приведены к ничтожеству и пустоте, ибо воистину воста Господь, начаток умершим бысть.

Сергий

Митрополит Литовский и Виленский
Экзарх Латвии и Эстонии

Распоряжения и сообщения Высокопреосвященнейшего Сергия, Митрополита Литовского и Виленского, Экзарха Латвии и Эстонии. 1944. № 2. С. 1–3.

СПИСОК ПРИХОДОВ ПСКОВСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЕПАРХИЯ (117 храмов)

Царскосельский уезд

Пушкин (Детское Село, Царское Село). Знаменская церковь. Не закрывалась. Действующая до 10.1942. Протоиерей Феодор Забелин (с 12.03.1938 по 12.08.1942), протоиерей Иоанн Коляденко, протодиакон Владимир Керский.

Павловск (Слуцк). Кладбищенская церковь святых Иоакима и Анны. Действующая 01.10.1941–1943. Игумен Илия (Мошков), протоиерей Иоанн Коляденко, псаломщик Алексей Маслов.

Павловск. Церковь св. Николая. Действующая конец 1941–1942. Протоиерей Иоанн Коляденко, протоиерей Николай Смирнов.

Павловск. Тярлево. Преображенская церковь. Действующая кон. 1941–1943. Протоиерей Иоанн Коляденко.

Царская Славянка (Антропино). Церковь св. вмц. Екатерины. Действующая с 1943 по настоящее время. Протоиерей Иоанн Успенский, диакон Константин Травин.

Лигово (Урицк). Преображенская церковь. Не закрывалась. Действующая до 19.09.1941, разрушена. Протоиерей Иоанн Чудович.

Старо-Паново. Свв. Адриана и Наталии церковь. Не закрывалась. Действующая до 09.1941, разрушена. Священник Иоанн Пиркин (?).

Володарский. Св. Андрея Критского церковь в привокзальной часовне. Действующая 01.–03.1942. Иеромонах Тихон (Зорин).

Красное Село. Свято-Троицкая церковь. Действующая с 02.1942 по конец 1943. Священник Иоанн Пиркин.

Ям-Ижора. Церковь св. Николая. Возвращена и действовала в годы войны, разрушена в 1943. Священник Иоанн Пиркин (?).

Красный Бор (Самопомощь, Поповка). Свято-Троицкая церковь. Закрыта весной 1941. Открыта в 09.1941. Сгорела в 1942. Протоиерей Дмитрий Осьминский, священник Иоанн Пиркин (?).

Карташевская. Петропавловская церковь. Действующая конец 1941–1944. Протоиерей Николай Быстрыков.

Сусанино. Церковь Казанской Божией Матери. Действующая с 22.10.1941 по настоящее время. В конце 1941 иеромонах Сергей, до 03.1942 священник Иоанн, 03.1942–24.01.1944 священник Павел (убит при обстреле), в 1944 священник Иоанн Молчанов.

Рождественно. Рождества Богородицы церковь. Действующая с 10.1941 по настоящее время. В 1941–1942 — священник Георгий Свиридов, в 1942–01.1944 протоиерей Петр Кудринский, в 1944 священник Иоанн Молчанов.

Старо-Сиверская. Преображения Господня церковь. Действующая во время войны.

Сиверская. Петропавловская церковь. Действующая с конца 1941 по настоящее время. Протоиерей Николай Шенрок, священник Иоанн Суслин, протоиерей Иоанн Чудович, в 1944 священник Василий Митрофанов.

Сиверская. Тихвинская церковь. Не закрывалась. Действующая по настоящее время. Протоиерей Константин Красовский, диакон Василий Березов — во священники рукоположен летом 1944.

Сиверская (Дружноселье). Свято-Троицкая церковь. Действующая с конца 1941 по 1945. Протоиерей Николай Шенрок, архимандрит Серафим (Емельянов), протоиерей Иоанн Чудович, в 05.1943–1944 священник Василий Митрофанов.

Пятая Гора. Троицкая церковь. Не закрывалась. Не действовала с 11.1944, закрыта в мае 1945. Священник Иоанн Андреев.

Озертицы (Заполье). Петропавловская церковь. Действовала 1942–1944. Священник Димитрий Горемыкин.

Яцера. Сергиевская церковь. Действующая 1942–11.1943. Священник Владимир Романский, священник Алексей (расстреляны немцами).

Тайцы. Церковь святителя Алексия митр. Московского. Действующая с конца 1941 до 08.1943. Протоиерей Иоанн Чудович, священник Василий Апраксин.

Вырица. Казанская церковь. Действовала с 08.1941 по настоящее время. Протоиерей Владимир Богданов, архимандрит Серафим (Прощенко), псаломщик Иван Преображенский, псаломщик Ливерий Воронов, иеромонах Лин (Никифоров), протоиерей Анатолий Кушников, протоиерей Михаил Ноздрин, священник Иоанн Молчанов, священ-

ник Николай Багрянский, диакон Александр Максимов, с 01.09.1944 иеромонах Антоний (Стальмаков), с 03.08.1945 протоиерей Алексей Кибардин, псаломщица Ирина Петрова, иеросхимонах Серафим (Муравьев), схимонахиня Серафима (Муравьева).

Вырица. Петропавловская церковь. Действующая с 19.12.1941 по настоящее время. Иеромонах Лин (Никифоров), протоиерей Михаил Ноздрин, священник Николай Багрянский, с 1945 протоиерей Борис Заклинский.

Вырица. Успенская церковь в Успенском женском монастыре. Действовала 02.1942–1944. Иеромонах Антоний — иеросхимонах Арсений (Стальмаков), схиигумения Херувима (слепица), монахиня Иоанна (Шихобалова), монахиня Серафима (Морозова), схимонахиня Серафима (Муравьева), монахиня Анастасия (?) (Ладилес), монахиня Анна (?) (Дяделева), монахиня Анна (?) (Резцова), монахиня Мария (Дорожкина), монахиня Мария (?) (Младенчикова), монахиня Пелагея (Москвина).

Вырица. Церковь на даче Сидоровых (домовая) о. Серафима (Проценко). Действовала с 1936 (?), 1941–1943 (?). Архимандрит Серафим (Проценко), иеромонах (?) Лев, монах (?) Иоанн (Иванов), монахиня Варвара (Коржавина), монахиня Евфимия (Сидорова), монахиня Вероника (Федякина), монахиня Екатерина (Исаева), монахиня Феодосия (Осипова).

Вырица. Св. Иоанна Предтечи церковь в Богоявленском мужском монастыре. Действовала 1942–01.1944. Архимандрит Серафим (Проценко), иеромонах(?) Лев, монах (?) Иоанн (Иванов), монах (?) Михаил (Трофименков), монах Иоанн (?) (Емельянов), монах Михаил (?) (Оленев), монах Николай (?) (Куликов).

Гатчина (Красногвардейск). Павловский собор. Протоиерей Александр Петров (расстрелян немцами в 1942), благочинный, протоиерей Феодор Забелин, благочинный. Действующий с 10.1941 по настоящее время.

Гатчина. Мариенбург. Покровская церковь. Действующая с 30.11.1941 по настоящее время. Священник Иоанн Пиркин — 11.1941–02.1942, священник Василий Апраксин — 03.1942–11.04.1944, диакон Сергей Василевский.

Гатчина. Рождества Иоанна Предтечи церковь (кладбищенская). Действующая 14.12.1941–1962. Священник Михаил Смирнов.

Суйда. Воскресенская церковь. Не закрывалась. Сгорела 28.08.1941. Протоиерей Николай Быстрыков.

Суйда. Воскресенская церковь. Действующая с 09.1941. Сгорела в 1964 г. Протоиерей Николай Быстряков, благочинный.

Саблино. Никольская церковь (кладбищенская), бывшая часовня. Не закрывалась. Действующая по настоящее время. Протоиерей Петр Жарков, иеромонах Кирилл (Смирнов), диакон Михаил Яковлев.

Орлино. Спасо-Преображенская церковь. Действующая с конца 1941 до 1944. Протоиерей Николай Шенрок, священник Иоанн Суслин (расстрелян немцами в 1942), И. Амосов, священник Алексей Лаптев.

Лисино. Происхождения Честных Древ Животворящего Креста церковь. Священник Николай Багрянский.

Усть-Введенское. Введенская церковь. Протоиерей Владимир Богданов.

Петергофский уезд

Елизаветино (имение Дылицы). Владимирская церковь. Действующая с 14.08.1943–1962. Священник Иоанн Андреев.

Волосово. Александра-Невская церковь. Действующая с конца 1941 по настоящее время. Священник Порфирий Рудаков, священник Дмитрий Горемыкин, диакон Филипп Ларионов.

Елизаветино (д. Новая). Владимирская церковь (домовая). Действующая 1942–1943. Священник Иоанн Андреев.

Клопицы. Свято-Троицкая церковь. Действующая 1942–1944. Иеромонах Тихон (Зорин), эвакуирован в 10.1943.

Волгово. Домовая церковь в бывшей церковно-приходской школе церковь Св. Ирины. Действующая 1942–10.1943. Иеромонах Тихон (Зорин), эвакуирован в 10.1943.

Теглицы. Свято-Троицкая церковь. Действующая к 1944.

Ожогоино. Домовая церковь в здании школы. Действующая 1942–10.1943. Иеромонах Тихон (Зорин), эвакуирован в 10.1943.

Дятлицы. Домовая церковь в жилом доме. Действующая 1942–10.1943. Иеромонах Тихон (Зорин), эвакуирован в 10.1943.

Шлиссельбургский уезд

Шлиссельбург. Благовещенский собор. Действующий 1941–1943. И. Амосов.

Лезье. Успенская церковь. Действующая 1941–1943. И. Амосов.

Мга. Никольская церковь. Действующая 1941–1943. И. Амосов, священник Алексей.

Новгородский уезд

Тосно. Казанская церковь (старая, каменная). Действующая 1941–1944. По настоящее время богослужения совершаются в кладбищенской церкви, бывшей часовне. Иеромонах Афиноген (Агапов).

Чудской Бор. Воскресенская церковь. Действующая 1941–1943.

Пельгора. Никольская церковь. Иеромонах Кирилл (Смирнов).

Ильинский погост. Ильинская церковь. Иеромонах Кирилл (Смирнов).

Ушаки. Николо-Александринская церковь. Действующая 1941–1943. Протоиерей Петр Жарков, И. Амосов, протоиерей Владимир Богданов.

Любань. Петропавловская церковь. Действующая 1942–1943. Иеромонах Афиноген (Агапов), иеромонах Кирилл (Смирнов), протоиерей Петр Жарков, протоиерей Иоанн Медведский, протоиерей Михаил Ноздрин, священник Алексей Азиатский, диакон Михаил Яковлев, служил протоиерей Кирилл Зайц.

Коровий Ручей. Действующая 1941–1942. Священник Алексей Азиатский.

Макариевская пустынь. Действующая (?) в конце 1941. Схиепископ Макарий (Васильев), иеродиакон Вукол (Николаев).

Ям-Тесово. Преображенская церковь. Действующая 1942–1943. Протоиерей Дмитрий Осьминский.

Щупоголово. Рождества Иоанна Предтечи церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Псаломщик Ливерий Воронов, диакон Николай Тишин.

Климентовский погост (Клименцы, Заполье). Рождественская церковь (Климента Папы Римского церковь). Действующая 1942–1944. Протоиерей Василий Мартынов, диакон Иоанн Орлов.

Черемна. Действующая 1942–1945. Священник Николай Телятников.

Фроловское (Клюкошицы, Загородицы). Флора и Лавра церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Протоиерей Дмитрий Осьминский, диакон Михаил Веселовский.

Волосково. Свято-Троицкая церковь. Действующая 1942–1945.

Каменные Поляны. Рождества Иоанна Предтечи церковь. Действующая 01.1942–1945. Иеромонах Лин (Никифоров), протоиерей Александр Кузнецов.

Сустье-Поляны (Сустье-Конец). Иеромонах Кирилл (Смирнов).

Хоченье. Иеромонах Кирилл (Смирнов).

Бутково. Покровская церковь. Действующая 1941–1942. Протоиерей Василий Мартынов.

Лужский уезд

Луга. Казанский собор. Действующий с 1941 по настоящее время. Протоиерей Николай Заблоцкий, благочинный, протоиерей Михаил Ноздрин, протодиакон Андрей Журавлев, священник Алексей Налимов, протодиакон Сергей Самгин, псаломщик Яков Львов.

Луга. Св. Ольги церковь. Действующая 08.1942–1945. Священник Анатолий Голубев, священник Алексей Налимов, священник Иаков Начис, протодиакон Андрей Журавлев, псаломщик Леонид Начис.

Городец. Успенская церковь. Действующая с 1941 по настоящее время. Протоиерей Михаил Образцов, псаломщик Иван Камагин.

Смёшино. Успенская церковь. Действующая 1942–1944. Священник Алексей Налимов.

Поддубье. Рождества Иоанна Предтечи церковь. Священник Анатолий Голубев (благочинный с 08.06.1944), псаломщик Иван Камагин.

Бельский погост (Белая Горка). Димитровская церковь. Действующая (?) 1942–1943. Иеродиакон Мартирий (Иванов).

Петрова Горка. Воскресения Христова церковь. Действующая с 16.08.1941 по настоящее время. Протоиерей Михаил Образцов, священник Василий Сергеев.

Югостицы. Покровская церковь. Действующая 1942–1944. Священник Николай Воробьев (расстрелян немцами).

Романицина. Тихвинская церковь. Действующая 1942–1962. Священник Василий Сергеев, диакон Николай Смирнов.

Заозерье. Никольская церковь. До войны не закрывалась (?), закрыта в 1945. Священник Николай Воробьев (расстрелян немцами).

Торошковичи. Воскресенская церковь. Действующая 1942–1963. Священник Василий Сергеев.

Сырец. Покровская церковь.

Смерди. Казанская церковь. Священник Алексей Налимов (?).

Сяберо. Спасская церковь.

Оредеж. Свято-Троицкая церковь. Действующая 1942–1944. Священник Сергей Попов.

Преображенская ст. (Толмачёво). Преображенская церковь. Действующая с 1941 по настоящее время. Протоиерей Геннадий Городецкий.

Перечицы. Георгиевская церковь. Протоиерей Димитрий Осьминский.

Подлесье (Новоселье, Дремяцкий погост). Пятницкая церковь. Действующая в войну. Закрыта в 1944–1945. Сгорела в 1992.

Троицкое (Верхутино). Свято-Троицкая церковь.

Хвоцно. Димитриевская церковь.

Вычелобок. Покровская церковь. Священник Василий Сергеев.

Ямбургский уезд

Кингисеп (Ямбург). Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте» церковь. Действующая в 1941. Священник Николай Анненский.

Кингисеп (Ямбург). Свт. Петра митрополита Московского церковь (осв. в бывшем жилом доме, перенесена с кладбища). Действующая 1942–1944. Священник Николай Анненский.

Ополье. Крестовоздвиженская церковь. Действующая с 09.1942 по настоящее время. Протоиерей Александр Степанов, псаломщик Павел Слепнев (расстрелян немцами).

Ильеши. Никольская церковь. Действующая с 1943 по настоящее время. Протоиерей Иаков Тихомиров, выходец из Вруды.

Удосолово. Михаило-Архангельская церковь. Действующая 1942–1963. Духовенство из Нарвы: протоиерей Павел Калинин, священник Михаил Рауд, священник Николай Недремский, диакон Алексей Добряков.

Чирковицы. Спасская церковь. Действующая 1942–1944. Протоиерей Петр Протопопов.

Каложцы. Екатерининская церковь. Действующая 11.1941–1945. Протоиерей Александр Степанов, протоиерей Иаков Тихомиров, выходец из Вруды.

Ястребино. Никольская церковь. Действующая 03.1942–1961. В 03.1942 протоиерей Алексей Кибардин, в 1942–45 священник Порфирий Рудаков.

Редкино. Свято-Троицкая церковь. Действующая 08.11.1942–1945. Священник Илия Проскураков.

Хотнежа. Покровская церковь. Действующая к 1944.

Котлы. Никольская церковь. Действующая 1943–1960. Духовенство из Нарвы.

Валговицы. Молитвенный дом. Действующий 1944–1951.

Кёрстово. Никольская церковь. Действующая 1942–1945. Протоиерей Александр Степанов (выходец из Ополья).

Ратчино. Георгиевская церковь. Действующая 1942–1962. Священник Николай Недремский, диакон Алексей Добряков.

Яблоницы. Воскресения Слоущего церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Священник Илия Проскураков, рукоположен в 1942.

Большая Вруда. Успенская церковь. Не закрывалась. Действующая до 1961. Протоиерей Алексей Кибардин, священник Николай Петров, протоиерей Иаков Тихомиров.

Сойкино. Никольская церковь. Действующая 1942–1944. Духовенство из Нарвы: протоиерей Павел Калинин, священник Михаил Рауд, священник Николай Недремский.

Краколье. Никольская церковь. Действующая 1942–1944. Духовенство из Нарвы: протоиерей Павел Калинин, священник Михаил Рауд, священник Николай Недремский.

Кейкино. Петропавловская церковь. Действующая 1942–1944. В 1942 назначен священник Николай Недремский, духовенство из Нарвы (священник Михаил Рауд).

Стремление. Никольская церковь. Действующая 1942–1944. Духовенство из Нарвы.

Ославье. Казанская церковь. Действующая 1942–1944. Священник Николай Востоков, признан Миссией в 1943, эвакуирован осенью 1943.

Крутой Ручей. Пантелеимоновская церковь. Действующая 1942–1943. Протоиерей Иаков Тихомиров.

Гдовский уезд

Старополье. Христо-Рождественская церковь. Действующая 05.1943–1944. Вход. протоиерей Алексей Кибардин.

Пенино. Рождества Богородицы церковь. Действующая 05.1943–1944. Вход. протоиерей Алексей Кибардин.

Козья Гора. Покровская церковь. Действующая с 07.04.1942 по настоящее время. Протоиерей Алексей Кибардин.

Зажупанье. Михаило-Архангельская церковь. Действующая 1942–1963. Священник Алексей Маслов.

Доложск (Доложеск, Заручье). Успенская церковь. Действующая 03.1942–24.10.1943. Игумен Илия (Мошков), священник Алексей Маслов.

Новоселье. Александро-Невская церковь. Действующая 1942–1945.

Сижно. Михаило-Архангельская церковь. Действующая 1942–1943.

Ложголово. Георгиевская церковь. Действующая 1942–1962. Священник Николай Петров, в 1944 назначен священник Николай Анненский, с 1945 священник Николай Недремский.

Песье (Самро). Воскресенская церковь. Действующая 03.1942–1945. Иеромонах Лин (Никифоров), священник Алексей Маслов.

ПРИНАРОВЬЕ

(17 храмов)

До 1917 — часть Ямбургского и Гдовского уездов С.-Петербургской губ., 1920–1944 — в составе Эстонии, с 1944 и ныне С.-Петербургская епархия.

В список включены Нарвский Спасо-Преображенский собор и Владимирская братская церковь (бывшей С.-Петербургской губ.), ныне находящиеся на территории Эстонии, и Нарвский Кренгольмский Воскресенский собор (принадлежит бывшей Эстляндской губ.), духовенство которых служило миссионерами в ходе войны.

Ямбургский уезд

Ивангород. Успенская церковь (крепость). Закрыта в 1940. Действующая 1941–1944. Закрыта 1944.

Ивангород. Никольская церковь (крепость). Закрыта в 1940. Действующая 1941–1944. Закрыта 1944.

Ивангород. Св. Троицкая церковь. Действующая до 1945. Протоиерей Павел Калинин, священник Ростислав Лозинский, священник Иаков Тимофеев.

Ивангород. Знаменская церковь. Действующая до 1944. Протоиерей Евгений Яхонтов, протодиакон Феодор Юдин. Разрушена во время боевых действий (1944).

Ивангород. Никольская церковь. Действующая до 1944. Священник Михаил Рауд. Разрушена во время боевых действий (1944).

Ивангород. Петропавловская церковь. Действующая до 1944. Священник Михаил Рауд.

Ивангород. Иверское подворье. Действующая до 1944. Священник Александр Захаров, мон. Тавифа (Иванова). Построена во время боевых действий, руины снесены в конце 1940-х.

Смолка. Св. Троицкая церковь.

Венкуль.

Нарва. Спасо-Преображенский собор. Действующий до 1944. Разрушен во время боевых действий. Архиепископ Павел (Дмитровский),

протоиерей Павел Калинин, протоиерей Владимир Ирадионов, священник Ливерий Воронов, священник Сергей Романов, священник Сергей Каргай, иеромонах Лин (Никифоров), священник Иаков Тимофеев.

Нарва. Воскресенский собор. Не закрывался. Действующий по настоящее время. Протоиерей Павел Калинин, с 1945 священник Иаков Тимофеев, диакон Петр Натаров, диакон Александр Сидоров.

Нарва. Князь-Владимирская братская церковь. Протоиерей Павел Калинин, священник Николай Недремский.

Гдовский уезд

Низы. Никольская церковь. Священник Николай Недремский.

Большие Поля (перенесена из Низов). Казанская церковь. Действующая с 1942 (?) по настоящее время.

Криуши. Александра-Невская церковь. Действующая до 1944.

Ольгин Крест. Никольская церковь. Действующая до 1944. Взорвана 04.02.1944 немецкими войсками. Священник Андрей Кротковский — до 1940–1941 (?), священник Иоанн Анисимов — до 1944.

Скамья. Ильинская церковь. Действующая до 1944. Взорвана 04.02.1944 немецкими войсками.

ПСКОВСКАЯ ЕПАРХИЯ

(193 храма)

Псковский уезд

Псков. Св. Троицкий собор. Действующий с 17.08.1941 по настоящее время. Протопресвитер Кирилл Зайц, протоиерей Сергей Ефимов, протоиерей Николай Жунда, протоиерей Николай Колиберский, протоиерей Алексей Ионов, протоиерей Георгий Тайлов, протоиерей Николай Шенрок, священник Ливерий Воронов, протоиерей Иаков Начис, священник Василий Синайский, священник Василий Стеховский, священник Александр Чернавский, диакон Иоанн Иванов, псаломщик Константин Кравченко, псаломщик Леонид Начис, диакон Владимир Ширшин, псаломщик Леонид Архангельский, псаломщик Игорь Булгак, диакон Иоанн Преображенский, псаломщик Николай Сinyaцкий, псаломщик Валентин Хмелев.

Псков. Варлаамовская церковь. Действующая с 1941 по настоящее время. Протоиерей Константин Шаховской, протоиерей Алексей Ионов, диакон Иоанн Преображенский, псаломщик Василий Рудаков, в 1944 протоиерей Петр Жарков.

Псков. Димитриевская церковь. Не закрывалась. Действующая по настоящее время. Священник Георгий Бенигсен, протоиерей Феодор Михайлов, священник Андрей Кузьмин.

Псков. Михаило-Архангельская церковь. Действующая с 17.01.1944. Закрыта в 1944. Священник Михаил Гривский, священник Владимир Толстоухов.

Псков. Алексеевская церковь. Действующая с 24.10.1943. Протоиерей Николай Шенрок, священник Михаил Гривский, псаломщик Георгий Ильинский.

Псков. Казанская церковь. Действующая 03.09.1943-1945. Протоиерей Кирилл Зайц, протоиерей Владимир Ирадионов, священник Иоанн Азелицкий, священник Михаил Гривский.

Псков. Иоанно-Богословская церковь (на Мишариной горе). Богослужения совершались нерегулярно.

Псков. Любятово. Владимирская церковь. Не закрывалась. Действующая по настоящее время. Архимандрит Серафим (Проценко), И. Амосов, священник Михаил Гривский, священник Иоанн Иванов, псаломщик Иван Терентьев.

Псков. Бутырки. Успенская церковь. Протоиерей Петр Жарков, псаломщик Михаил Ильменский.

Псков. Спасо-Мирожский монастырь (детский приют). Действующий с 12.1943. Священник Георгий Бенигсен.

Псков. Успенская Пороменская церковь. Действующая с 1942.

Псков. Мирносицкая кладбищенская церковь.

Камно. Георгиевская церковь. Священник Петр Птицин, священник Александр Федоров, псаломщик Татьяна Ястремская.

Кривовичи. Ильинская церковь. Иеромонах Амфилохий (Егоров).

Устье. Никольская церковь. Протоиерей Иоанн Виноградов.

Корлы. Ильинская церковь. Протоиерей Иоанн Виноградов, псаломщик Иван Филковский.

Нёготь. Матфеевская церковь. Священник Василий Вознесенский, священник Александр Федоров, иеромонах Амфилохий (Егоров).

Писковичи. Священник Алексей Назаретский.

Выбуты. Ильинская церковь. Священник Михаил Корлский.

Талабск (Залит). Никольская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Священник Александр Чернавский.

Верхний (?). Петропавловская церковь. Священник Александр Чернавский.

Большая Толбица (Верхолино). Духовская (Св. Илии пророка) церковь. Не закрывалась. Священник Василий Вознесенский, священник Сергей Донцов.

Малая Толбица. Введенская церковь. Вход. священник Сергей Донцов.

Елизарово. Трехсвятительский собор. Священник Иоанн Вознесенский.

Теребище. Церковь. Построена в 1943, сожжена немцами в 01.1944. Священник Николай Сарапов (вход.).

Торошино (станция). Николо-Ильинская церковь. Разрушена в 1944. Священник Роман Берзиньш, И. Амосов, священник Михаил Смирнов.

Палицы. Георгиевская церковь. Иеромонах Амфилохий (Егоров), священник Илия Богданов.

Большое Загорье. Священник Кирилл Борозденков.

Мелётово. Троицкая церковь. Священник Николай Попов, иеромонах Сергей (Сампсоник), священник Кирилл Борозденков.

Мелётово. Успенская церковь.

Виделибье. Никольская церковь. Действующая с 21.09.1941 по настоящее время. Протоиерей Никандр Добрянский.

Оклюдицы. Христо-Рождественская церковь. Действующая 21.09.1941–1944. Протоиерей Никандр Добрянский, диакон Аузлицкий.

Стремутка. Казармы РОА. Архимандрит Гермоген (Кивачук) — военный священник (протопресвитер) РОА.

Саввина пустынь. Саввинская церковь. Не закрывалась. Протоиерей Стефан Парийский, священник Михаил Парийский.

Черская (Чирски). Не закрывалась. Протоиерей Василий Овчинников.

Палкино (Смолино). Никольская церковь. Действующая с 04.10.1942. Протоиерей Владимир Ирадионов, священник Евлампий Рясенский.

Локно. Космо-Дамиановская церковь. Псаломщик Иоанн Филковский, священник Иоанн Оглоблин.

Уситва. Рождества Богородицы церковь. Священник Владимир Воскресенский.

Рюха. Георгиевская церковь. Священник Иоанн Гаврилов, священник Серафим Молчанов.

Русски (Русецкий погост). Священник Григорий Добровольский, священник Иоанн Оглоблин.

Знахлицы (Болотово). Покровская церковь. Священник Алексей Назаретский.

Добровидки (Добровитки). Священник Григорий Добровольский, священник Иоанн Оглоблин.

Славковичи. Успенская церковь. Иеромонах Андрей (Тишко), священник Василий Рушанов, священник Алексей Назаретский, священник Николай Успенский, диакон Владимир Ширшин.

Славковичи. Иоанна Крестителя церковь. Священник Алексей Назаретский.

Верхний Мост. Никольская церковь. Священник Иоанн Оглоблин.

Верхний Мост. Знаменская церковь. Священник Иоанн Оглоблин.

Слобода. Иоанна Крестителя церковь.

Докатово. Космо-Дамиановская церковь.

Демяницы. Священник Иоанн Оглоблин, псаломщик Комаров.

Тешково.

Рожницы. Священник Иоанн Оглоблин.

Великая Пустынь. Священник Иоанн Оглоблин.

Сироткино. Петропавловская церковь. Священник Николай Десятинский.

Колосово. Протоиерей Никандр Добрянский.

Прощанка. Протоиерей Никандр Добрянский.

Заходск (?). Священник Александр Чернавский.

Кризолицы. Троицкая церковь.

Кусва. Свв. Мины, Виктора, Викентия церковь. Священник Михаил Смирнов.

Гдовский уезд

Гдов. Афанасиевская церковь. Не закрывалась. Благочинный — протоиерей Иоанн Легкий, протоиерей Владимир Ирадионов, священник Роман Берзиньш, священник Владимир Соколов, священник Ливерий Воронов, протоиерей Алексей Ионов, священник Виктор Першин, священник Георгий Мельников, священник Николай Пермяков, протодиакон Феодор Юдин, псаломщик Карсов, служил протоиерей Кирилл Зайц. Взорвана оккупантами 08.02.1944.

Гдов. Димитриевский собор. Оставался за гарнизоном (?). Взорван оккупантами 08.02.1944.

Павлово (Павлов погост). Воскресенская церковь. Действующая в годы войны, к концу 1940-х — колхозный склад. Иеромонах Лин

(Никифоров), протодиакон Феодор Юдин, псаломщик Сергей Плескач.

Николо-Конец (Каменный погост). Никольская церковь. Иеромонах. Лин (Никифоров), протодиакон Феодор Юдин, псаломщик Сергей Плескач.

Кярово. Покровская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Иеромонах Лин (Никифоров), протодиакон Феодор Юдин.

Вейно. Воскресенская церковь. Действующая в войну. Вход. иеромонах Лин (Никифоров).

Крапивно. Никольская церковь. Действующая в войну. Священник Роман Берзиньш, вход. иеромонах Лин (Никифоров).

Заянье. Никольская церковь. Действующая с 05.1942 по настоящее время. Иеромонах Лин (Никифоров), священник Алексей Маслов.

Островно (Островцы). Спасо-Преображенская церковь. Действующая в войну. Священник Николай Сарапов.

Прибуж. Спасо-Преображенская церковь. Действующая в войну. С 1944 священник Филипп Ларионов.

Лосицы. Митрофаниевская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Иеромонах Лин (Никифоров), с 1944 священник Димитрий Евдокимов.

Ктины. Вмч. Димитрия Солунского церковь. Действующая с 04.1942 по настоящее время. Иеромонах Лин (Никифоров), с 1944 священник Димитрий Козлов.

Ветвеник. Петропавловская церковь.

Быстреевский погост (Финева Гора). Никольская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время.

Ляды. Спасо-Преображенская церковь. Иеромонах Лин (Никифоров), священник Николай Сарапов.

Боровик. Покровская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Священник Николай Сарапов.

Середка (Маслогостицы ?).

Мельницы. Михаило-Архангельская церковь. Священник Николай Попов.

Новые Дубяги. Введенская церковь. Священник Николай Сарапов.

Полна.

Ямы (Ямм — Мишина Гора ?).

Кобылье Городище. Михаило-Архангельская церковь. Священник Николай Сарапов.

Озера. Покровская церковь. Священник Алексей Мясников.

Бельское (Бельский погост). Рождественская церковь. Священник

Илия Богданов.

Гвоздно (Гвозденский погост, Наумовщина). Космо-Дамиановская церковь. Священник Николай Сарапов.

Курокша. Священник Николай Сарапов.

Ремда. Священник Николай Сарапов.

Лужский уезд

Посолодино. Входиерусалимская церковь. Священник Феодор Михайлов.

Щир. Священник Феодор Михайлов (?).

Погорелово (Гагрино). Успенская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Священник Димитрий Евдокимов.

Боротно. Покровская церковь. Действующая с конца 1941, закрыта в 1960-х. Священник Димитрий Евдокимов, с 1944 иеромонах Мартиниан (Баранцев).

Хредино. Св. Флора и Лавра церковь. Священник Димитрий Евдокимов, священник Борис Фессак.

Павы. Покровская церковь. Действующая с 20.02.1942. Священник Борис Фессак.

Заполье. Георгиевская церковь. Действующая в годы войны и в настоящее время.

Видони. Александро-Невская церковь. Священник Мефодий Белов (в 1943 убит немцами), священник Димитрий Белов.

Велени. Параскевинская церковь. Священник Феодор Михайлов.

Нежадово. Воскресенская церковь. В 09.1944 диакон Александр Максимов рукоположен сюда во священника.

Плюсса. Священник Феодор Михайлов, священник Димитрий Евдокимов.

Струги-Красные. Действует с 04.1942. Протоиерей Анатолий Кушников.

Модолицы. Никольская церковь.

Молодечно (Моложане). Димитриевская церковь. Иеромонах Амфилохий (Егоров), священник Илия Богданов.

Новоселье. Священник Алексей Цыпурдеев, архимандрит Исаакий, псаломщик Иван Преображенский.

Кубасово. Никольская единоверческая церковь. Священник Илия Виноградов, иеромонах Амфилохий (Егоров), священник Илия Богданов.

Порховский уезд

Порхов. Никольская церковь. Не закрывалась. Священник Михаил Павлов, протоиерей Павел Студентов, благочинный.

Порхов. Благовещенский собор. Действующий 13.12.1942–1944. Разрушен в 1960-х. Священник Виктор Першин, священник Иаков Начис, псаломщик Леонид Начис, священник Иоанн Солдатов, священник Николай Успенский, священник Николай Миронович, иеромонах Геннадий (Собственников).

Порхов. Иоанно-Предтеченская церковь (кладбищенская). Действующая 22.07.1941–1943. Протоиерей Павел Студентов.

Никандрова Благовещенская пустынь. Действующая с 12.07.1942. Игумен Андрей (Тишко) — умер от болезни или убит немцами в 09.1942, служил протопресвитер Кирилл Зайц.

Любовец. Действующая с 1942. Иеромонах Геннадий (Собственников).

Бродовичи. Иеромонах Геннадий (Собственников).

Береза. Михаило-Архангельская церковь. Священник Иоанн Иванов.

Дубровна. Священник Иоанн Иванов.

Хохловы Горки. Грузинской Божией Матери церковь. Священник Феодор Пузанов, протоиерей Николай Трубецкой, диакон Михаил Трубецкой, иеромонах Геннадий (Собственников).

Опоки. Благовещенская (Ильинская) церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Игумен Валентин (Боровцов).

Подоклинье. Богоявленская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Протоиерей Иоанн Осипов.

Демянка. Рождества Христова церковь. Протоиерей Иоанн Осипов, священник Иоанн Модестов.

Жаборы. Покровская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Священник Михаил Успенский, священник Михаил Павлов, протоиерей Павел Студентов.

Дно. Михаила Архангела церковь. Действующая с конца 1941 по настоящее время. Священник Василий Рушанов, священник Владимир Толстоухов, иеромонах Мартемиан, священник Николай Стефанович, протоиерей Сергей Василевский, благочинный.

Скугры. Никольская церковь. Действующая до 02.1944, при отступлении сожжена немцами. Протоиерей Сергей Василевский, протоиерей Иоанн Осипов.

Сырковичи (Березка). Священник Иоанн Пращиков (Тращиков ?).

Лукомо. Казанская церковь. Действующая в годы войны. Закрыта в 1960-х. Сожжена.

Большое Тресно. Молитвенный дом (?), церковь (?) или проживал священник (?). Священник Георгий Сперанский

Михайловский погост. Воскресенская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Священник Стефан Макаренко.

Морино. Иверской иконы Божией Матери церковь. Действующая с 1942 по настоящее время.

Белая. Рождества Богородицы церковь. Иеромонах Сергей (Сампсоник), священник Илия Богданов, в 1944 — благочинный, псаломщик Иван Голубев.

Дедовичи. Священник Николай Стефанович.

Вышегород. Михаило-Архангельская церковь. Священник Алексей Мещерский.

Пожеревицы. Рождества Христова церковь. Действующая 1941—1944. Протоиерей Евгений Троицкий.

Чихачёво (станция). Священник Николай Закревский.

Дмитриевы Горки. Священник Алексей Мещерский.

Александрово. Спасская церковь. Священник Иоанн Модестов (рукоположен в 08.1943).

Гористо. Преображенская церковь. Протоиерей Кронид Яковлев.

Болчино. Свято-Троицкая церковь. Священник Алексей Мещерский.

Княжи Горки (Красные Горки). Ильинская церковь.

Горомулино. Вознесенская церковь. Не закрывалась.

Заклинье. Спасо-Преображенская церковь. Священник Николай Спиридонов.

Карачуницы. Иеромонах Геннадий (Собственников) — с 11.1944.

Буриги. Свято-Троицкая церковь.

Рвы. Никольская церковь.

Бельское Устье. Вознесенская церковь. Не закрывалась. Священник Николай Успенский.

Ясно. Действующая 17.03.1942—30.11.1943, сожжена немцами. Священник Александр Лебедев, псаломщик Александр Спиридонов.

Островский уезд

Остров. Троицкий собор. Действующий конец 1941–1944. Протоиерей Алексей Ионов, священник Александр Дрябинцев, протоиерей Николай Жунда, священник Владимир Толстоухов, протоиерей Георгий Тайлов, священник Николай Мионович.

Остров. Свт. Николая церковь, на острове. Действующая с 1942. Священник Алексей Ионов, священник Николай Мионович.

Остров. Свв. Жен Мироносиц церковь (кладбищенская). Действующая с 08.1941 по настоящее время. Протоиерей Алексей Ионов.

Остров. Симанский монастырь. Казанская церковь. Освящение после Пасхи 1943, действующая. Священник Иоанн Гаврилов, священник Николай Мионович.

Владимирецерковь. Никольская церковь. Священник Иаков Начис, псаломщик Леонид Начис.

Сигорицы. Иоанна Крестителя церковь. Священник Иаков Начис, псаломщик Леонид Начис, псаломщик Василий.

Воронцово. Священник Иаков Начис, псаломщик Леонид Начис.

Маршавицы. Священник Иаков Начис, псаломщик Леонид Начис.

Пальцево. И. Амосов.

Кухва. Михаило-Архангельская церковь. Действующая в годы войны. Закрыта в 1950–1960-х. Ныне не существует.

Елины. Покровская церковь. Протоиерей Сергей Ефимов, священник Константин Гонестов, с 1944 священник Серафим Молчанов.

Дубки. Казанская церковь. Освящение в 01.1944. Священник Серафим Молчанов.

Гривы. Спасо-Преображенская церковь. Протоиерей Алексей Ионов, священник Александр Дрибинцев.

Пустое Воскресенье. Воскресения Христова церковь. Протоиерей Алексей Ионов, священник Александр Дрибинцев.

Гнилки. Протоиерей Алексей Ионов, священник Александр Дрибинцев.

Врев. Никольская церковь. Протоиерей Георгий Тайлов.

Выбор. Успенская церковь. Священник Роман Берзиньш, священник Иоанн Трубецкой, священник Иаков Начис, псаломщик Леонид Начис.

Кокшино. В 1944 образован приход.

Пупорево. Никольский молитвенный дом. Освящение в бывшей школе вместо разрушенной церкви. Священник Серафим Молчанов.
Шилово. Священник Иаков Начис, псаломщик Леонид Начис.
Юрино.

Опочецкий уезд

Опочка. Покровская церковь (кладбищенская). Действующая с конца 1941 по настоящее время. Священник Владимир Толстоухов, псаломщик Георгий Радецкий, священник Владимир Гаврилов, диакон Николай Тарушенков.

Пушкинские Горы (Святые Горы). Казанской иконы Божией Матери церковь (кладбищенская) на Тимофеевой горе. Иеромонах Иоасаф (Дмитриев).

Пушкинские Горы (Святые Горы). Успенский собор. Действующий с 06.1942. Иеромонах Иоасаф (Дмитриев), священник Владимир Толстоухов, псаломщик Георгий Радецкий, священник Михаил Успенский, священник Борис Стехновский, священник Георгий Тайлов.

Михайловское (Воронич). Воскресения Словущего церковь. Священник Владимир Толстоухов, псаломщик Георгий Радецкий.

Велье. Крестовоздвиженская церковь. Действующая с 11.1941. Священник Владимир Толстоухов, священник Георгий Тайлов, псаломщик Георгий Радецкий, священник Никандр Горностаев, священник Борис Стехновский, псаломщик Ольга.

Печане. Троицкая церковь. Действующая 1941–1944. Пострадала в 1944. Священник Владимир Толстоухов, псаломщик Георгий Радецкий, священник Георгий Тайлов, псаломщик Павел Павлов, монахиня Олимпиада (Никифорова), послушница Анна, послушница Акилина.

Поляне. Действующая с конца 1941. Священник Георгий Тайлов, протоиерей Модест Лавров.

Теребени. Воскресенская церковь. С 1942 (?) вход., с 1944 постоянно протоиерей Модест Лавров.

Утретки. Введенская церковь. Не закрывалась. Сожжена немцами в 1944. С 1910 по 1944 протоиерей Модест Лавров.

Ладино (Дольсец). Крестовоздвиженская церковь.

Красный (Красногородское). Священник Феодор Ягодкин, протоиерей Алмазов, священник Никандр Горностаев, священник Борис Стехновский.

Ильинское. Священник Владимир Толстоухов.

Синяя Никола. Священник Владимир Толстоухов, псаломщик Георгий Радецкий.

Кудеверь. Св. Георгия церковь. Действующая с лета 1943. Священник Георгий Тайлов, монахини.

Бардово (?) (приход на реке Алела — соседний с Кудеверью). Священник Георгий Тайлов.

Никольское. Священник Владимир Толстоухов, псаломщик Георгий Радецкий.

Новоржевский уезд

Новоржев. Протоиерей Иоанн Троицкий, священник Владимир Толстоухов.

Вехно. Спасо-Преображенская церковь. Священник Иоанн Лавров, с 1943 священник Георгий Тайлов.

Турова. Священник Иаков Начис, псаломщик Леонид Начис.

Гривино. Священник Иаков Начис, псаломщик Леонид Начис.

Столбушино. Успенская церковь. Протоиерей Алексей Вышегородский.

Барута. Покровская церковь.

Добрывичи. Тихвинская церковь. Священник Николай Закревский.

Плёссы. Никольская церковь.

Устье. Рождества Христова церковь.

Себежский уезд

Идрица. Никольская церковь. Священник Андрей Иванов.

Меженцы. Священник Василий Рушанов, диакон Владимир Ширшин.

Ливно. Рождества Пресвятой Богородицы церковь. С осени 1941 псаломщик (?) Яков Рыбаков.

Невельский уезд

Невель. Свято-Троицкая церковь. Священник Андрей Иванов.

Ловец. Успенская церковь. Действующая с 01.1942. Священник Федор Тонковид.

Жуково. Священник Иоанн Щемелов.

Великолуцкий уезд

Великие Луки (?)

Насва. Крючский скит Великолуцкого Воскресенского монастыря. Действующий осень 1941–01.1942. Схиигумения Херувима. Локня.

ПЕЧОРСКИЙ КРАЙ

(29 храмов)

До 1920 — часть Псковского уезда Псковской губ., в 1920–1944 — в составе Эстонии (Печорский уезд), с 1944 и ныне — Псковская епархия.

В списке приводятся также храмы Саатсе (Зачеренье) и Вярска (Верхоустин), ныне находящиеся на территории Эстонии, входившие в состав Печорского уезда, а ранее — в состав Псковской губ.

Печоры. Псково-Печерский Успенский мужской монастырь. Семь храмов: Успенский собор, Сретенская церковь, Благовещенская церковь, Лазаревская церковь, Успенская церковь, Михайловская церковь, Никольская церковь. Игумен Павел (Горшков).

Печоры. Сорока мучеников Севастийских церковь. Священник Константин Шаховской, священник Василий Евстафьев, диакон Василий Савин.

Печоры. Варваринская церковь (эстонская). Протоиерей, с 1943 епископ Петр Печерский (Пяхкель).

Тайлово. Никольская церковь. Протоиерей Эллий Верхоустинский, благочинный.

Залесье. Свято-Троицкая церковь. Протоиерей Павел Буров.

Малы. Рождественская церковь (эстонская).

Малы. Онуфриевская церковь. Священник Валентин Савин, псаломщик Михаил Краснощеков.

Изборск. Никольский собор (в крепости). Протоиерей Павел Жемчужин, диакон Михаил Верещагин.

Изборск. Никольская церковь на Городище.

Изборск. Прп. Сергия и Никандра церковь.

Изборск. Рождества Богородицы церковь. Священник Иоанн Панов, псаломщик Иван Митин.

Сенно. Георгиевская церковь. Священник Петр Орец, диакон Николай Преображенский, псаломщик Тимофей Демин.

Печки. Георгиевская церковь. Протоиерей Иоанн Виноградов, диакон Георгий Шишко.

Паниковичи. Свято-Троицкая (Никольская) церковь. Священник Леонид Поспелов, священник Вельготный.

Кульё. Ильинская церковь. Протоиерей Александр Быстров.

Лисье. Владимирской иконы Божией Матери церковь. Священник

Василий Лирин.

Колпино. Спасо-Преображенская церковь. Священник Михаил

Беллавин.

Лавры (Шемерицы). Никольская церковь. Протоиерей Владимир

Быстров, диакон Пospelов.

Зачеренье (Саатсе). Св. мч. Параскевы. Священник Михаил Дуб-

ровин.

Мустицево. Иоанна Крестителя церковь на хуторе Псково-Пе-

черского монастыря. Священник Василий Соловей.

Верхоустин (Вярска). Эстонская церковь.

Ламы. Эстонская церковь.

Обиницы (Овинчице). Эстонская церковь. Священник Петр

Тамм.

АБРЕНСКИЙ (ПЫТАЛОВСКИЙ) УЕЗД

(11 храмов)

До 1920 — часть Островского уезда Псковской губ. В 1920–1944 — в составе Латвии, с 1944 — в составе Псковской епархии.

Пыталово (Абрене). Никольская церковь. Протоиерей Сергей Ефимов, священник Николай Карбузов.

Аксенова Гора (Горбунова Гора). Успенская церковь. Протоиерей Алексей Ионов, священник Николай Кудрявцев.

Гавры (Коровск). Рождества Богородицы церковь. С 02.1944 священник Георгий Тайлов, диакон К. Гербачевский.

Грешина Гора. Свято-Троицкая церковь.

Вышгородок. Борисо-Глебская церковь.

Верхние Овсицы (Аугшиене, Анциферово). Вознесенская церковь.

Священник Николай Приймаги, священник Константин Гонестов.

Линово. Свято-Троицкая церковь.

Родовое (Ново-Муравейск). Свято-Троицкая церковь. Священник

Николай Кудрявцев.

Качаново (Кацены). Никольская церковь. Священник Павел Пан-

филов.

Юшково (Даличино). Ильинская церковь.

Балтиново. Спасо-Преображенская церковь. Священник Николай

Карзубов.

НОВГОРОДСКАЯ ЕПАРХИЯ

(82 храма)

Новгородский уезд

Новгород. Михайловский собор на Прусской ул. Не закрывался, Действующий до конца 1941. Протоиерей Василий Николаевский, протоиерей Дмитрий Кратиров.

Вяжищи. Никольский собор. Действующий с 08.09.1941. Иеромонах Валентин (Лелянов).

Курцево. Свято-Троицкая церковь. Действующая с 1942.

Чудово. Казанская церковь. Действующая с 21.07.1943. Священник Феодор Пузанов, протоиерей Александр Сыпин.

Трясово. Вознесенская церковь. Действующая конец 1941—09.1943. Протоиерей Петр Чесноков.

Орлово-на-Веренде. Вознесенская церковь (домовая, перенесена из Трясово). Действующая с 14.09.1943. Протоиерей Петр Чесноков.

Георгий (Егорье). Георгиевская церковь. Действующая с 06.11.1941 по настоящее время. Протоиерей Феодор Березняковский, протоиерей Василий Николаевский, диакон Сергей Сапунов.

Васильевское. Свт. Василия Великого церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Протоиерей Феодор Березняковский, протоиерей Василий Николаевский, иеромонах Валентин (Лелянов), иеродиакон Иларион (Андреев).

Подберезье. Григория Богослова церковь. Диакон Николай Десятинский.

Селогорское (?). Игумен Иоанн (Алексеев).

Шимск. Священник Иоанн Лилиев.

Хочени. Никольская церковь. Иеромонах Кирилл (Смирнов), священник Валентин Колчев, священник Павел Михайловский, протоиерей Михаил Беляев, священник Сергей Веселов — с 11.1944.

Менюша. Свято-Троицкая церковь.

Сабле. Успенская церковь. Действующая с 03.12.1942. Священник Петр Игнатъев.

Хрепле. Успенская церковь. Действующая с 11.1941. Протоиерей Дмитрий Флоринский.

Косицкое (Косицы). Покровская церковь. Священник Иоанн Харинский.

Черная. Вознесенская церковь. Действующая с 16.12.1942. Священник Павел Бельский.

Спас-Пископец. Спасо-Преображенская церковь. Архимандрит Сергей (Андреев), иеродиакон Гермоген (Крылов), диакон Николай Орнатский.

Курицко. Успенская церковь. Действующая с 28.08.1941. Священник Иоанн Иванов, иеромонах Варсонофий (Кузьмин), священник Сергей Сапунов.

Ямок. Лазаревская (Иоанна Предтечи) церковь. Действующая с 25.02.1942. Священник Сергей Сапунов.

Голино. Петропавловская церковь. Действующая с 10.08.1942. Протоиерей Николай Светлов, с 1944 игумен Дамиан (Яковлев).

Большое Водское. Протоиерей Димитрий Кратиров.

Велебицы. Иоанна Богослова церковь. Действующая с 1942 по настоящее время.

Ракомье (?). Знаменская церковь. Действующая с 27.09.1941. Протоиерей Василий Николаевский.

Межнино (?). Иеромонах Варсонофий (Кузьмин).

Витка. Покровская церковь. Действующая с 25.02.1943.

Лужский уезд

Городня. Димитриевская церковь. Священник Николай Егоров, священник Николай Попов, вход. священник Дисидерий Бойцов.

Мроткино. Никольская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Священник Дисидерий Бойцов.

Уторгош. Покровская церковь. Служили случайные священники.

Болотско. Георгиевская церковь. Священник-самозванец Симеон Тепкин.

Пески. Покровская церковь. Священник Борис Смирнов.

Турская Горка (Туршино). Знаменская церковь. Священник Борис Смирнов.

Подмошье. Знаменская церковь. Действующая с 1942, к лету 1944 жили погорельцы. Священник Лев Заблоцкий.

Подмошье. Духовская церковь. Действующая с 1942, сожжена немцами в 01.1944. Священник Лев Заблоцкий.

Мелковичи. Покровская церковь. Священник Иоанн Харинский.

Лубино (Лубно). Михайловская церковь. Игумен Иоасаф (Романников).

Передольская. Скорбященская церковь. Игумен Иоанн (Алексеев),
 диакон Петр Игнатьев.

Передольская. Воскресенская церковь. Игумен Иоанн (Алексеев),
 диакон Петр Игнатьев.

Тырково-Торошковичи. Преображенская церковь. Священник Сер-
 гий Веселов.

Порховский уезд

Сольцы. Ильинский собор. Протоиерей Владимир Бируля, благо-
 чинный, протоиерей Николай Флоринский, протодиакон Виктор Де-
 гожский, псаломщик Николай Елецкий, служили протоиерей Николай
 Трубецкой, диакон Михаил Трубецкой.

Мусцы. Покровская церковь. Священник Николай Васильков.

Илемно. Казанская церковь. Действующая с 03.1942, к лету 1944
 жили погорельцы. Священник Николай Соловьев.

Ситня. Действующая с 1942. Священник Николай Соловьев.

Молочково. Успенская церковь. Действующая с 1942 по настоящее
 время. Священник Николай Соловьев, протодиакон Виктор Дегожский.

Дубенки. Действующая 12.1943–02.1944. Священник Николай Со-
 ловьев.

Варевницы.

Старорусский уезд

Старая Русса. Георгиевская церковь. Действующая конец 1941–
 03.1943. Игумен Корнилий (Кузьмин), протоиерей Сергей Василевский.

Старая Русса. Знаменская церковь. Игумен Корнилий (Кузьмин).

Славитино. Казанская церковь. Протоиерей Василий Ерин.

Волотово. Священник Алексей Георгиевский.

Речени. Священник Михаил Никитин.

Свинорд (ныне Невское). Георгиевская церковь. Действующая с 1942.

Должино (Доложино). Никольская церковь. Сожжена немцами в на-
 чале 1944. Священник Алексей Георгиевский.

Севера. Рождества Иоанна Предтечи церковь. Взорвана немцами
 в начале 1944. Священник Алексей Георгиевский.

Дерглец (Дергалец). Тихвинская церковь. Действующая с 13.12.1942.
 Священник Михаил Никитин.

*Воскресенское. Обновления храма Воскресения Христова в Иеру-
 салиме церковь.* Протоиерей Сергей Василевский

Коростынь. Успенская церковь. Действующая с 28.08.1943 по настоящее время. Иеромонах Варсонофий (Кузьмин), с 1944 священник Константин Травин.

Корыстынь. Владимирская церковь. Действующая с 08.1942. Священник Константин Иванов.

Борисово. Покровская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Священник Михаил Зверев.

Речки. Вознесенская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Священник Иоанн Еринов, священник Иоанн Копылов.

Леохново. Спасо-Преображенская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Священник Михаил Зверев.

Углы. Иконы Божией Матери «Живоносный Источник» церковь. Действующая с 05.1942. Вход. священник Петр Кононов, с 1944 — основной.

Подгощи. Свято-Троицкая церковь. Действующая с 11.08.1943. Священник Петр Кононов, с 1944 — вход.

Мшага. Вход. священник Петр Кононов.

Любыни. Знаменская церковь. Священник Иоанн Лилиев, псаломщик Ф. С. Андреев.

Марково. Смоленская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время.

Горцы (Горец). Владимирской иконы Божией Матери церковь. Действующая с 27.09.1941. Священник Константин Иванов.

Пенжа. Свято-Троицкая церковь. Действующая с 02.1942. Священник Константин Иванов.

Верехново. Феодора Стратилата церковь. Священник Алексей Георгиевский.

Учно. Тихвинская церковь. Действующая с 1942 по настоящее время. Протоиерей Василий Ерин, с 1944 священник Иоанн Копылов.

Порожки. Благовещенская церковь. Священник Михаил Никитин, священник Алексей Георгиевский.

Городец (Городцы). Свято-Духовская церковь. Священник Михаил Никитин.

Доворец (Доворицы). Спасо-Преображенская церковь. Действующая с 04.09.1943. Священник Иоанн Копылов.

Речные Котцы. Никольская церковь.

Переезд. Свято-Троицкая церковь.

Холмский уезд

Холм (?). *Никольская церковь*.

Демянский уезд

Демянск. *Крестовоздвиженская церковь*. Взорвана немцами 29.03.1943.

Демянск. *Богоявленский собор*. Действующий конец 1941–1943, весной 1943 разрушен в ходе боев за город. Архимандрит (?) Михаил (Смелков).

Ильина Гора. *Ильинская церковь*.

Марево (Морево). *Успенская церковь*. Действующая 1941–1943. Священник убит партизанами.

Сосницы (Соснино). *Успенская церковь*. Не закрывалась. Действующая до 1942 (?).

Кневицы. *Свято-Троицкая церковь*. Не закрывалась. Действующая по настоящее время.

Список составлен *М. В. Шкаровским* и *И. В. Поповым*

АРХИЕРЕИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ЭКЗАРХАТА И СВЯЩЕННОЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛИ ПСКОВСКОЙ МИССИИ

Епископат

Александр (Витол Адам), епископ Мадонский. Родился 05.06.1876 в крестьянской латышской семье. Окончил Рижскую духовную семинарию. Служил псаломщиком, затем священником в приходах Стамериене и Виляка. Хиротонисан во епископа Ерсикского 17.07.1938 (хиротонию совершали митрополит Рижский Августин, митрополит Ревельский Александр, архиепископ Финляндский Герман, архиепископ Печерский Николай и епископ Елгавский Иаков), епископская кафедра находилась в Двинске. Позже — епископ Мадонский. Скончался 30.07.1942 в Риге. Похоронен на Рижском Вознесенском кладбище.

Даниил (Юзвюк Николай Порфирьевич), архиепископ Ковенский. Родился 02.10.1880 в Виленской губернии в семье псаломщика. Окончил Жировицкое духовное училище и духовную семинарию. До 1914 занимался педагогической деятельностью в духовно-учебных заведениях. В 1914–1917 учился на юридических курсах в Петрограде. После 10.1917 — на гражданской работе в Харькове, откуда переехал в Вильно. В 1925–1939 — воспитатель и преподаватель Виленской духовной семинарии. В 1939–12.1940 — секретарь митрополита Литовского и Виленского Елевферия. В 04.1942 пострижен в монашество, рукоположен в иеромонаха и возведен в сан архимандрита. С 04.1942 — епископ Ковенский. В 08.1942 присутствовал на съезде православных архиереев Прибалтики в Риге. 29.04.1944, вследствие завещания экзарха Сергия, возведен в сан архиепископа и назначен временно управляющим Виленской и Литовской епархией, с правом управления экзархатом. В 10.1944 эвакуирован в Германию (Судеты). В конце 1944–1945 проживал в Чехословакии. 19.12.1945 восстановил общение с Московской Патриархией и 30.12.1945 назначен архиепископом Пинским и Брестским. С 12.1948 — архиепископ Пинский и По-

лесский. В 1949 арестован и осужден, 31.10.1950 уволен от управления епархией. В 1955 освобожден, в 1956 ослеп. С конца 1956 — на покое в мужском монастыре г. Измаила, с 11.1964 — в Свято-Михайловском женском монастыре близ Одессы, в селе Александровке, где и скончался 27.08 1965.

Иаков (Карп), архиепископ Елгавский. Родился в 1865 в крестьянской латышской семье. Служил в Рижской епархии псаломщиком, затем священником. Прослужил в иерейском сане более 40 лет, будучи все эти годы настоятелем Кокнесского Петропавловского латышского прихода. 27.09.1936 хиротонисан митрополитом Рижским Августиним, митрополитом Эстонским Александром, архиепископом Печерским Николаем и архиепископом Финляндским Германом во епископа Елгавского. В 1942 возведен в сан архиепископа Митавского экзархом Сергием. К 1943 жил на покое в Кокнесе. Скончался 19.10.1943 в Риге. Похоронен на кладбище местечка Кокнесе (Кокенгузен).

Иоанн (Гарклавс Иван Яковлевич), епископ Рижский. Родился 25.08.1898 в Унгуре (Латвия) в крестьянской латышской семье. Первоначально — портной, прислуживал в церкви, позже служил в Рижской епархии псаломщиком. Учился в Рижской духовной семинарии, в 1936 рукоположен во диакона, затем во священника. Служил в Константино-Еленинской церкви в Дундаге, окормляя соседние приходы. 13.03.1943 митрополитом Виленским и Литовским Сергием, архиепископом Нарвским Павлом, епископом Ковенским Даниилом) хиротонисан во епископа Рижского. 13.03.1943—09.1944 управлял Рижский епархией. В 10.1944 эвакуирован с духовенством экзархата в Германию (Судеты), позже — в г. Яблонец, в Чехословакии, с 08.1945 — в Западной Германии (служил в лагерях для беженцев), с 22.07.1949 — в Америке, принадлежал к Американской митрополии. Епископ Детройтский и Кливлендский. Управлял Чикагской и Миннеапольской епархией (1955—1957). С середины 1950-х — архиепископ. С 01.09.1978 — на покое, проживал в Чикаго, где и скончался 11.04.1982.

Макарий (Васильев Кузьма Васильевич), схиепископ Маловишерский. Родился 05.09.1871 в деревне Губа Большегорской волости Тихвинского уезда Новгородской губернии в крестьянской семье. С 1894 — насельник Воскресенского миссионерского мужского монастыря Макариевская пустынь, в 20 км от станции Любань. В 1897 пострижен в мантию с именем Кирилл. В 1901 рукоположен во иеромо-

наха, с 08.1906 — настоятель Макариевской пустыни, с 03.1910 — игумен. 04.04.1923 тайно хиротонисан во епископа Любанского. 15.07.1924 арестован, 30.01.1925 осужден на 5 лет, выслан в Северный край. В 1927 освобожден. После освобождения до 07.1928 — настоятель Макариевской пустыни. В 07.1928 пострижен в схиму с именем Макарий, именуется схиепископом Маловишерским. Арестован 17.02.1932 по обвинению в контрреволюционной пропаганде и деятельности. Осужден Коллегией ОГПУ 22.03.1932 на 3 года ссылки в Казахстан. Освобожден в 1935 и до оккупации Новгородского края немецкими войсками проживал в районе Чудова, служил катакомбным епископом на территории Ленинградской области, находясь на нелегальном положении (проводил тайные богослужения на квартирах, в избах). В 1937, скрываясь от ареста, отправился в Среднюю Азию, где пробыл почти год. В 1941 — вновь в Макариевской пустыни. Сопrotивлялся занятию немцами зданий пустыни, за что был переселен ими в Чудово, а в начале 1942 — в Псков. С 14.04.1942 проживал в Псково-Печерском монастыре. Периодически служил в храмах монастыря. При бомбардировке монастыря советской авиацией убит осколком авиабомбы в своей келии в ночь на 01.04.1944. Похоронен в пещерах монастыря.

Павел (Дмитровский Павел Григорьевич), архиепископ Нарвский. Родился 15.01.1872 в селе Малая Белозерка близ Мелитополя Таврической губернии в семье диакона. В 1894 окончил Таврическую духовную семинарию. Рукоположен 05.05.1896 в сан диакона, 06.05.1896 — в сан священника. С 1896 служил в приходах Таврической и Петербургской епархий, законоучитель. В 1908–1911 — вольнослушатель Петербургской духовной академии. С 1911 по 1914 — священник в церкви села Ивановское Ямбургского уезда Петербургской губернии. Потерял при трагических обстоятельствах дочь, овдовел. С началом Первой мировой войны был назначен военным священником. С 25.04.1915 — судовой священник Балтийского флота, в те же годы состоял законоучителем Кронштадтской школы юнг. Служил на госпитальном судне «Николаев» (в 1905–1917 и после 1918 — учебное судно). После событий 1917, согласно желанию всей команды, был оставлен на корабле, как пользовавшийся особым уважением и любовью. Ушел с военного флота по собственному желанию ввиду предстоящей ликвидации корабля. Уволен от должности корабельного священника учебного судна «Народоволец» (так 03.06.1917 был переименован «Николаев») 08.08.1918. В 07.–08.1919 служил в Нарве в Кренгольмской Воскресенской церкви (ныне Воскресенский собор). С 01.09.1919 —

2-й священник Нарвского Спасо-Преображенского собора. В 1919–1930 — законоучитель Нарвских эмигрантских средних курсов (гимназии). Активно участвовал в общественной жизни Нарвы, являясь руководителем местного Русского студенческого христианского движения. В момент церковной смуты по календарному вопросу в Эстонии являлся сторонником юлианского календаря, за что был отправлен в ссылку, однако вскоре возвращен в Нарву. 03.10.1937 в Нарвском Преображенском соборе хиротонисан во епископа Нарвского и Изборского. В годы немецкой оккупации посещал лагеря русских военнопленных в Эстонии, а также лагеря для русских беженцев и перемещенных лиц; оказывал пленным духовную и материальную помощь, держа себя независимо и защищая интересы русских людей перед немецкими властями. В некоторых лагерях (Балтийский порт, Феллин) организовал постоянные русские церкви. В 1942–1944 окормлял приходы временно оккупированных Кингисеппского, Котельского и Волосовского районов. Возобновил богослужения во многих бывших закрытыми и разрушенными храмах. В 1942 остался в духовном подчинении экзарха Сергия. С 12.1942 — архиепископ Нарвский. С 1944 проживал в Таллине. С 05.1945 — архиепископ Таллинский и Эстонский. Во главе делегации от Эстонии принимал участие в выборах Патриарха Алексия I в Москве (1945). Скончался в ночь на 02.02.1946 в Таллине, похоронен там же на Александро-Невском кладбище.

Сергий (Воскресенский Дмитрий Николаевич), митрополит Виленский и Литовский, экзарх Латвии и Эстонии. Родился 26.10.1897 в Москве в семье протоиерея. В 1907–1917 окончил в Москве духовное училище, духовную семинарию и духовную академию. В 1918–1922 — на гражданской работе. В 1920–1923 учился в Московском государственном университете, исключен как «чуждый элемент» и арестован за антисоветскую пропаганду. С 1925 — монах Данилова монастыря в Москве. В 1930 — настоятель собора в Орехово-Зуево. С 1931 — редактор «Журнала Московской Патриархии». С 16.10.1933 — епископ Коломенский, в 1934–1935 — епископ Бронницкий, в 1936 — епископ Дмитровский, с 1937 — архиепископ, управляющий делами Патриархии. С 24.02.1941 — митрополит Виленский и Литовский, экзарх Латвии и Эстонии. В 07.1941 по его инициативе основана Внутренняя Православная Миссия в Латвии и Литве, в 08.1941 — Псковская Православная Духовная Миссия. Убит неизвестными (предположительно агентами СД), одетыми в немецкую военную форму на шоссе Вильно–Рига 28.04.1944. Похоронен в Риге на Покровском кладбище.

Архиереи, временно выходившие из состава экзархата в 1941–1944

Августин (Петерсон Августин Адамович), митрополит Рижский. Родился 17.02.1873 в крестьянской латышской семье. Окончил Рижскую духовную семинарию (1895), псаломщик и учитель церковно-приходских школ в Сунтажах, Каплаве и Либаве. В 1904 рукоположен во иерея. Во время Первой мировой войны — военный священник. С 1926 по 1936 — гарнизонный священник Двинской крепости. 21.03.1936 перед наречением во епископа пострижен в рясофор, 29.09.1936 хиротонисан во епископа и возведен в сан митрополита с титулом Рижский и всея Латвии (в юрисдикции Константинопольского Патриархата). 28.03.1941 после покаяния вернулся в состав Московского Патриархата. Управлял митрополией до 1941. К лету 1941 — на покое. 20.07.1941 отделился от экзарха Сергия, однако в его подчинении состояли лишь 5 приходов в центральной Латвии (на его родине, в Видземе). 23.02.1942 уволен экзархом за штат, 15.07.1942 запрещен им в священнослужении. В 10.1944 эвакуировался из Риги в Германию (Берлин, затем Мюнхен), много болел. С 1946 входил в состав Русской Православной Церкви Заграницей, Архиерейский Синод которой 17–18.09.1946 снял запрещение в священнослужении. В 1947 провозгласил создание «Латвийской Православной Церкви в изгнании», но активных действий не предпринимал. Скончался 04.10.1955 в Гаутинге, пригороде Мюнхена.

Александр (Паулус), митрополит Ревельский. Родился в 1872. Окончил Рижскую духовную семинарию (1894). Служил священником в Рижской епархии. Эмигрировал за границу. В 1918 хиротонисан архиепископом Псковским Евсеем во епископа Порховского. С 1920 — архиепископ Ревельский и Эстонский, с 08.1923 возглавил Эстонскую Апостольскую Православную Церковь, перейдя в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, митрополит. 30.03.1941 вернулся после покаяния в состав Московского Патриархата. До 03.09.1941 — митрополит Таллинский (Ревельский), в подчинении экзарха Сергия. В конце 1941 попытался вновь перейти в подчинение Константинопольскому Патриарху, вышел из состава экзархата с рядом приходов Таллинской епархии (Эстонская схизма). 05.11.1942 запрещен в священнослужении Собором епископов экзархата. В 10.1944 с группой из 22 клириков уехал в Германию (в Берлин), позже — в Швецию. В эмиграции — в Стокгольме, продолжал возглавлять Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви (Зарубежной, Константинопольского Патриархата). Скончался в Стокгольме 18.10.1953.

Николай (Лейсман), архиепископ Печерский. Родился около 1853 в Перновском уезде Лифляндской губернии в эстонской семье. Окончил Петербургскую духовную академию. До 1915 служил в Рижском кафедральном соборе, протоиерей, ключарь собора. Штатный член Рижской Духовной консистории. В дальнейшем служил в Эстонии настоятелем и благочинным. В 1920 хиротонисан во епископа Печерского, викария Эстонской епархии. С 1933 — ректор Эстонской духовной семинарии в Печорах, возведен в сан архиепископа. До лета 1940 — архиепископ Печерский, затем — на покое. 07.08.1943 хиротонисал отца Петра Пяхкеля совместно с митрополитом Александром (Паулюсом) во епископа Печерского. Был временно управляющим Таллинской епархией (от экзарха Сергия?). Духовный писатель. Скончался в 1947. Похоронен на своей родине, в церкви села Пенуя (Пеникюль), близ Килинги-Нымме (Эстония).

Петр (Пяхкель Петр Михайлович), епископ Печерский. Родился в 1875 в Эстляндской губернии. В 1930–1943 служил настоятелем Варваринской церкви в Печорах в сане протоиерея. В 03.1941 вместе с Эстонской Православной Церковью воссоединился с Московской Патриархией. Осенью 1941 вновь перешел в автокефальную Эстонскую Церковь. 07.08.1943 хиротонисан митрополитом Александром (Паулюсом) и архиепископом Николаем (Лейсманом) во епископа Печерского. Арестован в Печорах 27.06.1945. Приговорен 14.09.1945 Военным Трибуналом войск НКВД Псковской области к 10 годам лагерей. Был в заключении в ленинградской тюрьме. Реабилитирован 31.10.1996.

Священники и диаконы

Азелицкий Иоанн, священник. В годы войны служил в церкви села Люблино (?) (очевидно, Любятово, близ Пскова).

Азиатский Алексей Симеонович, священник. Родился 05.02.1877 в селе Заречье Новоладожского уезда Петербургской губернии. Окончил Александро-Невское духовное училище. Обучался в Петербургской духовной семинарии. Учитель церковно-приходских школ в Новоладожском и Гдовском уезде (1894–1907). Псаломщик в церкви Бельского погоста в Гдовском уезде (1907–1920). В 1920 рукоположен во диакона, служил в церкви Бельского погоста и погоста Кривовичи Псковского уезда (1920–1928). 14.10.1928 рукоположен архиепископом Псковским Феофаном во священника. Служил в погосте Устье близ Пскова, с 1930 — в погосте Смолино (Палкино), после закрытия храма,

с 1935 — в церкви села Выскатка Гдовского уезда до ее закрытия в 1938. Уехал в Новгород, проживал в его окрестностях 3 года на иждивении детей. В конце 1941 приглашен служить в церковь села Коровий Ручей. Овдовел в 1942. По разрушении церкви и села в ходе боевых действий (1942) удалился в деревню Апраксин Бор того же прихода, где пробыл до 1943. 01.01.1943 приглашен в Любань для погребения скончавшегося там настоятеля Петропавловской церкви протоиерея И. Медведского. Занял его место. 01.01.—15.10.1943 служил в церкви г. Любань, вместе со всем населением Любани эвакуирован 15.10.1943 в Латвию. Служил 2-м священником в церкви г. Бауск. 30.04.1945 вернулся в Любань. С 07.06.1945 по 1952 служил в Никольской церкви села Котлы Кингисеппского района. За штатом с 21.01.1952. Скончался 12.04.1953. Погребен в Котлах.

Алексий, священник. В 1942—05.1943 служил в церкви на станции Мга. С 05.1943 служил в Сергиевской церкви села Ящера Гатчинского округа (бывшего Царскосельского уезда). Арестован и расстрелян немцами в 08.1943.

Алмазов, протоиерей. До 1941 проживал на покое в Красногорском районе Псковского округа. Преклонных лет, слепец — в 1941—1944 служил обедницы, крестил в г. Красном и окрестностях.

Амосов Иоанн Васильевич, священник-самосвят. Родился в 1886 в Петрозаводском уезде Олонецкой губернии. Обученный в детстве молитвам и зная некоторое наследование богослужения (в 1910 и.о. псаломщика), в 1941—1944 выдавал себя за священника. В действительности член ВКПб с 1910, участник переворотов 1917. Исполнял различные партийные поручения. В 10.1917—1922 — на различных общественных, в 1922—1936 — на партийных постах. В 06.1936 арестован, будучи в должности зам. начальника политотдела Управления милиции Ленинграда и области. Осужден на 5 лет лагерей. Освобожден в 06.1941. Возвращаясь к семье в Ленинград, попал в плен к немцам возле станции Малая Вишера, выдал себя за священника, пребывавшего в заключении. Стал служить священником в церкви г. Шлиссельбурга, поселках Мга и Лезье. В 01.1942 эвакуирован немцами в Псков. Выдал себя перед руководством Миссии за священника, направлен экзархом служить в село Ушаки. В 1942 — благочинный Ушаковского и Гатчинского округов. Неоднократно вызывая подозрения в том, что он лжесвященник, оговаривал священников перед немцами. Шесть раз

арестовывался немецкими властями по подозрению в том, что не является священником, а умышленно подослан большевиками. С конца 1942 отстранен от должности. Продолжал ходить по деревням, служил в домах и где придется. В 1943 вновь допущен к совершению богослужений, по 05.1944 продолжал служить, не задерживаясь подолгу на одном месте, в церкви поселка Тосно, станции Сиверская и селе Торошино, Любятово, Камно, Пальцево (Псковская епархия). В 05.1944 арестован немецкой полевой жандармерией и направлен этапом в Таллин. Освобожден из тюрьмы в Таллине советскими войсками 23.09.1944. 04.10.1944 приехал в Ленинград, где был арестован 26.10.1944. После освобождения (19.10.1954) проживал в Ленинграде. Скончался в 1960-х.

Андреев Иоанн Иоаннович, священник. Родился 12.04.1898 в Петербурге. В 1916 окончил торговую школу в Петрограде. Работал счетоводом в коммерческом банке (1916–1917), счетовод отдела недвижимых имуществ (1917–1919), счетовод в управлении Николаевской (Октябрьской) железной дороги (1919–1924). Окончил пастырско-благочестивческие курсы при Богословском братстве Трех святителей (23.06.1920). 21.07.1921 рукоположен митрополитом Вениамином во диакона к церкви свв. Симеона и Анны в Петрограде. С 14.08.1922 вдов. С 17.05.1924 — диакон Серафимовской церкви на станции Песочная, с 25.08.1927 — диакон Борисоглебской церкви на Калашниковской набережной. 13.11.1928 епископом Шлиссельбургским Сергием рукоположен во священника. В 1928–1929 — священник церкви Архангела Михаила села Казнаково Новоторжского викариатства Тверской епархии. После закрытия храма в 1929 не служил, приехал в Петроград. 12.06.1930 определен настоятелем церкви Преображения Господня при станции Кикерино. После закрытия храма 14.10.1939–15.08.1941 работал счетоводом, позже бухгалтером разъездного стола на пуговичной фабрике и на известковом заводе в Елизаветино Гатчинского района. С 21.09.1941 — настоятель Троицкой церкви села Пятая Гора. 26.08.1943 открыл храм Владимирской иконы Божией Матери в поселке Елизаветино (им. Дылицы). С 31.10.1943 — настоятель этого храма. Служил также в устроенном им одноименном домовом храме поселка Елизаветино (деревня Новая). В конце 1943 эвакуирован в Эстонию. С 30.05.1945 — настоятель Александро-Невской церкви поселка Волосово, с 08.10.1946 — Никольской церкви села Ястребино. 11.03.1948 переведен к Покровской Мариенбургской церкви, протоиерей. С 1.09.1949 — штатный священник церкви в Чудово. С 20.02.1950 — настоятель Казанской церкви в Тосно, ввиду болезни с 27.06.1951 уволен временно за штат. С 29.02.1952 — настоя-

тель Никольской церкви поселка Саблино, с 20.02.1953 — настоятель Мариенбургской Покровской церкви. С 03.06.1955 — приписной священник, с 01.02.1959 — штатный священник Гатчинского Павловского собора. 02.06.1965 уволен за штат. Скончался 05.07.1968.

Анисимов Иоанн Захарович, священник. В 1930-х служил диаконом Никольской церкви погоста Ольгин Крест в Принаровье, до 1944 — священник того же храма. Остался на родине. Позже служил на приходе Муствез (Черный Посад) в Эстонии.

Анненский Николай Васильевич, священник. Родился 20.11.1896 в селе Мелковичи Лужского уезда Петербургской губернии в семье псаломщика. Окончил Петербургское Антониевское духовное училище, 4 класса Петербургской духовной семинарии (1914). С 1914 и. д. псаломщика церкви прп. Серафима Саровского за Нарвской заставой. С 1915 — псаломщик Васильковской Троицкой церкви Шлиссельбургского уезда. 20.04.1921 перемещен митрополитом Вениамином к Кобонской Николаевской церкви. 20.04.1924 епископом Шлиссельбургским Григорием посвящен во диакона к этому храму. С 19.04.1926 — диакон Дубновской Покровской церкви Новолодожского уезда 26.02.1928 епископом Кингисеппским Сергием рукоположен во иерея. Настоятель Медвежской Казанской церкви Осьминского района. С 15.05.1930 — настоятель Ложголовской Георгиевской церкви, 20.01.1935 перемещен к Яблоницкой церкви Волосовского района. 02.03.1937 перемещен к Скорбященской кладбищенской церкви Кингисеппа. После закрытия церкви с 04.1938 работал счетоводом, проживал в Кингисеппе. В 09.1941 возобновил богослужения в кладбищенской церкви Всех Скорбящих Радосте. В 11.1941 епископом Павлом Нарвским назначен священником к этой церкви. С наступлением холодов богослужения были перенесены из серьезно пострадавшего во время боев 1941 кладбищенского храма в городскую церковь, устроенную в бывшем жилом доме, приспособленном под храм. При отступлении немцев этот храм был сожжен (01.02.1944). Остался на родине. Проживал в Кингисеппе. 09.06.1944 назначен настоятелем церкви села Ложголово, с 19.09.1944 — настоятель Никольской церкви села Крапивницы, с 16.11.1944 — настоятель Казанской церкви Пскова и благочинный Псковского округа (до 27.09.1945). С 18.10.1945 — настоятель церкви села Рогожа Волховского района. Арестован 23.03.1951, осужден на 10 лет. Досрочно освобожден по болезни, 16.12.1954 вернулся служить 2-м священником храма Собора Пресвятой Богородицы села Рогожа. 31.12.1955 вышел за штат.

Во 2-й половине 1950-х иногда по просьбе правящего архиерея совершал богослужения в храмах Тихвинского округа. Скончался 25.04.1967.

Апраксин Василий Николаевич, священник. Родился 10.12.1891 в селе Симкино Карсунского (Ардатовского?) уезда Симбирской губернии в семье псаломщика. С 3 лет остался сиротой. За казенный кошт Церковью ему дано было образование. Окончил 4 класса Симбирской духовной семинарии (1912). С 1912 — псаломщик в церкви села Нелюдово (ныне Дубенского района Мордовии), с 1914 — псаломщик Богородице-Рождественской церкви г. Арбатова. В 1917 рукоположен епископом Алатырским Назарием во диакона с оставлением в должности псаломщика. С 1917 — псаломщик и регент Троицкого собора Арбатова. 23.11.1920 рукоположен архиепископом Симбирским Александром во священника к церкви Рождества Богородицы села Тазино Симбирской губернии. С 1929 — священник села Поводимово Дубенского района Мордовии. В 1930 арестован, отправлен на пять лет в лагеря Северного края. Освобожден в 1934. С 1934 по 1941 не священствовал. К 1941 проживал в Пушкине, работал прорабом стройконторы. 05.10.1941 перевезен немцами в Гатчину, где заключен в лагерь. По освобождении из лагеря (середина 11.1941) проживал в Гатчине. С открытием Мариенбургской Покровской церкви приходской совет, узнав, что он священник, пригласил служить. С согласия благочинного протоиерея Н. Шенрока 15.03.1942 получил назначение в Мариенбургскую церковь, в 03.1942—04.1944 — ее настоятель. 11.04.1944 арестован. 02.06.1944 осужден на 10 лет лагерей. 06.05.1954 освобожден из лагеря, направлен в ссылку в Красноярский край. В 1955 освобожден, вернулся в Гатчину. Протоиерей Петр Белавский приютил его и взял регентом Покровской Мариенбургской церкви. С 1957 — регент хора Гатчинского Павловского собора. В 1958 получил разрешение митрополита Елевферия служить священником (вне штата) в этом соборе. Скончался 05.04.1962 в Гатчине.

Аузлицкий, диакон. В годы войны служил в церкви села Оклюдицы (Псковская епархия).

Багрянский Николай Тимофеевич, священник. Родился в 1895 в селе Хилино Тихвинского уезда Новгородской губернии. Окончил Новгородскую духовную семинарию (1915). К лету 1941 работал чернорабочим в Любани. В 12.1942 вступил в РОА. Рукоположен в 07.1943, с лета 1943 служил священником в Петропавловской церкви Вырицы,

входящим — в Крестовоздвиженской церкви села Лисино. С 01.09.1944 — 2-й священник Казанской церкви Вырицы. Остался на родине. Арестован 25.10.1944, осужден на 15 лет.

Беллавин Михаил, священник. В годы войны — настоятель Преображенской церкви села Колпино Печорского округа, остался на родине.

Белов Димитрий Иоаннович, священник. В 1943–1944 служил в селе Видони Псковской области (бывшего Лужского уезда). Остался на родине. В конце 1940-х служил в Павской Покровской церкви, к 1949 — в церкви свв. Флора и Лавра села Хредино.

Белов Мефодий, священник. В 1942–1943 — настоятель Александро-Невской церкви села Видони Псковской области, партизанский разведчик и связник. Расстрелян немцами в 1943.

Беляев Николай, священник. Служил в годы войны (к 1944) в церкви села Бельское Устье (Псковская епархия). Убит, находясь в храме, случайной пулей во время боевых действий в районе села 30.01.1944.

Бенигсен Георгий Михайлович, протоиерей. Родился в 1915 в Казани. В 1920-х с семьей переехал в Латвию. Рукоположен во диакона в 1937, во священника в 06.1941, за несколько дней до начала войны. Служил на приходах Латвии. С 07.1941 — в составе Внутренней Православной Миссии в Латвии, посещал лагерь военнопленных. С конца 1941 — в составе Псковской Православной Миссии. Священник-миссионер. Служил в Пскове. Возглавлял стол по распространению христианской культуры среди молодежи, участник еженедельных христианских радиопередач Миссии. Секретарь, ревизор Миссии. Ключарь Троицкого кафедрального собора в Пскове. 01.05–06.1943 — заместитель Гдовского и Псковского благочинных. Заведующий детским приютом при Дмитриевской церкви, позже с 1943 — в Мирожском монастыре. В 02.1944 эвакуирован в Латвию. Эмигрировал. Служил на приходах США (Американской митрополии). Скончался в Сан-Франциско 06.08.1993.

Березняковский Феодор Михайлович, протоиерей. Родился 16.04.1868 в селе Дмитриевском Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии. Окончил Ярославскую духовную семинарию (1891). 10.1891–05.1894 — учитель церковно-приходской школы в селе Дмит-

риевском. Рукоположен 20.07.1894 епископом Ростовским Никоном во диакона, 22.07.1894 им же — во священника. Назначен настоятелем церкви села Княж-Городок Мологского уезда Ярославской губернии. С 1894 по 1920 состоял также законоучителем местной земской школы и заведующим церковно-приходской школой. В 1912–1920 — духовник благочиния и член благочиннического совета. С 1923 — протоиерей. 30.01.1930 арестован, 3 месяца провел в тюрьме и 3 года — в концлагере в Уральской области. Вернулся на место прежнего служения, выслан из пределов Ярославской области. С 1933 проживал в Новгороде, работал сторожем. В праздничные дни посещал церковь, помогал священникам при требоисполнении. 10.11.1941 назначен священником церкви села Георгий Новгородского района, 30.03.1942 перемещен к церкви села Васильевское. В 10.1943 эвакуирован в Латвию. С 17.01.1944 епископом Иоанном Рижским назначен приписным священником Алексиевской церкви в Либаве, с проживанием в вол. Дурбе. Либавским Русским комитетом назначен уполномоченным по делам русских беженцев. Обслуживал беженцев в волостях Дурбе, Кроте, Бунсе, Тадайке и Веспель. В праздничные дни служил литургии в разных приспособленных для этого местах. В 06.1945 возвратился в Новгородскую область. 03.07.1945 вернулся на свой приход, назначен настоятелем церкви села Васильевское, обслуживал приходы: Васильевский, Спасо-Пископечкий, Егоровский, Лука и Ракомский. В 09–10.1945 служил в церкви села Косицы, с 15.10.1945 — в церкви села Васильевское. Скончался после 1950.

Берзиньш Роман Герардович, священник. Родился в 1900 в имении Реберни (дом Ница) в Либаве Курляндской губернии в семье провизора. По окончании начальной школы учился в реальном училище. В годы Первой мировой войны эвакуирован с семьей в Москву, где закончил среднюю школу и приобрел специальность техника-телеграфиста. Служил в Красной армии. После женитьбы (1920) репатриировался в Латвию. Закончил курсы военных фельдшеров, работал в больнице. Окончил Рижскую духовную семинарию (1930). В годы учебы рукоположен во священника (1929). Служил на православных приходах Латвии: Александро-Невской церкви в Стамериене, Даличенской церкви в Латгалии (1933–1937), Михаило-Архангельской церкви в Криванде (1937–1939), церкви Покрова Божией Матери в Яунслабаде (1940–1941). С началом Второй мировой войны служил во Внутренней Православной Миссии в Латвии, обслуживавшей материальные и духовные нужды беженцев, раненых и военнопленных. Позже, по приглашению протоиерея К. Зайца, служил в Псковской Миссии. Священник

миссионер. Служил в приходах: сел Выбор, Гдова и Гдовского уезда, селе Крапивно, станции Торошино в Псковской области. После ликвидации Миссии в 1944 мобилизован немцами рыть окопы в Баусском районе, там заболел язвой желудка, пытался бежать. За побег попал в Саласпилский лагерь. При интернировании духовенства вывезен немцами в Германию. Служил там священником-миссионером в лагерях беженцев и пленных. В 09.1946 возвратился в Латвию. Арестован 21.03.1947 в Риге, осужден 22.05.1947 на 10 лет лагерей и 7 лет поражения в правах. Этапирован в лагерь. Скончался после 1947 в заключении (?).

Бешнельский Алексей, священник. Родился в 1893. Служил в период оккупации.

Бируля Владимир, протоиерей. Родился в 1874. В 1930-е — благочинный Минска, перед войной служил тайно. В 1943 — благочинный Солецкого округа, служил в Ильинском соборе в Сольцах. Освящал храмы в округе. Эвакуирован немцами в Литву. Скончался 08.08.1954 в г. Паневежисе.

Бирюзов Василий Феодорович, диакон. К осени 1944 проживал на станции Сиверская.

Богданов Владимир Алексеевич, протоиерей. Родился в 1868. 04.08.1897 рукоположен во священника. Служил в Скорбященской и Казанской церкви в Петербурге на Большой Охте, с 08.1941 служил в Казанской церкви Вырицы, затем в Усть-Введенской церкви. Остался на родине. После закрытия Усть-Введенской церкви — за штатом. С 1948 — в Кингисеппском доме инвалидов (станция Котлы). Скончался после 1960.

Богданов Илия Фомич, священник. Родился 18.07.1882. В 1920-е — псаломщик Никольской церкви села Кубасово Лужского уезда. В 1942–02.1943 — в сане диакона, 21.02.1943 рукоположен в Риге епископом Ковенским Даниилом во иерея. В 1943–1944 служил в церкви сел Кубасово, Молодечно, Палицы, Христорождественской церкви погоста Белая Гдовского уезда, 06.–16.11.1944 — благочинный Псковского округа.

Бойцов Дисидерий Димитриевич, священник. Родился в 1884. В 1943–1944 служил в церкви села Мроткино и села Городня — входя-

щим (бывшего Лужского уезда, ныне Новгородской области). Остался на родине. После войны служил в Новгородской и Псковской епархиях. В 1949 — настоятель Георгиевской церкви села Заполье Плюсского района Псковской области. Скончался в 1953.

Борозденков Кирилл Кузьмич, священник. Родился в 1878 (1875 ?). В 1943–1944 служил в церкви сел Мелётово и Большое Загорье Карамышевского района. Остался на родине. До 1951 служил в Псковской епархии.

Буров Павел, протоиерей. В годы войны — настоятель церкви села Залесье Печорского округа. Остался на родине.

Быстров Александр, протоиерей. В годы войны — настоятель Ильинской церкви села Кулье Печорского округа, остался на родине.

Быстров Владимир, протоиерей. В годы войны — настоятель Никольской церкви села Лавры (Шемерицы) Печорского округа, сгоревшей в 1944 г. в ходе боев. Остался на родине.

Быстряков Николай Андреевич, протоиерей. Родился в 1875 в селе Воскресенское (Суйда) Царскосельского уезда Петербургской губернии. В 1896 окончил Петербургскую духовную семинарию. В 1896–01.1899 — учитель церковно-приходской школы Новоладожского уезда. С 29.01.1899 — настоятель Воскресенской церкви на станции Суйда Царскосельского уезда Петербургской губернии, до 1917 преподавал Закон Божий в окрестных приходских и земских школах. Служил в Суйдинской церкви непрерывно 45 лет, до 1944. В 07.1942–1944 — благочинный Гатчинского и Сиверского округов, служил также на станции Карташевская. Остался на родине. Арестован 22.10.1944. Осужден Военным Трибуналом войск НКВД Ленинградского округа 26.12.1944 на 15 лет лагерей, 05.04.1947 срок изменен на 10 лет. В 1945 — прибыл этапом в Казахстан. Скончался 26.11.1949 в заключении, в Карагандинском лагере. Похоронен в лагпункте № 3, Спасск.

Василевский Димитрий Николаевич, протодиакон. В 1930-е был арестован. В 1942–1943 служил в Покровской церкви Мариенбурга и Павловском соборе Гатчины. Скончался в 09.1943. Похоронен в Мариенбурге (?).

Василевский Сергей Иоаннович, протоиерей. Родился 17.09.1883 в Уфе. Окончил Уфимскую духовную семинарию. С 20.08.1905 — псаломщик церкви села Топорнино Уфимского уезда и губернии. Епископом Уфимским Христофором 26.08.1907 рукоположен в сан священника и назначен к церкви села Медведево Златоустовского уезда. С 14.07.1911 — священник церкви села Бокалов Белебеевского уезда и заведующий церковно-учительской школой. 25.08.1913 перемещен к Никольской церкви г. Белебея, в 1922 назначен настоятелем собора Белебея. В 1929 принят во Владикавказскую епархию, настоятель Александро-Невской церкви Владикавказа. С 1932 служил в церкви г. Буйнакса, в 1933 перемещен к церкви села Ардон. В 1937–1941 — по болезни за штатом. К 1941 проживал в Новгородском округе. Осенью 1941 приглашен приходом с. Воскресенское Старорусского района для исполнения пастырских обязанностей. 01.04.1942 игуменом Корнилием, настоятелем Георгиевской церкви Старой Руссы и приходским советом приглашен священником к этой церкви, где служил до 29.03.1943. 08.04.1943 Миссией назначен настоятелем Никольской церкви поселка Скугры, а 01.12.1943 — церкви Архангела Михаила в Дно. Сопровождал чудотворную Старорусскую икону Божией Матери во время эвакуации ее из Старой Руссы в Дно и позже, при возвращении в родной город. С 11.1943 — благочинный Дновского округа. Остался на родине. В 1944 архиепископом Григорием утвержден настоятелем церкви в Дно, позже перемещен к Казанской церкви Пскова, благочинный Псковского округа. С 31.12.1950 — штатный священник Петропавловской кладбищенской церкви в г. Валдай Новгородской области. 23.11.1953 уволен за штат по болезни. Скончался 10.10.1955 в Валдае.

Васильев Николай, священник. Родился в 1891. Служил в период оккупации.

Васильков Николай В., священник. Родился в семье священника. Был послушником монастыря. В 1942–1943 — настоятель церкви погоста Мусцы Солецкого района Новгородской области. В конце 1943 эвакуирован в Литву.

Вельготный, священник. В годы войны служил в Троицкой церкви села Паниковичи Печорского района. Остался на родине.

Верещагин Михаил, диакон. В годы войны служил в Никольской церкви г. Изборска Печорского района. Остался на родине.

Верхоустинский Эллий Павлович, протоиерей. В 1941 — середина 1944 — настоятель Никольской церкви погоста Тайлово, благочинный Печорского округа, активно боролся с автокефалией Эстонской Православной Церкви. Эвакуирован в г. Тапа (Эстония), с 01.10.1944 служил в местной церкви, назначен благочинным Нарвского округа.

Веселов Сергей Алексиевич, священник. Родился в 1894. 24.04.1943–01.1944 служил в Преображенской церкви села Тырково-Торошковичи. Эвакуирован в Литву немцами вместе с паствой. С 17.05.1944 окормлял беженцев в г. Вилковишки в составе Внутренней Миссии. В 10.1944 вернулся из Прибалтики, служил 2-м священником в Никольской церкви села Хочени Новгородской области, позже (1952) — в селе Мроткино.

Веселовский Михаил Васильевич, диакон. В 1942–1943 служил в церкви свв. Флора и Лавра села Загородицы Оредежского района. В конце 1943 эвакуирован в Прибалтику. В 1944 вернулся на родину.

Виноградов Илия, священник. В годы войны служил в церкви села Кубасово (Псковская область).

Виноградов Иоанн, протоиерей. Родился в 1875. Служил во время войны в храмах сел Устье, Корлы близ Пскова. 29.12.1941 возведен экзархом в сан протоиерея. В 1944–1945 служил в Георгиевской церкви села Печки Печорского района.

Вознесенский Алексей Константинович, священник. Родился в 1879 в селе Поречье Петербургской губернии. В 1920 служил священником Входаиерусалимской церкви села Посолодино Лужского уезда. В 1928 перешел к иосифлянам. К 1931 обслуживал церковь поселка Вырица и поселка Стрельна. 12.06.1931 арестован по делу Ленинградского «филиала» Истинно-Православной Церкви. 18.11.1931 приговорен к 3 годам лагерей. Отправлен в Соловецкий лагерь (г. Кемь). 22.07.1933 досрочно освобожден. Поселился в Новгороде, где служил во время войны. В связи с Миссией не вступал. Остался на родине. 21.02.1945 арестован в Новгороде. 01.03.1945 переведен в тюремную больницу, где скончался от сердечной недостаточности 18.07.1945.

Вознесенский Василий, священник. Родился в 1894. Служил в храмах сел Большая Толбица и Писковичи близ Пскова.

Вознесенский Иоанн, священник. Родился в 1890. Перед войной — учитель, 21.02.1943 рукоположен в Риге экзархом во диакона, а затем во иерея. Служил в церкви села Елизарово (бывший Елеазаровский монастырь) близ Пскова. Эвакуирован в Литву. В 01.1945 вернулся, служил в Псковской епархии. В 1949 — настоятель церкви села Мельницы.

Воробьев Николай, священник. Родился в 1866. Служил в церкви сел Югостицы и Заозерье Лужского района. В 01.1944 расстрелян немцами.

Воронов Ливерий Аркадьевич, священник. Родился 22.01.1914 в Ораниенбауме Петербургской губернии. Окончил 9-летнюю школу в Ораниенбауме, школу фабрично-заводского ученичества Охтинского химического комбината (1930), Химико-технологический институт (1938). Один из инициаторов возобновления богослужений в храмах Вырицы в 1941. Певчий и псаломщик Казанской церкви в Вырице, затем в церкви св. Иоанна Предтечи в Щупоголово, село Фроловское. 24.04.1943 рукоположен во диакона, 26.04.1943 — во священника экзархом Сергием в Троицком соборе Пскова. В 05–08.1943 — начальник канцелярии Миссии. С 28.08.1943 — священник Афанасиевской церкви в Гдове. В конце 1943 эвакуирован в Нарву. Священник Спасо-Преображенского собора Нарвы, с 1944 — в Таллине. Остался на родине. Арестован 26.10.1944 в Таллине, осужден на 20 лет Военным Трибуналом войск Ленинградского военного округа. 12.01.1945 до 23.04.1955 — в заключении. Реабилитирован 08.08.1956. Служил в Вологде, Ленинграде. Окончил Ленинградскую духовную семинарию, затем Ленинградскую духовную академию. Клирик церкви св. Иоанна Богослова, преподаватель Петербургских духовных школ, доктор богословия. Скончался 06.12.1996 в Петербурге.

Воскресенский Владимир Павлович, священник. Родился в 1892. Служил в церкви села Ст. Уситва Палкинского района Псковской области. В 1946–1949 служил в церкви погоста Малы Псковской епархии.

Востоков Николай Иоаннович, священник. Родился в 1890 в Пензенской губернии. До 1917 — священник в Петрограде (?), бывший учитель (в 1930-е ?), признан Миссией во Пскове только в 1943. Служил в Казанской церкви села Ославье Волосовского района. Эвакуирован немцами осенью 1943. Остался на родине. Арестован 27.03.1945,

осужден на 10 лет. Освобожден в 1955–1956. Позже служил в Волосово (1957–1960). Скончался в 1967.

Вышегородский Алексей, протоиерей. В 1942–1943 служил в Успенской церкви села Столбушино Новоржевского района, читал прихожанам патриотические воззвания митрополита Алексия (Симанского).

Гаврилов Владимир, священник. Родился в 1878. В 1943 служил в Покровской церкви г. Опочка (бывший регент архиерейского Псковского хора).

Гаврилов Иоанн, священник. 04.03.1943 посвящен в сан. Служил в церкви бывшего Симанского монастыря в Острове, Воронцово, погоста Русски, селе Рюха. В 03.1944 эвакуирован в Куршаны (Куршенай), Литва.

Гаврилов Иосиф, священник. Родился в 1882. Служил в период оккупации.

Георгиевский Алексей Димитриевич, священник. Родился в 1893. Подвергался аресту, освобожден в 1938. В 1942–1943 служил в Доложинской, Северской, Верехновской и Волотовской церквях и в церкви села Порожки Волотовского района Новгородской области. В 11.1943 эвакуирован в Литву.

Гербачевский К., диакон. В 1944–1945 служил в Рождественской церкви села Коровск Пыталовского района.

Голубев Анатолий, протоиерей. Родился в 1892. С 1941 (?) служил в церкви св. Иоанна Крестителя села Поддубье близ Луги, Ольгинской церкви в Луге, затем вновь в Поддубье, в Успенской церкви села Городец. Остался на родине. Благочинный Лужского округа с 12.05.1944 по конец 1944 (?). К 1946 в Лужском районе не служил.

Гонестов Константин, священник. В начале 1943 посвящен в сан. Служил в церкви села Овсищи и села Елины Островского района. Остался на родине. В 1944 окормлял большинство приходов Островского района.

Горемыкин Димитрий Иоаннович, священник. Родился в 1897 в селе Воскресенское Белозерского уезда Новгородской губернии в се-

мье священника. В 1930-х арестовывался, к 1940 освобожден из ссылки. В 1941–1944 служил в Александро-Невской церкви села Волосово и Петропавловской церкви села Заполье, благочинный. Остался на родине. Арестован 11.04.1945, осужден 12.05.1945 на 10 лет. Освобожден в 1955.

Горностаев Никандр Михайлович, священник. Родился в 1897. В 1942–1944 служил в церкви г. Красный, селе Велье Опочецкого уезда Псковской губернии. Остался на родине. В 1946–1950 служил в Пскове. В 1953–1954 находился под следствием, вероятно, арестован.

Городецкий Геннадий Михайлович, протоиерей. Родился 17.12.1881 в селе Захарово Грязовецкого уезда Вологодской губернии в семье диакона. Окончил Вологодскую духовную семинарию (1904). 09.02.1905 рукоположен епископом Вологодским и Тотемским Алексием во диакона к Богородицкой Комельской церкви Грязовецкого уезда. Перемещен 19.07.1905 на должность псаломщика к Вологодскому кафедральному собору. С 01.06.1906 — иподиакон этого собора. 26.12.1909 епископом Вологодским и Тотемским Никоном рукоположен во священника, назначен к Каргачской Борисоглебской церкви Грязовецкого уезда. С 06.1928 — священник Покровской Маслянской церкви Вологодского уезда. С 10.10.1929 — священник Бережецкой Спасо-Преображенской церкви Кадниковского уезда. С 1936 — протоиерей. По болезни 20.12.1937 вышел за штат. В 01.1938 приехал из Вологодской области на станцию Сиверская к старшему сыну. С 1938 по 1941 работал сторожем и дворником в домах отдыха на станции Сиверская. С занятием немцами поселка Толмачево (Преображенская), по просьбам местного населения был мобилизован немецким командованием для и.о. священника Спасо-Преображенской Толмачевской церкви (по рекомендации протоиерея К. Красовского из Сиверской, духовным отцом которого был отец Геннадий). С 10.1941 по 05.02.1944 служил настоятелем названной церкви. 05.02.1944 вместе с другими жителями задержан карательным отрядом немцев в лесу в 6 верстах от поселка и отправлен в Германию, в Штутгарт. В 1944–1945, находясь в плену в Штутгарте, занимался с детьми дошкольного возраста. Вернулся в поселок Толмачево 27.10.1945. 06.12.1945 назначен настоятелем Толмачевской Спасо-Преображенской церкви, 25.04.1946 переведен настоятелем Петропавловской церкви на станции Сиверская. 15.11.1951 вышел за штат, оставаясь приписным священником Петропавловской церкви для служения по договоренности с настоятелем. 13.09.1953 уволен за

штат ввиду преклонных лет и слабого здоровья. Скончался 28.06.1955. Похоронен на Сиверском кладбище.

Гривский Михаил Феодорович, священник. Служил в Никольской церкви в Любятово, в 1943–1944 — 2-м священником и регентом Алексиевской церкви Пскова, преподавал церковное пение на курсах учителей, с 17.01.1944 служил также в церкви св. Михаила Архангела в Пскове. Эвакуирован (?).

Дегожский Виктор, протодиакон. В годы войны служил в Сольцах и в селе Молочково. К 09.1945 проживал близ Сольцов, не служил.

Десятинский Николай, священник. Служил диаконом в Подберезовской церкви Новгородского района, 05.12.1943 рукоположен епископом Рижским Иоанном во иерея. Служил в Петропавловской церкви села Сироткино, Псковская область.

Добровольский Григорий, священник. Служил в церкви села Добровидки, поселков Струги Красные, Русски (Псковская епархия).

Добряков Алексей Николаевич, диакон. Родился в 1899. В 1942–1943 жил в Порхове. К 1944 служил в Георгиевской церкви села Ратчино бывшего Ямбургского уезда, затем в церкви села Удосолово. 30.09.1944 рукоположен во священника к Никольской церкви села Ильеши.

Добрянский Никандр Петрович, протоиерей. Родился 27.01.1864 в погосте Виделибье Псковской губернии в семье священника. В 1885 окончил Псковскую духовную семинарию, с 26.03.1886 — псаломщик Алексиевской церкви Пскова. 11.08.1891 рукоположен во иерея к церкви погоста Оклюдицы Псковского уезда, где служил до 1930-х, 18 лет был благочинным IV Псковского округа, в 1926 награжден митрой. С 21.09.1941 служил в церкви погоста Виделибье, в 1941–1944 обслуживал также церкви в Оклюдицах, Колосово и Прощанке Псковского района. Остался на родине, служил в церкви погоста Виделибье и после войны, скончался в 1956.

Донцов Сергей Иоаннович, священник. Родился около 1869. До 1941 служил в Ильинской церкви села Большая Толбица (Верхолино) близ Пскова. В 1941–1944 служил там же, а также входящим свя-

щенником Введенской церкви села Мал. Толбица. Остался на родине. В 1944–1947 служил в Псковском районе. Скончался в 1947.

Дрябинцев Александр Григорьевич, священник. Родился в Латвии, сын протоиерея, благочинного единоверческих храмов в Латгалии. Окончил Рижскую духовную семинарию. Родственник (шурин) протоиерей Алексия Ионова. Служил в годы войны вместе с ним в храмах г. Острова (Псковская епархия). Эвакуировался. Скончался в эмиграции в Европе.

Дубровин Михаил, священник. В годы войны — настоятель церкви св. Параскевы села Зачеренье Печорского округа, остался на родине.

Евдокимов Димитрий Петрович, священник. В годы оккупации служил в церкви села Хредино, поселка Плюсса. К 1944 служил в церкви села Погорелово (Гагрино). Остался на родине.

Евстафьев Василий, священник. В 1944 служил в церкви Сорока мучеников Севастийских в г. Печоры, остался на родине.

Егоров Николай, священник. В 1943 (?) — 1944 служил в церкви села Городня бывшего Лужского уезда, ныне Новгородской области. Эвакуирован.

Ерин Василий, протоиерей. В 1942–11.1943 служил в церкви села Учно и церкви села Славитино Волотовского района Новгородской области. В 11.1943 эвакуирован в Латвию. В 1945 служил в Любятвской церкви близ Пскова.

Еринов Иоанн, священник. В 1942–1943 служил в церкви села Речки Солецкого района. Осенью 1942 участвовал в совещании духовенства в г. Сольцы и пастырском съезде в г. Дно. В конце 1943 эвакуирован в Прибалтику.

Ефимов Сергей Иоаннович, протоиерей. Родился 13.07.1878 в местечке Оранка Нижегородской губернии. Миссионер в Петербурге, Псковской епархии, с 1920 — в Латвии. Возвел храм в Абрене (Пыталово). Арестован 23.06.1941. Освобожден из тюрьмы в Острове занявшими город немецкими войсками. Первый (17.08.–10.1941) начальник Псковской Православной Миссии. Служил в Пскове. В 04.1942 по

требованию СД был вынужден уехать из Псковского округа в Латвию. Остался на родине. Арестован в Абрене (Пыталово) 15.01.1945. Осужден на 10 лет лагерей. В заключении в Караганде, с весны 1949 по 1955 — в Спасском инвалидном лагере (Казахстан). Освобожден в 1955, вернулся в Ригу. Служил в Латвии. Скончался в 1967.

Ефимов Симеон (?), священник. В годы оккупации служил в церкви Дновского района. Скончался в 1944.

Жарков Петр Иоаннович, протоиерей. Родился 24.06.1891 в селе Троице-Пеленица Спасского уезда Рязанской губернии. В 1912 окончил Рязанскую духовную семинарию. 01.10.1912 рукоположен во священника епископом Рязанским и Зарайским Димитрием. В 1912–1922 — священник Благовещенской церкви села Старая Рязань Спасского уезда Рязанской губернии. С 1922 проживал в Петрограде, студент Петроградского Богословского института. В 1922–1924 служил священником церкви Воскресения Христова у Варшавского вокзала, церкви св. Екатерины в Екатерингофе и Николо-Богоявленского собора. С 1928 — студент Высших Богословских курсов, с 1929 — протоиерей. С 1929 — 5 лет в заключении на Соловках, после освобождения служил санитаром Обуховской больницы в Ленинграде. С 1935 проживал 5 лет в ссылке на станции Кириши. С конца 1941 служил в Никольской кладбищенской церкви на станции Саблино, одновременно работая фельдшером в железнодорожной больнице. Позже служил в храмах г. Любань, поселка Ушаки, Тайцы. По требованию немецкой комендатуры как неблагонадежный удален из прифронтовой зоны в Псков. С 03.1943 служил в Успенской церкви в Бутырках (Псков). С момента эвакуации Миссии (02.1944) скрывался от насильственной эвакуации в лесу до прихода советских войск (07.1944). Остался на родине. С 07.1944 служил в Пскове в Варлаамовской церкви, позже — в Троицком соборе. Арестован 04.11.1944, осужден на 10 лет лагерей. Находился в лагере в Карагандинской области. Освобожден 04.03.1955. Проживал в Пскове. С 1956 священник Смоленской церкви в Ленинграде. С 1959 — за штатом. В 04.–06.1960 — настоятель Воскресенской церкви села Торошковичи Лужского района. С 06.1960 — за штатом. Скончался 12.01.1979.

Жемчужин Павел, протоиерей. В годы войны — настоятель Никольского собора г. Изборска, помощник благочинного Печорского округа. Остался на родине.

Жунда Николай Иосифович, протоиерей. Родился 22.07.1913 в усадьбе Калнишки Каплавской волости Илукстского уезда. Курляндской губернии (с 1920 — Латвия) в крестьянской семье, отец во время воинской службы достиг чина унтер-офицера. С детства участвовал в богослужениях в церкви, пел на клиросе. После окончания гимназии (1932) поступил в Рижскую духовную семинарию, которую блестяще закончил. Рукоположен во священника 29.07.1934 архиепископом Рижским Иоанном (Поммером), настоятельствовав в Богоявленской церкви в Салдусе (1934–1936), содействовал проведению там в 1934 международной Студенческой христианской конференции. В 1936–1938 служил священником в гарнизонном соборе Двинской крепости (Даугавпилсе). С 1938 — 2-й священник Двинского собора свв. Бориса и Глеба, продолжал служить в гарнизонной церкви, с 1939 — настоятель Борисоглебского собора. С 26.03.1942 служил в Псковской Миссии. 15.06.1942–17.02.1943 — секретарь Миссии, 17.02.–29.04.1943 — начальник канцелярии Миссии. Служил в Псковском Троицком соборе, к 12.1943 — его настоятель. Благодичный Псковского (06.1942–04.1943) и Островского (06.1943–01.1944) округов. В 02.1944 эвакуирован в Литву. Недолго работая там, заболел тифом. После выздоровления вернулся на родину, в Латвию. Служил священником в г. Илуксте. Арестован 25.10.1944 в Илуксте, перевезен в ленинградскую тюрьму «Кресты». 12.01.1945 осужден Военным Трибуналом в Ленинграде на 20 лет лагерей. В заключении в Красноярском крае, в лагерях Дудинки. Скончался в Красноярске в тюремной больнице от туберкулеза 25.07.1953.

Журавлев Андрей Николаевич, протодиакон. Родился 28.10.1881 в селе Куйловы Борки Сарайского уезда Рязанской губернии в семье псаломщика. Окончил Рязанское духовное училище, с 28.01.1910 — диакон Екатерининского собора Луги, с 1923 — в сане протодиакона. В 1932 уклонился в обновленчество, служил в храмах Ленинграда, Петрозаводска и Луги. В 08.1936 после покаяния принят в Московскую Патриархию, в 1936–1941 — на гражданской работе в Луге. В конце 1941–1944 служил в Казанской церкви Луги. 01.10.1944 рукоположен во иерея к церкви села Поддубье Лужского района, затем служил в храмах Новгородской области, с 01.07.1946 за штатом. Скончался 25.06.1949 в Ленинграде.

Забелин Феодор Феодорович, протоиерей. Родился 16.01.1868 в Новгороде. 15.06.1888 окончил Новгородскую духовную семинарию. С 28.10.1889 — надзиратель за ее воспитанниками, с 07.02.1892 — пса-

ломщик церкви Елисаветградского юнкерского училища, с 06.04.1895 — псаломщик Сергиевского собора в Петербурге, с 10.12.1900 — диакон на вакансии псаломщика Сергиевского собора. 28.11.1904 рукоположен епископом Гдовским Кириллом во иерея и назначен к Покровской церкви 24-й артиллерийской бригады в Луге. 28.08.1914 протопресвитером военно-морского духовенства командирован на войну, вместе с бригадой прибыл на фронт. Исполнял пастырские обязанности под огнем неприятеля на подступах к Варшаве, отличился в бою у села Налоржин, награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте (09.1914). В 1915–1916 — благочинный стрелковой дивизии. С 08.07.1916 — протоиерей. Во время походного движения на Западном фронте близ села Божиков ранен в грудь осколком снаряда и остался при исполнении пастырских обязанностей (10.1916). В 09.1917 эвакуирован с войны, служил в Покровской церкви Луги, с 02.1919 — в церкви погоста Пески Лужского уезда, с 10.02.1924 — настоятель Кузьминской Благовещенской церкви, с 06.10.1931 — 2-й священник Екатерининского собора в Детском Селе, с 10.01.1935 — настоятель Екатерининского собора, в 01.1935–1936 — благочинный 1-го Детскосельского округа. С 12.03.1938 — настоятель Знаменской церкви г. Пушкина, 12.08.1942 эвакуирован в Гатчину. С 25.08.1942 — настоятель Павловского собора в Гатчине, благочинный Гатчинского округа. В годы войны спас советского разведчика и, возможно, поэтому не был арестован в 1944–1945. Скончался 05.06.1949. Похоронен за алтарем Павловского собора Гатчины.

Заблотский Лев, священник. В 1942 (?)–1944 служил в Знаменской церкви с. Подмошье бывшего Лужского уезда, ныне Новгородской области. Скончался в 03.1944.

Заблоцкий Николай Фомич, протоиерей. Родился в 1867 в г. Лепель Витебской губернии. В 1884 окончил духовную академию, 05.12.1884 рукоположен во диакона, 10.05.1884 — во священника. С 1917 служил в Никольском соборе Витебска, в 1918 подвергался аресту. В 1918–1932 служил в Козловчанской церкви Витебской губернии. В 1932–1941 — учитель в Луге. В 08.1941–1944 служил в Казанском соборе Луги, настоятель собора, благочинный Лужского округа (09.1942–04.1943). Остался на родине. Арестован 03.05.1944. Осужден в 1944 на 20 лет.

Зайц Кирилл Иоаннович, протопресвитер. Родился 15.07.1869 в ус. Яунамая Рижского уезда Лифляндской губернии. Окончил Рижскую духовную семинарию. Рукоположен в сан священника

в 11.1896. Служил на приходах Латгалии (Витебская губерния). Миссионер. Служил в Гродно, в Риге (Латвия). С 1923 — член Синода Латвийской Православной Церкви. В 1933–1940 — за штатом. С конца 1940 — настоятель Рижского кафедрального собора. С 08.1941 — начальник Внутренней Православной Миссии в Латвии. 01.12.1941 возглавлял Псковскую Миссию. Служил в Пскове, в храмах на территории нынешних Псковской, Петербургской, Новгородской епархий. С 25.04.1943 — протопресвитер. 18.02.1944 эвакуировался из Пскова в Литву. 15.03–27.07.1944 — начальник Внутренней Православной Миссии в Литве. Остался на родине. Арестован в Шауляе 18.08.1944, перевезен в ленинградскую тюрьму «Кресты». 12.01.1945 осужден Военным Трибуналом в Ленинграде на 20 лет. Скончался 28.10.1948 в заключении в сельскохозяйственной колонии (где работал кучером) в пос. Долинка (Казахстан).

Закревский Николай, священник. В начале 1943 посвящен в сан. Служил в церкви на ст. Чихачево (бывший Порховский уезд Псковской губернии). Скончался в 1945 (?) на приходе Добрывичи.

Захаров Александр, священник. В 1920–1940 — диакон Успенской церкви в Ивангородской крепости. До 1944 — священник церкви Иверского подворья в Нарве (Ивангороде).

Зверев Михаил Стефанович, священник. До 11.1943 служил в селе Борисово, а 28.12.1943–1944 служил в церкви села Леохново (Старорусский район Новгородской области). Остался на родине.

Иванов Андрей Демьянович (Гордеевич?), священник. Родился в 1894 (1884 ?) в деревне Осетки Невельского уезда, получил начальное образование (3 класса). Воевал в Первую мировую и гражданскую войны (1914–1919). Рукоположен во священника обновленческим епископом Александром, после покаяния принят через посвящение во священника епископом Смоленским Стефаном (Севбо). С 1943 — священник Невельской Троицкой церкви, с 1946 служил в Никольской церкви в Идрице. Арестован 23.02.1951, осужден Военным Трибуналом войск МГБ Калининской области 22.10.1951 на 10 лет. В заключении до 1956. С 20.06.1956, переехав в Латвию, служил в церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Бродайжи. С 01.04.1959 служил в церкви села Новая Слобода (Яунслабада) и Криванда. Скончался в 1963. Реабилитирован 28.12.1993.

Иванов Иоанн Кириллович, священник. Родился 03.05.1877 в деревне Неронов Бор Новгородского уезда и губернии в крестьянской семье. Окончил 3 класса церковно-приходской школы (1891). В 1894–1895 — помощник учителя при Георгиевско-Выставской церковно-приходской школе Новгородского уезда. 1895–1897 — учитель Толстиковской школы грамоты. Окончил курс пения для псаломщиков и учителей церковно-приходских школ в Новгороде (1894–1895). В 1900 сдал экзамен на знание псаломщических предметов. В 02.1904 назначен псаломщиком Богоявленской Бельской церкви Устюженского уезда. 17.09.1909 посвящен в стихарь. В 16.05.1910 перемещен к Ильинской Дретенской церкви Старорусского уезда. Учитель пения при Дретенской церковно-приходской школе (1910–1915). С 23.09.1915 перемещен к Власиевской церкви Новгорода. По испытании в Новгородской пастырской Арсениевской школе посвящен в сан диакона 07.01.1917. 07.04.1922 посвящен во священника к Гладской Николаевской церкви Новгородского уезда. В конце 1928 выбыл в Тверскую епархию, где был назначен архиепископом Тверским Фаддеем на священническое место к Владыченской церкви. 27.12.1930 уволен за штат по болезни. С 1942 — священник церкви св. Архангела Михаила села Береза Порховского района. 14.09.1943 Миссией назначен священником Дубровенской церкви Порховского района. В 02.1944 эвакуирован в Латвию. С 25.02.1944 — 2-й священник Илукстского Рождества Богородицы женского монастыря. 03.12.1945 переведен к Гривской Николаевской церкви, 02.03.1948 — к Старо-Форштадтской Двинской церкви. В 1950 вернулся в Новгородскую область, 04.10.1950 назначен настоятелем Успенской церкви с. Курицко в Поозерье, где служил в годы войны. С 1952 — протоиерей. Также служил входящим священником церкви Владимирской иконы Божией Матери в селе Горцы Шимского района. С 19.11.1955 — ее настоятель. Скончался 12.02.1956.

Иванов Иоанн Спиридонович, священник. Род. 6.02.1912 в г. Пскове в семье ремесленника. С 1926 по 02.1937 — псаломщик в церкви свв. Константина и Елены и других храмах Пскова, иподиакон и келейник Псковских архиереев, в том числе в 09.1936 — 02.1937 — архиеп. Владимира (Яковцевского). В 1927 окончил неполную среднюю школу, в 1933 — музыкальную школу по классу скрипки в Пскове. В 1936–1938 учился на вокальном отделении Ленинградского музыкального техникума им. П.И. Чайковского (окончил 2 курса). С конца 1938 до оккупации Пскова немцами в 07.1941 работал бухгалтером в горжилуправлении. С 30.07.1941 певчий хора, а со 2.07.1942 — псаломщик

в Троицком кафедральном соборе Пскова. 6.06.1943 рукоположен экзархом Прибалтики митр. Сергием (Воскресенским) во диакона целебата, служил в Троицком соборе. 22.08.1943 рукоположен экзархом во священника к церкви свт. Николая пог. Любятово под Псковом. Активно помогал партизанам, сотрудничал с советской разведкой. 7.03.1944 вывезен немцами из Любятово вместе с прихожанами в Шауляйские трудовые лагеря в Литву. В середине 03.1944 по ходатайству экзарха Сергия освобожден из лагеря. В конце 03.—1.10.1944 окормлял русских беженцев в г. Кретингене (Кретинге, Западная Литва) в составе «Внутренней Православной Миссии в Литве». Согласно материалам личного дела из Пскова «по заданию Москвы отступил с беженцами в Литву, где установил связь с местными партизанами». После прихода советских войск вернулся 27.10.1944 в Псков, вновь служил настоятелем церкви свт. Николая в Любятово. В 1945 был задержан органами МВД, после фильтрации освобожден. За участие в партизанском движении награжден орденом Красного Знамени, медалью «За победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». До 1948 служил настоятелем Троицкого собора Пскова, с 1948 — в храмах Ленинграда. В 1950 окончил Ленинградскую ДС, а в 1954 — Ленинградскую ДА со степенью кандидата богословия. В 1953—1954 — священник Спасо-Преображенского собора Ленинграда, возведен в сан протоиерея, в 1957—1958 — ключарь Троицкого собора Александро-Невской Лавры. По благословению Патриарха Алексия от 20.02.1958, в пещерной Успенской церкви Псково-Печерского монастыря еп. Псковским и Порховским Иоанном 7.06.1958 пострижен в монашество с именем Иоанн в честь 3-го обретения главы Иоанна Предтечи. 22.11.1958 в сане иеромонаха назначен настоятелем церкви св. Иова на Волковом кладбище Ленинграда. В 1959 возведен в сан игумена, 20.11.1962 — во архимандрита. 22.11.1962 хиротонисан в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры во епископа Кировского и Слободского. Чин хиротонии совершили: митр. Ленинградский и Ладожский Пимен (Извеков), архиеп. Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов), еп. Дмитровский Киприан (Зернов), еп. Курский и Белгородский Серафим (Никитин) и еп. Лужский Никон (Фомичев). С 18.12.1962 проживал в г. Кирове. 11.05.1963 награжден орденом св. кн. Владимира 2-й степени. В 1-й половине 1960-х во время «хрущевских гонений» на Церковь «отличился» тем, что не противился закрытию властями действующих православных храмов. В открытом письме Патриарху Алексию в 06.1966 миряне Кировской епархии жаловались, что еп. Иоанн закрывал церкви, изгонял хороших священников, назначая плохих и пьющих, оскорблял верующих во время богослужения,

а жаловавшимся угрожал МВД. Скончался 17.11.1966 в г. Кирове. Похоронен в Ленинграде на Большеохтинском кладбище.

Иванов Константин, священник. Родился около 1870, к 1941 жил в деревне Деревеницы близ Новгорода, не служил. В конце 1941–1944 служил в церкви Владимирской иконы Божией Матери села Горцы Шимского района Новгородской области. Остался на родине. Арестован в 1945.

Игнатъев Петр Игнатъевич, диакон. В 1943–1944 служил в Скорбященской церкви и Воскресенской церкви на станции Передольская бывшего Лужского уезда, ныне Новгородской области. В 09.1944 рукоположен во священника. Служил в Новгородской епархии (к 1952 — в Покровской церкви села Косицы).

Ионов Алексей Васильевич, протоиерей. Родился 29.03.1907 в Двинске. Проживал в Латвии. Окончил Парижский Свято-Сергиевский институт. В 1932 рукоположен во диакона, в 1933 — во священника. С 08.1941 — священник-миссионер Православной Миссии в Пскове. Благочинный Островского округа. (06.1942–05.1943) и Гдовского округа (06.1943–02.1944). Служил в Пскове, Острове, Гдове. В 1944 — в церкви села Аксенова Гора (Латвия). Эвакуировался. В эмиграции служил на православных приходах США. Впоследствии — протопресвитер, проживал в США, настоятель церкви в Си-Клифф близ Нью-Йорка. Скончался в 1977 в США.

Ирадионов Владимир Николаевич, протоиерей. Родился 30.06.1885 в селе Усадища Новолодожского уезда Петербургской губернии в семье псаломщика. Окончил Петербургскую духовную академию (1907) и Императорский Археологический институт. Священник с 02.09.1907. Дворцовый священник в Новом Петергофе и Стрельне, с 28.02.1912 служил в Петропавловской придворной церкви мызы Знаменка Петергофского уезда. В начале 1930-х снимал сан. С 09.1941 служил в храмах Гдова. В 1941–1943 также служил в церкви Любятово, Палкино. В 01.1944 эвакуирован в Эстонию. Служил в Нарве и Таллине. Арестован в Таллине 20.11.1944. Приговорен 02.03.1945 к 15 годам лагерей. Скончался в Ленинградской тюрьме 15.11.1945.

Калинкин Павел, протоиерей. В 1941–1942 — настоятель Нарвского Воскресенского собора, в 1942–1944 — настоятель Свято-Троиц-

кой (Штиглицкой) церкви, священник Спасо-Преображенского собора в Нарве, окормлял в 1942–1944 приходы в бывшем Ямбургском уезде Ленинградской епархии: Сойкино, Удосолово, Краколье. Остался в Эстонии. В 1957 служил в Таллине в храме пригорода Коппель (Копли).

Карбузов Николай, священник. С 09.09.1942 — настоятель Нитаурской церкви, а с 09.04.1943 — Ерсикской церкви в Латвии. В 1944 служил в Никольской церкви Абрене (Пыталово) и Спасо-Преображенской церкви Балтиново, благочинный Абренского (Пыталовского) округа.

Каргай Сергей Александрович, священник. Рукоположен экзархом Сергием в 1942 (?). До 1944 — священник Нарвского Спасо-Преображенского собора. Позже служил в Александро-Невской церкви в Риге. Эвакуировался. Служил в храмах Германии, США. Проживал в Ново-Дивеевском женском монастыре близ Нью-Йорка (США). Скончался в 1998 (?). Похоронен в Ново-Дивеево.

Кашин Никандр, священник. Самозванец (?). Служил в сельских церквях Новгородского округа, в начале 1943 дал подписку благочинному отцу В. Николаевскому о выезде из округа, что и исполнил.

Керский Владимир Николаевич, протодиакон. Родился в 1879 в г. Чембаре. Рукоположен во диакона. С 1914 служил в Смоленской кладбищенской церкви Петрограда, а в 1925–03.1942 в Знаменской церкви г. Детское Село (Пушкин), к 1941 возведен в сан протодиакона. В 09.1941 оказался на оккупированной территории, в конце 03.1942 скончался от голода в Пушкине.

Кибардин Алексей Алексиевич, протоиерей. Родился 30.09.1882 в селе Всехсвятское Слободского уезда Вятской губернии в семье священника. Окончил Вятскую духовную семинарию по I разряду в 1903. С 1903 — законоучитель Котельнического городского училища и женской прогимназии. 08.10.1903 рукоположен во священника епископом Вятским и Слободским Никоном к Троицкому Котельническому собору; 14.11.1904 перемещен к Никольской Котельнической церкви. Окончил Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1908 за штатом, с 01.09.1912 — законоучитель I Петербургского женского 4-классного городского училища; с 1912 служил в церкви Христа Спасителя общины сестер милосердия в Петербурге; с 21.06.1913 — священник Феодоровского Царскосельского собора.

28.08.1914—1917 безвозмездно исполнял пастырские обязанности в лазарете Великих Княжен Марии и Анастасии при Феодоровском соборе. С 1922 — протоиерей. С 1924 — настоятель Феодоровского собора. С 1928 — иосифлянин. Арестован в 1930, приговорен 08.10.1931 по делу Истинно-Православной Церкви к 5 годам лагерей. Отбыл срок на Соловках, с 10.10.1934 работал бухгалтером в гражданских учреждениях Мурманска и Мончегорска. 05.07.1941 вернулся в г. Пушкин, весной 1942 эвакуирован немцами в глубь Ленинградской области; с 07.04.1942 — священник церкви села Козья Гора Осьминского района. 03.08.1945 назначен настоятелем Казанской церкви в поселке Вырица. Арестован 21.01.1950, приговорен 17.04.1950 к 25 годам лагерей. Освобожден 02.02.1955 из Ангарлага указом от 27.03.1953 об амнистии. 15.08.1957 назначен 2-м священником в Вырицкий Казанский храм, с 07.08.1957 — за штатом. Скончался 05.04.1964 и погребен в поселке Вырица.

Козлов Димитрий Иоаннович, диакон. Родился в 1883 в Великолуцком уезде Псковской губернии. К 1932 — псаломщик. Арестован 24.06.1932, осужден Тройкой ПП ОГПУ в Западной области 17.08.1932 на 5 лет (реабилитирован 08.12.1989). До 1944 рукоположен во диакона, служил в храмах Псковской области. Остался на родине. 14.10.1944 архиепископом Григорием (Чуковым) рукоположен во священника к церкви пос. Ляды бывшего Гдовского уезда, с 10.1944 служил и в церкви села Ктины.

Колиберский Николай Александрович, протоиерей. Родился 28.07.1872 в Пскове. Окончил Псковскую духовную семинарию (1892). В 08.1895 рукоположен во священника. Служил в Холмском уезде Псковской губернии, законоучительствовал. Создал воскресные школы для неграмотных взрослых, безвозмездно преподавая там различные предметы. С 1907 — настоятель Успенской тюремной церкви в Пскове (в арестантском отделении). Преподавал среди заключенных, добивался юридической защиты своей паствы. Позже — законоучитель Мариинской женской гимназии в Пскове. С 1919 — настоятель Никольского собора в Изборске. После получения независимости Прибалтийскими республиками переехал из Эстонии (к которой отошел Изборск) в Латвию, где служил в с. Тюршино заведующим основной школой (1921—1930) и настоятелем храма (1924—1930). 11.1930—15.10.1931 служил в Двинской Успенской церкви, преподавал во 2-й Двинской городской русской школе. В 1938—1941 служил в Алексиевской церкви в Либаве. С 1941 — в Иоанновской церкви в Риге. 18.08.1941 в числе первых

миссионеров прибыл в Псков. Служил помощником начальника Миссии. В квартире Колиберских возле Покровской башни первоначально помещалось Управление Миссии (Застенная ул., 8). С 13.10.1941 по 01.12.1941 — начальник Псковской Миссии. В 12.1941 из-за возраста и состояния здоровья вернулся в Ригу. С 01.1942 вновь служил в Рижской Иоанновской церкви. Скончался 20.09.1942 в Риге. Похоронен на Иоанновском кладбище возле храма, в котором служил.

Колчев Валентин Иоаннович, священник. С 08.1936 после освобождения из лагеря жил в Новгороде. С осени 1941 служил в часовне деревни Гусины Батецкого района. В 11.1943–1944 служил в Никольской церкви села Хочени Батецкого района. Остался на родине.

Коляденко Иоанн Лаврентьевич, протоиерей. Родился 25.05.1873 в слободе Котово Камышинского уезда Саратовской губернии. С 1914 — диакон, в 1924–1927 — священник Митрофаниевской церкви Синодального подворья в Ленинграде. В 01.1927–06.1932 служил в церкви Владимирской иконы Божией Матери. В 03.1931 приговорен к 1 году принудительных работ условно за хранение мелкой серебряной монеты. В 06.1932–01.1936 служил в Свято-Духовской церкви Александро-Невской Лавры, в 01.–15.05.1936 — в Христорождественской церкви Ленинграда, 18.05.1936–03.04.1937 — в Казанской церкви на ст. Сусанино Гатчинского района, 03.04.1937–01.04.1938 — в Екатерининском соборе г. Пушкина, а с 01.04.1938 — в Знаменской церкви Пушкина. В 09.1941 оказался на оккупированной территории. В конце 1941 перешел служить в церковь поселка Тярлево, затем в Николаевскую церковь г. Павловска и к осени 1942 — в кладбищенскую церковь Павловска. С 10.1942 также служил в часовне, устроенной во дворце Кочубея в Пушкине. В 08.1942–11.1943 числился настоятелем Знаменской церкви Пушкина, хотя с 10.1942 служб в ней не было. В 11.1943 эвакуирован в Вильно.

Кононов Петр Иоаннович, священник. Родился в 1882 в Архангельской губернии. В 1914 рукоположен во иерея, служил до 1929. В 1929–08.1941 работал на заводе. С 05.1942 — настоятель церкви села Углы. 11.08.1943–1944 — служил в церкви села Подгощи, входящим — в церквях сел Углы и Мшага, с 1944 основным стал приход села Углы, церкви села Подгощи — входящим (Шимский район Новгородской области). Остался на родине. К осени 1944 по состоянию здоровья почти не служил. 26.05.1945 арестован, осужден.

Копылов Иоанн Стефанович, священник. Родился 20.01.1882 в поселке Талабск Псковской губернии и уезда. Сын диакона Богоявленской церкви Пскова. Окончил 4 класса Псковской духовной семинарии (1901). В 1901–1908 — псаломщик и регент Покровской церкви погоста Духново Новоржевского уезда. В 1911–1912 — псаломщик Казанской церкви погоста Кириллово Островского уезда. В 1912–1915 — помощник писаря Жадрицкого волостного правления, в 1915–1917 — волостной писарь. В 1917–1923 — волостной секретарь. 1923–1941 — счетовод и бухгалтер в различных учреждениях. Проживал в Дно. 10.09.1941–01.09.1942 — псаломщик церкви погоста Скугры. С 01.09.1942 по 1943 — псаломщик Михаило-Архангельской церкви в Дно и секретарь Дновского благочиннического округа (09.1942–02.1943). 04.08.1943 рукоположен в Риге во диакона и 06.08.1943 — во священника. С 04.09.1943 по 14.08.1944 — настоятель Спасо-Преображенской Доворецкой церкви Солецкого района. С 14.08.1944 — настоятель Вознесенской церкви села Речки Волотовского района. С 21.09.1944 по 10.09.1953 — благочинный Старорусского округа. С 1950 — протоиерей. Скончался после 1953.

Корлский Михаил, священник. В годы войны служил в церкви села Выбуты близ Пскова.

Красовский Константин Андреевич, протоиерей. Родился в 1860. С 1920 и в 1941–1947 — настоятель Тихвинской церкви на станции Сиверская близ Гатчины. Остался на родине. Арестован в 10.1944, но вскоре освобожден. Скончался в 1947. Похоронен на кладбище села Межно близ Сиверской.

Кратиров Дмитрий Дмитриевич, протоиерей. Родился 15.11.1875 в г. Кадникове Вологодской губернии. До 1943 — иосифлянин. В 1943–1944 служил в церкви села Большое Водское Новгородского района. В 11.1943 эвакуировался в Ригу. В начале 09.1944 эвакуировался в Германию, до начала 11.1944 находился в Шендорфском лагере в Саксонии, затем в г. Граце (Австрия). 14.09. написал прошение о назначении священником в РОА, а 29.11.1944 о приеме в РПЦЗ. В 1945–1947 — настоятель собора Воскресения Христова в Берлине в юрисдикции Московской Патриархии. Скончался 22.08.1952.

Кротковский Андрей, священник. В 1930-х–1941 — священник Никольской церкви погоста Ольгин Крест в Принаровье.

Кудринский Петр Стефанович, протоиерей. В 1920-е служил в храмах Самарской епархии. В 1941 служил в Советской армии, попал в плен, был освобожден. В 1942–1944 служил в церкви села Рождествено близ Гатчины. Эвакуирован немцами в 01.1944 в Псков. В 02.1944 эвакуировался в Ригу, затем — в Либаву. Служил в Алексиевской церкви Либавы. Осенью 1944 эвакуирован немцами в Германию. Вместе с епископом Иоанном (Гарклавсом) сопровождал чудотворную Тихвинскую икону Божией Матери до г. Яблонец (Судеты, Чехословакия), где икона и эвакуированное духовенство экзархата с епископами Даниилом Ковенским и Иоанном Рижским пребывали до 08.1945. После отъезда части духовенства экзархата в Мюнхен остался в Чехословакии. По распоряжению архиепископа Фотия и с санкции советского посольства в Праге в 10.1945 командирован в Мюнхен с целью «убеждения митрополита Анастасия о его возвращении в юрисдикцию Московской Патриархии» и епископа Иоанна (Гарклавса) «возвратиться на Родину; а также забрать Тихвинскую икону Божией Матери». После того, как эта миссия окончилась неудачей, вернулся в Яблонец. В 1949 арестован и осужден.

Кудрявцев Николай, священник. В годы войны служил в Успенской церкви Аксеновой Горы и Троицкой церкви Ново-Муравейска Абренского (Пыталовского) округа.

Кузнецов Александр Александрович, протоиерей. Родился в 1868 в С.-Петербурге. В годы войны служил в Лужском округе в церкви села Каменные Поляны. После сожжения окрестных сел во время боевых действий 1944 при отступлении немцев благочинным ему предложено переехать в Лугу. Остался на родине.

Кузьмин Андрей, священник. Служил в сане диакона в Новгородском районе. 19.08.1943 рукоположен экзархом во иерея к Димитровской церкви Пскова. В 02.1944 эвакуирован в Литву. С 10.1944 служил в церкви Симанского монастыря г. Острова.

Куховский Петр Петрович, протоиерей. В годы войны служил в храмах Псковской епархии. Остался на родине. В конце 1940-х служил в Михаило-Архангельской церкви села Вышегород.

Кушников Анатолий Александрович, протоиерей. Родился в 1879 в селе Мотка Устюжинского уезда Новгородской губернии. В 1905

окончил Новгородскую духовную семинарию, в 1907–1916 — священник Спасо-Преображенской церкви Новгорода. В 1916–12.1934 служил в церкви Успенского кладбища Ленинграда. 26.12.1934 арестован, 17.05.1935 приговорен к 8 годам заключения. В 1940 освобожден. В 1941 — бухгалтер дорожного отдела в Новгороде, в 12.1941 эвакуирован немцами из Новгорода. В 04.1942–11.1943 обслуживал 6 приходов Стругокрасненского района, 11.11.1943–11.1944 служил в церкви г. Паневежа (Литва), а с 12.1944 — в Казанской церкви Вырицы. 26.05.1945 арестован, 12.07.1945 осужден на 10 лет лагерей.

Лавров Иоанн Владимирович, священник. Родился 17.02.1884 в селе Хряпьево Новоржевского уезда Псковской губернии в семье диакона. Образование домашнее. С 09.1902 по 08.1909 — учитель Волчицкой школы грамоты Новоржевского уезда. По сдаче экзамена в Псковской Арсениевской псаломщической школе с 08.1909 по 1912 — псаломщик при Троицкой церкви села Бараново Новоржевского уезда. В 1912 епископом Псковским и Порховским Алексием рукоположен во диакона к Спасо-Преображенской церкви села Вехно Новоржевского уезда. В 1912–1938 (до закрытия храма) — диакон названной церкви, с 1913 по 1918 — законоучитель Дублинниковской начальной школы в Вехновском приходе. 08.10.1942 экзархом Сергием рукоположен во священника к названной церкви. Остался на родине. 25.08.1945 утвержден настоятелем этой церкви. Вышел за штат по болезни 18.03.1950. Скончался после 1950.

Лавров Модест Павлович, протоиерей. Родился 10.05.1875 на погосте Утретки Опочецкого уезда Псковской губернии в семье протоиерея. Окончил в Пскове духовное училище и духовную семинарию (1897). С 25.01.1898 — учитель Печерской монастырской церковно-приходской школы. 05.10.1900 переведен в Утретскую церковно-приходскую школу, где состоял до назначения священником. 17.10.1904 епископом Арсением Псковским и Порховским рукоположен во диакона, 22.10.1904 — во священника. С 21.08.1904 — священник церкви Богоявления Господня села Кунино Новоржевского уезда Псковской губернии, с 28.10.1904 — также законоучитель Глазовского земского народного училища Духновской волости. С 13.08.1905 — законоучитель и заведующий Кунинской церковно-приходской школой и Боровской школой грамоты. С 27.11.1906 — член благочиннического совета IV округа Новоржевского уезда. С 22.12.1908 — законоучитель Киевского земского народного училища. 12.08.1910 переведен на

пог. Утретки Опочецкого уезда Псковской епархии. В 1926–1936 — благочинный церковей II округа Опочецкого уезда. В 1936–1944 служил при Введенской церкви погоста Утретки (Пушкиногорского района). С 1941 также обслуживал соседний приход Терebeneи. После того как в 1944 при отступлении немцев храм в Утретках был ими взорван, по прошению переводится в Воскресенскую церковь села Терebeneь Опочецкого района, но продолжает обслуживать по очереди оба прихода (до 1947). С 05.11.1947 — настоятель Казанского собора в Луге, благочинный Лужского округа. С 30.10.1948 — священник церкви Смоленского кладбища в Ленинграде. С 14.10.1949 — настоятель церкви св. Иова на Волковом кладбище. С 28.12.1949 — настоятель Троицкой церкви «Кулич и Пасха». С 24.01.1952 — настоятель Димитриевской Коломяжской церкви, с 28.05.1952 — священник Никольской Большеохтинской церкви. С 28.06.1960 и.о. ее настоятеля. По выходе на пенсию 05.07.1961 уволен за штат. Скончался 28.10.1967 в Ленинграде.

Лаптев Алексей Панфилович, священник. Родился 11.12.1890 в Кронштадте в семье бывшего рабочего мачтового завода, состоявшего церковным певчим и псаломщиком и происходившего из крестьян Владимирской губернии. Окончил Петербургскую духовную семинарию (1912) и был определен в Митрополичий хор учителем мальчиков и певцом, где пробыл до призыва на войну в 1915. Одновременно окончил 3 курса Психоневрологического института в Петербурге по медицинскому факультету. Призван на войну в 1915. После войны с 1917 служил бухгалтером в Петрограде и окрестностях, участвуя в качестве певца и солиста в церковных песнопениях в Сергиевском и Спасо-Преображенском соборах. До 1940 — бухгалтер в тресте «Теплострой», в 1940–1941 — бухгалтер в колхозе Буденного в Лужском районе. В оккупации — в Гатчинском районе. В 1941–1943 работал на пилке дров, пел в православных храмах. Вдов. 14.06.1943 посвящен в Риге в церковь Св. Духа экзархом Сергием во иерея. После рукоположения служил в храмах Риги: в кафедральном соборе, при монастыре и в иных храмах. С 07.1943 служил в кафедральном соборе и других церквях Пскова. С 08.1943 служил в Спасо-Преображенской церкви села Орлино Гатчинского округа. В 01.1944 вместе с местным населением эвакуирован немцами в Германию, где они были прикреплены к заводу Миллера близ Дюссельдорфа. До 08.1945 по указанию митрополита Берлинского Серафима служил для утешения верующих, эвакуированных беженцев и пленных «молитвою и верою во Христа». В 09.1945 вернулся в Россию. В 1945–1947 — не служил, работал в сельском

хозяйстве. В 1947 арестован, 28.02.1948 приговорен к 7 годам лагерей и 3 годам поражения в правах. Освобожден в 09.1954. 18.07.1956 реабилитирован. 04.07.1956 получил назначение настоятелем церкви Св. Духа села Городцы Волотовского района Новгородской области. По болезни на приход выехать не смог, уволен за штат ввиду болезни и его о том прошения. Заштатный священник, проживал в Гатчинском районе, на станции Карташевская. Скончался после 09.1956.

Ларионов Филипп Васильевич, диакон. В 1943 рукоположен архиепископом Нарвским Павлом во диакона. Служил в 1943–1944 в Александро-Невской церкви поселка Волосово. 13.10.1944 рукоположен во священники к церкви села Прибуты Гдовского района.

Лебедев Александр Иаковлевич, священник. Родился в 1876, служил иереем в 1924–1937, затем за штатом. 17.03.1942–30.11.1943 — настоятель церкви села Ясно Порховского района. 30.11.1943 заключен немцами в лагерь в Порхове. Освобожден Управлением Миссии и назначен в Рождественскую церковь погоста Новая Уситва, где служил до прихода советских войск.

Лёгкий Иаков Савич, протоиерей. Родился 01.04.1906 в г. Двинске Витебской губ. в семье известного латгальского священника Саввы Легкого, много лет служившего в Каплавской и Салиенской церквях. Окончил Двинскую школу, гимназию и Рижскую духовную семинарию. В 1928 рукоположен во диакона, а в 1932 — во священника к Коровской церкви Абренского уезда. Арестован НКВД 23.06.1941 в Риге, перевезен в тюрьму г. Острова. В 07.1941 оказавшись на свободе с уходом Советской армии, переехал в Псков, где совершил первое богослужение. В дальнейшем вернулся в Латвию, где в 1944, опасаясь ареста, перешел на нелегальное положение. Работал завхозом лесозавода в Салацгриве под чужой фамилией, арестован в 06.1949. Приговорен 19.11.1949 к 10 годам лагерей. Освобожден в 1954, поселился в Резекне. Позднее служил священником в Малте, скончался 15.05.1982. в Резекне.

Лёгкий Иоанн Савич, протоиерей. Родился 29.04.1907 в г. Двинске Витебской губ. в семье известного латгальского священника Саввы Легкого, много лет служившего в Каплавской и Салиенской церквях. Брат протоиерея Иакова Легкого. Подростком был прислужником и чтецом в Александро-Невском соборе Двинска (Даугавпилса). Окончил в 1926 Двинскую русскую гимназию и в 1930 экстерном Рижскую

ДС. Работал учителем в сельской школе. Женился на Екатерине Яковлевне Перминовой, имел двух дочерей: Галину и Ираиду. 14.09.1931 рукоположен архиепископом Рижским Иоанном (Поммером) во диакона, а 21.09.1931 — во священника к Каплавской церкви. В 1934 назначен 2-м священником Александро-Невского собора Даугавпилса. С 1936 — священник Рижского Троице-Сергиева женского монастыря и законоучитель местных школ. В 1937–1940 учился на православном отделении Богословского факультета Рижского университета. В 1936–1941 — член Рижского Епархиального Совета. С 17.08.1941 по 07.1943 — миссионер, член Псковской Духовной Миссии. В 08.–11.1941 крестил 3,5 тыс. детей, совершал богослужения в 40 храмах. Служил священником в Троицком соборе Пскова, Афанасиевской церкви Гдова (с 27.01.1942) и храмах Гдовского района. С 8.07.1942 по 04.1943 — благочинный Гдовского округа (включавшего 5 районов Ленинградской обл.), с 09.1942 по 04.1943 также — старший ревизор и помощник (заместитель) начальника Псковской Миссии. 17.08.1942 награжден экзархом Прибалтики митрополитом Сергием (Воскресенским) орденом Миссии 1-й степени «за самоотверженное Апостольское служение и труды по воссозданию истерзанной безбожием души Русского Народа». Летом 1942 по поручению экзарха Сергия составил программу занятий для преподавателей Закона Божия в школах оккупированной части Ленинградской обл. Осенью 1942 создал молодежный кружок при Троицком соборе Пскова, а в Гдове — добровольное благотворительное общество «Народная помощь». В 07.1943 назначен настоятелем Рижского кафедрального собора с возведением в сан протоиерея, благочинный Рижского округа, член Епархиального Совета. В 10.1944 из Риги эвакуировался в Германию. В 02.1945 после беседы с митр. Анастасием (Грибановским) в Карлсбаде перешел в юрисдикции Русской Православной Церкви за границей, был кандидатом в военные священники 15-го кавалерийского казачьего корпуса в Югославии. С 1946 — настоятель храмов в Любеке и Шлезвиге, благочинный церковью Шлезвиг-Голштинии. В 1946–1949 — синодальный миссионер и наблюдатель за преподаванием Закона Божия в русских школах Германии. В 1948 награжден крестом с украшением. В 08.1949 эмигрировал в США. В 1949–1959 — 2-й священник Вознесенского кафедрального собора на Бронксе в Нью-Йорке. С 1959 по 1.01.1987 — настоятель собора Архангела Михаила в г. Патерсоне (штат Нью-Джерси), член Епархиального Совета (1949–1987), благочинный Восточно-Американской и Нью-Йоркской епархии (1961–1987), до 1987 — постоянный сотрудник газеты «Епархиальный листок Восточно-Американской епархии.

С 1972 — в сане протопресвитера. После кончины 14.01.1989 супруги Екатерины Яковлевны (урожд. Перминовой) в 08.1990 принял монашеский постриг с именем Иоанн, 15/28.08.1990 хиротонисан во епископа Буэнос-Айреского и Аргентино-Парагвайского. Служил в Аргентине. 2 окт. 1994 г. назначен епископом Рокландским, викарием Восточно-Американской и Нью-Йоркской епархии; служил в храме Покрова Пресвятой Богородицы в г. Наяке (штат Нью-Йорк). Скончался 10.03.1995 в Нью-Йорке, похоронен на кладбище православного Ново-Дивеевского женского монастыря (г. Спринг-Валлей, штат Нью-Йорк).

Лилиев Иоанн, священник. В 1942–1943 служил в церкви поселка Шимск бывшего Новгородского уезда и в 1943 — в Знаменской церкви села Любани Шимского района.

Лирин Василий, священник. В годы войны — настоятель Владимирской церкви села Лисье Печорского округа, остался на родине.

Лозинский Ростислав, священник. В 1942–1944 — 2-й священник Свято-Троицкой (Штиглицкой) церкви в Нарве (Ивангороде). Остался на родине. Автор исследования по истории Свято-Троицкой церкви. Позднее служил в Тульской епархии.

Макаренко Стефан А., священник. До войны был дважды судим, отбывал срок наказания в 1933–1941. В годы войны служил в церкви Михайловского пог. Псковской епархии. Арестован и осужден в 1944.

Максимов Александр Иоаннович, диакон. Родился в 1886 в Твери. В 1901 окончил Тверское училище путей сообщения, в 1935 — юридический факультет Ленинградского государственного университета. Рукоположен во диакона 16.08.1921 епископом Старицким Петром, викарием Тверской епархии. К 1941 проживал в Колпино. В 1943–1944 служил в Казанской церкви Вырицы. 15.10.1944 архиепископом Григорием (Чуковым) рукоположен во священника к Воскресенской церкви села Модолиты Лужского района. Служил на приходах Ленинградской, Новгородской, Псковской епархий. Скончался 04.06.1951.

Мартынов Василий Петрович, протоиерей. Родился 27.04.1871 в Архангельской губернии. В 1895 окончил Архангельскую духовную семинарию. 06.04.1895 рукоположен во диакона, а 13.08.1895 — во иерея, до 1931 служил на приходе, в 1931–1941 проживал на иждиве-

нии детей. С конца 1941 служил в Покровской церкви села Бутково, в 1942–1944 — в Рождественской церкви села Клеменцы Оредежского района, в связь с Миссией не вступал. В 1944–1949 — за штатом.

Маслов Алексей Данилович, священник. Родился 10.02.1879 в Троицке Екатеринбургской губернии. С 1899 — послушник на Валааме. С 01.10.1941 служил псаломщиком при игумене Илие (Мошковой) в Павловске в кладбищенской церкви правв. Иоакима и Анны, с 21.03.1942 — в церкви погоста Доложск (Заручье). Рукоположен 17.07.1943 во диакона, а 19.07.1943 во священника в Риге епископом Иоанном (Гарклавсом). С 05.08.1943 — священник в Доложске, с 11.1943 (после сожжения церкви в Доложске) — в Зажупанье. Остался на родине. Служил до 1952 в Зажупанье, убит, обманом приглашенный для совершения богослужения, 23.12.1952. Похоронен в Зажупанье.

Матвеев Иоанн, священник. Учился (в 1943–1944) на Богословских курсах в Вильно.

Медведский Иоанн, протоиерей. До 1937 — настоятель церкви села Хоченья Тосненского района. В конце 1941–1942 служил в Петропавловской церкви Любани. Скончался в 12.1942 в Любани, погребен 01.01.1943.

Мельников Василий Андреевич, протодиакон. Родился 20.08.1886 в Изборске Псковской губернии в крестьянской семье. Учился в школе псаломщиков в Пскове (1912–1914). По ее окончании служил псаломщиком в Казанском соборе Петербурга. Рукоположен во диакона (1914), служит в Порховском уезде Псковской губернии (1914–1917). Диакон Свято-Троицкого собора в Пскове (1917–1919). В 1919 вернулся на родину, в Изборск. Служил архидиаконом в Псково-Печерском монастыре (1920–1926), диаконом в приходской церкви (1926–1928), с 1928 — диакон Рижской Покровской церкви. Окончил Рижскую духовную семинарию (1930). Духовный руководитель движения мальчиков «Витязи» и певческого кружка Русского православного студенческого единения. В 1934 возведен архиепископом Рижским Иоанном во протодиакона и назначен в Рижский Христорождественский собор. В 1941–08.1944 служил в соборе, преподавал Закон Божий в рижских русских школах № 4 и № 13. Принимал участие в деятельности Псковской Миссии. В 08.1944 эвакуирован в Германию, позже перемещен в г. Карлсбад (Карловы Вары), Чехословакия. 25.09.1944 вернулся на родину, слу-

жил протодиакonom в Рижском кафедральном соборе. Арестован 09.02.1951. Осужден на 10 лет лагерей. В заключении в Усть-Вымлаге, позже в г. Молотове (Пермь). Освобожден в 1955. Вернулся в Латвию. Продолжал служить в Рижском соборе. Рукоположен во священника (1966). Служил с 1966 вторым священником в Рижском Троице-Сергиевом женском монастыре до своей кончины 22.03.1972. Похоронен в Риге на Ивановском кладбище.

Мельников Георгий, священник. Служил в церкви в Гдовском районе. Эмигрировал в Германию.

Мещерский Алексей Александрович, священник. Родился 07.02.1893 в селе Рыдань Болховского уезда Орловской губернии в семье священника. Окончил Черниговскую духовную семинарию (1914). 12.10.1914 епископом Пахомием рукоположен к Михайловской церкви с. Новые Бобовичи Новозыбковского уезда Черниговской губернии. С 1917 — священник Введенской церкви села Дивовка, с 1924 — священник Покровской церкви села Губостово Почепского района Черниговской губернии. Арестован в 1930, осужден на 10 лет лагерей. Освобожден по отбытии 7,5 лет. С 1937 проживал у сестры в селе Семешково Унечского района Орловской области. С 1939 по 1942 — счетовод стекольного завода в Торковичах близ станции Оредеж. В 1942 по приглашению прихожан стал служить священником Никольской церкви села Дмитриевы Горки и церкви села Вышегород Пожеревицкого района. С 05.09.1944 служил в Троицкой церкви села Болчино Дедовичского района. Остался на родине. В 1945 перемещен к Тихвинской церкви села Добрывичи Карамышевского района. С 1947 — настоятель церкви Рождества Богородицы села Белая Дновского района. С 1948 — настоятель Свято-Духовской церкви села Городцы Волотовского района Новгородской области. С 02.01.1950 — за штатом. Скончался 05.11.1950 в Старой Руссе.

Миронович Николай Николаевич, священник. Родился в Виленской губернии. Окончил Виленское духовное училище и 2 класса Литовской духовной семинарии, 08.09.1921 рукоположен во диакона и до 1936 служил в Литве, в 1936–09.1939 — священник Шелятичской церкви Брестского уезда в Польше, 11.1939–42 — настоятель Екатерининской церкви Вильно. С 13.08.1942 священник-миссионер в Троицком соборе Острова. С 04.1943 служил в г. Порхове (04.–08.1943 — благочинный Порховского округа), с 09.1943 — в г. Острове в церкви

свт. Николая Чудотворца на острове (благочинный Островского округа в 01.–03.1944). 05.03.1943 эвакуирован в Шауляй, был начальником канцелярии Внутренней Миссии в Литве. Арестован в Шауляе 18.08.1944, перевезен в г. Остров, где освобожден под подписку о невыезде, служил в церкви Симанского монастыря. Вновь арестован в 10.1944 в Острове, перевезен в ленинградскую тюрьму «Кресты». Приговорен Военным трибуналом в Ленинграде к 20 годам лагерей.

Митрофанов Василий Васильевич, священник. Родился в 1869 в Валдае Новгородской губернии. С 1930 — секретарь приходского совета Тихвинской церкви на станции Сиверской, в 1941–1943 — секретарь церковного попечительства, 18.04.1943 посвящен в Риге во диакона, а 27.04.1943 — в сан иерея, в 1943–1944 служил в Троицкой церкви на станции Сиверская. Остался на родине. С 01.09.1944 — настоятель Петропавловской церкви Вырицы. Арестован 25.10.1944. Осужден в 12.1944 на 10 лет. Скончался в заключении.

Михайлов Феодор Иоаннович, протоиерей. Родился 10.07.1903 в Плюссе Петербургской губернии. В 1924 рукоположен во диакона, служил в Воскресенском Покровском женском монастыре в селе Нежадово близ Плюссы. С 1928 — несколько лет иосифлянин. В 1928 рукоположен во священника, служил в церкви села Тигода, в соборе Воскресения Христова (Спас-на-Крови) в Петрограде. Служил в 1941–1944 в Лужском и Гдовском районах, в Плюссе. С 20.08.1943 — заместитель начальника Православной Миссии, старший ревизор Управления Миссии, настоятель Димитриевской церкви Пскова. В 1943–1944 — благочинный Псковского округа. Эвакуировался в Латвию. Остался на родине. Арестован. После освобождения служил в 1958–1959 в церкви села Васильевское Новгородского района. С 01.10.1959 — за штатом. В 1970–1976 — проживал в Ленинграде. Неоднократно обращался с просьбой разрешить ему служить на каком-либо приходе, в чем было отказано. Скончался после 06.1976 в крайней нужде.

Михайловский Павел Павлович, священник. Родился в 1891. В 1943–1944 служил в Никольской церкви села Хочени Батецкого района. Остался на родине. Служил на приходах Ленинградской епархии. Скончался в 1967.

Модестов Иоанн Алексиевич, священник. Родился в 1894. В 08.1943 рукоположен во иерея епископом Рижским Иоанном в Риге.

В 08.1943–1944 служил в Спасской церкви села Александрово Порховского района, с 01.09.1943 обслуживал также церковь погоста Демянка.

Молчанов Иоанн Васильевич, священник. Родился 20.09.1891 в деревне Никово Шулецкой волости Ростовского уезда Ярославской губернии, с детства был певчим в храме. Окончил торговую школу, получил среднее образование, в 1919 окончил в Москве 2 курса Православной народной академии. К 1943 — вдов, имел трех дочерей и сына, арестовывался в 1937–1938. Брат Петра Молчанова, крестного отца внучки иеросхимонаха Серафима Вырицкого (Муравьева) Ольги. Проживал в Любани, с 04.1942 — секретарь Любанского городского управления. 04.07.1943 рукоположен епископом Иоанном (Гарклавсом) в Риге во диакона, а 11.07.1943 — во священника. Вместе со священником Н. Багрянским направлен протоиереем К. Зайцем в Вырицу. Служил в Вырице, в Казанской церкви, с 07.06.1944 — настоятель церкви в Рождествено. Остался на родине. Арестован в Рождествено 19.10.1944, осужден на 15 лет лагерей, в 1947 срок изменен на 10 лет. В заключении в Воркуте (Коми) до 1954. Разбитый параличом в заключении, сразу же после освобождения из лагеря, был отдан родным и скончался у них на руках в Любани 14.12. 1954. Похоронен в Любани.

Молчанов Серафим Сергиевич, священник. Родился в Кронштадте. 17.09.1943 рукоположен в Риге во диакона, а 24.09.1943 — во иерея. 24.09.1943–4.01.1944 служил в Георгиевской церкви села Рюха Псковского района, 04.01.1944–1945 — в церкви сел Елены, Дубки Островского района и Никольской церкви Острова.

Мясников Алексей (протоиерей Мясников Александр Захарович ?), священник. В начале 1943 посвящен в сан. Служил в церкви близ села Ямы (Ямм ?), на железной дороге Псков — Гдов (?) Псковская область.

Назаретский Алексей Симеонович, священник. В 1911–1920 — псаломщик. В 1920 рукоположен во диакона, а в 1929 — во иерея. В 1929–1930-х и в 1941–1944 служил в церкви с. Знахлицы (Псковская область). Остался на родине. 18.05.–08.1944 — настоятель церкви Иоанна Крестителя в поселке Славковичи. В 08.1944–1949 вновь служил в Покровской церкви села Знахлицы.

Налимов Алексей, священник. Родился в 1880 в Лужском уезде Петербургской губернии в семье священника. Окончил Петербургскую духовную семинарию, работал учителем церковно-приходской школы. В 1915 рукоположен во диакона к церкви села Посолодино, с 1917 — священник церкви села Сяbero Лужского уезда. В 1930–1940 — на гражданской работе в Луге. В 1941–1944 служил в Казанском соборе и в Ольгинской церкви в Луге. Арестован и осужден в 1944.

Натаров Петр, диакон. 12.08.1928–13.08.1940 и 05.11.1941–01.02.1944 — служил в Нарвском Воскресенском соборе.

Начис Иаков Владимирович, священник. Родился 13.01.1912 в местечке Грива Илукстского уезда Курляндской губернии в церковной семье подрядчика по строительству. После окончания Двинской русской гимназии (1931) окончил Рижскую духовную семинарию (1936). С 25.01.1935 — псаломщик и регент в Салдусской Богоявленной церкви. С 1936 — псаломщик и регент Двинского Борисоглебского собора. 24.06.1938 рукоположен во священника епископом Елгавским Иаковым (Карпом). Служил на приходах Латвии: в Сауснейском латышском православном приходе с окормлением Вестиентолкского прихода в Карздабском благочинии (Видземе), около года был тюремным священником в Двинске. Перед войной настоятельствовал в Ильинской церкви села Лиепна. Во время высылки и арестов людей, происходивших после присоединения Латвии к СССР, едва избежал ареста, уехав в Ригу. С началом действия Псковской Миссии, по благословению экзарха Сергия, выехал в Псков. Служил священником-миссионером на приходах Псковской области: в Пскове, селе Воронцово, с 1942 — в селе Выбор близ Новоржева, в Свято-Ольгинской церкви Луги, с 05.1943 по 08.1943 — благочинный Лужского округа, позже — Порховского округа (08.–11.1943), во время служения на градском приходе Порхова. В 02.1944 эвакуирован в Латвию (Рига). В 1944–1945 служил и законоучительствовал (в русской гимназии) в Либаве (Курляндия). Остался на родине. После прихода советских войск арестован в Либаве (08.1945). В заключении в Риге, затем в Ленинградской тюрьме «Кресты». Осужден 18.05.1946 на 10 лет лагерей. Находился в концлагерях Инта, Абезь (Коми), в заключении иногда удавалось совершать литургию. После освобождения (1955) находился в ссылке в селе Кочпон, здесь служил в единственном действующем в Коми храме (1955–1958), позже — в г. Кировске Мурманской области (1958–1960), где служил в обращенной из барака церкви у подножия

Хибинских гор. В 1960 вернулся в Латвию. Служил в Покровской церкви в Кулдиге, обслуживая Салдусскую и Айзпутскую церкви (1960–1966), затем — в Покровской церкви в Риге (1966–1987). Из-за того, что в 1980-х ему при Покровской церкви удалось создать дружную общину, в которую входило много представителей интеллигенции, по требованию властей и спецслужб переведен на другой приход. В 1987–1991 служил в Рижском Свято-Троицком соборе. За несколько дней до кончины реабилитирован. Скончался 07.11.1991 в Риге. Похоронен в Риге на 1-м Лесном кладбище.

Недремский Николай Иоаннович, священник. Родился 05.12.1883 в селе Ложголово Гдовского уезда Петербургской губернии в семье диакона. Окончил 2 класса Петербургской духовной семинарии. В 1901–1918 — учитель в школах Гдовского уезда. В 1919 в составе армии генерала Н. Юденича служил полковым певчим, в эмиграции в Нарве (1919–1940). В 1930-х — регент хора и псаломщик (с 1932) Владимирской Братской церкви в Нарве, преподаватель церковнославянского чтения в Братской школе. В 1938 рукоположен епископом Нарвским Павлом во диакона. Диякон Нарвского Спасо-Преображенского собора. В 1942 рукоположен во иерея, назначен к Петропавловской церкви села Кейкино бывшего Ямбургского уезда (1942), с 13.04.1943 служил настоятелем в Казанской церкви села Низы (Нарвская епархия). Остался на родине. В 02.1944 эвакуирован советскими войсками в глубь территории с линии фронта. С 05.1944 служил в церкви села Ратчино и села Удосолово. С 12.02.1948 — настоятель Георгиевской церкви села Ложголово. Скончался 20.09.1962 в Ложголово. Похоронен за алтарем местной Георгиевской церкви.

Никитин Михаил Иоаннович, священник. 24.05.1909 рукоположен во диакона. 19.08.1910–1937 служил в церкви села Дерглец Волотовского района. С 1938 по 26.07.1941 работал продавцом в Волоотово. 06.01.1942 рукоположен во священника экзархом Сергием. С 1942 служил в Дерглецкой, Городецкой, Порожской и Реченской церквях. С 03.1943 — заместитель благочинного Порховско-Дновского округа по Волоотовскому району. Остался на родине.

Николаевский Василий Васильевич, протоиерей. Родился в 1898. В 1922 рукоположен во диакона, в 1926 — во иерея. В 1930-е–1941 служил в Новгороде — в Михайловском соборе на Прусской ул., затем в церкви сел Васильевское, Егорий Новгородского района. Был

благочинным Новгородского округа (15.08.1941–10.11.1943). В 11.1943 эвакуирован в Литву, в конце 1944 вернулся в Новгород.

Ноздрин Михаил, протоиерей. В 1942 служил в Петропавловской церкви Любани. К 1943 служил в Казанской церкви в Вырице, входящим — в Петропавловской церкви Вырицы. С 08.1943 — в Казанском соборе Луги. В 1943 запрещен экзархом Сергием в священнослужении без снятия сана. В 1944 запрещение снято митрополитом Ревельским Александром.

Образцов Михаил Степанович, протоиерей. Родился 20.11.1881 в деревне Сафроново Емельяновской волости Старицкого уезда Тверской губернии в крестьянской семье. Окончил 3 класса школы в селе Емельяново (1891), 3 класса петербургской начальной школы на Васильевском острове (1892), 4-классное Андреевское училище (1896) и подготовительный класс при Андреевском училище для поступления в институт (1897). Сдав экзамен на учителя церковно-приходской школы при Петербургской духовной семинарии (1897), окончил Педагогический учительский институт (1901). С 1901 — учитель Гвозденской образцовой школы Гдовского уезда, с 1902 — учитель математики Гвозденской епархиальной учительской школы, в 1902–1910 — ее старший учитель. Получил благословение св. отца Иоанна Кронштадтского и митрополита Петербургского Антония на принятие священства. В 1910 сдал экзамен за весь курс духовной семинарии. В 1911 рукоположен во диакона епископом Нарвским Никандром в Александро-Невской Лавре. 01.04.1911 в Исаакиевском кафедральном соборе епископом Гдовским Вениамином рукоположен во священника. В 1911–1934 — священник Кунестской Петропавловской церкви Гдовского уезда. На пожертвованные св. отцом Иоанном Кронштадтским средства построил в селе Кунесть каменный храм во имя Тихвинской иконы Божией Матери. С 1930 — протоиерей. После закрытия храма, в 1938 — учитель и завуч 7-летней школы, в Новгородской области, в 1939 — директор, завуч и учитель русского языка этой школы. В 1939 окончил институт усовершенствования учителей по русскому языку и литературе (заочный сектор). В 1939–1941 — учитель средней школы для взрослых Октябрьской железной дороги в Новгородской области. С 1941 — настоятель Лазаревской Ямковской церкви и учитель (с 1942) средней школы села Сергеево Новгородского района. С 1943 — настоятель Успенской церкви села Городец Лужского округа, входящий священник Воскресенской церкви села Петрова Горка. С 08.1943 — благочинный Луж-

ского округа. В 01.1944 за связь его прихожан, жителей села Городец, с партизанами заключен в немецкий лагерь в Заречной части Луги, позже содержался под домашним арестом. Будучи приговорен к смерти, избежал ее (немцы не успели ни казнить его, ни вывезти во Псков в связи с внезапным приходом партизан и освобождением Луги). Свое избавление приписывал заступлению прпмч. Трифона Городецкого, в день памяти которого 01.02. был избавлен от смерти и которого неизменно чтит до конца своих дней, оставшись служить на приходе села Городец, у мощей прпмч. Поселившись в подвале церковной сторожки, восстановил пострадавший от войны Успенский храм села Городец, возобновив в нем богослужения с весны 1944. 09.06.1944 митрополитом Григорием утвержден туда же настоятелем. 15.01.1957 вышел за штат по болезни, по возможности продолжал служить в храме. Скончался 27.09.1959, погребен в селе Городец за алтарем церкви.

Овчинников Василий Феодорович, протоиерей. Родился 07.08.1869 в погосте Коровск Островского уезда Псковской губернии в семье псаломщика. Окончил 4 класса Псковской духовной семинарии (1888). В 1888–1893 —учитель Лоскучевской школы Островского уезда. С 05.1893 — псаломщик церкви погоста Старые Овсищи Островского уезда. 06.06.1901 епископом Антонином рукоположен в сан диакона к церкви погоста Старые Овсищи. С 1906 — диакон погоста Чирски Псковского уезда. 29.02.1920 епископом Псковским Геннадием рукоположен во священника к церкви погоста Чирски. С 17.07.1937 —протоиерей. В 03.1944 при эвакуации немцами с погоста Чирски ранен в правую руку, инвалид. Потерял семью, вдов. Остался на родине. С 23.07.1945 — настоятель Космо-Дамиановской церкви погоста Локно Палкинского района. С 12.03.1946 — настоятель Михаило-Архангельской церкви погоста Кухва Островского района. Скончался 14.01.1952.

Оглоблин Иоани Васильевич, священник. Родился в 1892. В 1942–1944 служил в храмах сел Тешково, Демяницы, Русски и погоста Локно (Псковская область). Остался на родине. В 1947–1948 служил во Псковской епархии.

Орец Петр, священник. В 1941–1944 служил в Георгиевской церкви села Сено Печорского уезда, помощник благочинного Печорского округа. В 1942 на 2 месяце был арестован немцами. В 1944 ранен, лечился в г. Верро-Выру (Эстония).

Орлов Иоанн Илларионович, диакон. Родился в 1872. В 1942–1944 служил в Рождественской и Фроловской церкви Оредежского района, в связь с Миссией не вступал. После 1956 служил в церкви поселка Толмачево Лужского района.

Орнатский Николай, диакон. В 1943 (?)–1944 служил в Спасской церкви села Спас-Пископек Новгородского района. Остался на родине. 20.10.1944 рукоположен во священника к названной церкви.

Осипов Иоанн Осипович, протоиерей. В 1898 рукоположен во диакона, в 1926 — во священника, в 1936 возведен в сан протоиерея. С 1941 служил в церкви села Скугры (Дновский округа), с 08.04.1943 — в Богоявленской церкви села Подоклинье Порховского района, 04.09.1944 арестован, осужден.

Осьминский Димитрий Николаевич, протоиерей. Родился 21.10.1878 в Петербурге в семье священника. Окончил Петербургскую духовную семинарию (1901). В 1901–1902 — на гражданской службе. С 1902 — псаломщик Князь-Владимирской церкви Орловско-Новосильцевской богадельни в Лесном (Петербург). В 03.1903 рукоположен епископом Константином Гдовским во священника к Тихвинской церкви с. Колчаново Новолодожского уезда. В 1912 перемещен настоятелем Князь-Владимирской церкви в Лесном. С 1924 — протоиерей. С закрытием храма в 03.1935 перемещен священником к церкви села Доброе Тосненского района (близ Любани), а через 3 месяца — к Троицкой церкви поселка Самопомощь на станции Поповка, где служил до весны 1941. Вдов с 1941. 30.05.–09.1941 служил в Никольской церкви Колпино. В 09.1941 перешел в церковь поселка Самопомощь. Ввиду выселения немцами прифронтовой полосы в 11.1941 бежал в Оредежский район. Там с 19.12.1941 служил священником: первоначально в селе Загородицы, селах Ям-Тесово и Перечицы, позже, с 1943 (после регистрации благочинным отцом И. Начисом), — в церкви свв. Флора и Лавра села Загородицы. С эвакуацией немцами жителей Оредежского района в Латвию (осень 1943) 16.12.1943 назначен епископом Иоанном Рижским священником церкви на станции Аля для обслуживания нужд беженцев. В 06.1945 вернулся на родину. 06.12.1945 назначен настоятелем Саблинской Никольской церкви, где продолжал окормлять многих из своей прежней паствы со станции Поповка, полностью сгоревшей в годы войны. Был хорошим проповедником и усердным к богослужениям пастырем. Дважды переводы

его (в 01.1949 — настоятелем Казанского собора Луги и благочинным Лужского округа и в 09.1949 — священником в церковь Иова на Волковом кладбище) отменялись по просьбам прихожан. До конца своих дней служил в Саблино. Скончался 21.02.1952, похоронен у алтаря.

Павлов Михаил Павлович, священник. В 1941–01.09.1943 — настоятель Никольской церкви г. Порхова, а в 1943–1944 служил в Покровской церкви погоста Жаборы Порховского района.

Панов Иоанн, священник. В годы войны — настоятель Рождественской церкви г. Изборска Печорского округа. Остался на родине.

Панфилов Павел Павлович, священник. Родился 15.07.1888 в деревне Парослово Псковского уезда и губернии (ныне Печорского района). Окончил Псковскую духовную семинарию. Рукоположен во священника в 1913. В годы войны служил в Николаевской Качановской церкви. Арестован 29.12.1944. 05.03.1945 осужден на 10 лет лагерей. Умер в лагере в 1952. Реабилитирован 26.01.1993.

Парийский Михаил Стефанович, священник. Родился в 1896 в семье священника, посвящен в сан в начале 1943, служил в церкви Саввиной пустыни близ Пскова.

Парийский Стефан Ипполитович, протоиерей. Служил в церкви Саввиной пустыни (Псковский район). Трагически погиб в 1943, попав под немецкую автомашину.

Пермяков Николай, священник. В годы войны служил в Гдовском округе.

Першин Виктор Андреевич, священник. Родился в 1885 в Риге. С 14 лет работал на фарфоровой фабрике Кузнецова, одновременно учился живописи, с 1900 — художник на этой фабрике. В 1907 служил в армии писарем, потом возвратился на фабрику, в Первую мировую войну вновь мобилизован в армию. В 1917–1920 жил и работал в России, в 1920 возвратился в Латвию, жил в Риге, работал в трамвайном управлении вагоновожатым. 24.08.1941 рукоположен экзархом Сергием во диакона, а 10.05.1942 епископом Александром (Витолом) — во священника и направлен в Православную Миссию. Служил настоятелем Гдовской Афанасиевской церкви, совершал богослужения в храмах

Гдовского района. В 1943 отчислен из Миссии и назначен резервным священником Рижского кафедрального собора. Одновременно служил в Преображенской церкви в Балтинавe, в 08.1943 назначен настоятелем Всехсвятской церкви в Риге. Остался на родине. После прихода советских войск арестован 16.11.1944, перевезен в Ленинград, где Военным трибуналом 03.01.1945 осужден на 20 лет заключения в спецлагерях с особым режимом и поражением в правах на 5 лет. В 04.1945 из ленинградской тюрьмы «Кресты» отправлен по этапу в лагерь Песчаный в Карагандинскую область, с весны 1949 — в Спасском инвалидном лагере (Казахстан), где был пожарным при бараках. По амнистии освобожден в 1955, вернулся в Латвию. Проживал в г. Крустпилсе, служил настоятелем местной Никольской церкви. Умер около 1960. Похоронен в Риге на Лесном кладбище.

Петров Александр Михайлович, протоиерей. Родился 13.02.1891 в Петербурге. Окончил Петроградскую духовную академию (1917). В 1929–1937 — священник Преображенской церкви в Лигово (Урицке). Арестован 29.01.1930. В процессе следствия «обвинение в контрреволюционной деятельности не подтвердилось», освобожден 08.03.1930. С 1937 служил в Князь-Владимирском и Николо-Богоявленском соборах в Ленинграде. Проживал на даче в Лигово (Урицке), летом 1941 оказался в оккупации. В конце 1941–08.1942 — настоятель Павловского собора в Гатчине, благочинный. Арестован немцами 03.08.1942 за помощь подпольщикам. Расстрелян и похоронен командой СД 28.08.1942 вблизи д. Жестяная Горка Батецкого р-на Новгородского окр..

Петров Иоанн Петрович, диакон. Родился 17.06.1904 в Псковской губернии, окончил среднюю школу. Брат священника Петра Петрова, рукоположен во диакона. До 1940-х был иосифлянином, затем перешел в Московскую Патриархию. В 1942–1944 служил псаломщиком в церкви села Любовец и села Хохловы Горки Порховского района.

Петров Николай Михайлович, священник. Родился 13.12.1894 в селе Никифорово Устюжского уезда Новгородской губернии. С 1942 служил в Успенской церкви села Вруда и в 1942–1945 — в Георгиевской церкви села Ложголово. Остался на родине. Служил в различных храмах Ленинградской епархии (Тосно и др.), с 1947 — протоиерей, с 1960-х — за штатом. Проживал на станции Саблино. Скончался 16.04.1970, похоронен в Саблино (?).

Петров Петр Петрович, священник. В 1942–1943 — диакон в церкви Никандровой пустыни. 19–20.11.1942 на пастырском съезде в г. Дно был избран членом благочиннического совета Порховско-Дновского округа. Осенью 1944 рукоположен в Ленинграде во священника и назначен к церкви села Хохловы Горки Псковской области, затем служил в Богоявленской церкви села Подоклинье Порховского района.

Пиркин Иоанн, священник. В 1930-е служил в храмах Красного Села и Лигово. С 30.11.1941 по 01.03.1942 — настоятель Покровской церкви в Мариенбурге, в 1942–1943 служил в Троицкой церкви Красного Села, старец. В конце 1943 эвакуирован немцами со всем населением Красного Села в Литву. Скончался в 1944 в Литве.

Попов Николай Михайлович, протоиерей. Служил в церкви села Городня Батецкого района Новгородской области, до 12.1942 — в Оредежском районе, затем в церкви села Мельницы, Мелётово Середкинского района. Эвакуирован в начале 1944 в Каунас, назначен в церковь г. Алитуса (Литва). С лета 1944 служил в Димитровской церкви Пскова, с 11.10.1944 — в церкви с. Любынь Шимского района.

Попов Сергей, священник. Служил в Троицкой церкви станции Оредеж Оредежского района.

Поспелов Леонид, священник. В годы войны — настоятель Никольской церкви села Паниковичи Печорского округа, сгоревшей в 1944 г. в ходе боев. Остался на родине.

Поспелов, диакон. В годы войны служил в Никольской церкви села Лавры (Шемерицы) Печорского округа, сгоревшей в 1944 г. в ходе боев. Остался на родине.

Пращиков (Тращиков ?) Иоанн, священник. Рукоположен в начале 1943. Служил в церкви села Березка (Сырковичи) Дновского района Псковской области.

Преображенский Иоанн Георгиевич, священник. Родился 03.02.1915 в Ораниенбауме в семье петербургского священника. К лету 1941 — студент 3 курса I Медицинского института (Ленинград). Один из инициаторов возобновления богослужений в храмах Вырицы. Певчий и псаломщик в Казанской церкви Вырицы. Псаломщик

в церкви села Новоселье, в Троицком соборе Пскова. Рукоположен во диакона 22.08.1943 в Пскове, в Троицком соборе, служил в Пскове. Будучи диаконом Рижской Иоанно-Предтеченской церкви рукоположен во священника в Риге в 1944. С 08.1945 служил в Варлаамовской церкви (Псков). С 01.1946 — священник, затем — настоятель указанной церкви. В 1946–1948 — настоятель Казанской церкви (Псков), и.о. настоятеля Троицкого собора и благочинного Псковского округа. С 07.1948 — настоятель Петропавловской церкви в Валдае Новгородской области. Арестован с 24.04.1953 по 25.12.1955. После освобождения — вновь настоятель Валдайской Петропавловской церкви, и.о. благочинного Боровичского и Старорусского округа. 1959–01.1964 — настоятель Сергиевской церкви поселка Старая Вичуга Ивановской области, благочинный Вичугского округа. В 1964–1991 служил в храмах Ленинградской епархии: Никольской Большеохтинской церкви, Павловском соборе Гатчины, Николо-Богоявленском кафедральном соборе, Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Скончался 29.01.1991 в Гатчине. Похоронен за алтарем Покровской церкви в Мариенбурге.

Преображенский Николай, диакон. В годы войны служил в Георгиевской церкви села Сенно Печорского округа. Остался на родине.

Приймаги Николай Маркович, протоиерей. Родился 17.04.1874 на хуторе Вышегородской волости Островского уезда Псковской губернии в семье крестьян-эстонцев. Окончил Арсениевскую псаломщическую школу во Пскове (1915), с 1915 — псаломщик на эстонском приходе г. Торопца Псковской губернии (ныне в Тверской области), с 1915 служил в армии. В 1925 рукоположен архиепископом Рижским Иоанном (Поммером) во диакона. Служил в Вознесенской церкви погоста Верхние Овсищи (Аугшиене) Абренского уезда. Окончил Рижскую духовную семинарию (1928). В том же году рукоположен во священника к Верхне-Овсищенскому храму. Отремонтировал церковь, вел широкую работу по духовно-нравственному воспитанию прихожан, создал прекрасный хор. До 1944 служил в названной церкви. Арестован органами НКВД осенью 1944, перевезен в ленинградскую тюрьму «Кресты», приговорен Военным трибуналом в Ленинграде к 10 годам лагерей. После освобождения (1954) вернулся на родину. Служил 2-м священником, затем настоятелем Троицкого собора в Острове, после его закрытия — в Никольской церкви Острова, ставшей собором. К 1981 — на покое. Скончался 06.06.1981. Похоронен у Вознесенского храма в селе Верхние Овсищи Псковской области.

Прокофьев Владимир Иосифович, диакон. В 1923 рукоположен во диакона в Валуйском монастыре Воронежской губернии. 06.1942–1944 служил псаломщиком в Павловском соборе Гатчины.

Проскураков Илия Иоаннович, священник. Родился в 1879. В 1908–1939 — учитель, директор Лиговской школы. С 10.1939 — на пенсии. Рукоположен в 09.1942 архиепископом Нарвским Павлом. В 1942–03.1945 служил в Воскресенской церкви села Яблоницы. Остался на родине. К 04.1945 «выбыл в Пензу».

Протопопов Петр, протоиерей. Родился в 1862. В период оккупации служил в церкви села Чирковицы Волосовского района. В конце 1943 эвакуирован в Ригу. В 1944 проживал в Рижском Свято-Троицком Сергиевском монастыре.

Птицын Петр Васильевич, священник. Родился в 1898 в деревне Корбозеро, Карелия. Жил на Псковщине, в 1942 — диакон. Рукоположен в сан священника в Риге епископом Ковенским Даниилом 14.02.1943. Служил в церкви села Камно. Остался на родине. Арестован 20.04.1945. Осужден Военным трибуналом войск НКВД Псковской области 09.06.1945 на 10 лет. Реабилитирован 30.06.1992.

Пузанов Феодор Андреевич, священник. Родился 08.06.1888 в селе Алферовка Емонтаевской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии в семье псаломщика. Окончил земскую школу в селе Каменка Уфимской губернии (1895). Крестьянствовал. Участник Первой мировой войны. В 1914–1915 награжден Георгиевскими крестами 2-й, 3-й и 4-й ст. и георгиевской медалью 4-й ст. Вернувшись на родину, в 1918–1920 — псаломщик в церкви села Каменка Уфимской губернии. С 14.06.1921 — псаломщик церкви села Новоспасское Самарской губернии. 14.03.1923 епископом Бугурусланским Алексием рукоположен во диакона к церкви села Новоспасское, позже — диакон церкви села Борискино той же епархии. В 08.1926 рукоположен епископом Петропавловским Иоанном во священника, определен к церкви станции Становая Петропавловской области. В 1928 арестован НКВД, осужден к 3 годам заключения на Нижнем Урале, до 1932 — на поселении. В 1932–1941 проживал в Чудово Новгородской области, трудился рабочим. В оккупации — в Чудово. С 1941 священствовал в Чудово, во Пскове. 09.04.1942 назначен Миссией настоятелем церкви села Хохловы Горки Порховского района. Во время эвакуации населения немцами

в 01.1944 скрывался с местным населением в лесу до прихода советских войск. Награжден медалью «Партизану Великой Отечественной войны». С 10.03.1944 — благочинный 6 районов Псковской области (до 01.12.1945) Служил на приходе церкви Хохловы Горки (утвержден указом от 01.03.1944), с 19.09.1944 по 09.12.1944 — настоятель церкви села Михайлово Псковской епархии, позже — вновь в Хохловых Горках. С 20.02.1947 — настоятель церкви села Углы Новгородской области, с 20.03.1948 — настоятель Успенской церкви села Молочково близ Сольцов, к 1950 служил там, позже — в г. Чудово. Скончался в 1965.

Радецкий Георгий Иоаннович, диакон. Родился в 1922 в Риге. Окончил Ломоносовскую гимназию. Служил в составе Псковской Миссии переводчиком и псаломщиком при протоиерее Владимире Толстоухове в селе Велье и других приходах. Учился на Богословских курсах в Вильнюсе (1943–1944). Рукоположен во диакона. Арестован в 1944, осужден в Ленинграде на 15 лет. Реабилитирован 17.12.1956. После освобождения рукоположен во священника, служил в Рудомино, работал врачом. Ныне проживает в Вильнюсе.

Рауд Михаил, священник. В 1930-х — в Нарве. В 1937–1940 — священник Никольской церкви (эстонской, на Ивангородской горке), в 1939–1940 — священник Знаменской церкви. В 1940–1944 — вновь в Никольской церкви, окормлял в 1942–1944 приходы в бывшем Ямбургском уезде: Сойкино, Удосолово, Краколье, деревни прихода Кейкино.

Романов Сергей, священник. До 1944 — священник Нарвского Спасо-Преображенского собора.

Романский Владимир Васильевич, священник. В 1941–1944 служил в Сергиевской церкви села Ящера Гатчинского округа. Уволен Псковской Миссией как обновленец. Расстрелян немцами в 05.1943 за помощь партизанам.

Рудаков Порфирий Петрович, священник. В 1930-е — заштатный протодиакон в Детском Селе. В 1942 рукоположен во иерея епископом Нарвским Павлом. В 1942–1944 служил в церкви поселка Волосово, селе Ястребино. Остался на родине.

Рушанов Василий Евстратиевич, священник. Родился около 1909. До войны проживал в Латвии. Его отец был настоятелем храма в Ре-

жице (Резекне, Латгалия). Окончил Парижский Свято-Сергиевский Богословский институт. В годы войны — священник-миссионер. Благочинный Порховско-Дновского округа с 06.1942 по 03.1943. Служил в храмах сел Меженцы, Славковичи, поселка Дно. Убит в поезде возле Порхова 16.03.1943 шальной пулей. Похоронен на станции Дно.

Рясенский Евлампий, священник. Служил в годы войны в церкви села Палкино (Псковская область).

Савельев Николай, священник. Самозванец (?). Служил в сельских церквях Новгородского округа, в начале 1943 дал подписку благочинному отцу В. Николаевскому о выезде из округа, что и исполнил.

Савин Валентин, священник. В годы войны — настоятель Онуфриевской церкви села Малы Печорского округа. В 1944 был эвакуирован в западную часть Эстонии.

Савин Василий Павлович, диакон. В 1928–1945 служил в церкви Сорока мучеников Севастийских в г. Печоры. 15.08.1942 арестован эстонской политической полицией и до 10.05.1943 сидел в тюрьме. 27.05.1945 скончался в Печорах.

Садиков, священник. Служил в годы войны.

Самгин Сергей Петрович, протодиакон. В 1930-е был арестован, отбывал срок в Дмитровлаге. В 1941 служил в армии, попал в плен к немцам, после освобождения работал в отделе снабжения Лужской городской управы, протодиакон Лужского Казанского собора. В конце 1943 эвакуировался в Прибалтику.

Сапунов Сергей Васильевич, священник. Родился 25.09.1886 в селе Бол. Кузьмино Царскосельского уезда Петербургской губернии в крестьянской семье. Окончил Кузьминскую земскую школу (1897), Царскосельское 4-классное городское училище (1901). 1895–1905 — певчий и чтец при Кузьминской Благовещенской церкви Царскосельского уезда. 1905–1914 — регент этой же церкви. 1914–1921 — штатный псаломщик и регент Александровской церкви Царскосельского уезда. Сдал экзамены на сан диакона при Петроградской духовной семинарии (1916). 11.04.1921 митрополитом Петроградским Вениамином рукоположен во диакона, в 1921–1935 — штатный диакон Кузьминской цер-

кви. В 1924 патриархом Тихоном награжден протодиаконским орарем. В 1935 выслан из города, с 03.1935 — на гражданской работе. В 1935–1941 — рабочий и служащий на различных предприятиях в Новгороде. С 11.1941 по 1943 — диакон Георгиевской церкви Новгородского района. 18.05.1943 в Риге епископом Иоанном Рижским рукоположен во священника. С 21.05.1943 определен Миссией к Лазаревской Ямковской церкви Новгородского района, служил в ней до 10.1943. Вместе с семьей и со всем местным населением вывезен немцами в Прибалтику, в Литву, в лагерь г. Шауляй. Через 3 недели определен к Титовянской Казанской церкви Шауляйского округа, служил в ней с 11.1943 по 01.1945. 01.02.1945 с эшеленом освобожденных русских прибыл на родину. С 03.03.1945 — настоятель церкви Рождества Богородицы села Рождествено близ Гатчины. Скоропостижно скончался 25.01.1951. Похоронен в Рождествено.

Сарапов Николай Петрович, священник. Родился 02.02.1880 в деревне Загорье Печорской волости Псковского уезда и губернии в крестьянской семье. С 1884 7 лет был певчим в Псково-Печерском монастыре. Окончил 2-классное министерское училище (1892), 2 класса Учительской семинарии (к 1895). С 1898 и. д. псаломщика при Крестовой церкви Псковского епископа и состоял певчим архиерейского хора по 1901. В 1901–1903 — псаломщик церкви погоста Демянки Порховского уезда Псковской губернии с обязательством обучать детей прихожан чтению и пению при богослужении. В 1903 рукоположен епископом Арсением Псковским и Порховским во диакона к церкви погоста Кухва Островского уезда. С 1905 — диакон Островского Троицкого собора и учитель пения церковно-приходской школы. В 1913 перемещен к Никольской церкви Холма, в 1913–1914 — законоучитель 2-классного Романовского училища, 1-классной земской школы, воскресной школы для взрослых и учитель пения в названных школах. 20.02.1920 епископом Псковским и Порховским Геннадием рукоположен во священника к Николаевской церкви погоста Устье Псковского уезда. С 1929 — за штатом. Жил на иждивении детей. В 1929 митрополитом Феофаном назначен и. д. псаломщика Никольской церкви погоста Ремда, с 1930 перемещен псаломщиком Михаило-Архангельской церкви погоста Кобылье Городище, с 1936 — за штатом, снимал сан. С 17.09.1942 и.о. псаломщика при церкви погоста Кобылье Городище. 15.12.1942 митрополитом Сергием назначен священником к церкви погоста Кобылье Городище Середкинского района с обслуживанием 7 соседних приходов: Ремда, Курокша, Дубяги, Островцы, Боровик,

Ляды и Теребище. Остался на родине. 18.05.–06.08.1944 — в церкви погоста Гвоздно. С 08.1944 — в церкви села Кобылье Городище. 27.07.1946 переведен к Казанской церкви погоста Лукомо Дновского района. С 18.07.1947 — настоятель Никольского собора Изборска. Скончался после 1947.

Светлов Николай, протоиерей. Вошел в контакт с Миссией в 05.1943. В 1942–1944 служил в Петропавловской церкви села Голино Новгородского района. Остался на родине. 29.04.1944 арестован, 22.06.1944 приговорен к 10 годам лагерей, 29.07.1944 отправлен в Темлаг (Мордовская АССР).

Свиридов Георгий, священник. До 1930 служил в церкви, в 1930–1941 работал в г. Пушкине счетоводом. Осенью 1941 выселен немцами из Пушкина, жил в селе Рождествено Гатчинского района. В 10.1941–1942 служил настоятелем местной церкви Рождества Богородицы, преподавал в деревенских школах Закон Божий, активно помогал советским военнопленным.

Сергеев Василий Симеонович, священник. До 09.1941 проживал в Стрельне, потом переехал в село Торошковицы. В 1942–03.1944 служил в Тихвинской церкви села Романщина и Воскресенской церкви села Торошковицы Лужского округа, затем в церквях сел Заозерье, Югостицы и Петрова Горка.

Сидоров Александр, диакон. 01.11.1944–15.08.1948 — служил в Нарвском Воскресенском соборе.

Синайский Василий Владимирович, священник. Родился 29.01.1894 в Великолукском уезде Псковской губернии в семье священника. В 1914 окончил 4 курса Псковской духовной семинарии, затем 2 курса историко-филологического факультета Петроградского университета. В 1915–1917 — псаломщик в погосте Ловно Великолукского уезда, в 1917–1925 — учитель школы в Великих Луках, в 1925–1941 — бухгалтер в советских учреждениях. 17.05.1942 рукоположен в Вильно экзархом Сергием во священника, служил в Пскове и 21.02–26.08.1943 — в церкви местечка Берковичи Дриссенского района Витебской области. Эвакуирован в Ригу, где 15.12.1943 исключен экзархом из состава Миссии за уклонение в «автокефальную» Белорусскую Православную Церковь и 21.12.1943 запрещен на 3 года в свя-

щеннослужении. Эвакуирован в Чехию, где 10.03.1945 архиепископ Ковенский Даниил снял запрет.

Смирнов Борис, священник. В 1943 (?)–1944 служил в Знаменской церкви села Турская Горка и церкви села Пески бывшего Лужского уезда, ныне Новгородской области. Остался на родине.

Смирнов Михаил Иоаннович, протоиерей. Родился 08.11.1899 в Петербурге, окончил Санк-Петербургскую духовную семинарию и в 1923 Петроградский Богословский институт, кандидат богословия. Арестован и осужден в 1929 в Ленинграде, в 1930-е освобожден. Служил вместе с протоиереем Ф. Забелиным в Павловском соборе и кладбищенской Иоанно-Предтеченской церкви Гатчины (1942–1944), церкви села Торошино. В 01.1942–01.1944 — преподаватель Закона Божия в гатчинской гимназии. Остался на родине. Арестован 24.05.1944, осужден на 10 лет лагерей. После освобождения проживал в Боровичском районе Новгородской области, перед смертью принял монашеский постриг с именем Михаил. Скончался 10.03.1975 в Боровичском районе. Погребен 13.03.1975 за алтарем Покровской церкви Мариенбурга (близ Гатчины).

Смирнов Михаил Павлович, священник. Родился в 1878. В 1942–1944 — настоятель церкви погоста Кусва Псковского района. Остался на родине.

Смирнов Николай Васильевич, диакон. Родился в 1904. В 1926 рукоположен во диакона, в 1926–1930 служил в церкви села Сысои Московской области, в 1930–12.1943 — на гражданской службе в Луге. 01.01.–09.06.1944 служил в Казанском соборе Луги, с 09.06.1944 — в Тихвинской церкви села Романщина. С осени 1944 — за штатом.

Соколов Владимир Евгениевич, священник. Родился 12.11.1894 в Риге в семье служащих. Окончил Реальное училище им. Черняева в Петербурге (15.06.1914) и 1 курс Политехнического института. До 06.1921 жил в России, затем вернулся в Латвию. Жил в Риге. Чтец Рижской Троице-Задвинской церкви. 06.04.1924 рукоположен в Риге архиепископом Рижским Иоанном (Поммером) во диакона, а 13.04.1924 им же — во иерея. Настоятель Дагденской церкви свт. Николая в Двинском уезде. С 14.03.1928 — настоятель Бродайжской Иоанно-Предтеченской церкви Люцинского уезда. 02.08.1941 переведен в Ляударскую

Никольскую церковь Люцинского уезда. Принял участие в Миссии. К лету 1942 служил в Гдове, в приходах Псковской и Ленинградской епархий. Вернулся в Латвию (в Бродайжскую или Ляударскую церковь), служил в Литве (?). 24.06.1944 епископом Иоанном Рижским переведен вторым священником к Рижской Троице-Задвинской церкви. Остался на родине. С 16.11.1944 — настоятель Митавского Симеоно-Аннинского собора, с 28.12.1944 — настоятель церкви Рождества Богородицы села Коровск. В 1945 — недолго служил в Ливновской церкви и церкви села Владимирец Псковской епархии, продолжил служить в Коровске. С 04.04.1950 — протоиерей. С 14.12.1950 — настоятель Никольской церкви в Пыталово. С 03.09.1951 — настоятель Троицкого собора в Острове. С 28.03.1952 — служил в церкви села Коровск. С 20.02.1953 — настоятель Никольской церкви поселка Саблино Тосненского района. С 10.06.1955 — настоятель Александро-Невской церкви в Красном Селе. С 26.05.1956 — 2-й священник Павловского собора Гатчины. Скоропостижно скончался в садике Александро-Невской Лавры 16.01.1962.

Солдатов Иоанн, священник. К 1944 служил в Благовещенском соборе Порхова. Остался на родине.

Соловей Василий Захарович, священник. Родился 28.10.1882 в Печорском уезде Псковской губернии в крестьянской семье. Окончил 4 класса церковно-приходской школы. В 1909–1943 работал на своем хуторе и служил псаломщиком в церкви села Паниковичи Печорского уезда. 12.09.1943 рукоположен во диакона, а 13.10.1943 — во священника к Иоанно-Предтеченской церкви на пустоши Мустищево в скиту Псково-Печерского монастыря, сгоревшей летом 1944 в ходе боев.

Соловьев Николай Иоаннович, священник. В 1909 окончил 3 класса Псковской духовной семинарии, псаломщик, сан иерея принял в 05.1923, рукоположен архиепископом Валдайским Иосифом, в 03.1942–1944 — священник села Илемно Солецкого района Новгородской области. В 1944 жил и служил в церкви деревни Дубенки Солецкого района. Арестован 13.06.1944, осужден.

Сперанский Георгий, священник. К 1943 жил и служил (?) в деревне Б. Тресно, в 01.–03.1943 — заместитель Порховско-Дновского благочинного по Дновскому району, 16.03.–04.1943 и.о. Дновского благочинного.

Спиридонов Николай Спиридонович, священник. 12.08.1943 рукоположен во иерея. В 08.1943–1944 служил в Спасо-Преображенской церкви села Заклинье Дновского района.

Степанов Александр, протоиерей. В 1911 рукоположен во иерея. До 06.1936 — настоятель Казанской церкви поселка Тосно и благочинный. В 1936 выслан на 101-й км в Малую Вишеру. С 1940 — бухгалтер в г. Пушкине. С 11.1941 служил в Екатерининской церкви села Каложницы, в 1942–1944 — в церкви села Ополье и села Керстово Кингисеппского района. В 1944 назначен благочинным. До 1957 служил настоятелем Троицкого собора в Пскове.

Стефанович Николай, протоиерей. Служил в Дедовичах Псковской области, 19–20.11.1942 на пастырском съезде в Дно избран в члены благочиннического совета Порховско-Дновского округа.

Стехновский Борис Михайлович, священник. Родился 03.05.1904. В 1930-х служил в церкви села Красные Пруды Новосельского района Псковской области. Слагал сан, в 1941–1942 — художник при Миссии. Восстановлен в сане иерея после покаяния. В 1943–1944 служил в храмах Пушкиногорского округа, в г. Красный, селе Келье. Остался на родине. Арестован в г. Красный 03.08.1944, приговорен к 15 годам лагерей, отбывал срок в Тайшетском районе Иркутской области, Джезказгане и Антополе Великолукской области. Провел в заключении 8 лет. Освобожден 25.08.1952. Позже служил в Тихвине. Скончался в 11.1989.

Стехновский Василий, священник. Служил в годы войны в Пскове.

Студентов Павел Викторович, протоиерей. Родился около 1863 в Псковской губернии. 25.03.1936–1939 служил в Иоанно-Предтеченской церкви Порхова. В 1939 за неуплату налога осужден на 2 года условно. С 22.07.1941 — вновь настоятель Иоанно-Предтеченской церкви, 13.12.1942–01.09.1943 также служил в Благовещенском соборе Порхова и церкви погоста Жаборы. 24.08.1943 награжден экзархом митрой. 09.1943 — 1944 служил в Никольской церкви Порхова. 11.1943–1944 — благочинный Порховского округа, где служил и в конце 1940-х.

Суслин Иоани, священник. Служил в 1941 (?)–1942 в Спасо-Преображенской церкви села Орлино Гатчинского округа. Арестован нем-

цами в 08.1942 одновременно с гатчинским протоиереем А. Петровым. Расстрелян осенью 1942.

Сыпин Александр Николаевич, протоиерей. Родился в 1858. 27.11.1893 рукоположен во иерея. В 1937 — за штатом. В 1943–1947 служил в Казанской церкви Чудово. Остался на родине. Скончался 19.08.1953.

Тайлов (Алексеев) Георгий Иоаннович, протоиерей. Родился 13.11.1914 в Риге в семье полкового казначея, коллежского асессора. В 1915 эвакуирован с семьей в Москву, после смерти родителей дети вернулись к бабушке в Латвию (1921). По окончании Рижской русской Ломоносовской гимназии и 2 курсов университета поступил в Рижскую духовную семинарию. По ее окончании (1937) рукоположен во священника. Служил на латышском Никольском приходе в Вентспилсе, законоучитель. Публиковался в журнале «Вера и жизнь». С 22.10.1941 — миссионер Псковской Миссии. Служил в Пскове, Острове, селе Печане Островского уезда. Участвовал в восстановлении богослужebной и церковно-приходской жизни в храмах Пушкиногорского, Сошихинского и Новоржевского районов. В 1942 награжден орденом Миссии. С 04.1943 — заместитель благочинного Островского округа. С 06.1943 — благочинный Пушкиногорского округа. В 02.1944 вернулся в Латвию. Служил в церкви поселка Гавры и села Коровск Абреного уезда. Остался на родине. 30.10.1944 арестован. 03.11.1944–04.1945 содержался во внутренней тюрьме НКВД и в «Крестах» в Ленинграде. 22.12.1944 осужден Военным трибуналом на 20 лет каторжных работ, провел в концлагерях 11 (лесоповал в Тайшетском районе Иркутской области, рудник Джезказган в Казахстане, Спасский инвалидный лагерь и рабочий лагерь Темиртау). В связи с амнистией освобожден (01.12.1955). Вернулся в Латвию. Служил на приходе Галгауска, в Рижской Благовещенской, Свято-Троицкой Задвинской церквях, Троицком соборе и Александрo-Невской церкви (Рига). С 1957 — в сане протоиерея. Священник Рижского Троице-Сергиева женского монастыря (1980–1992). В 1992 возглавил новую православную общину в г. Огре, выстроив там, в 1992–2002, Никольский храм. Служит настоятелем этого прихода. Проживает в Огре.

Тамм Петр, священник. В годы войны — настоятель эстонской церкви в селе Обиницы (Овинчище) Печорского округа, остался на родине.

Тарушенков Николай, диакон. В 1942–1943 служил в церкви г. Опочка. 19–20.11.1942 на пастырском съезде в г. Дно был избран членом благочиннического совета Порховско-Дновского округа.

Телятников Николай Сергиевич, протоиерей. Родился в 1865 в Красном Селе Петербургской губернии. В 1928–04.1945 — иосифлянин. В 1942–1943 служил в Лужском округе в церкви села Черемна, Псковской Миссии не подчинялся. В 1944 — в немецком концлагере в тюрьме. 27.07.1945–1947 — настоятель Покровской церкви Мариенбурга (Гатчина), в 1947–1950 служил в церкви св. Иова на Волковском кладбище Ленинграда. Скончался в 1950-х.

Тепкин Симеон, священник. Самозванец (?). Служил в церкви села Болотско Солецкого округа. В 1943 отстранен от служения протопресвитером К. Зайцем.

Тимофеев Иаков, священник. В 1940-х служил в храмах Нарвы. В 1944–1945 — священник Свято-Троицкой (Штиглицкой) церкви. Позже (01.06.1945–23.11.1961) — клирик Нарвского Воскресенского собора, в 1945–1950 — его настоятель.

Тихомиров Александр Сергеевич, диакон. Самозванец (?). В 1942–1943 служил в церкви села Чирковицы Волосовского района, затем был эвакуирован в Латвию. В 1944 жил в г. Якобилсе.

Тихомиров Иаков Васильевич, протоиерей. Родился в 1887, в 1909 окончил Псковскую учительскую семинарию. В 1909 рукоположен во диакона, в 1911 — во иерея. Служил в Пскове, а к 1922 — в Омской епархии. С 1922 — обновленец, с 1928 — в сане протоиерея. В 1938 ушел за штат. В 1941–1944 служил в Успенской церкви села Большая Вруда и в церкви села Ильеши, Каложицы, скрыв свое обновленчество. 31.07.1944 после покаяния принят в Московскую Патриархию в сане иерея.

Тишин Николай Васильевич, диакон. Родился в 1906. В 1942–1944 служил в церкви села Щупоголово Оредежского района, в связь с Миссией не вступал. В 10.1944 архиепископом Григорием (Чуковым) рукоположен во священника к церкви села Поддубье Лужского района. В 1952 служил в церкви села Городня Новгородской епархии. Скончался в 1966.

Толстоухов Владимир, священник. Родился 01.08.1914. Проживал в Латвии. Окончил Парижский Свято-Сергиевский институт. В Риге — 2-й священник Благовещенской церкви. С 08.1941 — священник-миссионер. Служил в Псковской епархии: в Опочке, Новоржеве, Острове, Святых Горах, Дно, селах: Михайловское, Велье, Печане, Никольское, Синяя Никола. Заместитель благочинного Островского округа (12.1942–04.1943). Благочинный Дновского округа (04.–11.1943). В 12.1943 вернулся в Ригу. В начале 09.1944 эвакуировался в Германию, до начала 11.1944 находился в Шендорфском лагере в Саксонии, затем в г. Граце (Австрия). 14.09 написал прошение о назначении священником в РОА, а 29.11.1944 о приеме в РПЦЗ. Скончался в США.

Тонковид Феодор Константинович, священник. Родился в 1855 в деревне Забелье Полоцкого уезда Витебской губернии в крестьянской семье. После рукоположения в сан иерея в 1916–1929 служил в церкви села Белохвостово, а в 1929–1932 — в церкви села Стайки Невельского уезда. В 09.1932 арестован, приговорен к 5 годам ссылки в Северный край, отбывал срок в г. Каргополе. Освобожден осенью 1937, до 06.1941 работал на обувной фабрике в Витебске. С осени 1941 служил в храмах Витебска, а с 16.01.1942 — в церкви села Ловец Невельского района. 07.08.1942 безвинно убит партизанами, 13.08.1942 похоронен за алтарем Успенской церкви села Ловец.

Травин Константин Феодорович, диакон. В 1942 – начале 1944 служил в молитвенном доме в поселке Антропшино. 24.09.1944 рукоположен во священника к Екатерининской церкви Антропшино (Царской Славянки).

Трифонов Василий, священник. Служил в годы войны в церкви на территории Новгородской области.

Трифонов Иоанн Алексиевич, священник. В 1943 служил под Лугой, к осени 1944 вернулся из эвакуации из Латвии, затем служил в церкви села Косицы Батецкого района Новгородской области.

Троицкий Евгений, протоиерей. С конца 1941 служил в церкви поселка Пожеревицы. В 09.1943–01.1944 — заместитель благочинного Дновского округа. по Пожеревицкому району. Эвакуирован. С 1944 — в Келме, Литва.

Троицкий Иоанн, протоиерей. В годы войны служил в церкви Новоржева и Новоржевском районе.

Трубецкой Михаил Никанорович, диакон. Родился 22.08.1917 в селе Аулея Двинского уезда Витебской губернии. Окончил школу и гимназию в Режице (Резекне), Латгалия. До 1936 служил псаломщиком в церкви села Михалово (Латвия). В 07.1941 посвящен во диакона и в составе первых миссионеров уехал служить в Лужский район. Служил на приходах Северо-Запада. В 1944 вернулся в Латвию. Арестован 01.12.1949, в 1950 осужден на 10 лет. В заключении — в лагерях в Котласе, работал в шахтах. Освобожден в 1956, после возвращения в Латвию служил в Христорожественском соборе и Скорбященской церкви в Риге и Никольской церкви в Острове (Псковская область) в сане протодиакона. Скончался 02.07.1974. Похоронен в селе Михалово.

Трубецкой Николай Никанорович, священник. Родился 26.12.1907 в г. Краслава Двинского уезда Витебской губернии в семье священника. По окончании Двинской гимназии (1927) учился в Рижской Художественной академии на иконописца. Окончил педагогические курсы в Двинске (1928), Рижскую духовную семинарию (1930), Парижский Свято-Сергиевский Богословский институт (1934). Псаломщик в селе Михалово (Латвия) и законоучитель местной школы. С 1936 — священник Симеоно-Аннинского собора в Митаве (Елгаве), до 1938 служил в храмах Латвии (Михаловской, Гривской, Дагдинской церквях), учился на православном отделении Богословского факультета Латвийского университета, одновременно служил в Рижской Покровской церкви 18.08.–14.10.1941 в составе Псковской Миссии служил в Порховском, Дновском и Солецком районах, позже — в Риге. До 09.1942 — секретарь Епархиального управления. В 09.1942-1943 — редактор журнала «Православный христианин», одновременно служил священником Рижской Покровской церкви. Арестован 20.10.1944 в Риге, отправлен в Ленинград во внутреннюю тюрьму НКВД. В 1945 осужден на 10 лет по делу Миссии. В заключении — в Северо-Печорских лагерях (Инта и др.). После освобождения (1954) — в ссылке, в г. Печора (Коми) до 1956. По возвращении в Латвию служил настоятелем церкви Св. Духа в Икшкиле (21.01.1956–25.11.1960), с 15.03.1957 по 25.11.1960 обслуживал также церковь в Кемере. С 25.11.1960 по день смерти служил в Рижской Спасской церкви. Скончался в Риге 18.03.1978. Похоронен на Рижском Вознесенском кладбище.

Успенский Иоанн Васильевич, протоиерей. Родился 05.01.1879 в Козловском уезде Тамбовской губернии в семье диакона. В 1906 окончил Тамбовскую духовную семинарию и был назначен ее надзирателем. В 1907 рукоположен во иерея к церкви села Борисовка Лебедянского уезда, в 1914–1930 служил в церкви Сезеновского женского монастыря, в 1930–1939 — в церкви села Рыкань Воронежской губернии, с 1939 жил в поселке Антропшино. С осени 1941 служил в устроенном им молитвенном доме, а с 04.1943 — в Екатерининской церкви Антропшино. В конце 1943 эвакуирован на станцию Айгвиду в Эстонию, приписан к Никольской церкви Таллина и до конца 1944 обслуживал беженцев. В 1945 арестован и осужден, с весны 1949 отбывал срок в Спасском инвалидном лагере (Казахстан).

Успенский Михаил, священник. К 1941 — преклонных лет. Служил в Пушкинских Горах и окрестностях, в церкви погоста Жаборы Порховского округа. Скончался в 1944.

Успенский Николай Васильевич, священник. Родился в 1894 в семье протоиерея. Окончил Псковскую духовную семинарию, работал учителем. 17.03.1943 рукоположен экзархом Сергием во диакона, а 21.03.1943 — во иерея. В 1943–1944 служил в Благовещенском соборе Порхова, в церкви села Славковичи, в Вознесенской церкви села Бельское Устье Псковской области. Остался на родине. 13.11.1944 назначен благочинным Дновского округа. Скончался в 1963.

Федоров Александр Феодорович, священник. Родился в 1881. В годы войны служил в церкви сел Нёготь, Камно близ Пскова. В 1945–1948 служил в Псковской епархии. Скончался в 1948.

Фессак Борис, священник. В 1921–1931 — диакон церкви Марии Магдалины в Павловске, в 1931–1941 — на гражданской службе. В начале 1942 рукоположен во иерея и 20.02.1942 назначен к Покровской церкви погоста Павы Стругокрасненского района. С 1944 — настоятель церкви села Хредино Псковской области.

Флоринский Димитрий Николаевич, протоиерей. Родился 11.02.1888 в г. Александрове Владимирской губернии в семье священника. Окончил начальное городское училище (1898), Владимирское духовное училище (1902), Владимирскую духовную семинарию (1908). Поступил в Казанскую духовную академию, которую окончил

в 1912 со званием кандидата богословия. С 08.10.1912 — помощник инспектора Казанской духовной академии. Преподаватель 1-й городской мужской гимназии по родному языку и истории, в старших классах по совместительству, и по русской литературе. 05.10.1915 назначен уездным наблюдателем церковно-приходских школ Александровского уезда Владимирской епархии. 03.11.1915 архиепископом Владимирским и Суздальским Алексием рукоположен во диакона, 04.11.1915 — во священника. 01.04.1918 назначен священником фабричной Троицкой церкви села Карабаново Александровского уезда. С 1928 — протоиерей. После закрытия церкви (1929) в 1930 арестован. Осужден на 6 лет. До 1941 — рабочий в лесопильных и лесозаготовительных организациях. В 11.1941 занял место священника Успенской церкви села Хрепло Батецкого района. После эвакуации местных жителей немцами в Литву в 1944–1945 исполнял пастырские обязанности в отношении своих прихожан в Тельшевском уезде Литвы. В 1944 митрополитом Сергием назначен уполномоченным по делам духовного обслуживания русских беженцев в Литве, а по приезде Миссии из Пскова в Литву получил назначение окружного миссионера. 02.05.1945 вернулся в Новгородскую епархию, в село Хрепло. Однако, в связи с тем, что храм был приведен в упадок и разорен, 17.09.1945 назначен настоятелем Ильинского собора г. Сольцы. Скончался 24.12.1952 в Сольцах.

Флоринский Николай, протоиерей. В период оккупации служил в Ильинском соборе г. Сольцы.

Харинский Иоанн Феодорович, священник. Родился в 1881. В 1943–1944 служил в Покровской церкви села Мелковичи бывшего Лужского уезда (Новгородская область) и церкви села Косицы Батецкого района. Остался на родине. В 1945–1948 служил во Псковском и Гдовском районах Псковской епархии.

Харламов Николай, диакон. К осени 1944 работал на паркетной фабрике в Сиверской, с 30.11.1944 — штатный диакон Тихвинской церкви в Сиверской.

Цыпурдеев Алексей Владимирович, священник. Родился 06.01.1902 в г. Керчь. С 1920 — в эмиграции. С 1930-х — в Латвии. В 04.1942 рукоположен во священника. Служил в составе Псковской Миссии в церкви села Новоселье, с 1944 — в Михайловской цер-

кви села Подогново, Латвия. Эвакуирован. После войны проживал в Дании (?).

Чернавский Александр Михайлович, священник. Родился 18.08.1887 в селе План Кузнецкого уезда Саратовской губернии. Из духовного звания. Окончил 3 класса Вольского духовного училища, 4 класса городского училища в Кузнецке Саратовской губернии. С 1912 — псаломщик Михаило-Архангельской церкви села План, с 09.1921 — псаломщик церкви села Старое Чирково Хвалынского уезда Саратовской губернии. В 03.1924 епископом Иовом Вольским рукоположен во диакона, с оставлением на вакансии псаломщика того же храма. С 05.1926 — диакон церкви села Баевка Хвалынского уезда. В 12.1929 епископом Вольским Симеоном рукоположен во священника к церкви села План. С 24.12.1929 по 1941 — на гражданской работе (работал в совхозе в Кузнецком районе). 02.03.1942 Псковской Миссией назначен священником на Талабские острова. 26.10.1943 арестован гестапо, затем эвакуирован в Латвию. С 12.1943 — в Якобштадте, на станции Зельва, с 10.01.1944 — в Лаудонском приходе, где служил псаломщиком по распоряжению епископа Иоанна Рижского. В 08.1944 вернулся в Псков. С 30.10.1944 — священник Димитриевской церкви в Пскове. С 07.1945 — священник церкви села Кусва Псковского района, с 08.1945 — Никольской церкви села Любятово, с 01.1946 — Никольской церкви поселка Пыталово, с 09.1946 — Ново-Муравейской церкви Качановского района, с 19.06. 1947 — Никольской церкви села Палкино, в 07.1948 — перемещен к Талабским островам, с 28.08.1948 — к церкви села Кусва. 16.06.1950 назначен к Никольской церкви села Владимирец Сошихинского района. 08.08.1950 уволен за штат.

Чесноков Петр Васильевич, протоиерей. Родился 28.05.1883 в Петербурге, отец происходил из крестьян Тверской губернии Корчевского уезда Селиховской волости деревни Труфаново и занимался в столице аптекарским делом. В 1900–1904 — послушник Валаамского монастыря. Окончил общеобразовательные курсы в Петербурге, выдержал экзамен на учителя Министерской начальной школы (1907). С 24.03.1908 — псаломщик церкви Рождества Богородицы в местечке Городок Луцкого уезда Волынской губернии. 23.10.1910 архиепископом Антонием Волынским посвящен в Житомире в стихарь. 17.10.1912 епископом Гавриилом Острожским в Житомирском соборе рукоположен во диакона. С 17.10.1912 по 13.08.1915 — диакон церкви Рождества Богородицы местечка Городок. 21.09.1915 выдержал экзамен по бого-

словским предметам на священника. 03.10.1915 епископом Вениамином Гдовским в церкви прп. Алексия человека Божия Новолодожского уезда Петроградской губернии рукоположен во священника к этому храму. С 19.01.1919 — настоятель церкви Рождества Богородицы села Черенцово Новолодожского уезда. С 1930 — благочинный 3-го Ладожского округа. С 1933 — протоиерей. Арестован 27.12.1933. Осужден на 5 лет концлагерей. В заключении — во Владивостоке и в других лагерях Дальнего Востока. С 1939 проживал в Новгороде, где в 1939–1941 работал сторожем. После 17.08.1941 (взятие немцами Новгорода) исполнял пастырские обязанности среди верующих беженцев из Новгорода в Трясовском приходе (деревня Орлово), Поозерье. Во время оккупации в этом селении выстроил и освятил церковь Вознесения Господня, действовавшую до 1950-х. Настоятель Вознесенского прихода села Трясово и Орлово-на-Веренде (утвержден указом экзарха Сергия 20.05.1943). Осенью 1943 вместе с приходом эвакуирован в Литву. С 08.11.1943 — настоятель Успенской церкви г. Можайки. В 1945 вернулся в Новгород. С 15.10.1945 — настоятель церкви села Бронницы Мстинского района Новгородской области. К 1949 служил в Новгородской епархии. Был известен как благоговейный молитвенник, опытный духовник и проповедник. Скончался после 1949.

Чудович Иоанн Петрович, протоиерей. Родился в 1876 в Могилевской губернии. До 19.09.1941 служил в Преображенской церкви г. Урицка (Лигово), затем в Алесиевской церкви поселка Тайцы. В 12.1942–1944 служил в Петропавловской церкви на станции Сиверская. Остался на родине. Весной 1944 высказывал недовольство ограничениями Церкви со стороны советской власти. Арестован 01.06.1944. Осужден на 10 лет.

Шаховской Константин Иаковлевич, священник. Родился 29.10.1905 в имении Боброво Холмского уезда Псковской губернии в дворянской семье. До 1919 жил с семьей в Пскове, где отец заведовал сельскохозяйственным училищем, а во время войны был руководителем Псковского Красного Креста (в 1918 арестован ЧК). В 1919 семья поселилась в г. Печоры, отошедшем к Эстонии. Окончил Печорскую гимназию (1925). Учился в Тартуском университете на сельскохозяйственном факультете (1925–1930). Участник Эстонского отделения Русского студенческого христианского движения (РСХД), руководил его местным кружком. В 1930-х работал в Печорской городской управе. Окончил Печорскую духовную семинарию (1935) и Богословский факультет Варшавского университета (1939). 21.09.1937 рукоположен

архиепископом Печорским Николаем во диакона, а 26.09.1937 — во священника к церкви вмч. Георгия Победоносца села Сенно Печорского уезда Позднее служил настоятелем церкви Сорока мучеников в Печорах. В 08.1941 в числе первых миссионеров прибыл в Псков. Восстановил церковь прп. Варлаама Хутынского в Пскове, где служил в 1941–1942, организовал воскресную школу для детей при ней, вел большую работу по оказанию помощи больным, беженцам и военнопленным. Позднее служил в церкви поселка Струги Красные, с 1943 — в Печорах, в церкви Сорока мучеников. После бомбардировки Печор весной 1944 дом, где он жил с семьей, был разрушен. Эвакуирован в Латвию. Служил в Рижском кафедральном соборе. Остался на родине. Арестован весной 1945 в Риге, переведен в тюрьму «Кресты» в Ленинград. Осужден на 10 лет лагерей и 5 лет ссылки. В заключении в лагерях Горьковской области (1945–1947), затем этапирован в лагерь Коми (Инта и Абезь), с 1954 — в ссылке в селе Бондарка Томской области, где на поселении находилась его сестра Ксения. С 1955 — священник в церкви поселка Тогур Томской области, позже — в Томске (до 1965). По требованию властей переведен из Томска в Канск. В 1966 — за штатом по состоянию здоровья, вернулся в Эстонию, к старшей дочери Елене, жившей в Пярну. В 1969–1972 служил настоятелем церкви села Ямы под Нарвой. Скончался 04.06.1972. Похоронен на Старом кладбище г. Пярну.

Шенрок Николай Стефанович, протоиерей. Родился 20.12.1889 в Петербурге в семье начальника государственного департамента (в чине тайного советника). Окончил гимназию и пастырские курсы в Житомире. Рукоположен во диакона в 1912. В 1914 — диакон Спиридониевской церкви при Офицерской школе в Ораниенбауме. В 1915–1916 служил в приходах Тульской епархии, в 1916–1934 — на сельских приходах Ленинградской епархии. В 1931 рукоположен во иерея, в 1934–1941 — на приходах Ленинграда. С 1935 — протоиерей, с 03.1938 — настоятель церкви Волкова кладбища, с 06.1938 — настоятель Никольской Большеохтинской церкви, с 09.1938 — Казанской церкви Красенького кладбища, 01.1940–03.09.1941 — священник церкви прав. Иова на Волковом кладбище. Летом 1941 проживал на станции Сиверская на даче, оказался на оккупированной территории. С 1941 служил в Петропавловской церкви в Сиверской, позже (с 07.1942) — в руководстве Православной Миссии, заместитель начальника, старший ревизор Миссии. В 1943–1944 — настоятель Алексиевской церкви Пскова. Эвакуирован в Латвию. Остался на родине. Арестован

28.10.1944, перевезен в Ленинград, где 12.01.1945 осужден Военным трибуналом на 20 лет. В заключении — в Карагандинском лагере (поселка Долинка) в Казахстане, с весны 1949 — в Спасском инвалидном лагере (Казахстан), где был санитаром барака и духовником многих заключенных. Освобожден в 1956. Служил в Латвии: в церкви Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте» и Благовещенской церкви в Риге. Скончался 06.10.1965 в Юрмале, похоронен на станции Сиверская.

Ширшин Владимир Васильевич, диакон. Родился 25.07.1917 в Риге в семье церковного звонаря и сторожа. С детства прислуживал в храме. Окончил школу Баранова (1930). Продолжал прислуживать и петь в церкви. В 1938–1940 служил в Латвийской армии. С 07.1941 — псаломщик Рижского кафедрального собора. С осени 1941 — в Псковской Миссии, миссионер. Служил на приходах Меженцы, Славковичи при священнике В. Рушанове. Зимой 1942 переведен псаломщиком в Рижский кафедральный собор, 07.04.1943 рукоположен во диакона экзархом Сергием. 04.–10.1943 служил диаконом в Свято-Троицком соборе Пскова. В связи с рождением дочери вернулся в Ригу, служил диаконом кафедрального собора (1943–1950). Остался на родине. Арестован 04.11.1950 в Риге, в заключении в Рижской, позже — в Ленинградской тюрьме. 17.03.1951 осужден на 10 лет лагерей. В заключении в Воркуте (лагерь «Речной»). Освобожден 24.07.1956. Вернулся в Латвию. Служил в Рижской Александро-Невской церкви, монастырской Свято-Сергиевской церкви. После 1972 служил в Свято-Троицком соборе, рижских Иоанновской и Благовещенской церквях. Скончался 17.08.1996, похоронен в Риге на Ивановском кладбище.

Шишко Георгий, диакон. В годы войны служил в Георгиевской церкви села Печки Печорского округа, остался на родине.

Щемелов Иоанн Иаковлевич (?), священник. В годы оккупации служил в Жуковской церкви Невельского района Псковской епархии, активно помогал партизанам.

Юдин Феодор Иоаннович, протодиакон. Родился 17.02.1900 в Петергофе Петербургской губернии. Получил специальное музыкальное образование. В 1919 — псаломщик церкви Серафимо-Дивеевского подворья в Старом Петергофе, в 1920 — псаломщик Петропавловского собора Петергофа, с 06.11.1922 — диакон этого собора и с 1927 — протодиакон, 1936–1937 — в штате Николо-Богоявленского собора,

с 01.03.1938 — в Князь-Владимирском соборе, 1940 — лето 1941 — в штате Николо-Богоявленского собора. В конце 1941 — начале 1944 служил в храмах Гдова и Гдовского округа, позже — в Нарве и Таллине. Остался на родине. Арестован 26.10.1944 в г. Таллине Военным трибуналом войск НКВД Ленинградского округа по обвинению в измене Родине. 03.01.1945 приговорен к 20 годам каторжных работ. В заключении до 1955. Служил в Рижском кафедральном соборе, затем в Нарве. В 1958 — заштатный протодиакон в Ленинграде, с 01.01.1959 служил в церкви Смоленского кладбища. С 1963 — в Троице-Сергиевой Лавре. Скончался 28.02.1974 в Загорске.

Ягодкин Феодор Стефанович, священник. Родился 01.02.1909 в Режице. Рукоположен во священника 19.12.1934. Миссионер. В 1941–1944 служил в церкви г. Красный и в Риге. Эвакуировался в Латвию. После войны служил в лагере «перемещенных лиц» в Германии.

Яковлев Михаил Николаевич, диакон. Родился 23.10.1889 в погосте Николо-Корба Кинешемского уезда Костромской губернии в семье протоиерея. Окончил Кинешемское духовное училище и 3 класса Костромской духовной семинарии. Псаломщик Николаевской церкви села Николо-Пенья Нерехтского уезда Костромской губернии. 02.11.1914 рукоположен епископом Кинешемским Севастианом во диакона к Нерехтской Благовещенской церкви. В 06.1916 переведен в Петроград к церкви Марии Магдалины Мариинского института на Кирочной ул., в 09.1917 — к Николаевской домовой церкви на Офицерской ул. С 11.1918 — диакон домовой церкви Рождества Христова на 12-й Роте. Служил в храмах Петрограда: церкви Воскресения Христова у Варшавского вокзала (1920–1924), Екатерининской Екатерингофской церкви на Рижском пр. (1924–1925), храме Воскресения Христова Новодевичьего монастыря (1925–1927). 10.1927–01.1928 — диакон церкви Михаила Архангела на Английском пр. С 01.1928 — диакон храма Воскресения Христова (Спас-на-Крови) до его закрытия в 1930. С 1927 до 03.1943 — иосифлянин. К 1943 служил в церкви на станции Саблино, 27.03.1943 принят в молитвенное общение епископом Иоанном (Гарклавсом), в 05.–11.1943 — в Петропавловской церкви Любани. Эвакуирован, служил в Латвии: 08.11.1943–31.08.1944 — в Георгиевской церкви г. Бауска, с 31.08 по осень 1944 — в рижской Александро-Невской церкви. Вместе с епископом Иоанном (Гарклавсом) сопровождал чудотворную Тихвинскую икону Божией Матери. Эвакуирован в Германию, затем — в Чехию. Во время эвакуации из

Риги в Судеты служил в порядке очереди у архиепископа Ковенского Даниила и епископа Рижского Иоанна. 27.05.1945 архиепископом Даниилом возведен в домовую церквь епископа Иоанна в Гогенсберге при г. Яблонце в сан протодиакона. Служил при названных архипастырях и в лагере перемещенных лиц. С 1945 служил при епископе Сергии Пражском, с 09.07.1946 — протодиакон Успенской церкви на Ольшанах в Праге. Служил в Праге и Пряшеве при чехословацких архипастырях (1947–1952). Вернулся в Россию. Служил в Валдае (1952–1953), в Павловском соборе Гатчины (05.1953–18.12.1964). С 1964 — за штатом, по приглашению до 1970 служил в храмах Гатчины. Скончался 01.06.1980 в Гатчине.

Яхонтов Евгений Александрович, протоиерей. Родился 14.01.1884 в погосте Демянка Порховского уезда Псковской губернии в семье священника. Окончил Псковскую духовную семинарию (1906). С 1906 — псаломщик Троицкого собора г. Острова. С 1911 — надзиратель, учитель пения и преподаватель чистописания и черчения Псковского духовного училища. В 1916 архиепископом Псковским Евсевием рукоположен во священника. Настоятель Николаевской церкви погоста Виделибье Псковской губернии, заведующий Виделибской церковно-приходской школой, законоучитель ее и Воробьевской 2-классной школы. В годы гражданской войны после отступления Северо-Западной армии оказался в Эстонии. С 18.12.1919 настоятель Иеввенской Богоявленской церкви. С 01.01.1923 митрополитом Ревельским Александром назначен и. д. псаломщика-регента при Владимирской Братской церкви Нарвы. С 27.09.1925 — настоятель Усть-Нарвской Князь-Владимирской церкви, в 1928–1934 — законоучитель Усть-Нарвского русского училища, до 1933 — учитель пения в том же училище. В 1934–1937 — законоучитель Венкюльского училища. С 17.07.1937 — настоятель Силламягской Казанской церкви. С 21.07.1938 — протоиерей. С 1941 — и. д. настоятеля Знаменской церкви Нарвы (Ивангорода). С 19.11.1942 состоял председателем экзаменационной комиссии (при архиепископе Нарвском Павле) для испытания лиц на соискание сана диакона или священника. С эвакуацией Нарвы приписан с 07.03.1944 к причту Симеоновской церкви в Таллине. С 29.03.1944 — 2-й священник Иоанно-Предтеченской церкви в Таллине-Нымме. В 1946 переехал на родину, в Псковскую область. С 12.06.1946 — настоятель Иверской церкви села Морино Дновского района. 30.10.1953 ввиду болезни вышел за штат. Скончался после 1954.

Яхонтов Кронид Александрович, протоиерей. До 1937 служил в церкви погоста Бродовичи Псковского округа. С 1937 — за штатом. В годы войны, к осени 1944 служил на приходах Псковской области. Остался на родине. В конце 1940-х служил в Преображенской церкви села Гористо Порховского округа.

Монашествующие

Александр (Уйбо-Пуу), иеродиакон. Канонарх и звонарь Псково-Печерского монастыря в годы войны. Скончался 26.10.1946, похоронен в монастыре.

Амфилохий (Егоров Андрей Григорьевич), иеромонах. В 1920-х — письмоводитель Крыпецкого монастыря. В годы войны служил в церквях сел Молодечно, Кубасово Новосельского района Псковской области, в церкви села Палицы, преподавал Закон Божий в школе. В начале 1944 эвакуирован в Вильнюс. В 02.1944 назначен экзархом казначеем устроенной в г. Евье пустыни Виленского Свято-Духова монастыря, к лету 1944 служил в Матфеевской церкви села Нёготь (Писковичи) близ Пскова. В 1945 арестован и осужден. С весны 1949 — в Спасском инвалидном лагере (Казахстан), где скончался в начале 1950-х.

Анастасий, монах. Насельник Псково-Печерского монастыря в годы войны.

Анастасия (?) (Ладилес Анастасия Матвеевна), монахиня. Родилась в 1899 в Белоруссии. В годы войны проживала в Вырице в Успенском женском монастыре.

Анатолий, игумен. Родился в 1857. Насельник Псково-Печерского монастыря в годы войны. Скончался в 08.1947, похоронен в обители.

Андрей (Тишко), игумен. Родился в 1871. Бывший военный священник, участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер, награжден за пастырские заслуги и героизм в годы войны. Жил и служил в Латвии, в церкви г. Дагда (Латгалия). В 1941–1942 — священник-миссионер. Служил в Успенской церкви села Славковичи, на приходах Порховского округа. В 07.1942 назначен настоятелем возобновленной Благовещенской Никандровой пустыни. Убит неизвестными, возможно немцами, или скончался от болезни в пустыни в 09.1942.

Анна (?) (Дяделева), монахиня. Родилась в 1898 в Витебской губернии. В годы войны проживала в Вырице в Успенском женском монастыре.

Анна (?) (Резцова Анна Давыдовна), монахиня. Родилась в 1901 в Тверской губернии. В годы войны проживала в Вырице в Успенском женском монастыре.

Антоний (Полянский), иеродиакон. Родился 06.10.1894 в Псковской губернии в крестьянской семье, окончил 3-классную земскую школу и Псковское училище псаломщиков. Насельник Псково-Печерского монастыря в годы войны. 26.10.1943 рукоположен во иеродиакона. Исполнял послушание повара. 28.08.1948 рукоположен во иеромонаха.

Антоний (Стальмаков Антон Иудович), иеромонах, в схиме Арсений. Родился 29.04.1863 в Белоруссии. Духовник Крючского скита Вознесенского женского монастыря Великолуцкого уезда Псковской губернии. Эвакуирован вместе с сестрами монастыря из прифронтной зоны немцами в 01.1942. С 25.02.1942 — в Вырице, в Успенском женском монастыре. Настоятель Успенской церкви, с 01.09.1944 — настоятель Казанской церкви Вырицы. С 26.10.1944 — на покое, проживал в Вырице. Скончался 03.02.1948 в Вырице, похоронен за алтарем Казанской церкви.

Аркадий (Павлов Алексей Павлович), иеромонах. Родился 16.03.1873 в деревне Дубники Изборской волости Псковской губернии в крестьянской семье. С 1900-х — насельник Псково-Печерского монастыря. 23.04.1912 рукоположен во иеродиакона, 15.08.1927 — во иеромонаха. 19.09.1939 награжден наперсным крестом. В 1951 к Пасхе возведен в сан игумена.

Афиноген (Агапов Василий Кузьмич), иеромонах. Родился 12.01.1881 в деревне Карманово Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в крестьянской семье. Окончил 3-классную земскую школу (1888), с 1894 жил в Петербурге, служа у дяди в швейной мастерской. Отбывал воинскую повинность (1902), был в ратном ополчении (1903). 19.04.1903 поступил в Макариевскую пустынь близ Любани, послушник, чтец, пострижен в рясофор (01.06.1908) и мантию (10.07.1911) с именем Афиноген. 09.12.1912 рукоположен во иеродиакона епископом Тихвинским Андроником. 18.06.1917 рукоположен во иеромонаха архиепископом Новгородским Арсением. В 1919–1924 на разных послуша-

ниях в монастыре, келарь, с 10.1921 — ризничий. 15.07.1924 арестован вместе с настоятелем епископом Кириллом (Васильевым) и 15 насельниками. Осужден 30.01.1925 на 3 года ссылки. С 08.08.1926 по 1927 — в Осташкове, принят в число братии Нило-Столобенской пустыни. В 1927–1932 вновь в Макариевской пустыни. 18.02.1932 арестован, в заключении в «Крестах» в Ленинграде, осужден на 3 года концлагеря. В заключении — в Новосибирских лагерях, на Беломорканале. Освобожден 24.02.1934, проживал в Малой Вишере. С 17.08.1941 — в Любани. Служил в годы войны в храмах Любани (11.09.1941–01.04.1942), Тосно (01.04.1942–26.10.1943). Эвакуирован (вывезен немцами как рабочий) в Латвию (28.10.1943), в Тукумс. Взят на ферму крестьянином-латышом, служил в местном храме, затем (02.–09.1944) в Валгундской Митавской Спасо-Преображенской пустыни, позже — в Риге в Троице-Сергиевом монастыре, с 25.01.1945 — в Псково-Печерском монастыре. Монастырский казначей и ризничий, игумен (с 1947), в 1949 временно служил в Никольской церкви острова Талабск (Залит), с 1960 — духовник обители. Архимандрит, в схиме — схиархимандрит Агапий. Скончался 24.06.1979. Погребен в пещерах обители.

Валентин (Буровцев Валентин Алексеевич), игумен. Родился в 1873. В 1943–1944 служил в Ильинской церкви села Опоки Порховского района Псковской области. Остался на родине. После войны продолжал служить в селе Опоки. Скончался в 1956.

Валентин (Лелянов Василий Сергеевич), иеромонах. Родился 03.12.1878 в г. Вязьма Смоленской губернии в мещанской семье, отец занимался мелкой торговлей. Окончил 4 класса Вяземского городского 6-классного училища (1884). С 07.05.1896 — послушник в Коневском монастыре. Там 21.12.1908 игуменом Макарием пострижен с именем Валентин, 04.10.1909 в Выборге епископом Сергием Финляндским рукоположен во иеродиакона. 12.06.1912 им же в Коневском монастыре рукоположен во иеромонаха, с того же года служил на Петербургском Коневском подворье на Загородном пр., 7. В 1915–1917 — в Коневском монастыре. В 08.1917 послан в церковь Петроградского подворья, где служил до 1932. 27.10.1917 подворье было закрыто, служил штатным псаломщиком Знаменской церкви. Позже — вновь на Коневском подворье. В 1922 за сопротивление изъятию церковных ценностей арестован, провел 9 месяцев в заключении. В 1930-х проявил себя как защитник Церкви. После закрытия церкви Коневского подворья (1932) служил в Знаменской церкви. Входил в «двад-

цатку». Арестован по делу «евлогиевцев» 22.12.1933. Осужден на 5 лет концлагерей. Выслан во Владивосток. В заключении пробыл 1,5 года. По инвалидности амнистирован. После освобождения и прибытия из ссылки проживал в Новгороде. Во время войны благочинным протоиереем В. Николаевским назначен (в 03.1942) служить в церкви села Вяжищи (бывший мужской монастырь близ Новгорода). В 10.1943 вместе с местными жителями эвакуирован в Латвию. В 12.1944 вернулся в Новгород. По возвращении назначен к церкви свт. Василия Великого села Васильевское на Поозерье. С 01.02.1947 — настоятель Вознесенской церкви села Орлово. Строгий аскет и благоговейный молитвенник, прекрасный духовник, любимый паствой. К 1950 служил в Новгородской епархии (село Орлово).

Варвара (Коржавина Вера Владимировна), монахиня, позже схимонахиня Таисия. Родилась в Петербурге в 1892 в мещанской семье. С отличием закончила Мариинскую женскую гимназию (1908) и педагогические курсы при ней (1910). Преподаватель женской гимназии, после 1917 — школы. В 1922 на одре болезни приняла тайный постриг (пострижена на Кирилло-Челмогорском подворье иеромонахом Серафимом (Проценко) с именем Варвара). С 1925 — келейница иеромонаха Серафима (Проценко). Арестована 04.10.1932, осуждена на 3 года концлагеря, которые провела в Свирских лагерях и Караганде. После освобождения проживала в Вышнем Волочке, откуда в 1938 приехала в Вырицу. С конца 1930-х по 1941 — в Вырице, в тайной общине архимандрита Серафима (Проценко). С 1941 — в монастыре архимандрита Серафима, его секретарь. В конце 1943 — середине 1944 возглавляла Успенский женский монастырь. После войны — казначея Казанской церкви в Вырице. Арестована 30.01.1951, осуждена на 10 лет лагерей. В заключении в Иркутской области. После освобождения вернулась в Вырицу. Скончалась в 1960-х–1970-х.

Варсонофий (Кузьмин Василий Степанович), иеромонах. Родился 01.01.1880 в деревне Раглицы Новгородского уезда и губернии в крестьянской семье. Окончил сельскую школу. В 1904 пострижен в монашество, затем рукоположен во иеромонаха. До 1930 — насельник Ефремо-Перекомского монастыря Новгородской губернии, к 01.1930 также служил в церкви села Уторгош. В начале 1928 присоединился к иосифлянам. 04.01.1930 арестован по делу ИПЦ, заключен в новгородскую тюрьму. 03.08.1930 приговорен Коллегией ОГПУ к 5 годам лагерей. С 24.09.1930 отбывал срок на Соловках. В 1933 освобожден, поселил-

ся в деревне Ямок Новгородского района, где служил в Лазаревской церкви. 15.01.1934 вновь арестован, 23.02.1934 приговорен Тройкой ПП ОГПУ в ЛВО к 3 годам высылки в Западно-Сибирский край, 17.03.1934 отправлен к месту ссылки. В начале 1941 освобожден, вернулся в Новгородский округ. В конце 1941–1943 служил в Успенской церкви села Курицко (Поозерье), затем в церкви сел Межнино и Корыстынь Шимского района. В конце 1943 эвакуирован в Ригу. В 02.1944 приписан к устроенной в г. Евье пустыни Виленского Свято-Духовского монастыря. Осенью 1944 проживал в Рижском Троице-Сергиевом монастыре.

Вероника (Федякина Василиса Ивановна), монахиня. Проживала в Вырице. С 1941 в монастыре архимандрита Серафима (Проценко). Осталась на родине. В конце 1940-х–1950-х — алтарница в Казанской церкви Вырицы.

Вукол (Николаев Василий Фомич), иеродиакон. Родился 13.08.1899 в семье служащего, окончил 3 класса городского училища. С 1924 — послушник Макариевской пустыни, в 1928 принял монашеский постриг и рукоположен во иеродиакона. 17.02.1932 арестован, приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан. С 1935 проживал в Ленинградской области, был келейником служившего тайно схиепископа Макария (Васильева), вместе с ним в 1942 перешел в Псково-Печерский монастырь. В 1942 назначен на должность уставщика. 31.03.1944 тяжело контужен взрывом снаряда. В 1950-е — канонарх и просфорник. Скончался и похоронен в монастыре в 1970-е.

Геннадий (Собственников Георгий Тимофеевич), иеромонах. Родился 01.01.1885 в Островском уезде Псковской губернии в крестьянской семье. С 1912 — послушник Никандровой пустыни, в 1923 после монашеского пострига рукоположен во иеродиакона, в 1928 — во иеромонаха. В 1937 арестован, осужден и отправлен в лагерь на Дальний Восток. В 1939 освобожден, вернулся в Псковский округ. В 1942 служил в церкви сел Подоклинье, Хохловы Горки и Любовец, в 1943 — в церкви погоста Бродовичи, в 1944 — в Благовещенском соборе и Никольской церкви Порхова, с 11.1944 — в церкви села Карачуницы Порховского района.

Гермоген (Кивачук), архимандрит. В число миссионеров не входил. Военный священник (протопресвитер) РОА. В 1943 — начале 1944 служил при митрополите Серафиме (Ляде) в Берлине (Воскресенский со-

бор). Посещал Псков в 05.–08.1943. Обслуживал части РОА под Псковом (гвардейский маршевый батальон РОА стоял близ станции Стремутка). Не сослужил с духовенством экзархата. 05.07.1943 обратился к экзарху Сергию с просьбой о присоединении к Московскому Патриархату. Кандидат на Ревельскую кафедру вместо митрополита Александра (Паулюса) при поставлении от экзарха. Назначение не состоялось. С начала 1944 служил в православных храмах Германии (Берлин), 21.08.1944 назначен настоятелем церкви в Мариенбурге (Судеты). В начале 1945 Архиерейским Синодом РПЦЗ запрещен в священнослужении и лишен сана за связь с женщинами, не подчинился. Служил в Мариенбургской церкви до лета 1945, затем арестован чешскими властями, несколько месяцев провел в тюрьме. В 1960-е состоял в Зарубежной Польской Православной Церкви, возглавляемой епископом Матфеем (Семашко).

Гермоген (Крылов Георгий Васильевич), иеродиакон. Родился 26.11.1878 в Вологодской губернии. В 1910-е принял монашеский постриг, 1920 рукоположен во иеродиакона. В конце 1941–1943 служил в церкви села Спас-Пископец Новгородского района. Осенью 1943 эвакуирован в Ригу, где в 1944 проживал в Троице-Сергиевом монастыре. В 1945–1949 — насельник Псково-Печерского монастыря, 04.08.1945 рукоположен во иеромонаха.

Григорий (Китсеяги Григорий Яковлевич), монах. Родился 27.01.1904 в деревне Свинки Верровского уезда Эстляндской губернии в крестьянской семье. В 1924–1932 и с 1936 — послушник Псково-Печерского монастыря. 14.05.1938 принял монашеский постриг. В 1940-е исполнял послушание пекаря.

Дорофей, монах. Родился около 1862. Насельник Псково-Печерского монастыря в годы войны.

Евфимия (Сидорова Елизавета Васильевна), монахиня. Уроженка Вырицы. Слепица. Тайно пострижена архимандритом Серафимом (Проценко) в конце 1930-х (?). Проживала с родителями в Поселке (Вырица) в собственном доме. С 1941 — в монастыре архимандрита Серафима (Проценко). Осталась на родине. Скончалась в конце (?) 1970-х в Вырице.

Евфросиния (Дмитриева Евфросинья (?) Ивановна), монахиня. В 1917–1920-е гг. прислуживала в Феодоровском соборе, а в 1930-е—

1941 в Знаменской церкви Царского Села (Пушкина). В 1942 эвакуировалась в село Козья Гора, где прислуживала в Покровской церкви. В 1944 вернулась в Пушкин.

Екатерина (Исаева), монахиня. Проживала в Вырице. С 1941 — в монастыре архимандрита Серафима (Проценко).

Елена, монахиня. В 1942–1944 и.о. псаломщика в Казанской церкви поселка Сусанино Гатчинского района Ленинградской области.

Иларион (Андреев), иеродиакон. В годы войны служил в Поозерье (Новгородская епархия). В 1943 эвакуирован вместе с местным населением в Векшни (Литва). В 1944 вместе с мощами свв. Новгородских чудотворцев вернулся в Новгород. 14.01.1945–1950 служил диаконом в церкви Васильевское Новгородского района. Скончался после 07.1950.

Илия (Мошков Илья Алексеевич), игумен. Настоятель церкви Валаамского подворья на Васильевском острове в Ленинграде (до конца 1920-х), после ссылок 1930-х проживал в Павловске. С 01.10.1941 служил в кладбищенской церкви Иоакима и Анны в Павловске. 01.03.1942 эвакуирован в западную часть Ленинградской епархии, служил в Успенской церкви погоста Доложск (Заручье). С лета 1943 по немощи не служил, поставив своим преемником шурина, Алексея Маслова, рукоположенного 19.07.1943 во священника. Скончался 08.10.1943 в Доложске, похоронен там же, за алтарем церкви.

Илия (Нечаев), иеродиакон. Насельник Псково-Печерского монастыря в годы войны.

Иоанн (?) (Емельянов Иоанн Александрович), монах. Родился в 1890. В годы войны проживал в Вырице в монастыре архимандрита Серафима (Проценко) (?).

Иоанн (Алексеев), игумен. Родился в 1878. В 1942–1943 служил в Скорбященской церкви станицы Передольская бывшего Лужского уезда, ныне Новгородской области. В конце 1943 эвакуирован в Ригу, где в 1944 проживал в Троице-Сергиевом монастыре.

Иоанн (Костыгин), иеродиакон. В годы войны был на оккупированной территории.

Иоанн (Лосяков), монах. Родился в 1882. В годы войны проживал в г. Чудово. В 1943 эвакуирован в Ригу. В конце 1943–1944 проживал в Рижском Троице-Сергиевом монастыре.

Иоанна (Шихобалова Вера Дмитриевна), монахиня. Родилась 20.08.1869 в Петербурге в купеческой семье. После смерти отца, вместе с матерью, принявшей монашество, проживала в Воскресенском Новодевичьем монастыре в Петербурге. Окончив гимназию (ее обучение оплачивал монастырь), брала уроки живописи у профессора П. П. Чистякова. Позже преподавала живопись и рисование в монастырской школе. В 1905–1917 в связи с болезнью проживала в семье купцов Муравьевых. После кончины матери приняла постриг (1918). С 1918 по 1932 — насельница Воскресенского Новодевичьего монастыря. Арестована 17.02.1932, выслана в Казахстан на 3 года. После освобождения, с 1935 проживала в Вырице в семье Муравьевых при иеросхимонахе Серафиме Вырицком. В годы войны жила в Вырице в Успенском женском монастыре, в 1943 возглавляла обитель. Скончалась в 1944. Похоронена за алтарем Казанской церкви в Вырице.

Иоасаф (Дмитриев), иеромонах. Родился в Святых Горах Псковской губернии около 1863. В братии Киево-Печерской Лавры, помощник благочинного. В годы войны служит в Пушкинских Горах и окрестностях. Остался на родине. Скончался после войны, похоронен на кладбище Пушкинских Гор на Тимофеевой горе.

Иоасаф (Романников), игумен. В 1943–1944 служил в Михайловской церкви села Лубино Солецкого района Новгородской области, селе Новоселье. Остался на родине. Скончался в 1944.

Иона (Карсов Иван Федорович), архидиакон. Родился 16.09.1894 в деревне Луки Печорского уезда и волости Псковской губернии в крестьянской семье, окончил приходскую школу. С 1914 — насельник Псково-Печерского монастыря, 18.12.1932 рукоположен в сан иеродиакона, с 1944 — архидиакон. В 1941–1944 — хлебодар. 14.02.1946 возведен в сан иеромонаха, а затем в сан игумена, в 1947 исполнял послушание кладовщика. К 1949 служил в Параскевинской церкви села Велени. 28.02.–01.10.1949 служил в церкви села Камно. С 09.05.1950 временно и.о. настоятеля монастыря.

Исаакий (Будаевский Иван Иванович), иеромонах. Родился 24.02.1873 в деревне Будаево Сонинской волости Псковской губернии в крестьянской семье. В 1915 рукоположен во иеродиакона, а в 1922 — во иеромонаха. Насельник Псково-Печерского монастыря с начала 1920-х. 01.04.1950 возведен в сан игумена.

Исаакий, архимандрит. Служил в годы войны в церкви поселка Новоселье (Псковская область). Скончался в конце 1942.

Кирилл (Смирнов Кузьма Иванович), иеромонах. Родился 22.10.1885 в деревне Дуплино Мышкинского уезда Ярославской губернии в крестьянской семье. В 1910–15 — на послушании в Валаамском монастыре, после Первой мировой войны в 1918–1924 — на подворье Валаамского монастыря в Петрограде, келейник епископа Каргопольского Илариона (Бельского). 15.03.1924 принял монашеский постриг с именем Кирилл, с 10.11.1924 — иеродиакон, с 09.05.1925 — иеромонах. В 1926–1931 служил на приходах Смоленской и Тверской епархий. В 1931 арестован, в заключении на Беломорканале. В 1941–1943 служил на приходах Ленинградской епархии: в Саблино, Любани, селе Пельгора, Ильинском погосте, селах Хочени, Сустье-Поляны. В 1942 по доносу немцами отправлен в лагерь. Помогал партизанам, был подвергнут расстрелу, но чудом остался жив. В 1943 эвакуирован немцами вместе с общиной в г. Бауск (Латвия). 20.09.1943 назначен епископом Рижским Иоанном в Спасо-Преображенскую пустынь Валгундской волости Митавского уезда. Из-за нехватки священников по совместительству служил на различных приходах Латвии, 30.03.1953 архиепископом Филаретом Рижским возведен в сан игумена, с осени 1953 назначен постоянно служить в пустыни, ее духовник, архимандрит. 26.06.1968 пострижен архиепископом Рижским Леонидом в схиму с именем Косма. Скончался 29.06.1968. Похоронен в Спасо-Преображенской пустыни.

Корнилий (Кузьмин), игумен. В 1942 — настоятель Георгиевской церкви в Старой Руссе, где и скончался 12.08.1942.

Лазарь (Сарв Якоб), иеромонах. Насельник Псково-Печерского монастыря. В начале 1942 покинул обитель, когда она перешла под окормление экзарха Сергия. Служил в Печорах в эстонском приходе. В конце 1944 скрывался, боясь ареста.

Лев, иеромонах (?). Перед войной (?) и в войну проживал в Вырице, в монастыре архимандрита Серафима (Проценко), его келейник. Скончался в 1942. Похоронен в Вырице в Поселке, на маленьком кладбище.

Лин (Никифоров Илия Никифорович), иеромонах. Родился в 1878 в деревне Гориста Бельского погоста Гдовского уезда Петербургской губернии. Постриженник Иоанно-Богословского Черемнецкого мужского монастыря Лужского уезда, ризничий. В 1924–1925 — настоятель часовни св. Иоанна Богослова подворья этого монастыря в Ленинграде. Арестован 16.05.1930 по обвинению в сокрытии церковных ценностей, сожжении сельской школы. Постановлением Тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 11.12.1930 сослан в Северный край на 3 года. Освобожден в середине 1930-х. До 1937 — священник в Павском приходе бывшего Лужского уезда. С 1937 не служил, проживал в деревне Кремено близ Вырицы. С 09.1941 служил в Казанской, а с 19.12.1941 и в Петропавловской церквях Вырицы. В 01.–03.1942 служил в церкви села Каменные Поляны Оредежского района, окормлял паству в селах Мошковы Поляны и Кусони. С 03.1942 служил в церкви бывшего Гдовского уезда: селах Песье, Заянье, Лосицы, Ктины, Николо-Конец (Каменный погост), Павлов погост, окормлял приходы Вейно, Крапивно. С 01.1944 — в Нарве, затем переехал в Псково-Печерский монастырь. Остался на родине. Арестован 25.10.1944. Осужден в 1945 на 15 лет лагерей. Скончался после 1945.

Любовь (Павлова Любовь (?)) Петровна), монахиня. Родилась в 1877 в Новгородской губернии. До осени 1941 проживала в здании Свято-Духова монастыря в Новгороде, затем была насильно выселена немцами в Поозерье. В 02.1944 вернулась в Новгород.

Мария (?) (Младенчикова Мария Григорьевна), монахиня. Родилась в 1894. В годы войны проживала в Вырице в Успенском женском монастыре.

Мария (Дорожкина Мария Гавриловна), монахиня. Родилась в 1881 в Петербургской губернии. В годы войны проживала в Вырице.

Мартемиан, иеромонах. Служил в Михайловской церкви в Дно. Скончался 20.01.1943.

Мартирий (Иванов Матвей), иеродиакон. Родился 06.11.1876 в Новгородской губернии в крестьянской семье. В 1893–1930 (с пе-

рерывом) — псаломщик Пятницкой церкви Кукуйского сельсовета Киришского района Ленинградской области. В 1910-е — насельник Александро-Свирского монастыря, где в 1914 принял монастырский постриг, 02.02.1930 рукоположен во иеродиакона к Пятницкой церкви. В 1932–1941 — на гражданской службе. В 1942–1945 жил в деревне Загорье Лужского района и, возможно, служил в Димитровской церкви Бельского погоста. С весны 1945 по 1949 — псаломщик церкви села Каменный Конец Гдовского района.

Михаил (?) (Оленев Михаил Павлович), монах. Родился в 1884. В годы войны проживал в Вырице в монастыре архимандрита Серафима (Проценко) (?).

Михаил (Смелков Михаил Петрович), архимандрит (?), обновленческий архиепископ. Родился 06.11.1866 в Новгородской губернии. В 1889 окончил Новгородскую духовную семинарию. В 1889 — учитель пения в г. Тихвине. В 1890 рукоположен во диакона и священника, служил в Новгородской епархии. В 1915–1921 — настоятель Богоявленского собора г. Демянска в сане протоиерея, занимал разные выборные должности по Духовному ведомству. В 1918 — уездный церковный комиссар. 07.09.1921 приговорен Президиумом ВЧК к ссылке без права выезда. В 1923 уклонился в обновленческий раскол, вернулся в Демянск. 24.02.1924 хиротонисан во епископа Демянского и Боровичского, викария Новгородской епархии. В 1928 возведен в сан архиепископа. 31.08.1932 уволен за штат. В 08.1933 вновь назначен архиепископом Демянским, в 10.1934 уволен за штат. С 05.12.1935 — настоятель церкви села Покровское Рыбинской епархии, 15.06.1936 уволен за штат. Служил в период оккупации Демянска в 1941–1943. Возможно, в это время перешел в Московскую Патриархию и был принят в сане архимандрита. Весной 1943 вывезен немцами при отступлении сначала в Прибалтику, а затем в Германию.

Михаил (Трофименков Михаил Иванович), монах (?). К 1943 — в Вырице, в монастыре архимандрита Серафима (Проценко).

Николай (?) (Куликов Николай Гаврилович), монах. Родился в 1879 (1884 ?) в селе Мулино Полонского уезда Вятской губернии. Окончил 3-классное начальное училище. В 1906–1908 — на действительной службе. 1914–1921 — рядовой солдат на Австрийском фронте. К 1941 — сторож лесхоза в Вырице. 1941–1945 — сторож мужского

Богоявленского монастыря в Вырице. С 25.02.1951 — помощник церковного старосты Казанской церкви в Вырице.

Николай (Нижегородцев Алексей Ильич), иеромонах. Родился в 1876. В сан иеромонаха рукоположен в 1913 в Новгороде, в 1913–1935 служил в церкви села Заречье Старорусского уезда, до 1941 жил в погосте Дежно бывшего Порховского уезда. В 1943 эвакуирован в г. Вилковишки (Литва), где проживал до 1945.

Никон (Мийко Николай Кузьмич), иеромонах. Родился 22.11.1874 в деревне Обиница Печорской волости и уезда Псковской губернии в крестьянской семье, окончил начальную школу. С 9.07.1894 — послушник Псково-Печерского монастыря. 23.06.1911 принял монашеский постриг, с 24.06.1912 — иеродиакон. 30.12.1918 возведен в сан иеромонаха. В 1942–1944 — заместитель наместника, в 1944–1946 — благочинный монастыря. С 18.10.1944–01.01.1945 и 16.09.–04.10.1946 временно и. о. наместника. В 1947 к Пасхе возведен в сан игумена, а в 1948 к Пасхе — в сан архимандрита.

Олимпиада (Никифорова Александра), монахиня. Родилась в селе Печане Опочецкого уезда Псковской губернии, приняла постриг в 1920-х. Подвизалась в Покровском Козьегорском женском монастыре Гдовского уезда Петербургской губернии. С 1941 — в селе Печане. В годы войны участвовала в богослужениях в Печанском храме.

Павел (Горшков Петр Михайлович), игумен. Родился 20.08.1867 в селе Дединово Зарайского уезда Рязанской губернии в семье купца 2-й гильдии, окончил 4 класса начальной школы. С 1884 — насельник Александро-Свирского монастыря. В 1888–1918 — в составе братии Троице-Сергиевой пустыни под Петроградом, руководил там созданной им Сергиевской школой трезвости, рукоположен во иеромонаха. В 10.1918–07.1919 — священник в церкви села Вереть Ямбургского уезда Петроградской губернии, в 07.1919–07.1920 служил при госпиталях в Северо-Западной белой армии, с частями которой ушел в Эстонию. В 08.1920 поступил в Псково-Печерский монастырь. В 1921 организовал кружки трезвости при школах в деревнях, работал «инструктором трезвости». В 1922 создал в Тарту русское молодежное «Общество разумного досуга», издавал журнал «Разумный досуг». В 1924–1926 — эконом и зав. ризницей Псково-Печерского монастыря, в 1926–1932 — духовник Пюхтицкого женского монастыря. В 1932

служил в церкви в Тапсе, а в 1933–1937 — в Муствез (Черном Посаде). С 1937 вновь состоял в братии Псково-Печерского монастыря, сначала благочинным, затем помощником настоятеля. Осенью 1941 избран наместником, в 12.1941 возведен в сан игумена. Возглавлял монастырь до ареста 23.10.1944, был заключен в Ленинградскую тюрьму. 07–08.02.1945 приговорен Военным трибуналом войск НКВД Ленинградского округа к 15 годам лагерей с поражением в политических правах на 5 лет. 31.05.1946 отправлен отбывать срок в Баимское отделение Братского лагеря Сиблага (близ станции Тайшет Иркутской области), где и скончался 06.07.1950.

Параскева (Алексина Прасковья Михайловна), монахиня. Родилась в 1876 в Новгородской губернии. В период оккупации проживала в г. Новгороде. В 02.1944 была свидетельницей Комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний.

Парфений (Шаталин), архимандрит. В 1940 — середина 1941 — наместник Псково-Печерского монастыря в сане игумена. В 12.1941 возведен митрополитом Сергием в сан архимандрита. Всю войну прожил в монастыре на покое.

Пелагея (?) (Москвина Пелагея Даниловна), монахиня. Родилась в 1894. В годы войны проживала в Вырице в Успенском женском монастыре.

Петр (Леонов), иеромонах. В годы войны был на оккупированной территории.

Серафим (Емельянов Семен), архимандрит. В 1930-х–1941 — келейник митрополита Ленинградского Алексия. 12.12.1937 выслан из Ленинграда, но к 1941 вернулся в город. В 08.1941 был отправлен на митрополичью дачу в Сиверскую и оказался в оккупации. 05.1942–02.1943 — настоятель Троицкой церкви в Сиверской. Скончался 07.02.1943, похоронен у алтаря Троицкой церкви.

Серафим (Муравьев Василий Николаевич), иеросхимонах, прп. Серафим Вырицкий. Родился 31.03.1866 в деревне Вахромеево Арефинской волости, прихода Спас-на-Ухре Рыбинского уезда Ярославской губернии. С 1920 — иеромонах Варнава, впоследствии — иеросхимонах Серафим, духовник Александро-Невской Лавры. С 1930

проживал в поселке Вырица на покое. В годы войны — в Вырице, числился прихожанином Казанской церкви. Проживал (1931–1945) на Пильном пр., 7. После войны (1945–1949) также проживал в Вырице, на Майском пр., 39. Почитаемый народом старец. Скончался 03.04.1949. Похоронен за алтарем Казанской церкви в Вырице. В 2000 на Юбилейном Архиерейском Соборе прославлен в лике святых. Преподобный, св. чудотворец Вырицкий.

Серафим (Проценко Стефан Владимирович), архимандрит. Родился в 1874 в селе Карповка Славянской волости Изюмского уезда Харьковской губернии в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу. На военной службе в лейб-гвардии Семеновском полку служил рядовым. Во время службы в Петербурге неоднократно встречался с отцом Иоанном Кронштадтским, по совету которого ушел в монастырь. Подвизался (1895–1917) в Сяньдемской и Никифоровской пустынях, позже Кирилло-Челмогорском монастыре Олонецкой епархии. Пострижен в мантию с именем Серафим, рукоположен во иеромонаха. С 1917 по 1923 по благословению митрополита Петроградского Вениамина открывал и строил в Петрограде подворье Челмогорского монастыря. В 1919–1924 — настоятель храма прп. Кирилла Челмогорского в Петрограде в сане игумена, в 1926 возведен в сан архимандрита. После закрытия храма до 1932 служил в бывшей церкви Пекинского подворья на Воронежской ул. 17.04.1932 арестован. 16.06.1932 приговорен к 5 годам ИТЛ (Темниковские лагеря). С конца 1930-х проживал в поселке Вырица, где окормлял до 1941 тайную монашескую общину. С лета 1941 по 1944 служил в храмах Вырицы, открыл созданный на основе своей общины Божоявленский мужской монастырь в юго-западной части Вырицы, в Поселке. Выстроил в 1942 в монастыре церковь св. Иоанна Предтечи. Окормлял добровольческие вспомогательные (тыловые охранные) части «хиви» (РОА), расквартированные в Вырице и окрестностях. К осени 1944 служил в Никольской церкви в Любятово близ Пскова. 30.07.1945 арестован в Любятово. 04.05.1946 приговорен к 20 годам каторжных работ. В заключении до середины 1950-х. После освобождения некоторое время — в Псково-Печерском монастыре. В 1955 — в Ленинграде, позже проживал в Вырице, почитался как старец и прозорливец. Скончался 28.12.1960 в Вырице, похоронен в Ленинграде на Большеохтинском кладбище возле Никольской церкви. Реабилитирован.

Серафим (Розенберг Артур Иванович), иеромонах. Родился 06.09.1909 в Петербурге в семье торговца, окончил гимназию

в г. Юрьеве (Тарту). С 1932 — насельник Псково-Печерского монастыря. В 1932–1935 — пономарь Успенского собора. В 1935 рукоположен во иеродиакона, в 1936 — во иеромонаха. Исполнял послушание проводника по пещерам, келаря, затем эконома. В 1941–1944 — казначей и заведующий книжным киоском. 16.04.1943 награжден митрополитом Сергием золотым наперсным крестом. В 09.1945–11.1946 — настоятель русско-эстонской церкви в Печорах, с 11.1946 — свечник обители. К 1954 возведен в сан игумена, а затем архимандрита. В дальнейшем принял схиму с именем Сергей, скончался в 1990-е в монастыре.

Серафима (Морозова), монахиня. Родилась в 1892 в Псковском уезде и губернии. В годы войны (с 1942) проживала в Вырице в Успенском женском монастыре, преемница схиигумен. Херувимы. В 1944–1949 — келейница иеросхимонаха Серафима Вырицкого. После его кончины в 1949 проживала в Пюхтицком Успенском женском монастыре. Скончалась в 1974 в Пюхтицах.

Серафима (Муравьева Ольга Ивановна), схимонахиня. Родилась в 1872 в деревне Якушки Рыбинского уезда Ярославской губернии, урожденная. Нетронина. Супруга В. Н. Муравьева (впоследствии иеросхимонаха Серафима Вырицкого). Так же как и супруг приняла монашество (с именем Христина). С 1920 — монахиня Воскресенского Новодевичьего монастыря в Петрограде. С 1930 — на покое, ухаживала за больным иеросхимонахом Серафимом. В 1930 проживала вместе с ним в Поповке, у протоиерея Леонида Богоявленского, с 1930 по 1945 — в Вырице. Скончалась в 1945. Похоронена за алтарем Казанской церкви в Вырице.

Сергий (Андреев Андрей Платонович), архимандрит. Родился в 1868 в деревне Шарка Новгородского уезда и губернии в крестьянской семье. Окончил сельскую школу. В 1894 пострижен в монашество, затем рукоположен во иеромонаха. В 1925–01.1930 — настоятель Ефремо-Перекомского монастыря Новгородской губернии в сане архимандрита. В начале 1928 присоединился к иосифлянам. 02.01.1930 арестован по делу ИПЦ, заключен в новгородскую тюрьму. 03.08.1930 приговорен Коллегией ОГПУ к 10 годам лагерей. С 24.09.1930 отбывал срок на Соловках, к 1941 освобожден. В 1941–1943 служил в Спасской церкви села Спас-Пископец Новгородского района. В 11.1943 эвакуирован в Литву, где и скончался 22.05.1944.

Сергий (Сампсоник), иеромонах. Иосифлянин. В подчинении Миссии не состоял. Служил в церквях сел Белое Псковского района и Мелётово Середкинского района (Псковская область).

Симеон (Желнин Василий Иванович), иеросхимонах. Родился 01.03.1869 в деревне Яковлевка Корошевской волости Островского уезда Псковской губернии в крестьянской семье. Окончил сельскую школу в Выборе близ Пскова. С 1894 насельник Псково-Печерского монастыря, до 1901 исполнял послушание келейника наместника архимандрита Мефодия, принял монашеский постриг с именем Вассиан. 26.03.1901 рукоположен во иеродиакона, а 15.08.1903 — во иеромонаха. В 1910–1914 — помощник казначея, в 1914–1917 — заведующий хозяйством Псковской архиерейской дачи и эконоом Снетогорского монастыря. С 1917 — вновь насельник Псково-Печерского монастыря, в 1918 награжден наперсным крестом. В 1921–1925 — строитель церкви св. Иоанна Предтечи и заведующий хозяйством скита на пустоши Мустищево. В 1925–1941 исполнял в монастыре железобетонные работы. 12.04.1927 пострижен епископом Иоанном (Булиным) в схиму с именем Симеон и назначен духовником обители. Около 30 лет служил в Успенском соборе. В 1939 награжден палицей. 31.03.1951 награжден уставной грамотой ко дню 50-летия служения в священном сане. Скончался 18.01.1960 в монастыре. В 2003 прославлен в лике святых.

Смарагда (Сергеева Евфросиния Семяновна), монахиня. В 1893–1917 — послушница Пюхтицкого монастыря, в 1917–1931 насельница Петровского монастыря г. Ростова, в 1919 приняла постриг в мантию. До 09.1941 проживала с братом священником Василием Сергеевым в поселке Стрельна. В 1942–1945 и.о. псаломщика в церкви села Романщина и села Торошковици Лужского района.

Тихон (Зорин Василий Никандрович), иеромонах. Родился 28.01.1893 в селе Пупково Вогнемской волости Кирилловского уезда Новгородской губернии в крестьянской семье. Окончил 2-классное училище. В 1911 поступил послушником в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1914 перешел в Успенский Тихвинский монастырь. В 1920 пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона. В 1922 в Тихвине привлекался к суду по обвинению в участии в антисоветском выступлении, но был оправдан. С 1924, после закрытия Тихвинского монастыря, проживал в родной деревне, занимался сельским хозяйством. В 1925–01.1928 служил в Софийском соборе Новгорода. В 01.1928

перешел к иосифлянам, вскоре принят в состав причта ленинградской Троицкой церкви в Лесном, в 1928 рукоположен во иеромонаха епископом Гдовским Димитрием. В конце 1929–08.1930 состоял в числе братьев Александро-Невской Лавры. Арестован 22.08.1930 по обвинению в антисоветской агитации и хранении серебряной монеты. 11.12.1930 приговорен Тройкой ПП ОГПУ в ЛВО к 3 годам лагерей. Отбывал срок в Коми АССР. После освобождения в 1933 поселился в Новгороде, служил тайно. В 1937 создал тайную иосифлянскую общину в пригороде Ленинграда Коломяги и освятил на чердаке дома А. Ф. Чистякова небольшую церковь. Окормлял ленинградских иосифлян до 09.1941, проживая с 1941 на станции Володарская под Ленинградом. В 09.1941 в связи с ее захватом немцами оказался на оккупированной территории. В 01.1942 устроил в местной часовне храм, где служил 2 месяца, в 03.1942 вместе с жителями Володарской был вывезен немцами в глубь Ленинградской области в деревню Ожогино Волосовского района, где вскоре устроил в помещении школы церковь, также служил священником в храмах села Клопицы и деревни Дятлицы, преподавал Закон Божий в местных школах. В конце 10.1943 эвакуирован в Ветцаульскую волость Баусского уезда Латвии, где проживал на хуторе Страутнеки до 08.1944. В 08.1944 угнан немцами на строительство оборонительных сооружений, в 09.1944 после прихода советских войск поселился на хуторе Сити Ислицкой волости Баусского уезда. Проводил молитвенные собрания иосифлян, совершал постриги. 30.04.1948 переехал в Ленинград. Окормлял тайную общину из 70–80 человек в Ленинградской и Новгородской областях. Арестован 24.01.1951 по обвинению в антисоветской агитации с использованием религиозных предрассудков масс и подготовке вооруженного восстания в контрреволюционных целях. 24–26.10.1951 приговорен Судебной коллегией по уголовным делам Ленгорсуда к 25 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. Отбывал срок в Особом лагере МВД № 7 (Иркутская область). Освобожден 16.06.1956. Поселился в поселке Окуловка Новгородской области. Служил тайно, окормляя нелегальные общины ИПЦ. Скончался 31.01.1976 в Окуловке, где и был похоронен.

Феодора (Осипова Феодосия Егоровна), монахиня. Проживала в Вырице. С 1941 — в монастыре архимандрита Серафима (Проценко).

Херувима (Аврамова Стефанида), схиигумения. Родилась около 1843. Приняла монашеский постриг с именем Серафима, затем постриг

в схиму. Игуменья Крючского скита Вознесенского Великолуцкого женского монастыря Псковской губернии. Старица-слепица с 12 лет. Возобновила закрытый в 1930-е монастырь осенью 1941. Эвакуирована вместе с сестрами монастыря (после разорения скита проживавших близ Великих Лук) из прифронтовой зоны немцами в 01.1942. С 02.1942 — в Вырице, в Успенском женском монастыре иеромонаха Антония (Стальмакова). Скончалась 16.07.1942 в Вырице, погребена на территории женского монастыря за храмом.

Послушники

Александров Михаил. В 1941 — послушник Псково-Печерского монастыря. Возможно, арестован немцами осенью 1941.

Алупов Константин Михайлович. Родился 14.10.1889 в деревне Мошкино Олонецкой губернии в крестьянской семье, окончил церковно-приходскую школу. С 1924 — послушник Псково-Печерского монастыря. В 1941 спас от расстрела фашистами несколько комсомольцев г. Печоры. 11.07.1946 пострижен в монашество с именем Питирим. 07.11.1947 рукоположен во иеродиакона. Скончался в 1950-е (?) на Кавказе.

Басов Василий Васильевич. Родился 20.12.1882 в Ярославской губернии в крестьянской семье. В 1941–1943 проживал в Петергофе, в 1943 эвакуирован в Ригу. В 1943–1944 — послушник в Рижском монастыре. С конца 1944 — послушник Псково-Печерского монастыря. 29.01.1945 пострижен в монашество с именем Вениамин, 28.08.1945 рукоположен во иеродиакона, а 25.04.1948 — во иеромонаха.

Богданов Иван Иванович. В годы войны послушник Псково-Печерского монастыря, звонарь.

Иванов. В годы войны послушник Псково-Печерского монастыря, слепой.

Ильин Петр. Родился в 1927 в Псковской губернии. В годы войны проживал в Пскове, в начале 1944 эвакуирован в Ригу. В 1944 — послушник в Рижском Троице-Сергиевом монастыре.

Кахро Иван Антонович. Родился 02.03.1885 в деревне Зимний Печорской волости и уезда Псковской губернии в крестьянской семье.

С 1930 — послушник Псково-Печерского монастыря, с 1934 — мастер свечной мастерской в обители, 23.04.1947 пострижен в монашество с именем Иларион.

Лебедев Иустин Игнатъевич. Родился 12.06.1875 в деревне Мочалово Себежского уезда Витебской губернии в крестьянской семье. В 1897 в Москве окончил среднюю школу и курсы бухгалтеров. До 1918 — акцизный чиновник в Пскове. В середине 1920-х бежал из СССР в Эстонию, проживал в Болгарии и в монастыре в Югославии, занимался книгопечатанием. В 1935–1947 — письмоводитель, бухгалтер в Псково-Печерском монастыре. В 1940 — середина 1941 — также бухгалтер в Печорском горсовете. 12.07.1947 принял монашеский постриг с именем Николай. С 1947 — пещерник и проводник в обители. Скончался в 1952 в монастыре.

Орлов Иван Виссарионович. В годы войны — келейник наместника Псково-Печерского монастыря игумена Павла (Горшкова).

Петров (Костенков) Ефим Петрович. Родился 24.01.1899 в деревне Стремутка Псковского уезда и губернии в крестьянской семье, неграмотный. До 1916 занимался сельским хозяйством, в 1916–1918 — санитар в изоляторе при городской управе Пскова. В 05.1918–11.1919 служил в Красной армии, под Нарвой попал в плен. В конце 1919 — начале 1922 служил рядовым в эстонской армии, остался жить в Эстонии. В 1922–1929 работал у богатого крестьянина, в 1929–1944 — работник Псково-Печерского монастыря, кучер обители. Арестован 25.10.1944, заключен в Ленинградскую тюрьму. 07–08.02.1945 приговорен Военным трибуналом войск НКВД Ленинградского округа к 15 годам каторжных работ. 19.04.1945 отправлен на станцию Тайшет Иркутской области, где и скончался 23.07.1945.

Словцов Владимир Александрович. Родился в 1896 в Петербургской губернии. В 1941–1943 — певчий Петропавловской церкви Любани, брат местного бургомистра. В 10.1943 эвакуирован в Ригу. В конце 1943–1944 — послушник в Рижском Троице-Сергиевом монастыре.

Соколов Василий Михайлович. С 1914 насельник Псково-Печерского монастыря более 30 лет, певчий, в 1944 — старший послушник.

Шведов Александр. В годы войны — послушник Псково-Печерского монастыря, свечник-кружечник.

Яковлева Анна Яковлевна (?). Родилась в селе Вехно Новоржевского уезда Псковской губернии. До 1928 — послушница в Козьмогорском монастыре Гдовского уезда Ленинградской губернии. С 1941 — в селе Печане Опочецкого района. В годы войны участвовала в богослужениях в Печанском храме.

Псаломщики

Абрамова Параскева. В 1942–1943 и. д. псаломщика в церкви села Гвоздно Гдовского округа.

Азоутский А. Псаломщик-миссионер из Латвии. 18.08–14.10.1941 служил вместе со священником Н. Трубецким в храмах Порховского, Дновского и Солецкого районов.

Акилина. Родилась в Острове (?). До 1928 — послушница в Козьмогорском Покровском женском монастыре Гдовского уезда Ленинградской губернии. С 1941 — в селе Печане Опочецкого района. В годы войны участвовала в богослужениях в Печанском храме, и. д. псаломщика.

Алексеева Мария. Родилась 01.03.1906 в Псковской губернии, окончила среднюю школу. В годы войны и. д. псаломщика в церкви села Хохловы Горки Псковской области.

Андреев Федор (?) С. Служил в 1943–1944 псаломщиком в Знаменской церкви села Любыни Шимского района Новгородской области. В 1944 рукоположен во иерея.

Антонов Григорий Антонович. В 1930-е и в 1942 — псаломщик Димитровской церкви села Ктины Лядского района Гдовского округа.

Архангельский Леонид. Проживал в Латвии. 17.08.1941 в числе первых миссионеров приехал в Псков, где и служил псаломщиком.

Багрянский Виктор Николаевич. Родился в 1926 в семье священника. В 1943–04.1944 — псаломщик в Петропавловской церкви поселка Вырица. 19.04.1944 призван в Советскую армию.

Березов Василий. В период оккупации — псаломщик в храмах Гатчинского района. 19.09.1944 назначен диаконом на вакансию псаломщика к Тихвинской церкви поселка Сиверская и вскоре рукоположен во диакона.

Бобошко Потапий Игнатьевич. Родился в 1888 в селе Леляки Полтавской губернии в крестьянской семье. В 1914–1924 служил в армии, в 1924–06.1941 — псаломщик Знаменской церкви г. Пушкина. 22.06.1941 уволен за штат, но в первые недели оккупации снова служил в этой церкви, затем уехал из Пушкина.

Брылов Михаил Яковлевич. Родился 30.09.1886 в Псковской губернии. С 1912 — регент церковного хора, в 1918–1937 — штатный псаломщик Палицкой Георгиевской церкви Псковского округа, 1942–18.10.1943 вновь служил в ней псаломщиком до разрушения храма немцами.

Булгак Игорь Петрович. Родился в 1916 в деревне Тулково Бобруйского уезда Минской губернии. Проживал в Латвии. В 1937 окончил Двинскую гимназию, в 1938 — Педагогическое училище в Двинске. В 1939–1940 учился в Рижском университете на Богословском факультете. В 1940–1941 — учительствовал. 03.1942–02.1944 — миссионер в Пскове, служил при священнике Н. Жунде, преподаватель Закона Божия при Миссии. 02.1944–02.1945 — псаломщик в Салацгривской церкви. Позже учительствовал. Арестован 03.09.1950, осужден на 10 лет. Освобожден 03.08.1956. Живет в Даугавпилсе, Латвия.

Воронин Петр Сергеевич. Родился в 1881 в деревне Залеменье Солецкого уезда Новгородской губернии в крестьянской семье. В 1900-е — послушник Петербургского подворья Киево-Печерской Лавры. В 1920–1936 служил псаломщиком и регентом церкви села Илемно Солецкого района. Проживал на своем хуторе близ деревни Залеменье. В 1932 раскулачен и арестован ОГПУ, но вскоре освобожден. В 1936–1941 занимался пчеловодством. В 03.1942–12.1943 — служил псаломщиком в церкви сел Илемно и Ситня и преподавал пение в школе г. Сольцы. В 12.1943 ненадолго заключен немцами в лагерь «Блудово». В 1944 служил в церкви деревни Опоки Порховского района.

Востоков Павел Николаевич. Родился 15.12.1891 в Псковской губернии. В годы войны проживал в деревне Глухово Порховского района, и. д. псаломщика в церкви погоста Большое Устье.

Голубев Иван Семенович. Родился в 1884 в Петербурге. В 1911–1918 — послушник Псково-Крыпецкого монастыря. В 1941–1945 — псаломщик Христорождественской церкви погоста Белая Середкинского района Псковской области. Остался на родине.

Демин Тимофей. В 1941–1945 — псаломщик Георгиевской церкви села Сенно Печорского района Псковской области. Остался на родине.

Елецкий Николай. В годы войны служил псаломщиком в Сольцах. К 09.1945 проживал близ Сольцов, не служил.

Елин Иван Александрович. Родился в 1892 в Новгородской губернии. В 1928–1938, в 08.1941–11.1943 и 1947 — начале 1950-х — псаломщик Успенской церкви погоста Курицко Новгородского района. В 11.1943 эвакуирован в Прибалтику, вернулся на родину к 1945 и был одним из инициаторов нового открытия Успенской церкви в 1947. Скончался около 1955.

Журавлева Анна Павловна. Жена протодиакона Андрея Журавлева. В 1942–1944 — регент хора и псаломщик Ольгинской церкви г. Луга.

Заколдаев Александр. В годы войны служил псаломщиком в Псковской области.

Ильинский Георгий Владимирович. Родился в Риге в 1915. В 1930-х был руководителем дружины «Витязи» Русского православного студенческого единения в Риге (до 1934). В 1941–1944 — миссионер в Псковской области, псаломщик Алексиевской церкви Пскова. Арестован 22.10.1944. В 1945 осужден на 20 лет. Скончался в 1945 в Мариинском лагере в Кемеровской области.

Ильменский Михаил. В годы войны служил псаломщиком в Успенской церкви в Бутырках близ Пскова.

Калиберская Мария Владимировна. Родилась в 1902 в г. Порхове Псковской губернии. Окончила Псковское епархиальное училище. В годы войны и. д. псаломщика в церкви г. Порхова.

Камагин Иван Иванович. Родился в 1908 в селе Московская Славянка Царскосельского уезда Петербургской губернии. Окончил

7-классную школу. В 1943–1944 служил псаломщиком в Успенской церкви села Городец Лужского района и в церкви Иоанна Крестителя села Поддубье близ Луги.

Караваяев Виталий Васильевич. Родился в Риге 24.10.1913. Окончил Рижскую Ломоносовскую русскую гимназию. В 1930-х — руководитель дружины «Витязи» Русского православного студенческого единения в Риге. В 1941–1944 — миссионер в Псковской области, псаломщик. Арестован 22.10.1944. 23.01.1945 осужден на 10 лет. Освобожден в 10.1954. Скончался в 1984 в Москве.

Карсов. Проживал в Латвии. 17.08.1941 в числе первых миссионеров приехал в Псков. В 1942 вместе с протоиереем И. Легким служил псаломщиком в Гдове.

Комаров (Иван Романович ?). В годы войны служил псаломщиком в церкви села Демяницы (Псковская епархия). В 1944 — в Космодамиановской церкви села Локно (?).

Кравченок Константин Иосифович. Родился в 05.1918 в Двинске Витебской губернии. С детства прислуживал в алтаре. Окончив Двинскую 2-ю государственную гимназию, в 1938 поступил на православное отделение Богословского факультета Латвийского университета. Во время учебы работал кассиром в Рижском Христорождественском соборе. В 1941–1944 — казначей и заведующий хозяйством Псковской Миссии, а также преподаватель Закона Божия в псковской средней школе и псаломщик. Заведовал свечным заводом, иконописной мастерской, занимался ремонтами и восстановлением храмов, обеспечивая их топливом. Трудясь в Миссии, проводил широкую благотворительную деятельность: устраивал на работу людей, которым грозил вывоз в Германию, отправлял собранные в церкви продукты в лазарет военнопленным, собирал обувь, одежду, деньги для бедных людей, давал приют в Миссии детям. После прочитанного доклада на учительской конференции в Пскове «О моральном воспитании», в котором рассказывалось о подвиге св. князя Александра Невского, немцами было запрещено Миссии посылать его с докладами. В 1944 эвакуировался в Ригу. Остался на родине. 22.10.1944 арестован. 23.01.1945 в Риге Военным трибуналом 3-го Прибалтийского фронта приговорен к расстрелу, в 02.1945 приговор заменен на 20 лет лагерей. В заключении — в Воркутлаге (Коми). 18.02.1955 освобожден

по инвалидности. Работал учителем, пел в церковном хоре. Скончался в Риге 20.05.1973. Реабилитирован посмертно. Похоронен на рижском Вознесенском кладбище.

Красногородский. В годы войны служил псаломщиком в Псковской области (?). Учился на Богословских курсах в Вильно.

Краснощеков Михаил. В годы войны служил псаломщиком в Онуфриевской церкви села Малы Печорского района. Остался на родине.

Крылова Варвара Васильевна. Родилась 04.12.1889, из крестьян деревни Балсово Ремдовской волости Гдовского уезда. В 1929–1936 и в 1942 — конец 1940-х служила псаломщиком в церкви села Ремда и погосте Кобылье Городище Гдовского района.

Львов Яков Яковлевич. Родился в 1883 в селе Сиворицы Царскосельского уезда. В 1904 окончил Петербургскую духовную семинарию. В 1904–1917 преподавал в земских школах Лужского уезда, затем до 1939 — в школе села Смерди, с 1939 — пенсионер. До 1930-х (?) служил псаломщиком Успенской церкви села Смёшино близ Луги. В 1942–1944 служил регентом, псаломщиком в Казанском соборе г. Луги. В 1940-х — 1950-х — регент этого собора.

Минин Иван. В годы войны служил псаломщиком в церкви Рождества Богородицы г. Изборска Печорского района. Остался на родине.

Михайлов Борис Александрович. Родился в 1927 в Ленинграде. В 1942–1943 — псаломщик Никольской церкви села Заянье и Дмитровской церкви села Ктины Лядского района Гдовского округа. В 1944 — старший кондуктор-практикант на железной дороге Ленинград — Псков, 14.12.1944 арестован по обвинению в попытке совершить диверсию, осужден.

Морозов Иван Андреевич. Родился в 1919 в селе Покровские дачи Кочановской волости Псковской губернии. Окончил 7 классов средней школы. С 1941 и. д. псаломщика, с 29.11.1942 по 1949 — штатный псаломщик Никольской церкви погоста Кочаново Псковской области. Позднее рукоположен во диакона.

Начис Леонид Владимирович (архимандрит Кирилл). Родился 09.01.1920 в Латвии, в пригороде Даугавпилса (Двинска) — Гриве в семье строителя и церковного старосты. В 1933 окончил русскую школу и в 1938 — 2-ю Даугавпилскую русскую гимназию, помогал священнику Николаю Жунде и брату — священнику Иакову Начису за богослужением. Участвовал в собраниях и кружках Двинского отделения Русского студенческого христианского движения (РСХД), принимал участие в съезде РСХД в Эстонии (1938). В 1938 поступил в Рижский университет на православное отделение Богословского факультета, где учился до 1940 г. В 1940–1941 работал сельским учителем в Салиенской школе Иллукустского уезда. В 1942–1944, в период немецкой оккупации, служил псаломщиком при брате на приходах Северо-Запада России: в селе Выбор Новоржевского района, Псковском Троицком соборе, Ольгинской церкви в Луге, с осени 1943 — в приходе Порхова в составе Псковской Православной Духовной Миссии. В 02.1944 эвакуирован в Ригу, с 03.1944 служил псаломщиком в Троицком соборе в г. Лиепаве (Либаве). В 12.1944 вывезен из Курляндии в Германию, где помещен в лагерь в Кёнингсберге. После взятия города Советской армией 1.05.1945 арестован и заключен в лагерь в Кёнингсберге, затем перевезен в тюрьму г. Тапиау (Восточная Пруссия), позже — в Рязанский лагерь (станция Пехлец), затем в Грозненский лагерь. Освобожден в 04.1946. В Латвию вернулся в 02.1947, работал в Даугавпилсе на стройке, предприятии «Хлебострой», затем на судостроительной верфи в Риге. 10.10.1950 в Риге вновь арестован по обвинению в «сотрудничестве с оккупационными властями», перевезен в Ленинград. Был осужден и приговорен к 10 годам лагерей, в 1951–1955 отбывал заключение в Кирове (Вятке), затем в Инте (Коми АССР). После освобождения 15.10.1955 приехал к брату, служившему священником в с. Кочпон, в окрестностях г. Сыктывкара (Коми АССР). В кон. 1955–1956 работал десятником на предприятии «Интауголь». В 1956 поступил в Ленинградскую ДС, которую окончил в 1959, был реабилитирован (1957). 14.12.1958 посвящен епископом Лужским Алексием (Коноплевым) во диакона, 25.01.1959 им же рукоположен во священника. В 1960 пострижен в рясофор в Виленском Свято-Духовом монастыре. В 1963 окончил Ленинградскую ДС по 1-му разряду со степенью кандидата богословия за сочинение «Русско-сербские церковные отношения в XVIII–XIX веках». По окончании Академии оставлен профессорским стипендиатом по кафедре истории Русской Церкви. С 6.09.1963 по 1.09.1965 преподавал в Ленинградских духовных школах еврей-

ский язык и общую церковную историю. 6.01.1965 пострижен в мантию с именем Кирилл митрополитом Ленинградским и Ладожским Никодимом (Ротовым). В 1965–1989 служил в храмах Ленинграда и Ленинградской обл., в том числе с 05.1976 по 1989 — настоятелем Покровской церкви в пос. Мариенбурге, вблизи г. Гатчина. В 1976 возведен в сан архимандрита. В 1994–1996 — первый наместник возрожденной Александро-Невской Лавры. С 15.08.1988 по 1.09.2005 нес послушание духовника С.-Петербургских духовных школ и С.-Петербургской епархии. В 2005–2008 проживал на покое в Воскресенском Новодевичьем монастыре С.-Петербурга, где и скончался 10.03.2008. Похоронен у входа в Казанскую церковь этого монастыря.

Никитин Георгий. Родился в 1880. В 1942–1943 — псаломщик Петропавловской церкви Любани. В 1943 эвакуирован в Ригу. В конце 1943–1944 — послушник в Рижском Троице-Сергиевом монастыре.

Ольга. В 1941–1943 — псаломщик и регент хора Крестовоздвиженской церкви села Велье Опочецкого района Псковской области.

Осипова Евдокия Осиповна. Родилась в 1885. К 1937 пострижена в рясофор. В 1937–1969 и. д. псаломщика в Тихвинской церкви на станции Сиверская Гатчинского района, не эвакуировалась. Скончалась 03.06.1973 в Сиверской, где и похоронена.

Павлов Николай. В годы войны — псаломщик в Ленинградской области.

Павлов Павел. Родился в Риге, Латвия. В 1941 — учащийся последнего класса Ломоносовской русской гимназии в Риге. Миссионер. Служил с отцом Г. Тайловым псаломщиком в церкви села Печане Опочецкого района (09.1941–1942). Позже продолжил обучение в Риге.

Петрова Ирина Ивановна. Родилась в 1904 в деревне Михальцево Новгородской губернии. В 1943–1944 — псаломщик Казанской церкви в Вырице. Осталась в Вырице. В конце 1940-х — регент Петропавловской церкви Вырицы.

Плескач Сергей Дмитриевич. Родился в 1892 в селе Бережковка Купянского уезда Харьковской губернии. 28.11.1936–1940 — певчий в Князь-Владимирском соборе, а в 1940–09.1941 — в Николо-Богоявленском соборе Ленинграда, проживал в поселке Стрельна. В 09.1941

оказался на оккупированной территории. До весны 1942 служил в церкви села Козья Гора, в 1942–01.1944 — псаломщик в церкви погоста Николо-Конец Павловского погоста Гдовского района и в Гдове. В конце 1944 — начале 1945 — в железнодорожном строительном батальоне на станции Ино под Ленинградом, где 27.01.1945 был арестован. 08.03.1945 приговорен к 15 годам каторжных работ. Скончался 12.05.1949 в заключении.

Рубцов Сергей Васильевич. 16.08.1941–1944 — псаломщик Воскресенской церкви села Петрова Горка Лужского района Ленинградской области.

Рудаков Василий. В годы войны служил псаломщиком в Варламовской церкви Пскова.

Рыбаков Яков Матвеевич. С осени 1941 служил псаломщиком (?) в Рождественской церкви поселка Ливны Себежского района Псковской епархии.

Серебряков Василий Степанович. Родился в 1906, окончил среднюю школу. 28.08.1943–1945 — псаломщик Богоявленской церкви села Подоклинье Псковской области.

Сидоров Владимир Александрович. Родился 13.07.1925 в Нарве в семье священника. Окончил среднюю школу, в 1941–1943 служил иподиаконом в Спасо-Преображенском соборе Нарвы и работал наборщиком в типографии. В 1943–1944 учился на Виленских Богословско-пастырских курсах, окончив их в 06.1944. Летом 1944 — псаломщик в церкви г. Вильянди, затем в 1944–1947 — в Воскресенской церкви Нарвы. В 1949 окончил Ленинградскую духовную семинарию. 30.10.1949 рукоположен во диакона к Павловскому собору Гатчины. В 1952 рукоположен во священника, в 1952–1953 служил в церкви села Козья Гора, в 09.1953–12.1961 — в церкви поселка Волосово. На Пасху 1959 возведен в сан протоиерея. В 12.1961–12.1962 — настоятель церкви села Рождествено, с 31.12.1962 до кончины 27.07.1997 — настоятель Петропавловской церкви поселка Вырица Петербургской епархии.

Синяцкий Николай Васильевич. Родился в 1899 в г. Павловске Петербургской губернии. В 1941 служил на флоте, кандидат в члены ВКП(б). В 06.1941, оказавшись в окружении, дезертировал. Переехал

в Ригу, где в конце 1941 экзарх направил его в Псков. В конце 1941—01.1944 — псаломщик и зав. хозяйством Троицкого собора. В 01.1944 эвакуирован в Латвию, к концу 1944 проживал в Ленинграде, где 21.12.1944 был арестован. 16.05.1945 приговорен к 20 годам каторжных работ. 21.05.1947 приговор заменили на 10 лет лагерей, 07.12.1957 дело прекращено за отсутствием состава преступления, освобожден.

Слепнев Павел Харитонович. В 1942—01.1944 — штатный стихарный псаломщик в Крестовоздвиженской церкви села Ополье бывшего Ямбургского уезда. Расстрелян немцами 29.01.1944 при отступлении из деревни Ямковицы Кингисеппского района в лесу близ деревни.

Слесарев Иван. В 1925—1945 — псаломщик церкви Сорока мучеников Севастийских в г. Печоры. 15.08.1942 арестован эстонской политической полицией и до 10.05.1943 сидел в тюрьме Печор.

Спиридонов Александр. Родился в 1894. В 1914—1929 — псаломщик, 17.03.1942—30.11.1943 — псаломщик церкви погоста Ясно Порховского района, затем находился в немецком лагере в Порхове, в 1944 — псаломщик Рождественской церкви погоста Уситва Псковской области.

Сыроквашин Дмитрий Георгиевич. В 1918—1937 — председатель приходского совета церкви подворья Пятогорского монастыря в Гатчине до ее закрытия. 30.11.1941—04.1944 служил псаломщиком в Покровской церкви Мариенбурга (ныне часть Гатчины). Не эвакуировался, арестован в 04.1944.

Терентьев Иван. Родился в 1872. В период оккупации — псаломщик Никольской церкви села Любятово близ Пскова. В начале 1944 эвакуирован в Ригу. В 1944 проживал в Рижском Троице-Сергиевом монастыре.

Троянова Мария Ивановна. Родилась в 1894 в Петербурге, окончила Псковскую гимназию. 32 года работала учительницей в Тетковской школе Славковичского района, в годы войны и. д. псаломщика в Никольской церкви г. Порхова.

Устрилов Герасим Дмитриевич. В 1924—1938 и 1942—1944 — псаломщик Свято-Духовской церкви села Городец Волотовского района Новгородской области.

Филковский Иван. Родился в 1894. В годы войны — псаломщик церкви погоста Корлы Псковского района и церкви станции Локня.

Хмелев Валентин. В годы войны — псаломщик Свято-Троицкого собора Пскова.

Ясемский. В 1941–1944 — псаломщик Никольской церкви села Шемерицы Печорского района Псковской области.

Ястремская Татьяна А. В годы войны — псаломщик церкви села Камно Псковского района.

Миссионеры — миряне

Врангель Борис Георгиевич. Родился 17.02.1917 в усадьбе Тарасово Петербургской губернии в семье барона. В 1919–1941 — с семьей в эмиграции. В 1941 вернулся в Россию, до 1945 жил в Риге и в Пскове. Принимал участие в восстановлении церковной жизни на Псковщине. Арестован 12.05.1945. Осужден Особым Совещанием при НКВД СССР 08.09.1945 на 20 лет. В лагерях в Сибири, в ссылке под Иркутском. Освобожден в 1950-х. Реабилитирован 28.12.1990. Проживал в Пскове, служил псаломщиком Старо-Вознесенской и Никольской Любятковской церквей. Скончался в 07.1995. Похоронен на Мироносицком кладбище в Пскове.

Грим Константин Иванович. Сын профессора, начальника канцелярии Прибалтийского экзархата. В 1941 проживал в Риге, учился в гимназии. В 09.1941 приехал в Псков в качестве миссионера. Зимой 1941/42 вернулся в Ригу заканчивать курс гимназии.

Добровольский Григорий. В 1942 — преподаватель Закона Божия при Управлении Миссии в Пскове.

Матвеева (Рацевич) Раиса Ионовна. Родилась в 1917 в Нарве (Эстония). Участница РСХД, прихожанка Нарвского Спасо-Преображенского собора и Ивангородской Успенской церкви. Певчая хора. До 1941 проживала в Нарве. В 1941 ее муж, Л. Д. Матвеев, известный деятель русского движения в Эстонии, был арестован и позже расстрелян. Летом 1941 решила ехать в Псков для работы среди русских людей на родине. Служащая Псковской Миссии, преподаватель Закона Божия при Троицком кафедральном соборе, помогала

восстановлению церковной жизни других приходов Пскова. Эвакуирована в 02.1944 в Ригу. Осталась на родине. Арестована в 1944. Освобождена в середине 1950-х. Супруга С. В. Рацевича, известного деятеля русской культуры в Эстонии. Проживала до середины 1990-х в Нарве. Активная прихожанка Нарвского Воскресенского собора. С 1998 проживает в Москве в Донском монастыре. До 2001 — помощница протопресвитера Александра Киселева в его общественной и издательской деятельности.

Миротворский Василий Васильевич. До войны проживал в Печорах. Участник РСХД. Основатель православного кружка молодежи при Варлаамовской церкви в Пскове (1941). Служащий Миссии, преподаватель Закона Божия в Пскове. Кандидат в учащиеся Виленских Богословских курсов. Выехал в Вильно. Погиб во время бомбардировки в 1944.

Ободнев Иван Иванович. Заведующий хозяйством или помощник завхоза Псковской Миссии с 08.1941 по 02.1944.

Одинокова Надежда Гавриловна. Родилась в 1918 в Печорах. В 1930-х — участница РСХД. В 1941–1944 —служащая Миссии в Пскове. Воспитательница детского приюта Миссии. Скончалась 21.01.1997 в Печорах.

Перминов Андрей Яковлевич. Родился в 1918 в Двинске в семье рабочего. 05.06.1943–02.1944 — секретарь и бухгалтер Управления Псковской Миссии. Арестован 24.11.1944 в Риге. 12–15.01.1945 осужден на 15 лет каторжных работ. Скончался 02.07.1952 в Дубровлаге.

Полчанинов Ростислав Владимирович. Родился 27.01.1919 в Новочеркасске в семье полковника императорской армии, участника Белого движения. Вместе с родителями покинул в 1920 Крым, оказался в Югославии. Окончил русскую 4-классную начальную школу в Сараево, местную гимназию, учился на юридическом факультете Белградского университета. В 1931 вступил в Национальную организацию русских скаутов (НОРС), в 1934 — в общество «Русский сокол», в 1936 — в Национально-трудовой союз нового поколения. Осенью 1937 начал преподавать в Сараево в русской воскресной школе. Во время Второй мировой войны после оккупации немцами Югославии отправлен на работу в Германию. Оттуда, совершив побег через Варшаву

и Ригу, приехал в Россию. С 03.1943 — в Пскове. В 1943–1944 — преподаватель церковно-приходской школы при Псковской Миссии. Работая с молодежью, создал подпольный отряд НОРС. В 1944 вместе с семьей эвакуировался из Пскова в Ригу, позже — в Германию. Один из руководителей подпольной работы НОРС в Европе в годы оккупации (1941–1945). После прихода американцев в Нидерзахсверфен (Германия) продолжил легальную скаутскую работу с молодежью. Скаут-мастер Организации российских юных разведчиков (ОРЮР). В 10.1951 прибыл с семьей в Нью-Йорк, где работал рабочим на фабрике. В 1967–1983 работал на радио «Свобода», в 1983 вышел на пенсию. Преподавал в русских приходских школах до 1979. Некоторое время был заместителем школьного инспектора Синода РПЦЗ. Автор-составитель ряда учебников для школ по истории и географии России, истории Русской Америки и русского искусства. В 06.1965 возглавил Историческую комиссию ОРЮР. Издает бюллетени «Страницы истории» и «В помощь руководителю». В 07.1987 возобновил издание журнала «Пути русского сокольства». В 06.1992 принимал участие в съезде ОРЮР в России. Видный общественный деятель русского Зарубежья. Проживает в Нью-Йорке.

Розанова Людмила. В 1942–1943 — переводчица Миссии в Пскове. Помогала партизанскому отряду, в котором состоял ее муж. В 1943 по доносу арестована фашистами и заключена в концлагерь, позднее освобождена.

Сабуров Николай Дмитриевич. В начале войны воевал в Советской армии, попал в плен и был заключен в Псковский лагерь военнопленных. С осени 1941 — служащий Миссии, заведующий иконописной мастерской в Пскове, архитектор и художник-реставратор. В начале 1943 представлял Миссию в Русском комитете. В 05.1944 эвакуировался в Ригу. Арестован в 10.1944, перевезен в ленинградскую тюрьму «Кресты», приговорен к заключению в лагерь.

Соловская Зинаида Федоровна. Родилась в г. Изборске. До 1941 проживала в Печорах (Эстония). В годы войны — служащая Духовной Миссии в Пскове. Преподаватель Закона Божия. Скончалась осенью 2000 в Печорах.

Шенрок Сергей Николаевич. Родился в 1925 в поселке Сиверская Ленинградской губернии в семье священника. С 1942 — курьер

Миссии в Пскове. С 1944 проживал в Риге. До 1950 — работал водителем у митрополита Вениамина (Федченкова). Арестован 16.10.1950 в Риге, осужден на 10 лет. Освобожден 10.10.1955. Водитель в Рижском Епархиальном управлении и Троице-Сергиевом монастыре. Скончался 12.03.1993 в Риге.

Составлен *М. В. Шкаровским и И. В. Поповым*

Именной указатель

А

- Абрамова П., псаломщица 383
 Августин (Петерсон), митрополит 20–24, 34, 40, 74, 75, 79, 82, 145, 155, 194, 197, 200, 202–205, 208, 210–214, 293, 294, 297
 Аврамова С. см. Херувима (Аврамова), схиигумения
 Агапий, схиархимандрит см. Афиноген (Агапов), иеромонах
 Агапов В. К. см. Афиноген (Агапов), иером.
 Адриан и Наталия, свв. 266
 Азелицкий И., священник 276, 298
 Азиатский А. С., священник 270, 298
 Азоутский А., псаломщик-миссионер 383
 Акилина, послушница, и. д. псаломщика 284, 383
 Александр (Введенский), «обновленческий» митрополит 125
 Александр (Витол), епископ 21, 23, 24, 74, 75, 96, 200, 205, 212, 214, 293, 340
 Александр (Паулус) (Паулюс), митрополит 18, 19, 22–24, 35, 76, 79–85, 145, 155, 194, 197, 200, 202, 204, 205, 208, 293, 297, 298, 337, 363, 369
 Александр (Трапицын), архиепископ 302
 Александр (Уйюо-Пуу), иеродиакон 364
 Александр Невский, св. 51, 386
 Александр, обновленческий епископ 317
 Александров М., послушник 381
 Алексеев В. И., церковный историк 7, 30, 31, 35, 37, 77, 82, 100, 179, 207
 Алексеева М., и. д. псаломщика 383
 Алексей (Громадский), архиепископ 136
 Алексей (Дородницын), архиепископ 357
 Алексей (Коноплев), епископ 388
 Алексей (Молчанов), епископ 326
 Алексей (Орлов), епископ 344
 Алексей (Ридигер), патриарх Московский и всея Руси 8, 18, 22, 44, 45, 154
 Алексей (Симанский), патриарх Московский и всея Руси 13, 28, 41, 45, 59, 69, 70, 97, 100, 189, 249–251, 296, 310, 319, 376
 Алексей (Соболев), епископ 311
 Алексей (Чернай), архимандрит 11, 153
 Алексей человек Божий, прп. 359
 Алексей, митр. Московский, свт. 267
 Алексей, св. 276
 Алексей, свящ. 267, 269, 299
 Алексина П. М. см. Параскева (Алексина), монахиня
 Алмазов, протоиерей 284, 299
 Алупов К. М., послушник 381
 Амосов И. В., священник-самосвят 53, 56, 66, 269, 270, 276, 277, 283, 299
 Амфилохий (Егоров), иеромонах 236, 276, 277, 280, 281, 364
 Анастасий (Грибановский), митрополит 100, 114, 230, 243, 325, 329
 Анастасий, монах 364
 Анастасия (Ладилес), монахиня 268, 364
 Анастасия, вел. княжна 322
 Анатолий, игумен 364
 Андреев А. П. см. Сергей (Андреев), архимандрит
 Андреев И. И., священник 267, 269, 300
 Андреев Ф. С., псаломщик, иерей 291, 383
 Андрей (Тишко), игумен 278, 281, 364
 Андрей Критский, св. 266
 Андроник (Никольский), епископ 365
 Анисимов И. З., священник 275, 301
 Анна (Дяделева), монахиня 268, 265
 Анна (Резцова), монахиня 268, 365
 Анна, послушница 284
 Анна, св. кн. 152, 254
 Анненский Н. В., священник 272, 274, 301
 Антоний (Вадковский), митрополит 337
 Антоний (Полянский), иеромонах 365
 Антоний (Стальмаков), иеромонах 268, 365, 381
 Антоний (Храповицкий), архиепископ 358
 Антоний Римлянин, св. 152
 Антонин (Грановский), епископ 338
 Антонов Г. А., псаломщик 383
 Апраксин В. Н., свящ. 267, 268, 302
 Аркадий (Павлов), иеромонах 365
 Арсений (Стадницкий), еп. 326, 347, 365

Арсений, иеросхимонах (Стальмаков) см.
 Антоний (Стальмаков), иеромонах
 Архангельский Л., псаломщик-миссионер
 275, 383

Багрянский В. Н., псаломщик 383
 Багрянский Н. Т., священник 268, 269, 302,
 334
 Балевиц З. 6, 22, 35, 43, 52, 54, 57, 64, 68,
 69, 100, 105, 108
 Басов В. В., послушник 381
 Бачманов М. 127
 Белавский П., протоиерей 302
 Беллавин М., священник 287, 303
 Белов Д. И., священник 280, 303
 Белов М., священник 280, 303
 Бельский П., священник 289
 Беляев М., 288
 Беляев Н., священник 303
 Бенигсен Георгий, протоиерей 11, 34, 42,
 44, 51, 54, 61, 72, 73, 86, 116–118, 276,
 303
 Бенуа О. Ф. 88
 Березняковский Ф. М., протоиерей 288, 303
 Березов В., псаломщик, диакон 267, 384
 Берзиньш Р. Г., священник 42, 277, 278, 279,
 283, 304
 Бернев С. 51
 Бешнельский А., священник 305
 Биргел 92, 215
 Бируля В., протоиерей 53, 54, 151, 290, 305
 Бирюзов В. Ф., диакон 305

Вагин П. И. 50
 Валентин (Боровцов), игумен 281, 366
 Валентин (Лебянов), иеромонах 288, 366
 Варвара (Коржавина), монахиня 268, 367
 Варлаам Хутынский, св. 360
 Варнава, иеромонах см. Серафим (Мура-
 вьев), иеросхимонах
 Варнава, патриарх Сербский 209
 Варсонофий (Кузьмин), иеромонах 289,
 291, 367
 Василевский Д. Н., протодиакон 306
 Василевский С. И., протоиерей 53, 67, 268,
 281, 282, 290, 307
 Василий (Павловский), епископ 100
 Василий (Ратмиров), «обновленческий»
 митрополит 31, 32

Аузлицкий, диакон 277, 302
 Афанасий, св. 278
 Афиноген (Агапов), иеромонах 58, 270,
 365, 366

Б

Бобошко П. И., псаломщик 384
 Бовкало А. А. Церковный историк 9, 15,
 41
 Богданов В. А., протоиерей 267, 269, 270,
 282, 305
 Богданов И. И., послушник-звонарь 381
 Богданов И. Ф., священник 277, 280, 281,
 305
 Богданович В. В. 129
 Богоявленский И., протоиерей 109, 257
 Бойцов Д. Д., священник 289, 305
 Борис и Глеб, свв. 315
 Борозденков К. К., священник 277, 306
 Брылов М. Я., псаломщик 384
 Будаевский И. И. см. Исаакий (Будаев-
 ский), иеромонах
 Булгак И. П., псаломщик-миссионер 275,
 384
 Бурмейстер, министерский советник 242
 Бурмистров, капитан 229
 Буров П., протоиерей 286, 306
 Буровцев В. А. см. Валетин (Буровцев),
 игумен
 Быстров А., протоиерей 287, 306
 Быстров В., протоиерей 287, 306
 Быстряков Н. А., протоиерей 53, 267–269,
 306

В

Василий III, патриарх Константинополь-
 ский 17
 Василий Великий, св. 214
 Василий Великий, свт. 288, 367
 Василий, подросток см. Ермаков В., про-
 тоиерей
 Василий, псаломщик 283
 Васильев К. В. см. Макарий (Васильев),
 схиэпископ
 Васильев Н., священник 307
 Васильева О. Ю., профессор 9, 11, 42, 64,
 71, 97
 Васильков Н. В., священник 307
 Вассиан, монах см. Симеон (Желнин), ие-
 росхимонах
 Веверс Я. Я. 6, 102, 126

- Веглайс Н. 67, 109, 258
 Вельготный, священник 286, 307
 Венедикт (Бобковский), архиепископ 100
 Вениамин (Казанский), митрополит 300, 301, 337, 346, 359, 377
 Вениамин (Федченков), митрополит 395
 Вениамин, иеромонах см. Басов В. В.
 Вениамин, патриарх Константинопольский 20
 Верещагин М., диакон 286, 307
 Вероника (Федякина), монахиня 268, 368
 Верхоустинский Э. П., протоиерей 258, 286, 308
 Веселов С. А., священник 288, 290, 308
 Веселовский М. В., диакон 270, 308
 Викентий, св. 278
 Виктор, св. 278
 Виноградов В., протопресвитер 89, 91, 134, 135, 137
 Виноградов Илия, священник 281, 308
 Виноградов Иоанн., протоиерей 276, 286, 308
 Виталий (Введенский), «обновленческий» митрополит 31
 Витол А. см. Александр (Витол), епископ
-
- Гавриил (Воеводин), епископ 358
 Гаврилин А. В. историк 20
 Гаврилов В., священник 284, 310
 Гаврилов Иоанн., священник 151, 277, 283, 310
 Гаврилов Иосиф, священник 310
 Галина, дочь о. Иоанна Легкого 329
 Галкин А. К. историк 9, 15, 41
 Гарклавс Александр, протоиерей 15
 Гарклавс И. Я. см. Иоанн (Гарклавс), епископ
 Гарклавс И., протоиерей 96
 Гарклавс Сергей, протоиерей 14, 15, 163, 177, 228
 Геннадий (Собственников), иеромонах 236, 281, 282, 368
 Геннадий (Туберозов), архиепископ 19, 338, 347
 Георгиевский А. Д., священник 290, 291, 310
 Георгий (Лавров), архимандрит 26
 Георгий (Ярошевский), архиепископ 17, 129
 Георгий Победоносец, св. 254, 284, 360
 Гербачевский К., диакон 287, 310
- Владимир (Яковцевский), архиепископ 318
 Владимир, блгв. кн., св. 152, 254, 269, 274–276, 319
 Власов А. А., генерал 111, 113–122, 138, 229, 232, 235
 Вознесенский А. К., священник 308
 Вознесенский В., священник 276, 277, 308
 Вознесенский И., священник 277, 309
 Воробьев Н., священник 271, 309
 Воронин М. Н., диакон 250, 251
 Воронин П. С., псаломщик 384
 Воронов Ливерий, священник 153, 267, 270, 275, 278, 309
 Воскресенская З. 32
 Воскресенская З. Д. 25
 Воскресенский В. П., священник 277, 309
 Воскресенский Д. Н. 25
 Воскресенский Н., протоиерей 25
 Востоков Н. И., священник 273, 309
 Востоков П. Н., и. д. псаломщика 384
 Врангель Б. Г., псаломщик-миссионер 392
 Всеволод, св. (в крещении Гавриил) 150
 Вукол (Николаев), иеродиакон 270, 368
 Вышегородский А., протоиерей 285, 310
- Г
- Герич А. В. 11, 23, 24, 34, 41, 42, 124, 126, 138, 139, 141, 142
 Герман (Аав), архиепископ 194, 293
 Герман (Стренопулос), митрополит Константинопольского патриархата 20
 Германос (Герман) (Каравангелис), архиепископ Константинопольского патриархата 191
 Гермоген (Кивачук), архимандрит 96, 102, 103, 119, 229, 230, 277, 368
 Гермоген (Крылов), иеродиакон 289, 369
 Геродник Г. 6, 126
 Гиммлер Г. 133
 Гитлер А. 21, 37, 67, 85, 97, 99, 120, 133, 149
 Глазенап И. Л. 106, 126
 Голиков Андрей, протоиерей 9, 14, 15, 28, 89
 Голицын, кн., полковник 229
 Голод Лука, протоиерей 109, 132, 135, 137, 257
 Голубев А., протоиерей 271, 310
 Голубев И. С., псаломщик 282, 385
 Гонестов И., диакон 30
 Гонестов К., священник 283, 287, 310

Горемыкин Д. И., свящ. 267, 269, 310
 Горностаев Н. М., священник 284, 311
 Городецкий Г. М., протоиерей 271, 311
 Горшков П. М. см. Павел (Горшков), игумен
 Гофман, генерал 47
 Гривский М. Ф., священник 276, 312
 Григорий (Китсемяги), монах 369
 Григорий (Лебедев), епископ 301

Даллин А. 7
 Дамиан (Яковлев), игумен 289
 Даниил (Юзвьюк), архиепископ 96, 109, 120, 135, 140, 142, 144, 145, 148, 154, 155, 239, 257, 293, 294, 305, 325, 344, 349, 363
 Дегожский В., протодиакон 290, 312
 Деллингсхаузен Э. К. 118
 Демин Т., псаломщик 286, 385
 Демьянович Н., священник 109, 258
 Десятинский Н., священник 278, 288, 312
 Димитрий (Любимов), епископ 380
 Димитрий (Сперовский), епископ 314
 Димитрий Солунский, св. 279
 Дионисий (Валединский) архиепископ, вполн. митрополит Варшавский 17
 Дмитриева Е. И. см. Евфросиния (Дмитриева), монахиня

Евдокимов Д. П., священник 279, 280, 313
 Евлогий (Георгиевский), митрополит 121, 146
 Евсевий (Гроздов), архиепископ 297, 363
 Евстафьев В., священник, духовник митрополита Сергия 141, 142, 286, 313
 Евфимия (Сидорова), монахиня 268, 369
 Евфросиния (Дмитриева), монахиня 369
 Егоров А. Г. см. Амфилохий (Егоров), иеромонах
 Егоров Н., священник 289, 313
 Екатерина (Исаева), монахиня 268, 370
 Екатерина, вмп., св. 266, 314
 Елевферий (Богоявленский), митрополит 20–23, 129, 133, 144, 192–194, 197, 198, 208, 209, 211, 293, 302

Жадан П. 11, 73
 Жарков П. И., протоиерей 58, 73, 269, 270, 275, 276, 314

Григорий (Чуков), архиепископ 307, 322, 330, 338, 353
 Григорий Богослов, свт. 288
 Грим К. И. 392
 Гримм И. Д., професор 42, 43, 109, 121, 122, 133, 135, 137, 146, 148, 235, 258, 260
 Гринберг, лютеранский архиепископ 148
 Гусев Б. 154

Д

Дмитровский П. Г. см. Павел (Дмитровский), архиепископ
 Добровольский Г., священник 277, 278, 312, 392
 Добряков А. Н., диакон 272, 273, 312
 Добрянский Н. П., протоиерей 277, 278, 312
 Довмонт, св. кн. (в крещении Тимофей) 150
 Довмонт-Тимофей, блгв. кн., св. 254
 Донцов С. И., священник 277, 312
 Дорожкина М. Г. см. Мария (Дорожкина), монахиня
 Дорофей, монах 369
 Дрибинцев (Дрябинцев) А. Г., священник 283, 313
 Дубровин М., священник 287, 313
 Дьячковский И., протоиерей 91

Е

Елена, дочь священника К. И. Шаховского 360
 Елена, монахиня 370
 Елецкий Н., псаломщик 290, 385
 Елин И. А., псаломщик 385
 Емельянов И. А. см. Иоанн (Емельянов), монах
 Емельянов С. см. Серафим (Емельянов), архимандрит
 Ерин В., протоиерей 290, 291, 313
 Еринов И., священник 291, 313
 Ермаков Василий, протоиерей 11, 154
 Ершова А. Е. 88
 Ефимов С. И., протоиерей 149, 275, 283, 287, 313
 Ефимов Симеон, священник 314

Ж

Желнин В. И. см. Симеон (Желнин), иеросхимонах 379
 Жемчужин П., 286, 314

Женочин М., протоиерей 57
 Жунда Н. И., протоиерей 12, 53, 57, 66, 114,
 275, 283, 315, 384, 388

Забелли Ф.Ф., 53, 55, 266, 268, 315, 349
 Заблоцкий Л., священник 289, 316
 Заблоцкий Н. Ф., протоиерей 53, 271, 316
 Зайц Кирилл, протопресвитер. 12, 41–43,
 45, 48–50, 57–59, 61, 63, 65–67, 73, 85,
 89, 109, 116, 118, 119, 128, 151, 152, 229,
 246, 257, 270, 275, 276, 278, 281, 304,
 316, 334, 353
 Заклинский Б., протоиерей 268

Иаков (Карп), епископ 21, 23, 74, 96, 293,
 294, 335
 Иванов А. Д. (Г.), священник 284, 317
 Иванов В. М. 32
 Иванов Иоанн К., священник 281, 289, 318
 Иванов Иоанн С., священник 152, 275, 276,
 318
 Иванов К., священник 291, 320
 Иванов М. см. Мартирий (Иванов), иеро-
 диакон
 Иванов, послушник, слепой 381
 Игнатъев П. И., священник 288, 290, 320
 Иларион (Андреев), иеродиакон 288, 370
 Иларион (Бельский), епископ 372
 Иларион, иерод., благочестивый старец
 с Афона 152, 153
 Иларион, монах см. Кахро И. А.
 Илия (Мошков), игумен 266, 273, 331,
 370
 Илия (Нечаев), иеродиакон 370
 Илия, пророк, св. 277
 Ильин П., послушник 381
 Ильинский Г. В., псаломщик-миссионер
 276, 385
 Ильменский М., псаломщик 276, 385
 Иннокентий (Клодецкий), епископ 26
 Иоаким и Анна, свв. 266, 331, 370
 Иоанн (Алексеев), игумен 288, 290, 370
 Иоанн (Булин), епископ 379
 Иоанн (Гарклавс), епископ 14, 88, 94, 109,
 121, 126, 141, 142, 144, 148, 149, 155, 239,
 257, 294, 304, 312, 325, 331, 333, 334, 339,
 347, 350, 358, 362, 363, 372
 Иоанн (Емельянов), монах 268, 370
 Иоанн (Иванов), епископ 319

Журавлев А. Н., протодиакон 271, 315
 Журавлева А. П., регент, псаломщица
 385

З

Заколдаев А., псаломщик 385
 Закревский Н., священник 282, 285, 317
 Зарин И., член Синода Латвийской Церкви
 213
 Захаров А., священник 274
 Зверев М. С., священник 291, 317
 Зеньковский В. В. 29
 Зорин В. Н. см. Тихон (Зорин), иеромонах
 379

И

Иоанн (Иванов), монах 268
 Иоанн (Костыгин), иеродиакон 370
 Иоанн (Лосяков), монах 370
 Иоанн (Петропавловский), епископ 344
 Иоанн (Поммер), архиепископ 19, 41, 194,
 208, 315, 329, 331, 343, 349
 Иоанн (Разумов), епископ 319
 Иоанн (Соколов), архиепископ 189
 Иоанн (Соколов), епископ 26
 Иоанн (Шаховский), епископ 134
 Иоанн (Широков), епископ 26
 Иоанн Богослов, св. 276, 289, 309, 373
 Иоанн Сергиев, протоиерей г. Кронштадта,
 св. 337, 377
 Иоанн Новгородский, свт. 152, 254
 Иоанн Предтеча, св. 268, 270, 271, 278, 283,
 287, 289, 290, 309, 310, 317, 319, 334, 377,
 386
 Иоанн, апостол 29
 Иоанн, священник 267
 Иоанна (Шихобалова), монахиня 268,
 370
 Иоасаф (Дмитриев), иеромонах 284, 371
 Иоасаф (Романников), игумен 289, 371
 Иоасаф, преп. 150
 Иов, епископ Вольский 258
 Иов, св. 59, 319, 327, 340, 353, 360
 Иона (Карсов), архидиакон 278, 371
 Ионов А. В., протоиерей 11, 43, 46, 53,
 62–64, 70, 275 278, 283, 287, 313, 320
 Иосиф (Николаевский), архиепископ 350
 Иосиф, иеромонах 237
 Ирадионон В. Н., протоиерей 58, 275–278,
 320
 Ираида, дочь о. И. Легкого 329

Ирина, св. 269
Исаакий, архимандрит 280, 372

Казанцев А. С. 73
Калвияк, член Синода 213
Кале В. 7, 91
Калиберская М. В., и. д. псаломщика 385
Калинкин П., протоиерей 272–275, 320
Калисский Е., протоиерей 209
Кальтенбруннер Э. 127
Камагин И. И., псаломщик 385
Камагин И., псаломщик 271
Караваев В. В., псаломщик-миссионер 117, 386
Карачай С., священник 91, 151 (Карчай)
Каргай С. А., священник 275, 321
Карзубов Н., священник 287, 321
Карсов И. Ф. см. Иона (Карсов)
Карсов, псаломщик-миссионер 386
Кахро И. А., послушник-свечник 381, 382
Кашин Н., священник-самозванец 321
Кейтель, фельдмаршал 120
Келер Л. 19
Керенский А. Ф. 179, 180, 194
Керский В. Н., протодиакон 266, 321
Кибардин А. А., протоиерей 168, 272, 273, 321
Киприан (Зернов), епископ 319
Кирилл (Васильев), епископ см. Макарий (Васильев), схиэпископ
Кирилл (Кузьмин), игумен 372
Кирилл (Начис) архимандрит 11, 44, 89, 107, 150, 155
Кирилл (Смирнов), епископ 269–271, 288, 316, 372
Кирилл Челмогорский, прп. 377
Кирсте, командир полиции и безопасности 150
Киселев А., протоиерей 113, 393
Кислицын 90
Китер Н. 11
Китсемяги Г. Я. см. Григорий (Китсемяги), монах
Климент, Папа Римский, св. 270
Кобулов Б. З. 99
Ковалев Б. Н. 7, 49, 55, 56, 65, 70, 114, 120
Козлов Д. И., священник 279, 322
Колиберский Н. А., протоиерей 47, 48, 275, 322
Колотилова С. И. 6

Исакий (Будаевский), иером. 372
Иуда, ап. 111, 255

К

Колчак А. В. 125
Колчев В. И., священник 288, 323
Коляденко И. Л., протоиерей 266, 323
Комаров (И. Р.), псаломщик 278, 386
Кононов П. И., священник 291, 322
Константин (Булычев), епископ 339
Копылов И. С., священник 291, 324
Коржавина В. В. см. Варвара (Коржавина), монахиня
Корлский М., священник 276, 324
Корнилий (Кузьмин), игумен 290, 307
Корнилий (Якобс), митрополит. 154
Корнилов А. А. историк 7, 62, 69, 73, 150, 223
Косма см. Кирилл (Смирнов), епископ
Кравченко Н., священник 149
Кравченко К. И., псаломщик 60, 117, 275, 386
Красногородский, псаломщик 387
Краснощекоев М., псаломщик 286, 387
Красовский К. А., протоиерей 267, 311, 324
Кратиров Д. Д., протоиерей 288, 289, 324
Кротковский А., священник 275, 324
Крупников П. Я. 127
Крылов Г. В. см. Гермоген (Крылов), иеродиакон
Крылова В. В., псаломщица 387
Кудринский П. С., протоиерей 250, 257, 325
Кудрявцев И. И. 11
Кудрявцев Н., священник 287, 325
Кузменко М., священник 91, 107, 137
Кузнецов А. А., протоиерей 270, 325
Кузнецов Н. Д. 31
Кузнецов М. С., владелец фарфоровой фабрики 340
Кузьмин А., священник 276, 325
Кузьмин В. С. см. Варсонофий (Кузьмин), иеромонах
Кулаков П. Я. 124, 125, 134
Куликов Н. Г. см. Николай (Куликов), монах
Курземныэк, член Синода 213
Курляндский И. А. историк 28, 97
Куховский П. П., протоиерей 325
Кушников А. А., протоиерей 151, 267, 280, 325

Л

- Лавров И. В., священник 285, 326
 Лавров М., протоиерей 284, 326
 Ладилес А. М. см. Анастасия (Ладилес), монахиня
 Лазарь (Сарв), иеромонах 372
 Ланге 106
 Лаптев А. П., священник 269, 327
 Ларионов Ф. В., священник 269, 279, 328
 Лебедев А., священник 282, 328
 Лебедев И. И. 382
 Лев, иеромонах 268, 373
 Левицкий Д. А., секретарь митрополита Сергия (Воскресенского) 106, 139
 Легкий Иаков С., протоиерей 328
 Легкий Иоанн С., протоиерей 53, 56, 57, 67, 68, 118, 142, 278, 328, 386
 Легкий С., священник 328
 Лейббрандт Г. 39, 77
 Лелянов В. С. см. Валентин (Лелянов), иеромонах

М

- Маведонский Н., протоиерей 258
 Маглионе, кардинал 91
 Макаренко С. А., священник 282, 330
 Макарий (Васильев), схиепископ 109, 270, 294–295, 366, 368
 Макарий, архимандрит 132
 Макарий, игумен Коневского монастыря 366
 Македонский Николай, протоиерей 40, 109, 258
 Максимов А. И., священник 268, 280, 330
 Мария (Дорожкина), монахиня 268, 373
 Мария (Младенчикова), монахиня 268, 373
 Мария Магдалина, св. 362
 Мария, вел. княжна 322
 Мартемиан, иеромонах 281, 373
 Мартинсон В., профессор протоиерей 258
 Мартириан (Баранцев), иеромонах 280
 Мартирий (Иванов), иеродиакон 271, 373
 Мартынов В. П., протоиерей 270, 271, 330
 Масков 40, 76
 Маслов А. Д., священник 266, 273, 274, 279, 331, 370
 Матвеев И., священник 91, 331
 Матвеев Л. Д. 392
 Матвеева (Рацевич) Р. И. 392
 Матфей (Семашко), епископ 369
 Ленин В. И. 180
 Леонид (Поляков), архиепископ 372
 Лещинский А. Н. 9
 Либрам 39
 Лидия, сестра прот. Ермакова В. 154
 Лилиев И., священник 288, 291, 330
 Лин (Никифоров), иеромонах 58, 69, 70, 267, 268, 270, 274, 275, 278, 279, 373
 Лиринов В., священник 287, 330
 Лисавцев Э. И. 6, 31
 Лозе Х. 37, 40, 74, 77, 81, 82, 84, 133, 249
 Лозинский Р., священник 274, 330
 Ломагин Н. А. 7, 65, 68
 Ломакин Николай протоиерей 70
 Лутов, майор госбезопасности 129, 136
 Лыкова Л. А. историк 11
 Львов Я. Я., псаломщик 271, 387
 Любовь (Павлова), монахиня 373

Михайлов Б. А., псаломщик 387
 Михайлов Ф. И., протоиерей 53, 276, 280, 333
 Михайловский П. П., священник 288, 333
 Михеев И. И. 32, 33
 Младенчикова М. Г. см. Мария (Младенчикова), монахиня
 Модестов И. А., священник 281, 282, 333
 Молотов В. М. 27, 97
 Молчанов В. И. 11.
 Молчанов И. В., священник 67, 267, 334
 Молчанов П. В. 334
 Молчанов С. С., священник 277, 283, 284, 334
 Морозов И. А., псаломщик, диакон 387

Морозов П. Л. см. Филипп (Морозов), архимандрит
 Москвина П. Д. см. Пелагея (Москвина), монахиня
 Мошков И. А. см. Илия (Мошков), игумен
 Мстислав, блгв. кн., св. 152, 254
 Мункевич-Неплюева В. К. 88
 Муравьев В. Н. см. Серафим (Муравьев), иеросхимонах
 Муравьевы 371
 Мэе Х. 81
 Мюллер-Остен, майор 47
 Мясников Алексей (Александр Захарович), священник 280, 334

Н

Назаретский А. С., священник 276, 278, 334
 Назарий (Андреев), епископ Алатырский 302
 Налимов А., священник 271, 335
 Натаров П., диакон 275, 335
 Начис Иаков, протоиерей 53, 149, 150, 218, 220, 221, 271, 275, 281, 283–285, 335, 339, 388
 Начис Л. В., псаломщик 271, 275, 281, 283, 285, 388
 Начис Я., священник см. Начис Иаков
 Недвецкий А., протоиерей 136
 Недремский Н. И., священник 272–275, 336
 Нейгаус 108, 112, 147
 Неофит (Караабов), митрополит Болгарской Православной Церкви 259
 Нижегородцев А. И. см. Николай (Нижегородцев)
 Никандр (Феноменов), епископ Нарвский 337
 Никита Новгородский, свт. 152, 153, 254
 Никитин Г., псаломщик 389
 Никитин М. И., священник 290, 291, 336
 Никитин М. Н. 50, 54
 Никифоров И. Н. см. Лин (Никифоров), иером.

Никифорова А. см. Олимпиада (Никифорова), монахиня
 Никодим (Ротов), архиепископ 319, 389
 Николаев В. Ф. см. Вукол (Николаев), иеродиакон
 Николаев К. Н. 130
 Николаевский В. В., протоиерей 53, 152, 153, 288, 289, 321, 336, 346, 367
 Николай (Куликов), монах 268, 374
 Николай (Лейсман), архиепископ 23, 208, 293, 298, 360
 Николай (Нижегородцев), иеромонах 375
 Николай (Ярушевич), архиепископ, впол. митрополит 27, 28, 100, 249
 Николай Садос, блаж. 150
 Николай, блаж. 254
 Николай, монах см. Лебедев И. И.
 Николай, свт. 266, 283, 319, 333
 Никон (Мийко), иеромонах 375
 Никон (Рождественский), епископ 311
 Никон (Софийский), епископ 321
 Никон (Фомичев), епископ 319
 Никон, епископ Ростовский 304
 Ноздрин М., протоиерей 267, 268, 270, 271, 337

О

Ободнев И. И. 61, 393
 Обозный К. П. 6, 9–11, 44, 45, 48, 51, 54, 62, 64, 69, 91, 116, 125, 137, 150
 Образцов М. С., протоиерей 53, 271, 337
 Овчинников А., протоиерей 277
 Овчинников В. Ф., протоиерей 328

Оглоблин И. В., священник 236, 277, 278, 338
 Одинокова Н. Г. 393
 Оленев М. П. см. Михаил (Оленев), монах
 Олимпиада (Никифорова), монахиня 284, 375

Ольга, внучка иеросхимонаха Серафима (Муравьева) 334
 Ольга, княгиня, св. 271
 Ольга, псаломщица 284, 389
 Орец П., священник 286, 338
 Орлов И. В., келейник игумена Павла (Горшкова) 382
 Орлов И. И., диакон 270, 339

Павел (Горшков), игумен 12, 117, 258, 286, 375, 382
 Павел (Дмитровский), епископ 22–24, 45, 70, 79–82, 109, 121, 144, 153, 155, 200, 239, 257, 274, 294, 295, 301, 328, 336, 344, 363
 Павел (Троицкий), иеромонах 26
 Павел, ап. 71, 111, 256
 Павел, священник 267
 Павлов А. П. см. Аркадий (Павлов), иеромонах
 Павлов М. П., священник 281, 340
 Павлов Н., псаломщик 389
 Павлов П., псаломщик 284, 389
 Павлова Л. П. см. Любовь (Павлова), монахиня
 Панов И., священник 286, 340
 Пантелеимон (Рудык), архиепископ Украинской автономной Церкви 146–148
 Пантелеимон, вмч., св. 273
 Панфилов П. П., священник 287, 340
 Параскева (Алексина), монахиня 376
 Параскева, мч., св. 287, 313
 Парийский М. С., протоиерей 277, 340
 Парийский С. И., протоиерей 277, 340
 Пароменский, бывший городской глава Новгорода 115
 Парфений (Шаталин), архимандрит 376
 Паулус А., священник 18
 Пахомий (Кедров), епископ 332
 Пелагея (Москвина), монахиня 268, 376
 Перехвальский Н., протоиерей 109, 258
 Перминов А. Я. 52, 69, 71, 72, 117, 151, 393
 Перминова (Легкая) Е. Я. 329, 330
 Пермяков Н., священник 278, 340
 Першин В. А., свящ. 149, 278, 280, 340
 Петерсон А. А. см. Августин (Петерсон), митрополит
 Петр (Зверев), епископ 330
 Петр (Леонов), иеромонах 376
 Петр (Полянский), митрополит 144, 174

Орнатский Н., диакон 289, 339
 Осипов И. О., протоиерей 281, 282, 339
 Осипова Ф. Е. см. Феодора (Осипова), монахиня
 Оспова Е. О., и. д. псаломщика 389
 Осьминский Д. Н., протоиерей 266, 270, 272, 339

П

Петр (Пякхель), епископ 35, 286, 298
 Петр Великий, император 178
 Петр, ап. 129
 Петр, митрополит Московский, свт. 272
 Петров (Костенков) Е. П., работник, кучер 382
 Петров А. М., протоиерей 268, 341, 352
 Петров И. П. 341
 Петров Н. М., священник 273, 274, 341
 Петров П. П., священник 341, 342
 Петрова И. И., псаломщица 268, 389
 Печковский Н., 47
 Пимен (Извеков), митрополит, с 1971 г. патриарх Московский и всея Руси 319
 Пиркин И., священник 266, 268, 342
 Питирим (Крылов), архиепископ 26
 Питирим, иеродиакон см. Алупов К. М.
 Платон (Кульбуш), епископ 18, 194
 Плескач С. Д., псаломщик 69, 279, 389
 Плюханов Б. В. 88, 95
 Поздняков В. В., майор 106, 118, 126
 Полчанинов Р. В. 7, 11, 393
 Попов В., протоиерей 67
 Попов И. В. 14, 15, 292, 395
 Попов Н. М., протоиерей 151, 277, 279, 289, 342
 Попов С., священник 271, 342
 Портнов К. Р. 88
 Портнова К. Е. 88
 Поспелов Л., священник 286, 342
 Поспелов, диакон 287, 342
 Поспеловский Д. В., профессор, историк 7, 8, 31, 127, 134
 Пращиков (Тращиков) И., священник 282, 342
 Прекуп И. 22
 Преображенский И. Г., диакон 73, 267, 275, 280, 342
 Преображенский Н., диакон 286, 343
 Приймаги Н. М., священник 287, 343
 Прокофьев В. И., диакон 344

Проскуряков И. И., священник 272, 273, 344
 Протопопов П., протоиерей 272, 344
 Проценко С. В. см. Серафим (Проценко), архимандрит

Птицын П. В., священник 276, 344
 Пузанов Ф. А., священник 281, 288, 344
 Пяхкель П. М., священник см. Петр (Пяхкель), епископ

Р

Радвил В. Ю. 151
 Радецкий Г. И. 90, 345
 Радецкий Г., псаломщик 284, 285
 Раевская-Хьюз О. 51, 58
 Райнис, католический архиеп. 91
 Рауд М., священник 272–274, 345
 Раутенфельд 148
 Рацевич Р. И. см. Матвеева (Рацевич) Р. И.
 Рацевич С. В. 393
 Ревельский А. 79
 Редикульцев (Редикюльцев) И. Ф., прото-
 диакон 125
 Редикульцева М. М. 125
 Резцова А. Д. см. Анна (Резцова), монахиня
 Ридигер М., протоиерей 154
 Розанова Л., переводчица 394

Розенберг А. 51, 63, 75, 76, 80, 92
 Розенберг А. И. см. Серафим (Розенберг), иеромонах
 Розенфельдер К. 37–39, 108, 112, 122, 147, 148
 Романов С., священник 275, 345
 Романовы 230
 Романский В. В., священник 267, 345
 Рубцов С. В., псаломщик 390
 Рудаков В., псаломщик 275, 390
 Рудаков П. П., 269, 272, 345
 Рушанов В. Е., священник 53, 278, 281, 285, 345, 361
 Рыбаков Я. М., псаломщик 285, 390
 Рясенский Е., священник 277, 346

С

Сабуров Н. Д. 61, 116, 394
 Савва, св. 277
 Савельев Н., священник-самозванец 346
 Савин В. П., диакон 286, 346
 Савин В., священник 286, 346
 Савицкий Н., протоиерей 151
 Савл 111, 256
 Садиков, священник 346
 Самгин С. П., протодиакон 271, 346
 Сапунов С. В., священник 288, 289, 346
 Сарапов Н. П., священник 58, 277, 279, 280, 347
 Сарв Я. см. Лазарь (Сарв), иеромонах
 Светлов Н., протоиерей 289, 348
 Свиридов Г., священник 267, 348
 Свитич А. К. профессор 17, 131, 132
 Севастиан (Вести), епископ 362
 Селиванов Г. Д. 90
 Серапинас В., священник 132
 Серафим (Емельянов), архимандрит, келей-
 ник митр. Алексия (Симанского) 249, 251, 267, 376
 Серафим (Лукиянов), митрополит 100
 Серафим (Ляде), обновленческий епископ, затем карловацкий митрополит 38, 100, 102, 114, 119, 229, 230, 239, 242, 327

Серафим (Муравьев), иеросхимонах 268, 334, 371, 376, 378
 Серафим (Никитин), епископ 319
 Серафим (Проценко), архимандрит 249, 250, 267, 268, 276, 367, 370, 373, 374, 377, 380
 Серафим (Розенберг), иеромонах 377, 378
 Серафим (Чичагов), митрополит 19, 26
 Серафим Вырицкий, прп. см. Серафим (Муравьев), иеросхимонах
 Серафим Саровский, прп. 154, 301
 Серафима (Морозова), монахиня 268, 378
 Серафима (Муравьева), схимонахиня 268, 378
 Серафима, монахиня см. Херувима (Аврамова), схингумения
 Сергеев В. С., священник 271, 272, 348, 379
 Сергеева Е. С. см. Смарагда (Сергеева), монахиня
 Сергей (Андреев), архимандрит 378
 Сергей (Бельский), архимандрит 289
 Сергей (Зенкевич), еп. 300
 Сергей (Королев), еп. 363
 Сергей (Сампсоник), иером. 277, 282, 379
 Сергей (Страгородский), митрополит, с 1943 г. патриарх Московский и всея

- Руси 10, 11, 20, 22, 25–28, 35–37, 41–43, 70–72, 96–101, 104, 112, 133–136, 147, 154, 160, 161, 163, 174, 175, 182, 183, 186, 189, 194, 237, 242, 243, 366
- Сергий и Никандр, свв. 286
- Сергий Радонежский, прп. 152
- Сергий, иеромонах 267
- Сергий, схимонах см. Серафим (Розенберг), иеромонах
- Серебряков В. С., псаломщик 390
- Сидоров А., диакон 275, 348
- Сидоров В. А., псаломщик, прот. 390
- Сидорова Е. В. см. Евфимия (Сидорова), монахиня
- Симеон (Желнин), иеросхимонах 379
- Симеон и Анна, свв. 300
- Симеон, епископ Вольский 358
- Симеон, келейник Митрополита Сергия (Воскресенского) 134
- Синайский В. В., священник 275, 348
- Синяцкий Н. В., псаломщик 275, 390
- Скурат К. Е. профессор 17
- Слепнев П. Х., псаломщик 272, 391
- Слесарев И., псаломщик 391
- Словцов В. А., послушник 382
- Смарагд (Латышенков), архимандрит 17
- Смелков М. П. см. Михаил (Смелков), архимандрит
- Смирнов Б., священник 289, 349
- Смирнов В. А. 32
- Смирнов Д., певец 107, 124, 126
- Смирнов К. И. см. Кирилл (Смирнов), иеромонах
- Смирнов М. И., протоиерей 268, 277, 349
- Смирнов М. П., священник 278, 349
- Смирнов Н. В., диак. 271, 349
- Смирнов Н., прот. 149, 266
- Смрагда (Сергеева), монахиня 379
- Собственников Г. Т. см. Геннадий (Собственников), иеромонах
- Соколов В. Е., священник 278, 349
- Соколов В. М., ст. послушник 382
- Солдатов И., священник 281, 350
- Соловей В., священник 287
- Соловская З. Ф. 394
- Соловьев Илья, священник 9, 10
- Соловьев Н. И., священник 290, 350
- Сперанский Г., священник 53, 54, 151, 282, 350
- Спиридонов А., псаломщик 282, 391
- Спиридонов Н. С., священник 280, 351
- Ставровский А. В. 126, 144, 146
- Ставру Т. Г. 7, 35, 37, 77, 82, 100,
- Сталин И. В. 21, 27, 28, 97, 100, 101, 104, 111, 113, 114, 122, 123, 140, 156, 241–244, 256
- Стальмаков А. И. см. Антоний (Стальмаков), иеромонах
- Степанов А., протоиерей 272, 351
- Стефан (Севбо), епископ 318
- Стефанович Н., протоиерей 281, 282, 351
- Стехновский Б. М., священник 58, 284, 351
- Стехновский В., священник 275, 351
- Студентов П. В., протоиерей 53, 281, 351
- Судоплатов П. А. 32, 33
- Суслин И., священник 267, 269, 351
- Сыпин А. Н., протоиерей 288, 352
- Сыроквашин Д. Г., председатель приходского совета, псаломщик 391

Т

- Тавида (Иванова), монахиня 274
- Таисия, схимонахиня см. Варвара (Коржавина), монахиня
- Тайлов (Алексеев) Г. И., протоиерей 11, 46, 53, 54, 57–59, 63, 118, 119, 155, 237, 275, 283–285, 287, 352
- Тамм П., 287, 352
- Тарушенков Н., диакон 284, 353
- Телятников Н. С., протоиерей 270, 353
- Тепкин С., священник-самозванец 289, 353
- Терентьев А. Т. 62
- Терентьев И., псаломщик 276, 391
- Тимофеев И., священник 274, 275, 353
- Тихомиров А. С., диакон-самозванец. 109, 258, 353
- Тихомиров И. В., протоиерей 272, 273, 353
- Тихон (Беллавин), патриарх Всероссийский 16–19, 31, 71, 89, 143, 144, 159, 160, 169, 174, 175, 180, 182, 183, 186, 231, 259, 347
- Тихон (Зорин), иеромонах 266, 269, 379
- Тишин Н. В., диакон 270, 353
- Толстоухов В., священник 53, 54, 72, 149, 220, 276, 281, 283–285, 345, 354
- Тонковид Ф. К., священник 285, 354
- Торговкин, капитан госбезопасности 129, 136
- Травин К. Ф., священник 266, 291, 354
- Трампедах 77–79, 108, 112, 145, 146, 150, 241

Трифонов В., священник 354
 Трифонов И. А., священник 354
 Троицкий Е., протоиерей 54, 151, 282, 354
 Троицкий И., протоиерей 285, 355
 Тройлиб Е., немецкий лютеранский свящ.
 7, 33, 52, 105, 127, 128, 140

Уллерсбергер 34
 Ульманис К. 19, 20, 139
 Успенский И. В., протоиерей 153, 266, 281,
 356

Фаддей (Успенский), архиепископ 318
 Файерсайд Х. 7
 Федоров А. Ф., священник 276, 356
 Федякина В. И. см. Вероника (Федякина),
 монахиня
 Феодор (Поздеевский), архиепископ 25
 Феодор Стратилат, св. 291
 Феодор, блгв. кн., св. 152, 254
 Феодора (Осипова), монахиня 380
 Феодосий (Федосьев), архиепископ 24, 130,
 132
 Феодосия (Осипова), монахиня 268
 Феофан (Туляков), архиепископ 298
 Феофан (Туляков), митр. 347
 Фессак Б., священник 280, 356

Харинский И. Ф., священник 288, 289, 357
 Харитонов Н., протоиерей 88
 Харламов Н., диакон 357
 Харченко И., священни 152
 Херувима (Аврамова), схиигумения-слепи-
 ца 268, 286, 378, 380
 Хинце 241, 242
 Хмелев В., псаломщик 275, 392

Цветков, протоиерей 85
 Цыпин В., профессор, протоиерей 7

Чайковский П. И. 318
 Червяковский (Чер) В., диакон 91, 139
 Черепенина Н. Ю. 15
 Черепенькин В. М. 115
 Чернавский А. Н., священник 275, 276, 278,
 358

Трофименков М. И. см. Михаил (Трофи-
 менков), монах
 Троянова М. И., и. д. псаломщика 391
 Трубецкой М. Н., протодиак. 281, 290, 355
 Трубецкой Н. Н., протоиерей 11, 28–30, 138,
 214, 281, 283, 290, 355, 383

У

Успенский М., священник 284, 356
 Успенский Н. В., священник 278, 281, 282,
 356
 Устрилов Г. Д., псаломщик 391

Ф

Филарет (Лебедев), архиепископ 372
 Филипп (Гарднер), епископ 100
 Филипп (Морозов), архимандрит 12, 128–
 137
 Филковский И., псаломщик 277, 392
 Фирсов С. Л. 2
 Флор и Лавр, свв. 270, 280, 303, 308, 339
 Флоринский (Флоренский) Д. Н., прот. 151,
 288, 356
 Флоринский Н., протоиерей 290, 357
 Фомин С. 9, 28, 89
 Фотий (Топиро), архиепископ 325
 Франк, генерал-губернатор 136
 Фрелих (Фрёлих) С. Б. 113–115
 Фукс 127

Х

Хмыров (Долгорукий) Ю. П. 106, 127, 138,
 139
 Ходаковская О. И. 15
 Холлберг В. 80–84
 Христина, монахиня см. Серафима (Мура-
 вьева), схимонахиня
 Хроменко, редактор псковской газеты
 115

Ц

Цыпурдеев А. В., священник 280, 357

Ч

Черная А., протоиерей 152
 Чесноков П. В., протоиерей 288, 358
 Чистяков А. Ф. 380
 Чистяков П. П., профессор 371
 Чудович И. П., протоиерей 266, 267, 359

Ш

Шаховской Д. М. 2,
 Шаховский К. И., протоиерей 67, 275, 286,
 359
 Шведов А., свечник-кружечник 383
 Шеметов Н. 138
 Шенрок Николай, протоиерей 53, 59, 118,
 151, 267, 269, 275, 276, 302, 360
 Шенрок С. Н. 394
 Ширшин В. В., диакон 275, 278, 285, 361

Шихобалова В. Д. см. Иоанна (Шихобало-
 ва), монахиня
 Шишко Г., диакон 286, 361
 Шкаровский М. В., профессор 7, 12–14, 31,
 37, 100, 107, 179, 217, 222, 235, 238, 241,
 245, 251, 292, 395
 Шмидт-Рёмер 108
 Шорец Г., протоиерей 109, 155, 258
 Штрик-Штрикфельдт В. К. 21

Щ

Щемелев (Щемелов) И. И., священник 285,
 361

Щербаков А. С. 99

Э

Эккельн (Еккельн) Ф., генерал 127, 138
 Энгельмайер 47

Эцерлицис, протоиерей 205

Ю

Юденич Н. Н., генерал 336
 Юдин Феодор, протодиакон 69, 249, 274,
 278, 279, 361

Юзвьюк Н. П. см. Даниил (Юзвьюк), ар-
 хиепископ

Я

Яблжикоский Р., Виленский Римо-католи-
 ческий митрополит 131
 Ягодкин Ф. С., священник 284, 362
 Яковлев К., протоиерей 282
 Яковлев М. Н., диакон 155, 269, 270, 362
 Яковлева А. Я., послушница 383
 Якунин В. Н. 7, 8

Янсон И., протоиерей 19, 29, 34, 109, 257
 Ярославский 97
 Ясемский, псаломщик 392
 Ястремская Т., псаломщик 276, 392
 Яхонтов Е. А., протоиерей 274, 363
 Яхонтов К. А., протоиерей 364

Alexeev W. см. Алексеев В. И.
 Dallin A. см. Даллин А.
 Fireside H. см. Файерсайд Х.

Kahle W. см. Кале В.
 Mayeur J.-M. 140
 Stavrou T. см. Ставру Т. Г.

Оглавление

Церковь против большевизма	1
Введение	5
1. Положение Православной Церкви в Прибалтике от революции 1917 года до начала Великой Отечественной войны. Прибытие митрополита Сергия (Воскресенского) в Ригу на Литовскую кафедру	16
2. Биография митрополита Сергия (Воскресенского)	25
3. Отношения митрополита Сергия (Воскресенского) с немецкими властями в начале оккупации	34
4. Организация миссионерской работы в Латвии и на оккупированной территории СССР. Псковская миссия	41
5. Налаживание канонической дисциплины в Прибалтике.	74
6. Духовное окормление военнопленных и организация духовного образования	86
7. Отношения с Московской Патриархией и Зарубежной («карловацкой») Русской Православной Церковью	96
8. Митрополит Сергий в последние месяцы жизни	106
9. Митрополит Сергий (Воскресенский) и генерал А. А. Власов	113
10. Убийство митрополита Сергия (Воскресенского). Кто совершил злодеяние на пустынной дороге?	124
11. Положение экзархата после смерти митрополита Сергия (Воскресенского)	143

Приложение

№ 1. Служебная записка митрополита Сергия (Воскресенского), Патриаршего Экзарха всея Латвии и Эстонии германским оккупационным властям	159
№ 2. Записка митрополита Сергия (Воскресенского) «Церковь в СССР перед войной».	164
№ 3. Меморандум митрополита Сергия (Воскресенского) по поводу положения Православной Церкви в Остланде	178
№ 4. Указ митрополита Сергия (Воскресенского) о запрещении в священнослужении митрополита Августина (Петерсона)	208

№ 5. Отношение митрополита Сергия (Воскресенского) в департамент конфессий и церквей генерал-бецирка Латвии об открытии Православной богословской высшей школы	215
№ 6. Сообщение митрополита Сергия в ведомство рейхскомиссара Остланда о поведении партизан по отношению к Церкви	218
№ 7. Пасхальное послание к пастве митрополита Сергия (Воскресенского), апрель 1943 г.	223
№ 8. Записка митрополита Сергия (Воскресенского) «Большевизм надо сокрушить»	224
№ 9. Меморандум митрополита Сергия в ведомство рейхскомиссара Остланда о религиозном обслуживании войск генерала А. А. Власова	229
№ 10. Отношение митрополита Сергия (Воскресенского) о действиях партизан по отношению к церкви от 18 июня 1943 г.	236
№ 11. «Завещание» митрополита Сергия (Воскресенского)	239
№ 12. Сообщение командующего полицией безопасности и СД в Остланде в отдел политики при рейхскомиссаре Остланда «Высказывания экзарха Сергия (Воскресенского) о большевизме»	240
№ 13. Сообщение командующего полицией безопасности и СД в Остланде в отдел политики при рейхскомиссаре Остланда «Точка зрения экзарха Сергия (Воскресенского) относительно Венской резолюции против Московского Патриарха»	242
№ 14. Указ митрополита Сергия № 124/2 об организации Внутренней Православной Миссии в Литве	246
№ 15. Меморандум митрополита Сергия рейхскомиссару Остланда Х. Лозе о политической позиции митрополита Ленинградского Алексия (Симанского).	249
№ 16. Обращение Сопровождающего архипастырей и пастырей Прибалтийского Экзархата «Православным людям в Литве, Латвии и Эстонии»	252
№ 17. Письмо митрополита Сергия (Воскресенского) Председателю Священного Синода Болгарской Православной Церкви митрополиту Неофиту	259
№ 18. Пасхальное послание митрополита Сергия (Воскресенского) к пастве и русским беженцам 1944 г.	261
Список приходов Псковской Православной Духовной Миссии	266
Архиереи Прибалтийского экзархата и священноцерковнослужители Псковской Миссии.	293
Архиереи и священноцерковнослужители Псковской Миссии.	293
Именной указатель	396

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЦЕРКОВНОЙ
ИСТОРИИ ВЫШЛА В СВЕТ НОВАЯ КНИГА СЕРИИ
«МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ»**

**Сурков С. А.
МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ (ЯРУШЕВИЧ)**

На основании большого круга источников и исторических материалов автор составил самую полную на сегодняшний день биографию одного из виднейших иерархов Русской Православной Церкви XX столетия – митрополита Николая (Ярушевича).

648 страниц, с иллюстрациями.

Заказать книгу можно через Интернет
по адресу: olci@mail.ru

ВНИМАНИЕ!

**НОВИНКА ИЗДАТЕЛЬСТВА ИЗ СЕРИИ
«МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ»**

**Гаврилин А. В.
ЛАТВИЙСКИЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ
НА АМЕРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ**

В книге прослеживается судьба нескольких православных священнослужителей, подавляющее большинство которых получили хиротонию на территории довоенной Латвии. Все они впоследствии, пройдя ужасы военного времени, а также пережив натиск безбожных советских властей, оказались в вынужденном изгнании и закончили свой жизненный путь на американском континенте. На жизненном примере этих священников автор прослеживает историю Православной Церкви в Прибалтике, России, в Западной Европе и в Америке.

408 страниц, с большим количеством иллюстраций.

Заказать книгу можно через Интернет
по адресу: olci@mail.ru

**В серии «Материалы по истории Церкви»
вышли следующие книги:**

- Кн. 1. *Митрополит Гедeon (Докукин)*. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России.
- Кн. 2. *Протоиерей Сергей Гаккель*. Мать Мария.
- Кн. 3. *Митрополит Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни (Воспоминания).
- Кн. 4. *Протоиерей Петр Смирнов*. История христианской православной Церкви.
- Кн. 5. Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии (сборник).
- Кн. 6. *Протопресвитер Василий Зеньковский*. Пять месяцев у власти. Воспоминания.
- Кн. 7. *Митрополит Нестор (Анисимов)*. Мои воспоминания.
- Кн. 8. Российская Церковь в годы революции (сборник).
- Кн. 9. *А. Левитин-Краснов, В. Шавров*. Очерки по истории русской церковной смуты.
- Кн. 10. *П. В. Знаменский*. История Русской Церкви.
- Кн. 11, 12. *Протопресвитер Георгий Шавельский*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота (2 тома).
- Кн. 13. *Архимандрит Феодосий (Алмазов)*. Мои воспоминания. Записки соловецкого узника.
- Кн. 14. Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. (сборник).
- Кн. 15. *Л. Л. Регельсон*. Трагедия Русской Церкви.
- Кн. 16–19. *Е. Е. Голубинский*. История Русской Церкви (тт. 1–4).
- Кн. 20. *А. Ю. Полунов, И. В. Соловьев*. Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского.
- Кн. 21. *Архимандрит Киприан (Керн)*. Отец Антонин Капустин архимандрит и начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме.
- Кн. 22. *Архимандрит Сергей (Страгородский)*. По Японии. Записки миссионера.
- Кн. 23. *Протоиерей Владимир Рожков*. Церковные вопросы в Государственной Думе.
- Кн. 24. *М. В. Шкаровский*. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве.
- Кн. 25. *А. П. Доброклонский*. Руководство по истории Русской Церкви.
- Кн. 26. *С. В. Римский*. Русская Церковь в эпоху великих реформ.
- Кн. 27. «Обновленческий» раскол. Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики.
- Кн. 28–30. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор Деяний. I, II, III сессии.
- Кн. 31. *П. И. Малицкий*. Руководство по истории Русской Церкви.
- Кн. 32. *М. В. Шкаровский*. Нацистская Германия и Православная Церковь.
- Кн. 33–34. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе (2 тома).
- Кн. 35. *А. Н. Кашеваров*. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922).
- Кн. 36. *Митрополит Феодосий (Процюк)*. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине с 1917 по 1943 годы.

Кн. 37. *М. В. Шкаровский*. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов (сборник документов).

Кн. 38. *Священник Димитрий Шиленок*. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939).

Кн. 39. *А. Ю. Митрофанов*. История церковных соборов в Италии (IV–V вв.).

Кн. 40. *К. П. Обозный*. История Псковской Православной Миссии 1941–1944.

Кн. 41. *Священник Иакинф Дестивель*. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918.

Кн. 42. *Протоиерей Валерий Лавринов*. Очерки истории обновленческого раскола на Урале 1922–1945.

Кн. 43. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Кн. 44. *А. В. Слесарев*. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008).

Кн. 45. *А. Ю. Митрофанов*. Церковное право и его кодификация в период раннего средневековья (IV–XI в.).

Кн. 46. *Протоиерей Алексей Марченко*. Религиозная политика Советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на Церковную жизнь в СССР.

Кн. 47. *С. В. Болотов*. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е — 1950-е годы.

Кн. 48. *С. А. Сурков*. Митрополит Николай (Ярушевич).

Кн. 49. *А. В. Гаврилин*. Латвийские православные священнослужители на Американском континенте.

Краткое содержание вышедших номеров журнала «Церковно-исторический вестник»:

№ 1 (1998)

Протопр. В. Виноградов. О последних днях жизни патриарха Тихона. Новые материалы к биографии архиеп. Иоанна (Шаховского). *Н. Кутер*. Православная Церковь в СССР в 1930-е гг. Памяти протопр. Георгия Шавельского. *Протопр. Г. Шавельский*. Церковь и революция. Экономическое положение Российской Церкви в начале XX в.. Из истории Соловецкого монастыря.

№ 2–3 (1999)

Новые материалы о преследовании за веру в СССР из архива Политического Красного Креста. Опросные листы, письма и карточки арестованных священнослужителей и мирян, в том числе патр. Сергия, митр. Петра (Полянского), Серафима (Чичагова), Иосифа (Петровых), Кирилла (Смирнова), архиеп. Луки (Войно-Ясенецкого), Андрея (Ухтомского), Феодора (Поздеевского), еп. Илариона (Троицкого), Серафима (Звездинского), Афанасия (Сахарова), протопр. А. Хотовицкого, архим. Георгия (Лаврова) и др.. Воспоминания проф. Н. Н. Глубоковского о Московской и СПб. духовных академиях. *Архиеп. Никон (Рождественский)*. О влиянии «темных сил» на церковную жизнь начала XX столетия. Политика нацистской Германии по отношению к Православной Церкви на оккупированных территориях СССР.

№ 4–5 (1999)

Материалы по истории Православной Церкви в Америке. *Митр. Вениамин (Федченков)*. Раскол или единство? *Архиеп. Иоанн (Шаховской)*. Православие в Америке. Патриарх Сергий о положении Православной Церкви в Америке. *Прот. Олег Бондырев*. Воспоминания эмигрантского священника. Русские богословы и церковные историки в европейской эмиграции XX в.. Дни примирения. О попытке воссоединения Русского Зап.-Европейского Экзархата с Московской Патриархией. Из истории борьбы за русскую церковную собственность

во Франции в начале 20-х годов (по секретным документам французских спецслужб). Русская Церковь в Дании. Церковный композитор А. Ведель.

№ 6–7 (2000)

В. З. Завитневич. Св. князь Владимир как политический деятель. Значение великой московской смуты в жизни допетровской Руси. *Б. И. Сове.* Соборное дело Церкви. Пророк евхаристического возрождения св. Иоанна Кронштадтский. Образ о. И. Кронштадтского по новым материалам архивных документов. Духовная грамота свт. Иоанна (к вопросу об автокефалии Русской Церкви). Революция 1917 г. и «демократизация» Русской Церкви. *Д. В. Постеловский.* Сталин и Церковь.

№ 8 (2001)

Проф. С. В. Троицкий. История карловацкого раскола. *Протопр. Андрей Карпович.* Воспоминания из австрийского плена в годы войны. *Г. Шульц* 1914–18 гг. как поворотный пункт в церковной истории России. *Проф. М. И. Одинцов.* Поместный Собор 1917–18 гг.: споры о церковных реформах. *Е. В. Белякова, Н. А. Белякова.* Обсуждение вопроса о диаконах на Соборе 1917–18 гг. *Д. А. Агеев.* Миссионерское служение св. Иннокентия (Вениаминова) в архиерейском сане. 10 лет издательству Крутицкого подворья. Юбилей пастыря (к 75-летию прот. В. Чаплина).

№ 9 (2002)

Воспоминания современника о патр. Тихоне. Воспоминания духовной дочери преп. Серафима Вырицкого о церковной жизни в СССР во времена гонений на Церковь. Новые материалы по истории «обновленческого» раскола в Русской Церкви (1922–46). *Свящ. С. Желудков.* Воспоминания об о. Александре Боярском. *С. Михайлов.* Из истории единоверия в Московской епархии в XIX столетии. *И. Шабров.* Православное духовенство на выборах в III и IV Государственную Думу. *М. Одинцов.* Арсений (Стадницкий), митр. Ташкентский и Туркестанский. *Архиеп. Христофор.* Истоки Православной Церкви в Чехии. *В. Бурег.* Проблема юрисдикции Православной Церкви в Чешских землях и в Словакии в XX веке. «Путь моей жизни». Воспоминания митр. Евлогия. Указатель имен к изданию 1994 г.

№ 10 (2003)

Н. Ф. Кантерев. Власть патриаршая и архиерейская в др. Руси в их отношении к власти царской и к приходскому духовенству. *Н. А. Бердяев.* Церковная смута и свобода совести. *Н. А. Бердяев.* «Живая Церковь» и религиозное возрождение в России. Новые материалы о жизни академика Е. Е. Голубинского. Публикация документов из архива УФСБ РФ по СПб. и Лен. области. *А. А. Федотов.* Архипастыри земли Ивановской. *С. Михайлов.* Из истории старообрядчества на территории Московской области. *М. В. Шкаровский.* Во главе Петроградской автокефалии. *В. Б. Заславский.* Из истории православия в Средней Азии. *Протод. С. Голубцов.* Протопр. Н. Колчицкий, жизнь и деятельность. *Левитин-Краснов А. Э., Шаверов В. М.* Очерки по истории русской церковной смуты. Указатель имен к изданию 1996 г.

№ 11 (2004)

Протодиакон Сергей Голубцов. Церковная Московия в 1935–1965 годах. *Епископ Серафим (Афанасьев).* О церковном обновлении. *М. В. Первушин.* Преп. Ефросин Псковский в контексте русской церковной истории. *А. Ю. Бендин.* Веротерпимость и проблемы национальной политики Российской империи (вторая пол. XIX — нач. XX в.). *А. Б. Миндлин.* Подавление религиозного движения русских монахов на греческом Афоне. *Г. Э. Щеголов, А. Ионов.* Делегация Высшего церковного управления и церковные архивы в первые годы после Октябрьской революции. *Н. П. Зимица.* Пресвященнейший Серафим (Афанасьев) и борьба с обновленчеством в Уфимской епархии в 1922–1928 гг. *В. Б. Заславский.* Церковная смута в Туркестанской епархии (по материалам Государственного архива Узбекистана и др. источникам). *М. В. Шкаровский.* Обновленческий протопресвитер Владимир Красицкий и его встреча с В. Лениным.

№ 12–13 (2005–2006)

Д. А. Агеев. Экзархат православных русских приходов в Западной Европе. Хроника взаимоотношений с Русской Православной Церковью. *Материалы конференции «Жизненный путь и наследие митрополита Евлогия (Георгиевского). К 60-летию со дня кончины».* *А. А. Кострюков.* Митрополит Евлогий и указ об упразднении зарубежного ВЦУ от 5 мая 1922 г. *С. А. Ребиндер.* Экклезиология митрополита Евлогия. *Иеромонах Савва (Тутунов).* Церковно-правовые основания существования «Парижской митрополии» в 1921–1946 годах. *Д. М. Шаховской.* Митрополит Евлогий и русское самосознание. *А. Д. Шмеман.* Воспоминания о митрополите Евлогии (Георгиевском). *А. Ю. Митрофанов.* Туринский Собор 398 г. и его значение для внутреннего состояния Западной Церкви на рубеже IV–V вв. *А. Ю. Полунов.* Ober-прокуратура Святейшего Синода: основные этапы становления и развития. *М. В. Никулин.* Ober-прокурор Св. Синода Д. А. Толстой. Штрихи к портрету. *В. Ю. Венедиктов.* Болгарская церковная схизма 1872 года и ее отражение в греческой и русской церковно-общественной мысли. *А. Л. Гуревич.* «Неоднозначное иезначение»: к истории назначения митрополита Серафима (Лукьянова) экзархом Московского Патриархата в Западной Европе. *Н. Г. Короткая.* Обновленческий раскол на Смоленщине в 20-е годы XX века. *М. В. Шкаровский.* Материалы

к биографии профессора Б. В. Титлинова. *Архиепископ Антоний (Мельников)*. Отзыв на работу митрополита Мануила «Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 год (включительно)». *Протоиерей Сергей Голубцов*. Священномученик Любомудров Константин Павлович.

№ 14 (2007)

Николай Шеметов. Красный «игумен» Евгений Тучков. Материалы к биографии (публикация документов из личного архива Е. А. Тучкова). *М. Климов [Тучков Е. А.]* Русская Православная Церковь и контрреволюция. *М. В. Шкаровский*. Русские приходские общины в Болгарии. *А. А. Кострюков*. Особенности богослужения в действующей армии в начале XX века (об одном «свидетельстве» Н. Д. Жевахова). *М. В. Каиль*. «Революция в церкви»: дискуссии о церковной реформе и Смоленский епархиальный съезд духовенства и мирян 1917 г. *А. В. Слесарев*. Большой террор и Православная Церковь в Восточной Белоруссии в 1937 г. *Е. Громогласова*. Священномученик Сергей Лавров. *Архимандрит Никандр (Анпилогов)*. Жизнь, труды и мученическая кончина последнего настоятеля Свято-Покровского Авраамиево-Городецкого монастыря, архимандрита Серапиона (Михайлова).

№ 15 (2008)

М. И. Одинцов. Гудбай, Америка! (Письма православного миссионера). Публикация: список зданий культа, переданных группам верующих на 20-е апреля 1929 года. *А. Ю. Митрофанов*. Духовные основы «григорианской реформы»: духовно-аскетические взгляды епископа Ансельма Луккского (1036–1086 гг.). *Протоиерей Александр Романчук*. Греко-католическая церковь в пределах Российской империи в первой трети XIX в.: проблемы и перспективы. *Протоиерей Сергей Голубцов*. Профессор-протоиерей Дмитрий Васильевич Рождественский (25.10.1864–27.09.1926). *О. И. Ходаковская*. Епископ Сергей (Лавров). *Е. В. Белякова*. Пути преодоления раскола: старообрядческий вопрос на Поместном Соборе 1917–1918 гг. *А. И. Мраморнов*. Обвинения против православного духовенства в Саратовском губернском революционном трибунале (1918–1920 гг.). *М. В. Шкаровский*. Советская церковная политика в причерноморских странах в 1944–1953 гг. *Протоиерей Андрей Марченко*. О присоединении обновленческого митрополита Крутицкого Филарета (Яценко) к русской древлеправославной церкви. *Священник Илья Соловьев*. Памяти Сергея Викторовича Римского (1952–2006). *Людия Кулаженко*. Сборник жизнеописаний клириков Полоцко-Витебской епархии, за веру православную пострадавших в XX столетии. *Священник Илья Соловьев*. Православная Миссия в условиях оккупации.

№ 16–17 (2009–2010)

Изъятие церковных ценностей в Московских уездах по сводкам ГПУ (публикация *Е. Газова*). Переписка протоиерея Иоанна Козлова с митрополитом Григорием (Чуковым) (публикация *А. Галкина*). *Игумен Савва (Михеев)*. Преподобный Авраамий Ростовский: к вопросу о времени жизни. *Торопов Д.* Первый этап переговоров представителей Российской Церкви со старокатоликами (1871–1875). *Игумен Тимофей (Подобедов)*. Обсуждение вопроса об окружном и епархиальном управлении на Предсоборном Присутствии (1906 г.). *Заславский В.* Епископ Курганский Мелхиседек (Аверченко). *Денисов М.* Священномученик Владимир Соколов (1883–1940). *Кострюков А.* Епископ Царицынский Дамиан (Говоров) и его просветительская деятельность в эмиграции. *Титушкин А.* Второй Всезаграничный Русский собор РПЦЗ и его основные решения. *Мраморнов А. И.* «Саратовская купель». *Битбунов Г.* Архиерейский Собор 1961 г. и новая система управления приходом. Материалы научной конференции «Русские монастыри и монашество в XIX–XX вв.: духовная жизнь, хозяйство, служение».

№ 18–19 (2011–2012)

Докладная записка «обновленческого» епископа Николая Винокурова о его поездке по приходу Дальнего Востока летом 1927 года (публикация *протоиерея Валерия Лавринова*). Письмо Патриаршего Экзарха в Америке Митрополита Вениамина (Федченкова) Митрополиту Японскому Сергию (Тихомирову) и его ответ в посольство СССР в Японии в 1945 году (публикация *Р. Ю. Просветова*). Переписка Архиепископа Евлогия (Смирнова) с монахом Валентином (Русанцовым) (1991–2008 гг.) (публикация *священника Аркадия Маковецкого*). *Величко А. М.* Единоличная власть и византийское «Многоцарствие». *Ченикалова Е. В.* Особенности жизни новообразованной Кавказской и Черноморской епархии в период замещения Кавказа. *Архимандрит Ианнуарий (Недачин)*. Было ли в 1917–1918 гг. в Русской Церкви «бегство духовенства»? *Иванов С. Н.* Позиция Святейшего Патриарха Тихона в вопросе об изъятии священных предметов из храмов в 1922 г. *Протоиерей Николай Ким*. Первый русский эмигрантский приход в Будапеште: от монархического собрания до освящения домового храма во имя Святой Троицы. *Хмыров Д.* Русская православная эмиграция в Северной Африке: социальный и религиозный аспекты (1920–1930-е гг.). *Шкаровский М. В.* Почетный академик Н. С. Таганцев — трагедия верующего интеллигента в России. *Поляков А. Г.* Борьба с викторианством в Вятской епархии в контексте церковно-государственных отношений (1927–1932 гг.). *Иноксиня Иустина (Иванова)*. Пенсионное обеспечение в Русской Православной Церкви в период 1948–1970 гг. *Иеродиакон Анастасий (Онищенко)*. Деятельность уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви в Эстонии.

М. В. Шкаровский, священник Илья Соловьев
ЦЕРКОВЬ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИЗМА

На 1-ой странице обложки:

**Митрополит Сергей (Воскресенский), пастыри Псковской миссии и прихожане
с оккупационными властями**

На 4-ой странице обложки:

Отпевание митрополита Сергея (Воскресенского)

Верстка: А. Н. Панов

Обработка фотографий: Л. Б. Панова

Подписано в печать 05.11.2013. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 26,0. Заказ № 4500.

**Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов**

в ППП «Типография «Наука»»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

Митрополит Сергей (Воскресенский)

Митрополит Сергей (Воскресенский)

Митрополит Сергей (Воскресенский) за Божественной литергией в Рижском кафедральном соборе (1943?)

Посещение Пскова митрополитом Сергием

Встреча епископов и духовенства Экзархата

Великое Водосвятие в праздник Крещения Господня. На переднем плане — протодиакон Феодор Юдин (?) и о. Георгий Бенигсен. Псков, 1943 год

Выступление митрополита Сергия (1943)

Митрополит Александр (Паулус)

Блаженнейший Сергей (Страгородский),
митрополит Московский и Коломенский.
Август 1941

Профессор Иван Давыдович Гримм,
начальник канцелярии Экзаршего
Управления. Рига

Протопресвитер Кирилл Зайц,
начальник Псковской миссии. 1930 г.

Протопресвитер Кирилл Зайц, 1944 г.,
перед арестом НКВД

**Вильнюсские Пастырско-богословские курсы, 1942 г.
В центре сидит ректор протопресвитер Василий Виноградов**

Первый (и последний) выпуск Пастырско-богословских курсов в Вильнюсе. Сидят: в середине — митрополит Сергей (Воскресенский), налево от него — ректор семинарии протоиерей И. Дзичковский и преподаватель протоиерей Л. Савицкий, направо — инспектор семинарии священник М. Кузменко и преподаватель А. Я. Яблонский. В первом ряду стоят: слева направо — диакон В. Дятловский, семинарский перводиакон В. Меркульев, священники В. Володин и А. Исаев, И. Матвеев, семинарский благочинный о.И. Кондрашев, священник С. Каргай, диакон П. Веселов-Суднов, диакон А. Иванов, иеродиакон Евстафий (Андрейчук). Во втором ряду: слева направо — чтецы Н. Красногородский, С. Шенрок, В. Миротворский, иподиакон О. Богданов, чтец Л. Степанов. В третьем ряду: слева направо — чтец Н. Симанович, вольнослушатель М. Стрепетов, чтец Н. Безсонов, чтец К. Пытель, чтец М. Улагин, чтецы Н. Кулезнев, Н. Тузиков, Г. Никольников, Дм. Вырвинский, В. Парфенович

Митрополит Сергей за богослужением. Рига

Встреча «со славою» митрополита Сергея перед богослужением
в Вильнюсском Свято-Духовом монастыре

В Советском Союзе Православная Церковь жаждет освобождения от большевизма, в котором усматривает своего непримиримого врага. Мы утверждаем это с уверенностью, ибо сами принадлежим к Российской Православной Церкви, знаем ее чаянья и на себе испытали весь ужас большевистского гнета. Призывая к борьбе с большевизмом, мы высказываем то, что Православная Церковь в Советском Союзе хотела бы, но не может высказать.

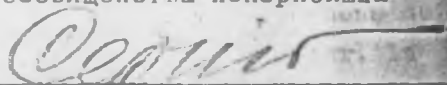
Наш призыв к борьбе с большевизмом есть, вместе с тем, призыв к сотрудничеству со всеми, кто против него борется, не взирая на то, что в других вопросах между нами и ими могут быть глубокие расхождения.

Усматривая в большевизме основное и величайшее зло нашего жестокого времени, мы призываем всех противников большевизма забыть на время этой общей борьбы все, что их между собою разделяет.

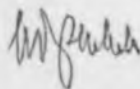
Осмеливаюсь надеяться, что христианская мудрость Вашего Высокопреосвященства одобрит изложенную здесь точку зрения.

Вашего Высокопреосвященства покорнейший

слуга

Митрополит Литовский и Виленский
Экзарх Латвии и Эстонии

Начальник Канцелярии

- 5 -

вых иностранцев. Патриарший Местоблюститель, мы - епископы и его ближай-
шие помощники мирились с этим унижением и позором ради относительного со-
хранения сил церкви для народа русского и в надежде на будущее избавление
от безбожного ига. Повторяю, что само положение Московской Патриархии ни-
что не ограждало ее членов от большевистских репрессий. Многие ее члены
пострадали, другим надлежало пострадать, но по Воле Божественной еще не при-
ходил час этих страданий. Лично Митрополит Сергий сравнивал наше положение
с курами в садке ~~в~~ повара. Приходит день и из садка выхватывается сле-
дующая жертва. Обречены были все, но не всех сразу вел на плаху жестокий
повар.

Прилагаемый мой послужной список свидетельствует, что я себя сохранил
все это время в церковной ограде, не выходя из нее ради куска хлеба или
личных выгод. Будучи ближайшим епископом к Патриаршему Местоблюстителю, со-
знательно поддерживал в его подвиге служения Русской Православной Церкви,
был убежден и остаюсь убежденным в правильности его позиции внешнего положе-
ния церкви в ужасных условиях советского и безбожного террора.

Что касается моего управления Экзархатом в Прибалтике, о нем есть в местных
органах свидетельство латвийского духовенства. За свое трехмесячное пре-
бывание в Риге при советском строе я не имел никаких сношений с граждан-
скими властями, ибо и само законоположение о церковных общинах здесь не
было введено большевиками.

Сергий
Патриарший Местоблюститель
Митрополит Сергий Лавровский,
Лавровский
Лавровский

• 30 • Августа 1941 г.

г. Рига.-

Митрополит Сергей (Воскресенский) и монахи Псково-Печерского монастыря с германским командованием. 1941 г.

В Свято-Духовом Виленском монастыре за день до убийства митрополита Сергия (1944).

Слева — епископ Рижский Иоанн (Гарклавс),
справа — епископ Ковенский Даниил (Юзвьюк)

Митрополит Сергий в Свято-Духовом Виленском монастыре (за день до убийства). 1944

Передача
Тихвинской иконы
Божией Матери
Псковской
Православной миссии.
В центре —
о. Кирилл Зайц,
справа от него —
о. Георгий Бенигсен.
Март 1942 года

Обложка журнала «Православный христианин» с извещением о смерти митрополита Сергия (Воскресенского).

Отпевание митрополита Сергия

Похороны митрополита Сергия

Похороны митрополита Сергия

Материал 1-го пули, извлеченной из тела убитого. Пуля имеет характерные признаки, соответствующие пулям, выпущенным из винтовки системы Мосина.

Материал 2-го пули, извлеченной из тела убитого. Пуля имеет характерные признаки, соответствующие пулям, выпущенным из винтовки системы Мосина.

Материал 3-го пули, извлеченной из тела убитого. Пуля имеет характерные признаки, соответствующие пулям, выпущенным из винтовки системы Мосина.

Материал 4-го пули, извлеченной из тела убитого. Пуля имеет характерные признаки, соответствующие пулям, выпущенным из винтовки системы Мосина.

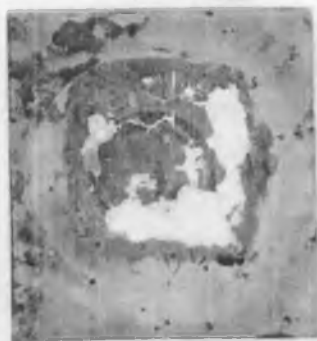
1

2

3

4

5

Материалы СД с места гибели Экзарха Сергия (Воскресенского) — исследование пуль, извлеченных из тела убитого. Материалы из Литовского Центрального Государственного архива F.R-1399. Ар.1 В.108. L.1-1-арр. Предоставлены Петровым И. В. (Исторический факультет СПбГУ)

После похорон митрополита Сергия (Воскресенского)

Могила митрополита Сергия под глубоким снегом 50-е–80-е гг.

Могила митрополита Сергия. Современное фото

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Книга 50

ЦЕРКОВЬ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИЗМА

М. В. Шкаровский,
свящ. Илья Соловьев

Церковь против большевизма